

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XIX

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Редакционный совет

Наталья Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2010

*Памяти
протоиерея АЛЕКСАНДРА МЕНЯ –
основателя альманаха
«ХРИСТИАНОС»,
по случаю 20-летней годовщины
его мученической кончины,
посвящается
этот выпуск альманаха*

Пасха 1990 г.

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ УТРО, НО ЕЩЕ НОЧЬ...»

(Ис 21:12)

Когда мы задумывали альманах полностью посвятить отцу Александру, мы хотели, прежде всего, устроить Встречу. Мы не можем сегодня собраться все вместе в храме Сретения Господня в Новой Деревне с нашим отцом. Но так хочется собрать вокруг пастыря овец, рассеянных сейчас по всему миру! И у нас есть возможность встретиться с ним и друг с другом на страницах альманаха «Христианос-ХІХ».

Я очень благодарна всем, кто откликнулся на мой призыв поделиться тем, что посеяно в нас отцом Александром. Он так щедро отдавал всего себя, в каждого из нас он вложил частицу – своей любви, своего огня, веры, духа. Что-то же с этими дарами мы за 20 лет должны были сделать!.. И каждому он оставил особое задание... Отец Александр говорил, что в каждом из нас, в каждом члене Церкви воплощается Христос, и мы видели в нем, несомненно, это воплощение, мы были свидетелями его подвига, мы не можем сделать вид, что не встречали такого человека.

Хотя, зная отца Александра – это испытание на всю жизнь. Это, конечно, радость, счастье, дар, но это и постоянное страдание, боль. На нем видно, как люди борются с Богом, с Духом Святым. «Убийство человека, отдавшего жизнь Богу, – это бунт против Бога»¹.

За эти годы стало очевидно, что не любят о. Александра, не понимают его, отталкиваются от него (как при жизни, так и сейчас) те, для кого христианство – в прошлом, кто ценит «прошлое» христианство, православие. Они не живут христианством, они его «оберегают», чтобы кто-нибудь вдруг, не дай Бог, не стал им пользоваться, не стал применять его в своей жизни.

Как мучительно не хватает отца Александра! То, что он и сейчас помогает, слышит наши молитвы, чудотворит, как при жизни здесь, – это многие пережили и знают опытно. Но нет больше человека,

¹ Заявление для прессы кардинала Ж.-М. Люстиже по поводу убийства отца Александра Меня. Газета «Русская мысль». Париж, 14 сентября, 1990.

которому можно *все* сказать, не хватает его отеческой руки на плече, его взгляда. Вы помните его взгляд?.. Он очищал, освобождал от греха, защищал от зла. Один его взгляд способен был произвести «переоценку ценностей», изменить человека, положить начало новому бытию. Что делало его взгляд таким действенным?..

Отец Александр всегда носил в себе, своем сердце, уме, сознании, подсознании – Христа. Это ключ к тайне его личности. Его необыкновенное «обаяние», «аура» вокруг него, менявшая человека, приблизившегося к нему физически, снимавшая боль и возвращавшая радость жизни, все это – Христос в нем. Потому его благовествование было таким убедительным и плодоносным, что Евангелие он знал изнутри Христа в нем самом.

А мы, его духовные дети,- есть ли в нас признаки, приметы родства с нашим отцом? Но, может быть, мы еще дорастем до родства, станем духовными детьми о. Александра, станем одного с ним духа...

Делясь, обмениваясь дарами, полученными каждым из авторов этого особенного «семейного» альманаха, мы укрепляем друг друга, свидетельствуем миру, и все вместе пишем икону отца Александра.

Очень важен, на мой взгляд, и опыт сопричастности к наследию, служению, жизни и смерти о. А. Меня и тех из авторов альманаха, кто не знал его лично, и встретился с ним в его книгах, что является частью его пастырского служения, в видео- и аудиозаписях, фотографиях, фильмах, в молитвах.

Почти вся жизнь о. Александра, хоть он и был свободен внутренне, прошла в стране, находившейся за «железным занавесом», а на страницах альманаха, посвященного ему, мы видим тексты авторов из Иерусалима и Нью-Йорка, Москвы и Лейпцига, Парижа и Риги, Брешии и Тамбова, Варшавы и Лиона.

Эту свободу, в которой мы живем, приближал своим апостольским служением любви отец Александр. Но, будем помнить, – приближая своей жизнью утро освобождения от тьмы ночи, он приближал и воскресное утро 9-го сентября 1990 года.

*Наталья Большакова
Рига, июль 2010 г.*

**ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ.
ТВОРЧЕСТВО**

Великий пост 1989 г.

Фото Сергея Бессмертного

Евгений Рашковский

**ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ОТЕЦ ГЕОРГИЙ
ЧИСТЯКОВ: СВЯЩЕННИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
В РОССИЙСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ**

«Как быстро летит время.
Но это совсем не печально.
С годами уходят мелочи,
иллюзии, неведение, суета».

*Из письма о. Александра Меня
Александре Орловой-Модель¹ (1979)*

Коль скоро речь пойдет о некотором теоретическом подходе к наследию двух великих – и притом связанных узами личной дружбы и духовной преемственности – русских священников, то хотелось бы начать наше рассуждение со следующей мысли.

Работа над сбором биографических материалов и над изданием их текстов еще далека от завершения, да и вряд ли завершится на нашем веку. Сам принимая участие в такого рода работах, я, тем не менее, давно понял, что настало время не только накопления фактов (включая тексты, изобразительный и аудиовизуальный материал, комплекс мемуарных свидетельств и т.д.), но и время аналитических трудов.

Сама текущая, летящая история укрупняет масштабы обоих отошедших в Вечность священников.

С о. Александром я познакомился в 1968 г., а с о. Георгием (тогда еще Георгием Петровичем, или попросту Егором) – примерно двадцать лет спустя. Но уже вскоре после кончины о. Александра понял, сколь важно – покуда жив – уделить какое-то время и силы не только фактографии, но и аналитике. Иначе и фактография, оставаясь

¹ Письма духовной дочери – Александре Орловой-Модель // Христианос-XIV. Рига, 2005. С. 104.

аморфной и внутренне противоречивой, не сумеет выстроиться достойным образом.

Вообще, одна из печалей в истории человеческой мысли такова: свидетели живой истории, как правило, не владеют той временной дистанцией, которая необходима для ее – живой истории – теоретического осмысления, а последующие поколения, видящие события недавнего прошлого в широкой ретроспективе времен, утрачивают связь с живой, теплой фактурой ушедшего, убежавшего, «утраченного» (если вспомнить Марселя Пруста) времени. Первым, свидетелям, не хватает глубины осмысления. Вторым, аналитикам, не хватает глубины переживания. И требуется какой-то особый внутренний опыт, чтобы уметь соотнести то, что было *пережито*, с тем, что было *осмыслено*.

Есть одна немалая трудность в постижении наследия обоих священников. И заключается она в видимой простоте их проповеди, их обращения к мышлению и сердцам людей. За этой простотой не всегда угадывается содержательная глубина. И эта простота выражения сложных мыслей и переживаний малопонятна, с одной стороны, большинству «тонкой» публики, увлеченному изысканными идеями и категориями, а с другой стороны – той части церковного сообщества, которая, по существу, безразлична к проблематике мысли и культуры и ищет в проповеди лишь прямое и директивное наизидание.

Вообще, «тонкую» публику раздражала нескрываемая глубина веры обоих батюшек, тогда как людей фундаменталистского склада (да к тому же и далеких от старых традиций просвещенной российской церковности) раздражал их интерес к современной культуре, раздражали их улыбчивость, приветливость, несколько старомодная учтивость; и тех и других раздражал их бьющий через край юмор.

«Растеряева улица»

На мой взгляд, разрыв (или, в лучшем случае, – вопиющий недостаток взаимопонимания) между церковностью и интеллигентностью является одним из центральных болезненных узлов, или «расколов» нашей истории Санкт-Петербургского, но следом – и Советского, и Постсоветского периодов².

Действительно, обиденное сознание связывает российскую церковность (не столько даже с ее строгим богослужебным чином, сколько с устоявшимся обиходом) с консервацией прошлого, т.е. прежде всего:

- с патриархальностью общественных отношений,
- с авторитарным политическим строем,
- с устоявшимся патриархальным деревенским или же полудеревенским бытом – тем самым, который, несмотря на все положительные его черты, всё же давал немалые основания для тех художественных обобщений, которые памяты нам по «Растеряевой улице» или «Власти земли» Глеба Успенского, по «Власти тьмы» Толстого, по чеховской повести «В враге» или по «Деревне» Ивана Бунина.

Связь упрощенной веры с массовыми бытовыми и социальными суевериями³ – связь, отчасти воспроизводящая себя в нынешней посткоммунистической и, в существе своем, атеизированной России, также была общеизвестной. Для одних эта самоочевидная связь была и остается предпосылкою нежных воздыханий и сантиментов, а для других – предпосылкою антицерковного и, по существу, антирелигиозного ожесточения. Недаром же говорил о. Александр, что «от мистики «...» до мистификации всего один шаг»⁴.

И это же самое обиходное сознание однозначно связывает российскую интеллигенцию и ее историю прежде всего:

² Идея культурного «раскола» как одной из важнейших универсалий российской истории лежит в основе трудов целой плеяды историков и философов последних десятилетий (покойный А. С. Ахиезер, А. П. Давыдов, И. Г. Яковенко и др.).

³ К последним можно отнести патернализм, ксенофобию, вечные поиски «врагов» и т.д.

⁴ Мень А. О себе... С. 115.

- с влиянием западных систем мысли и образования,
- с влиянием западных политических идей,
- с влиянием городского, урбанистического жизненного процесса на культуру и внутренний мир российского человека...

Но всё это, в конечном счете, – хотя и небезосновательные, однако же, оторванные от подлинного погружения в историю нерассуждающие, досушие взгляды. Взгляды, не поднимающиеся над стереотипами обыденного сознания.

Однако же погружение в мир реальной, свободной от этикеток обыденного сознания истории, в мир исторических источников, дает картину куда более объемную и сложную.

Действительно, российская православная церковность – по крайней мере со времен митрополита Платона Лёвшина (1737 – 1812) – не была однозначно консервативной.

Российское православие Санкт-Петербургской поры – вместе со всей системой его традиций и институтов – было не только оплотом и рассадником общественного и культурного консерватизма, но и источником глубоких философских исканий⁵, массовой благотворительности и просветительской деятельности, художественных поисков. И – в конце концов – через системы своих учебных заведений – оно поставляло стране массовые кадры интеллигенции (включая, разумеется, и маргиналов радикального толка)⁶.

Но возникают и встречные вопросы: однозначно ли радикальной была российская интеллигенция на закате Санкт-Петербургского периода истории страны? И сколь она была радикальной? И как соотносится общественный радикализм с тем громадным креативным потенциалом тогдашней российской интеллигенции, который выдвинул страну и даже сам русский язык на передовые рубежи мировой культуры конца позапрошлого и начала прошлого века?

Однако элементарные знания в области истории российской культуры свидетельствуют о том, что «поповичи», «семинары», «прото-

⁵ Первые симптомы этих исканий среди выпускников духовных семинарий и рядовых священнослужителей были подмечены еще Александром Радищевым («Путешествие из Петербурга в Москву», глава «Подберезье»).

⁶ См. в этой связи монографии В. Р. Лейкиной-Свирской и Т. Г. Леонтьевой.

иереевы дети»⁷ – это не только и даже не столько деятели радикальных общественных движений, хотя и таких было немало (от Чернышевского до Подвойского⁸), но и огромная плеяда российских ученых, медиков⁹, артистов, писателей, инженеров, агрономов. Повторяю: без вклада интеллигентов-«поповичей», а также и других выходцев из непривилегированных социальных и этнических слоев Российской империи трудно представить себе тот культурный капитал, который и Россия, и мир проживали десятками и десятками лет и продолжают проживать и поныне¹⁰... Хотя вследствие глубоких и во многих отношениях насильственных исторических сдвигов – этот капитал отчасти и растерян.

Народничество как проблема всемирной истории

Действительно, для немалой части российской радикальной интеллигенции постулаты европейского рационалистического и критического мышления оказались – на средневековый лад – приняты не столько как послышки к размышлению, сколько как догматы веры¹¹. Это принятие на веру, причем на экзальтированную веру, ра-

⁷ «Протоиереев сын» – выражение, которое Л. Н. Толстой презрительно применял в отношении Вл. Соловьева. Хотя, если быть точным, последний был не сыном, но внуком протоиерея – Михаила Васильевича Соловьева. А сам Вл. Соловьев – сын великого историка и интеллектуала – неоднократно настаивал не только на европейских, но и на русских, «поповских» корнях своей внутренней культуры.

⁸ Николай Ильич Подвойский (1880-1948) – деятель большевистской партии. Учился в духовных учебных заведениях Нежина и Чернигова. Активный участник Октябрьского переворота; автор идеи превращения красной «марсовой звезды» в основной символ коммунизма.

⁹ Nota bene. О. Георгий – потомок земских врачей из Тульской губернии.

¹⁰ Можно вспомнить в этой связи и о существенной роли русско-еврейской интеллигентской среды в культурном самоопределении о. Александра.

¹¹ Таково одно из центральных и аргументированных положений трудов чешского философа Томаша Гаррига Масарика, посвященных истории русского народничества, но отчасти и большевизма. Кстати сказать, оценка большевизма как видоизмененной формы народничества была обоснована Н. А. Бердяевым еще в 1917 г.

ционально оспоримых (и по существу своему – изначально спорных) постулатов¹² как раз и было тем, что определялось понятием интеллигентской, а уж позднее, в советские годы, – марксистско-ленинской «идейности».

А несомненным логическим результатом этой познавательной аберрации российской леворадикальной мысли оказалась, в конечном счете, реакционная утопия общественного и культурного упрощения («опрощения»). Утопия, первоначально во многом питавшаяся искренним чувством сострадания обездоленным низам российского общества. И что очень важно для понимания отечественной истории: анархические, народнические или большевистские взгляды – включая и идею духовной культуры как вчерашней и сегодняшней «служанки» привилегированных классов и завтрашней «служанки» пробудившихся масс, – эти взгляды питали не только революционно-мстительные настроения на «левых» флангах общества и в народных низах, но и крайне «правые» (условно говоря – черносотенные) группировки российского политического спектра¹³. В этом своем подходе к культуре как к механизму обслуживания социальных интересов «крестьянский», «пролетарский» или высмеянный Марксом на страницах «Манифеста» «феодальный социализм», так или иначе отстаивавшие и продолжающие отстаивать служебное назначение человеческой личности и духовной культуры по отношению к обществу и власти, – по существу, идентичны друг другу.

Зададимся, однако, вопросом: эта коллизия революционно-рационалистического авангардизма и стремления к патриархальной простоте социальных отношений, управления и нравов – только ли российская? Только ли нашей стране принадлежит это парадоксальное смешение рационализма и традиционализма, которое легло в основу тоталитарного мышления и политической практики? – Да нет же!

Это – и коллизия всемирно-историческая, когда оба отмеченные нами принципиальные вектора мировой мысли практики и культу-

¹² Таких, как скажем, «народный (или классовый) инстинкт», «прогресс», «социализм», «руководящая роль» и т.д.

¹³ В поздних трудах Г. П. Федотова сталинизм описывался как антикультурный, популистский синтез «левых» и «правых» установок российского общественного сознания.

ры (вектор рационального обновления и вектор сохранения вековой преемственности) вступают в причудливое взаимодействие между собой, смешиваясь и упрощаясь в сознании различных классов, культурных групп, психологических типов. И так – на протяжении последних двух-трех столетий – от Франции эпохи Великой революции до Японии, от Германии и Польши до Латинской Америки и Индонезии¹⁴...

И что важно для понимания истории прошлых – XIX и XX – да и нынешнего XXI столетия: идеи государственного социализма, административного социалистического упрощения, под знаком которых жила и продолжает жить значительная часть не только россиян, но и человечества – эти идеи являются синтезом двух, казалось бы, взаимоисключающих стремлений: рационализма и традиционализма. С одной стороны – стремление встроиться в современный, индустриальный и технологический, *мір*¹⁵, а с другой – вернуться к простоте патриархальных отношений, поставленных под вопрос именно современным жизненным процессом. На практике этот синтез приводит к гипертрофии бюрократизма и воинственных притязаний, к однозначной ставке на «силовое» решение наболевших социальных и культурных проблем. Что и было удостоверено в огне, крови и терроре историей прошлого и – отчасти даже – начала нынешнего века на разных континентах.

Однако исторически одновременный вызов рационализма (встроиться в современный *мір*) и традиционализма (сохранить преемственность духа и культуры) оказался непреложным.

¹⁴ Этот всемірно-исторический сюжет специально рассматривался на страницах моей книги «Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры» (М.: Прогресс-традиция, 2008. С. 137-168); см. также: E. B. Rashkovskij. *Die Dritte Welt als Problem für das Denken, die Wissenschaft und die Kultur // Ztschr. für Weltgeschichte. Interdisziplinäre Perspektiven.* – fr. A. M., etc. Jg 6. Hf. 2. S. 31–50.

¹⁵ И в русском народничестве позапрошлого века можно было проследить (с источниками в руках) тему «общинного», «артельного» освоения индустриальных технологий. А в эсеровских программах и публицистике XX века эта тема стала уже бесспорной.

К философии свободы

И вот как раз с точки зрения обоих героев нашего нынешнего дискурса – о. Александра и о. Георгия – одним из достойнейших в мировой истории теоретических откликов на этот непреложный двойственный вызов рационализма и традиционализма оказалось то лучшее, что было наработано русской религиозно-философской мыслью второй половины XIX – первой половины XX столетия: от Достоевского и Соловьева до Бердяева, матери Марии и Федотова.

В чем же положительный смысл этих наработок? – Если пристально изучать соответствующие труды о. Александра и о. Георгия и если вспоминать – шаг за шагом – опыт своего общения с ними, то можно прийти к следующим выводам самого широкого свойства.

Весь этот круг православных мыслителей позапрошлого и прошлого столетий – и притом каждый на свой лад и подчас даже в терминах шокирующих и парадоксальных – понял одно важное обстоятельство всемирной значимости: глубина духовно-культурных традиций и прогресс рациональных институтов в экономике, правоотношениях, образовании и науке – вещи, хотя и конфликтные, но, в конечном счете, взаимосвязанные и сложнейшим образом подкрепляющие друг друга.

Отсюда – и присущее этим мыслителям чувство и понимание *свободы* как вечно недосказанной основы нравственных поисков человеком своего места в нетривиальных и вечно недосказанных обстоятельствах истории и культуры¹⁶. Как основы *нравственного соотношения* человека с Богом, с миром, с ближними, с самим собой.

Отсюда же – и присущее им понимание, что человека и человеческое общество нельзя ни загнать в прадедовские авторитарные рамки, ни разложить по полочкам скоропреходящих авторитарных технологий и дисциплин. Понимание, что в культуре и истории действует никаким притязаниям не подвластное *человеческое ядро*. Духовное ядро.

¹⁶ Две великие антиутопии Достоевского и Соловьева – «Повесть о Великом инквизиторе» и «Краткая повесть об антихристе» – как раз и повествуют нам в притчевой форме о пагубности стремления решать неотступные человеческие проблемы помимо свободы и вопреки свободе.

Так вот, оба великих русских священника – о. Александр Мень и о. Георгий Чистяков – выступили в позднесоветской и постсоветской истории как носители некоей (и притом глубоко укорененной в истории российской культуры) неразложимой, загадочной, но такой насущной харизмы – харизмы единства благоговения, познания и свободы. За что и были так любимы и так ненавидимы в современной им России, так и не доработавшейся до сознания насущности этого «царского», «срединного» пути между вызовами прошлого, настоящего и будущего.

Но если мы не в состоянии осознать эту насущность, то – как говорил Гегель – «тем хуже для фактов». Или для нас с вами. Ибо факты истории слагаются через нас.

...А уж если говорить о специфичности некоторых российских традиций, – то в них со времен Герцена и Достоевского присутствует некая сильная и доселе не избытая *народническая доминанта*. И есть в этой доминанте два полюса: низменное народничество – упростить и поделить, и высокое народничество: прийти к людям в критические моменты истории и отдать себя. Вплоть до самой жизни.

Идея самоотдачи как одна из центральных и, по существу, христианских творческих универсалий всемирной истории была теоретически обоснована в трудах русского народнического мыслителя Петра Лавровича Лаврова (1823–1900). Иное дело, что с легкой руки Лаврова, а вслед за ним – отчасти и Льва Толстого, эта универсальная идея «неоплатного долга» мыслящего и творческого человека перед Богом, миром и людьми заместила идеей «неоплатного долга» перед обездоленными слоями общества, что – в плане познавательном и психологическом – вполне объяснимо и понятно¹⁷. Однако, исторически, такая замена оказалась «опрощением» той здоровой и культурно животворящей интуиции, что каждый из нас – неоплатный должник именно по человеческому своему призванию, или – если вспомнить стихи Пастернака – «вечности заложник // У времени в плену»¹⁸. Вспомним в этой связи и строки из другого пастернаков-

¹⁷ Об этой проблематике в социальной философии Лаврова см.: *Рашковский Е. Б.* Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. – М.: Новый хронограф, 2005. С. 97–113.

¹⁸ Из стихотворения «Ночь» (1956).

ского стихотворения – «На Страстнѣй» (включенного в заключительную часть романа «Доктор Живаго»):

...Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И всё до нитки рѣздал...

И вот этим-то вырастающим из христианских корней российской культуры высоким народничеством – «народничеством» самоотдачи в творческом единстве благоговения, познания и свободы – и проникнуты жизнь и священнические труды обоих российских батюшек – о. Александра и о. Георгия.

Литургическое служение

Для широкой публики важно знать о подвижничестве обоих священников в делах проповеди Слова Божия, в интеллектуальных и пастырских трудах, в делах поддержки отчаявшихся, больных и обездоленных. Но важно осмыслить еще один момент – момент равно драгоценный и для о. Александра, и для о. Георгия.

Священнические подвиги и труды только тогда и являются воистину священническими, когда коренятся в глубине литургического служения – этой вечной и непреложной основы всей жизнедеятельности христианства.

О. Георгий передал суть этой проблемы в проповеди, произнесенной в своем московском Космодамианском храме 2 сентября 2001 г., – в проповеди, отчасти посвященной именно о. Александру Меню. В этой проповеди он говорил о смысле «евхаристического присутствия» о. Александра – присутствия прижизненного, осязательного, и посмертного, мистического. По словам о. Георгия, предстояние о. Александра Св. Дарам было сродни Моисееву предстоянию Неопалимой Купине¹⁹.

¹⁹ См.: Чистяков Г. *свщ.* Да укрепит вас Господь!. Расшифровка аудиозаписей проповедей. Вып. 2. Апр. – дек. 2001. – М.: Волшебный фонарь, 2008. С. 142.

Литургия, по существу пронизывающая «всякого человека, входящего в мир»²⁰ – ведает ли он это или не ведает – и есть, воистину, та Божественная Премудрость, та София, колонны («столпы») которой и держат нашу человеческую среду²¹. Это мистическое обстоятельство понимал, хотя и не сумел вразумительно изъяснить, величайший из русских философов – любимый обоими батюшками Вл. Соловьев. К пониманию этого обстоятельства приближался и оказавший столь значительное влияние на о. Александра о. Пьер Тейяр де Шарден в своих фронтовых заметках времен Первой мировой войны и в книге «Божественная Среда». И этому же самому «евхаристическому присутствию» посвящены и слова о. Георгия, произнесенные им на проповеди от 11 мая 2001:

«Есть в богослужении какие-то особые минуты, которые помогают нам прорваться в явное будущее, помогают нам явно преодолеть все сложности, все трудности, все отрицательные моменты сегодняшнего дня и вырваться на какой-то «...» настоящий, на подлинный уровень»²².

Стало быть, в Литургии, в мистическом нашем участии в вечно длящейся космоисторической самоотдаче Иисуса Христа – источник и нашей, человеческой самоотдачи. А потому – и нашего человеческого самоосуществления.

«Чем люди живы?»

Этот вопрос, некогда поставленный Львом Николаевичем, можно переформулировать и так:

– Чем держится мир? Чем держатся вера, культура, человек?

Разумеется, любовью. Но как «работает» любовь в нашей человеческой среде? – Прежде всего, силами живой и подвижной преемственности чувств, идей, смыслов, образов, творческих установок. Они передаются через нас и в нас – отчасти внутренне преобразуясь, отчасти ожесточаясь и потому деградируя, отчасти восстанавлива-

²⁰ Ин 1:9.

²¹ См.: Притч 8–9.

²² Чистяков Г. Указ. соч. С. 26.

ясь, отчасти развиваясь и обогащаясь. Осознание этой сложной преемственности помогает понять движение мира и нашей собственной страны не как неведомо куда ведущий «прогресс» и не как дурную бесконечность вековых повторений, но именно как процесс нашего непрерывного самоопределения в благоговении, мысли и свободе.

Один из нынешних русских философов²³ определил содержание истории как процесс непрерывной передачи социальных, интеллектуальных и духовных эстафет. Определение – правильное, если только иметь при этом в виду, что речь у философа идет не о неподвижных деревянных чурбачках, которые механически передаются из рук в руки на спортивных забегах, но, скорее, о *волнах* человеческого общения. Однако волна, даже видоизменяясь, имеет свойство передавать какие-то фрагменты своей энергии и своей программы движения. И мы – в ответе за движение этих волновых эстафет. В ответе (или, если угодно – в «неоплатном долгу») перед теми, кто был прежде нас, кто рядом с нами и кто идет нам на смену. В ответе за всю динамику этого несовершенного, пораженного грехом, но возлюбленного Господом мира²⁴.

Так что человечность и духовность необходимо связаны в нашей жизни. Человечность без духовности выхолащивается и деградирует, духовность же без человечности – ожесточается и, увы, сатанеет.

Духовное и человеческое (воистину – Богочеловеческое!)²⁵ противостоят ожесточению и отчуждению, которые непрерывно вторгаются в наш мир и во внутренние миры каждого из нас, их преодоление в перспективе Царства Божия, такого далекого и такого близкого в каждую минуту нашей жизни, – и есть, на мой взгляд, один из важнейших уроков обоих великих русских пастырей: о. Александра Меня и о. Георгия Чистякова. Уроков всероссийских и уроков все-ленских, католических.

Москва, 11.01.2010 г.

²³ Михаил Александрович Розов.

²⁴ См.: Ин 3:16-17.

²⁵ Вспомним любимые обоими батюшками стихи Вл. Соловьева:

*Он здесь, теперь, средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог... («Имману Эль»)*

Священник Георгий Чистяков

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ВСТРЕТИТЬ ХРИСТА

*Выступление на вечере памяти о. Александра Меня
13 сентября 1994 года, поселок Черноголовка*

Дорогие мои, отец Александр был не просто крещен во младенчестве, но и воцерковлен во младенчестве. Причем воцерковлен в замечательной, редкой по своей чистоте и духовности, среде. И именно эта подлинная, а не поверхностная воцерковленность сделала его человеком абсолютно свободным от церковных стереотипов, абсолютно свободным от стилизации под Православие.

Что на самом деле страшнее всего? Это когда мы за Православие принимаем что-то сугубо внешнее, когда мы содержание принимаем за форму. Я, например, считаю, что для сегодняшней Церкви самое страшное – это платочки на женских головах. И это действительно так! Потому что, надевая платок на голову, мы начинаем себя стилизовать под Православие. Естественно, что, когда мы пришли в храм в 1960-е годы, то все бабушки были в платочках. Но они были в платочках не только в стенах храма, но и за его стенами. Для них это было органично. Их мы никогда не видели без платочков.

Но если бы мы вошли в храм в 1910–1912 году, в какой-нибудь московский, петербургский, калужский, тверской храм, то мы бы увидели, что женщины из среды образованной – без платочков, а женщины из крестьянок, конечно, в платочках. Но так бы мы и на улицах их увидели: одних в шляпках, других в платочках, а третьих – с непокрытой головой.

На самом деле, это действительно очень важно. Потому что, входя в церковь, мы часто начинаем играть роль, мы начинаем делать в храме то, чего мы не делаем вне храма. И тем самым мы сводим к нулю наше христианство. Потому что оно становится поверхностной игрой, и это по-настоящему страшно.

Вот от такой игры в христианство был абсолютно свободен отец Александр. И тех людей, которые объединились вокруг его прихода,

он вел именно этим путем свободы, ни на минуту не забывая о том, что Дух Господень там, где свобода, и что там свобода, где Дух Господень. Что Христос, входя в нашу жизнь, не связывает нас какими-то условностями, а наоборот, освобождает нас от каких бы то ни было условностей.

К одной из таких важных проблем можно отнести и проблему поста.

Что такое пост? Мы очень часто говорим, и это написано в катехизисах, что православный человек в определенные периоды года обязан не есть мясной и молочной пищи – семь недель Великого поста, Рождественский пост, Богородичный пост и так далее. Обязан не есть. Нет, не обязан! И если мы думаем, что достаточно не съесть котлету в пятницу, и станешь православным человеком, то это убивает в нас веру, это делает Православие чем-то худшим, чем марксизм-ленинизм.

А когда мы понимаем, что это не обязанность наша, а потребность, вот тогда в нас входит та свобода, которая дает нам удивительные силы, которая дает нам новый взгляд на мир.

Иными словами, все, что мы делаем в Церкви, необходимо делать свободно, а не по предписанию. Необходимо делать по потребности, а не потому, что так надо. И, прежде всего, это относится к молитве, милостыне и посту – трем китам нашей духовной жизни, о чем говорит Спаситель в Нагорной проповеди.

И тогда наступит День посещения, как говорили мистики. Тогда наступит день, когда Господь войдет в твою жизнь и скажет: «Вот Я». Потому что вне чувства живого Бога нет христианства. Вне чувства живого Бога нет веры. А если нет живой веры, то и церковное пение, купола – это все бесполезно, это все не нужно. Это нужно, может быть, Академии наук, Институту искусствознания и т.д. Во всяком случае, не живому человеку. Потому что все это не наполнено единственным содержанием – Христом, который посреди нас.

Но может наступить момент в жизни человека, когда он осознает: «Он здесь, Господь здесь». Он посреди нас не только, когда мы в храме поем и молимся на славянском языке. Он среди нас на улице, в электричке, в автобусе, на работе, в лесу – где угодно. Где бы мы ни

находились: дома, на кухне, когда мы заняты стиркой, – везде Христос посреди нас. Везде Христос рядом.

Он, прежде всего, даже не в храме. Почему? Спаситель в Евангелии от Матфея говорит нам: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф 18:20). Он не говорит, где пятьдесят или шестьдесят. Значит, прежде всего, Господь открывается в нашем личном общении, когда нас двое, трое или четверо. Открывается, входит в нашу жизнь, чтобы никогда не уходить.

Отец Александр в последние годы своей жизни встретил человека, которого знал очень давно и с которым долго переписывался. Это была Малая Сестра Иисуса Магдалина, французская монахиня, которая взяла на себя особый подвиг молитвенной жизни среди людей. Среди людей неверующих, среди нехристиан. Ее сестры определялись на работу куда-нибудь в больницу, на стройку, в детский дом и, работая там, – не словами, не устами, а самой жизнью проповедовали Христа. И вот, когда такая сестра-монахиня оказывалась среди людей, просто на работе как медсестра, как санитарка, как учительница, сотрудница какого-нибудь бюро, – вдруг все вокруг начинало меняться, потому что через нее в жизнь этих людей входил Христос.

Нам повезло, потому что до сестры Магдалины мы знали очень много таких женщин – в основном, конечно, женщин, потому что по милости Ленина и Сталина мужчины были уничтожены физически – или в лагерях, или на войне, – которые тоже никогда не говорили о Боге, но которые жили во Христе и присутствие которых в нашей жизни тоже изменяло ее, через них в нашу жизнь входил Христос. Их теперь уже нет, увы. Теперь очень много есть таких старушек из времен первых пятилеток и комсомольских мероприятий, которые вам расскажут, когда надо что есть, когда не есть, какой акафист в каких случаях читать и так далее, но для которых церковность – чисто внешнее состояние. И это очень страшно, это беда, это самоубийство наше, когда мы начинаем воцерковление со всех этих византийских завитушек, потому что церковность – это только одно: когда в жизнь входит Сам Спаситель, когда в жизнь входит Сам Христос, разрушая все перегородки. Вот именно эта потрясающая, подлинная воцерковленность отца Александра Меня позволила ему одинаково просто

общаться со всеми – с христианами и нехристианами, с христианами Востока и христианами Запада.

Потому что, на самом деле, между нами нет никакой разницы, все мы, какого бы цвета ни была наша кожа, сотворены по образу и подобию Божьему, в каждом из нас рождается, мучается, умирает и, наконец, воскресает Христос. И вот это очень важно понять. Очень важно не делить людей на черных и белых, не делить людей на православных и неправославных, важно не задавать им вопрос: *«Како веруеши?»*.

А у нас в последнее время все больше именно так. Мы превратили наше Православие в партийную принадлежность, и это на самом деле страшно, потому что как только наше Православие становится партийной принадлежностью, оно тут же становится чем-то окаменевшим, оно умирает. Христос тут же уходит из нашей жизни. Христос уходит из нашей реальности. Где мы, прежде всего, встречаем Господа нашего? Да там, где живой человек! Там, где рождаются, страдают, умирают люди. Что надо делать, чтобы встретить Христа? Идти к людям. Чего не надо делать, если ты хочешь встретить Христа? Идти в монастырь.

В Греции, в стране монастырей, в стране древнейшей монастырской традиции, все монастыри закрыты, и даже священника – не только мирянина – не пустят в монастырь без специального письма епископа. Вот если епископ, управляющий этой епархией, даст вам письмо, тогда вас пустят в монастырь. В монастыре монахи заняты своим делом, они трудятся, они молятся, и им не надо мешать.

У нас же с наступлением весны начинается монастырский туризм. Все отправляются на Толгу, на Соловки, куда-то еще. И монахам не дают трудиться, и сами не получают от этого никакого духовного плода, потому что Христос везде, и прежде всего – вокруг тебя. Хочешь встретить Христа – иди в больницу, иди в школу, в детский дом, иди просто на улицу, трудись среди людей. Это очень важно понять. Для отца Александра это стало ясно еще в детстве, именно в силу его подлинной, а не поверхностной укорененности в традиции. И эта подлинность – это, наверное, главная черта веры отца Александра, подлинность жизненной веры, лишенной всякой стилизации, подлинность видения в человеке Христа.

Есть в Евангелии от Матфея глава о Страшном Суде (Мф 25:34-46)... Страшный суд... Что ждет каждого из нас? И что спрашивает Христос на Страшном суде? Он не спрашивает, постился ли ты, он не спрашивает, к какой конфессии ты принадлежал и вообще был ли ты христианином. Ни одного из этих вопросов Он не задаст. Он говорит: *«Я был голоден и ты дал (или не дал) Мне есть, Я хотел пить и ты напоил Меня, я был наг и ты одел Меня, я был в больнице или темнице, и ты пришел ко Мне (или, наоборот, ты не пришел ко Мне)»*. И вот эти люди восклицают: *«Господи! Когда Ты был в больнице или темнице и мы не пришли к Тебе?»*. И на это Господь отвечает: *«То, что вы сделали (или наоборот, то чего вы не сделали) одному из людей, вы это сделали (или не сделали) Мне»*. Вот в чем заключается наше христианство. Вот где сердцевина Православия. *«Я был голоден и вы накормили меня, Я был в темнице и вы пришли ко Мне»*... А что делаем мы?

Если человек возвращается из мест заключения, на нем – каинова печать до смерти. Мы выдумали такое слово особенное – *«тюремщик»*, его никогда не было в русском языке, оно появляется только в языке советском. Тюремщиками называют сегодня не тех, кто работает в тюрьме, а тех, кто освобожден из тюрьмы. И таких людей все сторонятся, им стараются не протянуть руки... В общем, мы до сих пор живем по принципу *падающего толкни*. И вот это как раз основа нашего нехристианства.

Я помню, на одном из вечеров памяти отца Александра один очень уважаемый молодой священник говорил о том, что для нас – дела милосердия, труды всякие – это дело новое, потому что все это у нас было запрещено. Ну и что, что запрещено? Что запретят – то и не делай? Это не христианство!

Конечно, большинство священников подчинилась этому запрету, потому что их могли вызвать к уполномоченному, лишить регистрации, запретить служить и т.д. Но отец Александр и другие батюшки из его окружения – отец Сергей Хохлов, скажем – они только и делали, что с портфелем в руках посещали больных – в больницах и дома, и крестили дома, и причащали дома, и венчали дома. Конечно, если бы узнали, если б донесли, их запретили бы сразу, лишили бы

регистрации, но они этого и не боялись. Портфель в руку – и на требу. И куда только они не проникали – под видом врача-консультанта из другого института и другими самыми неожиданными путями, но проникали все же! Потому что священник должен быть там, где люди, где люди страдают, где людям плохо. Вот в чем основа пастырского служения отца Александра. И это очень важно, потому что это христианство действия, Православие действия, Православие чистой молитвы среди людей. Не отгородившись от людей стенами монастыря, а среди людей молится по-настоящему православный человек!

Мы должны сказать «нет» любым попыткам сузить Православие до одной только формы, до одного ритуала. Потому что Православие, как говорит отец Александр Шмеман, в сущности, не есть религия. Буддизм, кришнаитство, например – это религия, потому что там есть ритуалы, особый порядок жизни, особая система. А в христианстве ничего этого нет! Христианство – это полная свобода, это встреча со Христом! Со Христом живым, Который среди нас, Которого мы чувствуем и видим – не глазами, а внутренне видим – Который, стоя среди нас, переделывает нашу жизнь, Который нам открывает самую главную, самую важную, самую насущную Истину!

У Бога нет двоюродных. У Бога все родные. Мы все – одна семья! И как только мы начинаем себя друг другу противопоставлять, как только мы руку, которую держит сосед, отпускаем, тогда все в жизни вокруг нас разваливается, тогда нас посещает и одиночество, и отчаяние, и тоска... И тогда все проблемы становятся неразрешимыми. Но как только мы беремся за руки все (а это и есть христианство, это и есть Православие!), как только мы понимаем, что мы все – одна семья, мы все братья и сестры и среди нас Христос – Христос, Который есть Путь и Истина и Жизнь – то оказывается, что даже из самой безвыходной ситуации есть выход!

Священник Владимир Зелинский

ЗАМЕТКИ О «ХРИСТИАНСТВЕ»

«Благословлю тебя пред лицом Господним, пред смертью моею» (Быт 27:7). В «Христианстве», лекции, прочитанной вечером 8 сентября 1990 года в Московском Доме науки и техники на Волхонке слышится, прежде всего, мощный импульс благословения. «Благословлю Господа во всякое время...» Вот теперь пришло время благословляющего прощания, о чем, по человеческому рассуждению, о. Александр знать, конечно, не мог. В тот момент ему было дано, скорее даровано, благословить дело всей своей жизни накануне ее обрыва. «Бог во спасение», во власти Которого «*врата смерти*» (Пс 67:21), предоставил ему время и место благословения, в которых сгустилось и высказалось то, чем о. Александр жил всю жизнь. В этой лекции можно найти пересечения со множеством других его текстов, но это его последнее слово по-особому единственно. И не только потому лишь, что оно последнее.

Как икона, написанная по канону, если она впитала в себя талант и личность, и «помышление сердца» иконописца, отмечена особым его видением, так и представление о христианстве, будучи и безмерно широким, и опирающимся на общую для всех твердую почву Писания и Предания, не только может быть, но и всегда бывает личностным. Всякий, исповедуя веру «всем сердцем и разумением», словно создает икону своего исповедания, открывая и утаивая в ней самого себя. Настоящий образ не бывает безлико всеобщим, до конца анонимным. В этом соединении Вести, обращенной ко всем и каждому, с уникальностью отдельной личности отражается по-своему тайна Воплощения Слова Божия, которое уподобляется словам человеческим, смиряет себя до них, отдает себя им, чтобы в них светить, неслиянно и нераздельно соединяться с ними. И вот здесь перед нами – икона веры, образ Слова, и в нем, образе, проступает радость.

Есть множество словесных икон христианства; в центре одних – пост и покаяние. Их фон – пустыня, голые скалы, глухой лес, безли-

кое безмолвие и в глубине – плач. В центре других изображена личная встреча, ее передний план – лик Иисуса, открывшийся, скажем, блаж. Августину или митр. Антонию (Блуму). Есть иконы, создаваемые трудом молитвы, в них есть прорыв к небу. Иной образ передает опыт запредельного «соседства Бога», к Которому человек приближается, сняв обувь с ног своих, как к Неопалимой Купине. Наконец, есть иконы суда. Христианство есть суд над миром сим. Суд, как и Царство, живут в нас, посреди нас. «Да погибнут грешницы от лица огня, а праведницы да возвеселятся». Но редко заметишь веселие на этих иконах. Это скорее картины сожигающего гнева. Большинство творцов этих изображений склонно считать видение, которое им открылось, как и свое исповедание, единственно возможным, исключаящим все остальные. Они убеждены, что вся правда Христова без остатка может поместиться в одной истине человеческой, и те, кто не принимает единственности, даже не истины как таковой, но рукотворного «оклада» ее, оказывается перед самой истиной безнадежно виновным. Отец Александр верил в то – чего не могли простить ему зилоты истины, поющей одним голосом и на одну мелодию, – что правда Божия полифонична, и коль скоро «свет во тьме светит», то может проникнуть или просочиться через неисчислимое количество стекол разной степени прозрачности или тусклости, и если «небеса проповедуют славу Божию», то и бессловесные твари на свой лад говорят нам о Христе, а на свой лад – Святые Отцы.

«Христианство» – словно итоговое письмо, отправленное о. Александром будущей пастве. Тема и жанр лекции предполагают, что в тесных ее рамках он должен сказать самое существенное. И что с самого начала он должен найти ключ, который подошел бы к душам слушателей, прекрасно знающих, что религий много, и каждая из них крепко недолюбливает все остальные. И он его тотчас находит. Это универсальность, открытость Благой Вести всем росткам, потокам, каплям добра, которые когда-либо пролились на землю. Да, христианство – вызов всем прочим верованиям, но оно не боится собирать «мед» от каждого из них, и не пугается, когда видит свое отражение в тех искрах Слова Божия, «к коему причастен весь род человеческий» (св. Иустин Философ). В нем есть и страстное стрем-

ление избавить мир от зла, как в буддизме, и абсолютная преданность человека Богу, как в исламе, и обращенность к Небу как в китайском мирозерцании, и ощущение некой таинственной силы, пронизывающей каждую молекулу во вселенной, как в пантеизме. И конечно, есть в нем и ощущение личного Бога, внимающего каждой душе и управляющего историей. «И здесь, – говорит о. Александр, – мы должны вспомнить о той вере, которая декларирована в Ветхом Завете: доверие к Бытию».¹ Христианство для него *«имеет уши слышать»* любой из отголосков Слова, сотворившего мир, оно собирает их в себе, переплавляет в себя. Не только лишь переплавляет, но и наделяет новым смыслом, находит и то, что в других верованиях бывает потеряно или не найдено. Слова здесь как будто обретают иной объем или план: всякий слушатель в зале, имеющий представление о религии, а то и собственные верования, по секрету получает как будто личное приглашение: в таком христианстве может уместиться и его мир, и его поиск. Пространства в нем хватает на всех, никто здесь не лишний, включая и тех, кто, не видя в мироздании ничего, кроме пустоты, заявляет, что мир абсурден. Но разве его вера в абсурд не отталкивается от какого-то изначально вложенного в эту философию смысла, и этот смысл – сродни Логосу, Премудрости или Художеству, пронизывающему мироздание, наконец, Личности, чья тайна бесконечно превосходит нас самих? Христианство начинается тогда, когда мы снимаем доспехи с души, открываемся этой Личности, входим в Её живое тепло и узнаем в Ней свое, хранящееся где-то в сердце и разуме, родство со Словом, не только сотворившим небеса, но и сошедшим на землю и пришедшим к нам вместе и персонально к каждому.

На языке Библии, который был родным для о. Александра, войти в веру и жить ею называлось «заключить завет». Самым точным, подлинным образом христианства для него были знак, печать или скрижаль Договора, между Богом и человечеством, между Творцом Вселенной и теми, кто откликается Его Слову. «У меня с Богом завет...», – сказал он однажды (и, говорил, вероятно, не одному мне),

¹ Мень А. Культура и духовное восхождение. М.: Искусство, 1992. С. 20.

как-то застенчиво улыбаясь, на вопрос, чем объяснить эту невероятную плодородность его жизни. Суть этого завета – верность человека в ответ на ту, которая «выше облаков» – верность Божию. «Еще когда Авраам сказал Богу “да”, вернее, не сказал, а молча повиновался Его призыву, – вот тогда и родилась вера. На древнееврейском языке слово “вера” звучит как “эмуна” – от слова “омен”, “верность”».² Да, собственно, и само слово «христианство», имя, которое всегда произносится по-разному, то жестко конфессионально, то как «просто христианство», с не вполне определившимися границами, по сути есть только возвешение или обещание верности Христу, включающей в себя бесконечно много и вместе с тем строго очерченной. Верность есть завет, а завет – жизнь. Как и смерть.

Чем было исполнение этого завета для самого о. Александра? *«Пребудьте в любви Моей». «Стойте в свободе, которую даровал вам Христос». «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите».* Призыв к исполнению неизменно был для него и даром исполнения, ибо вся драма «исторического христианства» (коль скоро не избежать нам этого термина) – в хроническом разрыве между призывом и исполнением, и в эту яму оно продолжает проваливаться, чтобы всякий раз, повинаясь слову Христову, из нее восставать. Впрочем, надо отметить, о. Александр никакого христианства, кроме «исторического», не признавал, к идеальной, книжной или облачной его версии относился несколько скептически, часто напоминая в проповедях, что уже на иконе Тайной Вечери изображены апостолы, которые в первый момент опасности бежали, а один из них – Иуда. Радоваться, стоять в свободе, пребывать в любви и молиться для о. Александра означало быть и служить в той Церкви, в которую призвал его Господь, быть верным ей даже до смерти, ну а что касается житейского, преходящего ее облика, тут ему никогда не отказывало чувство доброго юмора.

«Доверие к бытию», которое пронизывало его веру, становилось для него благоговением перед творением Божиим. У него была неизменная интуиция, движущая и его богословской мыслью, что одно и то же Слово Божие, сошедшее с небес и воплотившееся от Девы

² Там же.

Марии, раскрыло себя и как начало бытия, как исток всего, что начало быть, что Оно звучит во всем, что есть, приходит от небытия в жизнь. Слово Божие есть приношение и одновременно Приносящее, ибо один и тот же Бог сидит вместе с людьми за трапезой творения и приносит Себя в жертву на алтаре. «...в этой священной трапезе... Бог и человек соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, ибо виноградный сок, вино – это есть кровь земли, а хлеб – это есть плод земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, Который отдает Себя людям в жертву».³

Слово есть причастие. Оно говорит отовсюду. Оно – с нами здесь и теперь. Один Лик заключает в себе всю полноту Непостижимого. *«Видевший Меня, видел Отца»*

«Как солнце, восходя и освещая мир, являет и себя и освещаемые им предметы, так и Солнце Правды, восходя в чистом уме, являет и Себя и логосы всех (тварей) – уже приведенных в бытие и тех, которые будут сотворены. (Преп. Максим Исповедник, Главы о любви, сотница 1, 95).

«...через Евхаристию мы обретаем Бога везде, – говорит о. Александр Шмеман, – и в грозных стихиях, и в крошечном цветке. В определенном смысле мы утверждаем, что ничего “сверхъестественного” нет; мы всего лишь возвращаемся к нашей первозданной природе – в тот сад, где Адам встречал в вечерней прохладе Бога».⁴

«Первозданная природа» скрыта во всяком человеке, и «Христианство» – как лекция, проповедь, весть – обращалось именно к ней. Убежден, что люди, наполнявшие зал в тот вечер 8 сентября, вышли на улицу, обернувшись внутренним слухом к самим себе, к окликнувшему их логосу, освещенные каким-то отблеском Солнца Правды, озарившего слова и лицо докладчика. Да, собственно, что такое христианство? Оно располагается где-то на границе между мирским и священным; и здесь на мирской стороне – это более или менее почетная «часть культуры», которую можно уважать или изучать, на

³ Там же. С. 15.

⁴ Шмеман А. Собрание статей 1947–1983. М.: Русский путь. 2009. С. 33.

другой – это область неожиданного, любящего вхождения «Бесконечного, Необъяснимого, Необъятного, Неисповедимого Безымянного»⁵ в мир сей, освящение этого мира и жертва за него. Смысл проповеди о. Александра заключался в том, чтобы помочь перейти эту границу, отделяющую «одну из уважаемых религий» от Царства Божия, скрытого и действующего в мире и делающего его таинством присутствия Христова, открыть чужое сердце, пусть и затуманенное метаниями, мнениями и сомнениями. Преодолеть идеологические или рационалистические барьеры, или, воспользовавшись образом апостола, снять покрывало с ума, прочистить окна души, чтобы Солнце, пробившись через них, нашло и разбудило то зернышко света, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. Смысл был в том, чтобы помочь приподняться отяжелевшим векам, чтобы наши глаза встретились с глазами Видящего нас. Бросить вызов самодостаточности, живущей во всяком человеке, приоткрыть его Богу. Ибо «открытость сердца Вести Иисуса Христа – это и есть тайна Евангелия»⁶. Она изначально причастна каждому из нас, от нее рождается литургическое таинство человека. Но это таинство в нас скрыто, во многих оно остается несовершенным, нереализованным, неявленным.

«Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, – говорит о. Александр, и это, может быть, самое неожиданное в его лекции, – потому что мы еще неадерталцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается и то, что было раньше, то, что сейчас мы называем историей христианства, – это во многом еще неумелые и неудачные попытки реализовать его».⁷

Здесь и парадокс, и предвидение, и покаяние (о. Александр не любил никого обличать); да, «гений христианства» выразил себя с максимальной полнотой в прошлом, будь то «Троица» преп. Андрея Рублева, или устроение Премудрости Божией в догматике, литургии, храме, или молитвы праведников, или прозрения учителей и про-

⁵ *Мень А.* Культура и духовное восхождение. М.: Искусство, 1992. С. 17.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 15–16.

видцев, но эти вершины подымаются над низинами, «на фоне черного моря грязи, крови и слез»⁸. (Оно захлестнет и поглотит его уже завтра утром.) И, собственно говоря, «кризис христианства», которое принято называть «историческим», как раз и состоит в достаточно мирном и привычном сосуществовании вершин и низин, в том, что их соседство мы воспринимаем как должное, заведенное от века. И если доказательство существования Бога можно, по слову Флоренского, найти в «Троице» или в той же Премудрости, разлитой в мире, то существование «отца лжи» и «человекоубийцы искони» не нуждается в доказательствах, оно словно вписано в условия «мира сего», в котором находится топор для о. Александра.

«Христианство – это не одна из религий, это кризис всех религий», – цитирует о. Александр Карла Барта, не называя его, это суд над религиями, «устроившимися» в этом мире, это само присутствие Божие, которое есть и любовь, и суд, и жертва, открывающиеся в вере во Иисуса Христа. И не только в вере в Иисуса, но и в вере в Богочеловечество как «соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным»⁹. Пока христианство не повернется к устроению мира по правде Божией, к тому, что в лекции он назвал «Богочеловечеством», оно будет оставаться лишь религией, т.е. одним из душевно-институциональных устроений этого мира.

В характерном для XX века споре веры с религией о. Александр становился безоговорочно на сторону личного завета и верности. Это ничуть не означало, конечно, романтического отрицания религии, как в радикальном протестантизме. Религия принадлежит отчасти «миру сему», и, значит, этот, отнюдь не всегда лучший, фрагмент мира может быть преображен, очищен от язычества, от смещения себя с каким-либо этносом, от неравного и малопочтенного брака с государством, от превозношения праведностью, от нелюбви, прикрывающейся ревностным поеданием других ради истины, от приращения власти и имущества, от равнодушия к «малым сим», от

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 26.

«искания своего» – и всему этому еще «надлежит быть», ибо «христианство только начинается».

Для него же оно было уже, можно сказать, позади. В том времени, которое наступит для него завтра утром, уже не будет христианства, но был, есть, будет Христос, «во веки Тот же». Не будет таинств, ибо настанет приобщение самой Божественной Жизни. Бесполезно спрашивать: почему именно этот священник не сумел дойти до храма и совершить Евхаристию в то время, как тысячи других дошли и совершили. Двадцать веков ответ один – Гефсиманский сад, Распятие.

«Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф 12:37).

«В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир. Вот на этом я закончу...»¹⁰.

¹⁰ Там же.

Священник Владимир Лапшин

СВЕТЛЫЕ ЛЮДИ

В этом году исполняется двадцать лет со дня гибели отца Александра Меня. За это время о нем было написано много книг, прозвучало много воспоминаний людей, знавших его лично или только слышавших его проповеди и лекции. В результате сложилось энное количество образов этого удивительного человека: выдающийся богослов, ученый-энциклопедист, философ, несравненный проповедник-миссионер, добрый пастырь. Все эти образы вполне приложимы к о. Александру, и нет нужды это доказывать. Но для меня он, прежде всего, был и остается поразительно цельным и светлым человеком, привлекавшим к себе человечностью и жизнерадостностью, увлекавшим за собой исходящим от него светом, то есть тем, что можно назвать просто христианством.

Вообще, наверное, каждый христианин или, может быть лучше сказать, каждый человек, пытающийся быть христианином, время от времени задается вопросом, а что это значит, что значит быть христианином в наше время и в этом мире? Конечно, ответ или ответы на этот вопрос можно найти в Евангелии. Быть христианином, это значит быть последователем Иисуса Христа и проповедником, свидетелем Евангелия, Благой, Радостной Вести. Для этого человек, пытающийся стать христианином, должен исполнять заповеди Христа и быть членом основанной Им Церкви, то есть жить полнотой церковной жизни, потому что ни один человек своими силами не в состоянии исполнить все, заповеданное Христом, и нуждается в Его помощи. Но это отдельная тема. А вот что значит быть свидетелем Христа и Благой, Радостной Вести? Из самого Евангелия следует, что это значит быть равнодушным к тому, что происходит в этом мире, это значит возвещать волю Божию в этом мире, творить добрые дела, противостоять злу, захватившему власть над миром, прощать обиды, ну и многое, многое другое. Для этого христианин должен быть чутким, внимательным, добрым, мужественным, отзывчивым

и так далее. Да, еще важно добавить радость, мирность, терпеливость, ну и, конечно, жертвенность. В принципе, этот список можно продолжать очень долго. Поэтому хотелось бы подобрать, найти какое-то определение, понятие, в той или иной степени обобщающее все предыдущие. И, на мой взгляд, такое определение есть, это – светлый человек. Христиане это – сыны света, светлые люди. Это определение предлагает нам Сам Иисус Христос, потому что свет, светлость – это то, что роднит человека-христианина с Богом.

Вообще, тема света, отделения света от тьмы, их противостояния проходит через все библейское откровение и является центральной среди религиозных символов Св. Писания, как Ветхого, так и Нового Заветов. Если Бог творит мир словом, то можно сказать, что первым актом творения является создание света и отделение его от тьмы: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы» (Быт 1:3-4). Сотворенные Богом мир и человек не могут жить без света, поэтому Бог создает светила, освещающие землю и днем и ночью (Быт 1:14-19). Но в конце времен, в конце истории спасения Бог Сам станет светом для нового творения, для нового неба и новой земли (Откр 21:23). Вся история человечества, развивающаяся между первым и новым творением, это история противостояния света и тьмы.

Уже в Ветхом Завете свет становится символом божественности. Бог не только является творцом света, Он живет в ослепительном свете, Он одевается «светом, как одеждою» (Пс 103:2), Он являет Себя, «как солнечный свет; от руки Его лучи» (Авв 3:4), от лица Его исходит свет (Пс 4:7), Он Сам является источником света (Пс 42:3) и светом для человека (Пс 26:1). Поэтому люди Божьи, праведники тянутся к свету, совершают дела свои при свете дня, Бог Сам освещает все пути их (Пс 88:16). Напротив, нечестивые уклоняются во тьму, чтобы в темноте совершать свои преступления (Пс 10:2), они «оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы» (Притч 2:13), «путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся» (Притч 4:19). Таким образом, свет становится символом жизни с Богом, а тьма символом места, где люди «отринуты от руки» Божьей (Пс 87:6).

Естественным становится и обращение к символике света и тьмы в эсхатологической перспективе. Спасение для праведников Израиля связано с дарованием им нового чудесного вечного света (Ис 60:19-20): «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис 9:2). Через Израиль (Иерусалим) это обетование распространится на все народы, пожелавшие жить во свете. Сам Бог, обращаясь к Израилью, говорит: «Послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа! [...] Послушайте Меня, народ Мой, и племя Мое, приклони ухо ко Мне! ибо от Меня произойдет закон, и суд Мой поставлю во свет для народов» (Ис 51:1,4). «Восстань, светись, Иерусалим; ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою. Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию» (Ис 60:1-3).

Ну, а тем, кто не желает жить правдой Божьей, кто не желает ходить во свете, Бог через пророка возвещает: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою» (Ис 5:20). Для них день Господень, день встречи с Богом станет «днем тьмы и мрака» (Иоил 2:2). Пророк Амос восклицает: «... для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет; [...] Разве день Господень не мрак, а свет? он тьма, и нет в нем сияния» (Ам 5:18,20).

И уже в Ветхом Завете обетование света для Израиля и для всех народов на земле связывается с грядущим в мир Спасителем, Помазанником Божьим – Мессией. У пророка Исаии мы читаем слова Бога, обращенные к Отроку Господню – Царю Искупителю: «мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли» (Ис 49:6). Но только в Новом Завете с приходом в мир Иисуса Христа эсхатологический свет становится реальностью. Священник Захария, отец Иоанна Крестителя, пророчествуя о своем сыне, возвещает и о Мессии, что Он грядет, как заря «Восток[а] свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной» (Лк 1:78-79). А старец Симеон, приняв на

руки принесенного в храм Младенца Иисуса, «...благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израйля» (Лк 2:28-30). А св. Иоанн Богослов, имея в виду речения древних псалмопевцев, в прологе своего Евангелия ставит знак равенства между Словом Божиим (Логос), спасением человека (дарование жизни) и светом. Он пишет: «В Нем (в Слове – *В. Л.*) была жизнь, и жизнь была свет человеков. [...] Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:4,9; см. Пс 55:14; 118:105). И здесь же Иоанн добавляет: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин 1:14).

Сам Иисус Христос, свидетельствуя о Себе, говорит: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. [...] Доколе Я в мире, Я свет миру. [...] Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин 8:12; 9:5; 12:46). И вся жизнь Иисуса Христа была доказательством истинности Его слов. Но ослепительный свет может быть нестерпим для тех, кто привык жить во мраке. Поэтому, пока Иисус жил на земле, божественный свет, который Он нес в Себе, оставался прикрытым под уничиженностью плоти. Лишь однажды, незадолго до Своей крестной смерти и только перед несколькими избранными учениками, Иисус видимым образом явил Свою славу: «...и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17:2). Во все остальное время Он являет Себя как свет мира, прежде всего, через Свои деяния и поучения. Исцеления слепых имеют в этом смысле особое значение, что подчеркнуто в Евангелии от Иоанна в рассказе о слепорожденном (Ин 9). Но даже и этот смягченный, приглушенный свет далеко не все были способны видеть. Люди мира сего этот свет не воспринимали, не видели.

Сын Божий пришел в мир не для того, «чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин 3:17). Однако само пришествие Его является судом миру. «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела

их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (3:19-21). Когда Иуда предает Иисуса, как подчеркивает евангелист, «была ночь», а в момент ареста Иисус говорит берущим Его под стражу: «Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы» (Лк 22:53). Таким образом, драма, развивающаяся вокруг Иисуса, предстает как продолжение древнего противоборства света и тьмы: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5), хотя тьма мира сего и пытается его погасить.

С приходом в мир Иисуса Христа – воплощенного божественного света, каждый человек оказывается перед выбором: принадлежать к области тьмы, то есть продолжать оставаться «сыном века сего», каковым он является по рождению, или стать «сыном света» (Лк 16:8). Обращаясь к окружавшим Его людям, Иисус призывал их: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин 12:36). В таинстве Крещения человек сочетается со Христом, становится членом Его тела (Церкви) и носителем Его божественного света. Апостол Павел, обращаясь к христианам Ефеса, пишет: «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света» (Еф 5:8). Апостол Петр говорит о том же: «...вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет 2:9). И Сам Иисус возвещает Своим ученикам: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:14-16).

Таким образом, мы видим, что и Сам Иисус Христос и Его апостолы призывают христиан к определенному образу жизни, жизни, пропущенной божественным светом. При этом христиане не только получают возможность жить во свете Христа, но и сами должны стать источником света для других. Но что значит жить во свете Христа,

что дает христианам присутствие в их жизни Христа – света? У многих людей, считающих себя верующими, и даже у очень религиозных, церковных людей, к сожалению, распространено потребительское отношение к вере и к Церкви. Они считают, что Христос и их вера в Бога призваны обеспечить им благополучие в земной жизни, легкую беззаботную жизнь, и бывают очень удивлены, огорчены, если не сказать больше, когда сталкиваются с проблемами и обнаруживают, что Христос не спешит их разрешать и улаживать. Однако ни в проповеди Иисуса Христа, ни в поучениях Его апостолов нет никаких оснований для такого понимания христианства. Более того, в прощальной беседе с учениками накануне Своей крестной смерти Иисус возвещает им: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:33). Хотя, конечно, иногда Господь, зная нашу человеческую немощь, вмешивается в наши дела и, творя чудеса, облегчает наши скорби, но важно подчеркнуть, что совсем не в этом суть христианской веры и присутствия Христа в нашей жизни. Поэтому и апостолы в своих обращениях к христианам постоянно напоминают им о тех испытаниях и страданиях, которые неизбежно ожидают их в христианской жизни, и призывают их к мужеству и к твердости в вере.

Итак, что же дает христианам в их жизни свет Христа? А именно свет и дает. Чтобы это лучше понять, можно использовать такой образ. Наверное, каждому из нас, ну или, по крайней мере, многим, приходилось передвигаться в абсолютной темноте по незнакомой местности или в незнакомом помещении. Каждое движение в этих обстоятельствах связано с большими трудностями и даже чревато травмами. А теперь представьте, что вам дали яркий фонарь или включили в помещении свет. Местность та же, обстановка в помещении не изменилась, но вы видите куда и как можно пройти. Господь не решает за нас все наши проблемы, не меняет чудесным образом все трудные обстоятельства нашей жизни, во всяком случае, не спешит это делать, но Он дает нам видение, знание того, что и как мы можем делать в этих обстоятельствах. «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс 118:105). Важно только еще раз подчеркнуть, что речь идет не о том, как лучше устроиться в этом мире.

Свет Христа не дает преимуществ для жизни в этом царстве тьмы, он указывает путь в Царство Божье, выводит в Царство света. И мы хорошо знаем, что в этом мире, как правило, преуспевают как раз не те, кто стремится к свету Христа, а те, кто стремится к превосходству над другими и готов жить за их счет. В царстве тьмы, населенном слепыми существами, преимущество имеет не тот, кому дали фонарь, а тот, кто лучше приспособился к этой тьме, у кого острый нюх и твердые локти.

Итак, свет Христов дает возможность ходить во свете и идти к свету. И идти не только самому, но своей жизнью, своим примером указывать путь и другим, вести их за собой. Но для этого очень важно самому быть «зрячим», то есть быть причастным этому свету. Христос призывает учеников следить за собой, следить за тем, чтобы их «зрение», их «око» было чистым и полноценным: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно» (Мф 6:22-23). К этому же призывают христиан и апостолы. Павел пишет: «итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим 13:12); «поступайте, как чада света» (Еф 5:8). А у апостола Иоанна Богослова читаем: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин 2:9-11).

Таким образом, как и в земной жизни Иисуса Христа, божественный свет, дарованный христианам при Крещении, проявляется в их жизни через их деяния и, прежде всего, через их отношения с ближними. То есть присутствие света Христова в человеке поверяется наличием любви к «брату своему». У Иоанна свет и любовь становятся практически синонимами, и в этом нет ничего удивительного, потому что и то и другое относится к природе Бога. В начале своего Первого послания Иоанн пишет: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом» (1 Ин 1:5-7).

А в четвертой главе того же послания читаем: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин 4:16). Следовательно, если мы хотим быть христианами, последователями Христа, то и сами должны быть светом и любовью в этом мире. Собственно, именно это и заповедано нам Самим Спасителем: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:34-35).

Все сказанное имеет сугубо практическое значение для понимания того, что есть христианство в этом мире или, может быть, лучше сказать, каким оно должно быть. Прежде всего, оно должно быть светлым и наполненным любовью, радостью; оптимистическим, вселяющим в людей радостную надежду. Конечно, речь идет не о беспричинной веселости или наивном оптимизме, по принципу: «авось, как-нибудь обойдется». Эсхатологическое напряжение в противостоянии света и тьмы в мире остаются. Более того, в реальной жизни этого мира зло и тьма очень часто и даже как правило, оказываются сильнее добра и света, придавая жизни трагическое измерение. Но если мы считаем себя христианами, то, зная, что Бог есть свет и любовь, мы верим, что тьма и зло не вечны, что им не устоять в эсхатологической перспективе. И мы должны быть проповедниками этого и свидетелями, живым доказательством того, что уже здесь и сейчас с Божьей помощью можно жить светом и любовью, а не злом и тьмой.

Совершенно недопустимо, когда христианство превращается в апокалиптическое кликушество, причитающее по поводу жизни в этом мире, но не дающее никакой надежды: «мир катится к катастрофе, все идет ко дну, приближается конец света» и т.д. Дело в том, что мир не катится к катастрофе, а вот уже две тысячи лет находится в состоянии катастрофы, и приближается не конец света, а конец царства тьмы. Свет-то в лице Иисуса Христа только вошел в этот мир: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Христиане призваны были разжечь этот свет и разнести его по всему миру, донести его до каждого человека. Судя по всему, им это не очень удалось, хотя две тысячи лет срок достаточно большой. Однако это большой срок

с точки зрения жизни одного человека или даже народа, но с точки зрения человеческой истории это не так уж и много. Именно об этом предупреждал христиан в своем послании апостол Петр: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет 3:8-9). Как говорил протоиерей Александр Мень: «Христианство только начинается».

Но в христианстве не должно быть и другой крайности, а именно веры в то, что «все само устроится», что «все идет своим чередом», и с течением времени этот мир постепенно превратится в Царство Божье. Само ничего не устроится, и этот мир сам по себе никогда не станет Царством света. Такого рода настроения среди христиан угадают подлинно христианский дух, снимая эсхатологическое напряжение и превращая христианство в одну из «бытовых» религий. Мы уже отметили, что пока христианская миссия не удалась, и, кажется, Господь это предвидел, говоря: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8). Что будет дальше, во многом зависит от тех, кто сегодня называет себя верующим и кто призван быть «светом мира». Одним словом, мы живем в последние времена, и призвание христиан, их миссия в этом мире остаются прежними; а вот как долго продлятся эти времена, мы, слава Богу, не знаем, да и не надо нам это знать. Опять же, как говорил о. Александр, мы каждый день нашей жизни должны проживать, как последний, то есть насыщенно, с полной отдачей сил исполняя свое христианское служение.

Но что же все-таки дальше, что ожидает нас в конце истории? Конец тьмы и Царство света! Правда, иногда кажется, что это царство тьмы, царство безумия никогда не кончится, что тьма только сгущается. Более того, порой кажется, что тьма проникает даже в церковную среду и начинает определять жизнь людей, считающих себя христианами. Внутри самой Церкви Христовой возникает противостояние света и тьмы. Об этом говорил еще о. Александр Мень в бе-

седе «Два понимания христианства». Он использовал образы двух старцев из романа Достоевского «Братья Карамазовы» – Зосимы и Ферапонта. Первый предстает «как светлый образ, как носитель широких, просветленных взглядов на мир, на человеческую судьбу, на отношение человека к вечности, к Богу». Второй – как «прославленный аскет, могучий старик, который ходил босым, в солдатской шинельке, препоясанный, как нищий», но живущий завистью и ненавистью к Зосиме, ненавистью ко всем, не разделяющим его взглядов, ненавистью ко всему миру. Сегодня, в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова, христианство как бы заново входит в мир, делает еще одну попытку осуществления христианской миссии. И очень важно, каким оно предстанет перед этим миром: лучом, указывающим путь в Царство света, или царством ферапонтов, замкнувшихся в своем затхлом мире и ненавидящих весь мир. И хотя ферапонты, в силу своей агрессивности, очень часто берут верх, вспомним, что в природе самая густая тьма бывает перед рассветом, и не будем отчаиваться. Встав на путь христианской жизни, став светом мира, человек может уповать на чудесное преображение, обожение, обещанное Богом праведникам: «тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф 13:43). С этим царством тьмы, с этим миром действительно что-то случится, они исчезнут. По крайней мере, об этом говорил и Сам Иисус Христос, и апостол Петр пишет об этом вполне недвусмысленно: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. [...] Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет 3:10-13). Это новое небо и новая земля, этот Небесный Иерусалим, куда войдут сыны света, будет освещен светом славы Божьей, и этому Царству не будет конца. Таково наше упование, такова вера Церкви. А что будет с остальными? Не будем гадать, оставим это на суд Божий, на суд Его милости. Будем помнить, что «Бог есть любовь» и «Спаситель всех человеков, а наипаче верных» (1 Тим 4:10), и что Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2:4). Но, если мы считаем себя христианами, то будем не только уповать на Божью милость, но и

потрудимся, чтобы как можно больше людей обрели в своей жизни свет Божий и встали на путь к Царству света.

Этот материал посвящен отцу Александру Меню и всем тем, кто в своей жизни подлинно стал светом мира, кто, в понимании очень многих людей, был настоящим христианином. Царство им Небесное, и да сияет им вечный свет! А нам, Господи, дай силы и мужество пройти по пути, открывшемуся через них.

Москва, март 2010 г.

Священник Георгий Чистяков

ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ МУЧЕНИК ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

*Выступление в университете св. Фомы в Миннесоте
США, февраль 2005 г.*

Отец Александр Мень, о жизни и мученичестве которого я буду говорить сегодня, был убит 9 сентября 1990 г. в воскресенье, ранним утром, когда он вышел из дома, чтобы добраться до церкви, где он должен был служить воскресную литургию. Литургия так и не была отслужена. Топор убийцы лишил его жизни. Моя задача рассказать о том, кто был этот человек, который стал первым христианским мучеником в истории постсоветской России.

В советское время Церковь была задавлена властями, и священники не осмеливались проповедовать Евангелие. Они служили литургию и молебны для старушек, которые приходили в храмы, и этим их деятельность ограничивалась. Это была *Церковь молчания*, как сказал как-то Иоанн Павел II. Отец Александр Мень, в отличие от своих собратьев, проповеди говорил, к нему на службы приходили, а вернее, приезжали на поезде, потому что он служил в деревне в 30 км от Москвы, молодежь, студенты университета, интеллектуалы. При этом он не только проповедовал во время службы, но организовывал встречи на квартирах, участники которых объединялись в молитвенные группы. В какие-то годы это был единственный приход в России, где прихожане не боялись друг друга, а знали друг друга и дружили.

Так, например, одна из его прихожанок, скульптор Зоя Масленникова рассказывает: «В те времена, когда отец Александр служил в храмах, ни о какой работе с прихожанами, кроме исповеди во время богослужения и исполнения церковных треб официально, речи не могло быть. Все, что он делал, все его общение с верующими было не санкционировано». Ему приходилось встречаться с ними в лучшие

времена в домике при церкви, в худшие времена это запрещалось, тогда он встречался со своими прихожанами на квартирах, разговаривал с ними по пути от церкви к дому, в электричке.

Это был не просто приход, но община, духовная семья, братство.

«Всю жизнь, – пишет об о. Александре Владимир Илюшенко, – власти светские и духовные преследовали его. Его свободомыслие было для них неприемлемо и подозрительно». «К свободе призваны вы, братья», – любил повторять о. Александр, цитируя апостола Павла. И с горечью продолжал: «Люди не хотят свободы. Причины разные, но это факт». «Я убежден, – говорил о. Александр в своем интервью, заготовленном на случай ареста, – что свобода должна вырастать из духовной глубины человека. Никакие внешние перемены не дадут ничего радикально нового, если люди не переживут свободу и уважение к чужим мнениям в собственном опыте».

В семидесятые годы часто бывало, что молодые люди, уверовав в Бога, уходили с работы, бросали занятия наукой или искусством (в общем, все, чем они занимались), и, устроившись на работу где-нибудь в качестве ночного сторожа, погружались в чисто ритуальную жизнь: чтение акафистов, паломничества, посты и так далее. Отца Александра такое Православие не устраивало. Он считал необходимым, чтобы верующие люди работали в школах, в университетах, в библиотеках и т.д., и занимались искусством, наукой, литературой. Уход от реальности казался ему очень опасным именно для верующего человека, который, действительно, должен быть «солью земли», как сам Иисус говорит об этом в Нагорной Проповеди.

Отец Александр не только проповедовал во время службы, но писал книги. Рукописи тайно, благодаря сотруднице посольства Франции Асе Дуровой, русской католичке и монахини, переправлялись в Брюссель, где их публиковало маленькое католическое издательство «Жизнь с Богом» или Foyer Oriental Chretien. Его основательница и директор, ныне покойная Ирина Поснова, основала этот экуменический центр при поддержке кардинала Эжена Тиссерана сразу после окончания Второй мировой войны. Целью центра была помощь верующим православным людям в СССР.

Именно в этом издательстве был опубликован, разумеется, под псевдонимом, шеститомник о. Александра «В поисках Пути, Истины и Жизни». В этом труде о. Александр показывает, как в мировой истории, вернее, в истории философии и религии, действует Сам Бог, как Его присутствие мало-помалу и невероятно трудным путем, но всё вернее открывается человеку.

Следующая за этими шестью томами книга называется «Сын Человеческий». Это история Иисуса. Эта книга существует теперь на французском, итальянском, испанском и других языках. По-русски она издается огромными тиражами. Может быть, по той причине, что в России вчерашние атеисты ничего не знают о Христе? Джованни Гуайта, итальянский писатель и переводчик этой книги на итальянский, отвечает на вопрос, почему она имеет такой успех. Оказывается, и на Западе человек, казалось бы, психологически ничего общего с российским выходцем из советского времени не имеющий, тоже нуждается в о. Александре Мене и в его слове.

Когда Джованни Гуайта решил перевести книгу «Сын Человеческий» на итальянский язык, один из французских друзей о. Александра сразу же заметил, что этого делать не нужно, потому что на Западе существует и без того огромное множество таких книг, где популярно и на высоком уровне излагается жизнь Иисуса. И ошибся. Когда «Сын Человеческий» вышел (сначала на итальянском, а потом, в его же переводе, по-французски) оказалось, что книга прекрасно раскупается. Она оказалась востребованной не только в России, но и в других странах, вероятно, в силу того, что в этой книге есть нечто абсолютно уникальное. Что именно? Вероятно, «полное слияние с Тем, о Ком он говорил» – с Иисусом из Назарета. Эффект присутствия... Читатель этой книги – как тот, кто делает духовные упражнения по системе святого Игнатия (Лойолы) – переносится туда, где проповедует Иисус, становится свидетелем каждого Его шага и, как говорит святой Лука в начале своего Евангелия, *αὐτοπτης*, то есть «самовидцем» проповеди Иисуса.

С участием отца Александра в Бельгии была подготовлена так называемая Брюссельская Библия, в сущности, единственное комментированное издание Библии на русском языке, аналог Иеруса-

лимской Библии. До сих пор ею пользуются и в семинариях Русской Православной Церкви, и те, кто хочет глубже усвоить библейский текст.

Наступает эпоха «перестройки». Конец 80-х годов. Почти ежедневно о. Александр читает лекции в залах различных клубов, в университете и других учебных заведениях, к нему приходит широкая известность. Молодежь потянулась к вере в Бога. В России часто говорят о Православии как о традиционной вере русского народа, для многих Православие – это русская вера, национальная религия. Отец Александр же говорил о вере в Иисуса, о Евангелии, о новом рождении человека, которое он переживает, становясь христианином. Теперь тексты этих лекций братом отца Александра превращены в книги и изданы. Продаются, имеют успех. И после его смерти люди приходят ко Христу благодаря его проповеди.

В начале «перестройки» вместе с несколькими прихожанами о. Александр приходит в Российскую детскую клиническую больницу. Он крестит детей, утешает матерей, собирает среди своих прихожан средства для того, чтобы поддержать больных и их семьи материально. Так рождается группа милосердия, из которой теперь выросла большая православная каритативная служба. Именно тогда определились три направления в жизни созданной о. Александром общины: литургия, чтение Евангелие и молитва в малых группах и каритативная работа.

Нельзя не сказать об экуменизме о. Александра. Он всегда подчеркивал непреходящую ценность мирового религиозного опыта. «Есть опыт просто неопределенной мистики, – писал о. Александр, – есть опыт всех религий, в каждой есть своя ценность, всё это прекрасно, все руки, простертые к небу, – это чудесные руки, достойные человеческого звания, потому что это руки существа, образа и подобия Божьего, которые тянутся к своему Первообразу». Помню, как он заинтересовался, когда я рассказал ему об итальянской книге, в которой были собраны молитвы всех народов и всех религий. При этом он постоянно подчеркивал уникальность христианства. «Но Христос, – говорил он, – есть рука, протянутая вниз, как на древних иконах иногда изображается, – оттуда протянута нам рука».

Отец Александр Мень был убежденнейшим сторонником мира между христианами разных исповеданий, в котором видел *conditio sine qua non* для будущего христианства. Отец Александр полностью бы поддержал участницу одного из христианских форумов в сегодняшнем интернете, которая недавно написала: «Хватит межрелигиозной борьбы. Не секрет, что из-за этих междоусобных “войн” многие вообще не воспринимают христианство всерьез. Мол, сами там не могут разобраться, а еще другим проповедуют». При этом, когда в эфире московского радио кто-то из радиослушателей спросил: «Можно ли называть Александра Меня экуменистом?», а ведущий сразу отозвался: «Конечно, можно», французский писатель Ив Аман, автор лучшей биографии о. Александра, заметил: «Я не знаю, можно или нельзя, смотря по тому, что вкладывать в это слово, особенно сейчас. Но вообще отец Александр никогда не занимался экуменической деятельностью, как таковой. Он не участвовал в экуменическом движении».

Действительно, в отличие от своего современника митрополита Никодима (Ротова), он, будучи рядовым священником, разумеется, не вел никаких переговоров с католическими иерархами, не бывал на приемах у Папы Римского и т.д., но при этом не менее митрополита был предан пути христианского единства. Он, как сказал во время диалога в радиоэфире Ив Аман, был «открыт другим конфессиям и признавал богатства, которые у них есть». Теперь (особенно представители православной молодежи) иногда утверждают, что экуменизм 60–70-х годов был продиктован чисто тактическими целями, поскольку в условиях атеистического государства, постоянного усиления антирелигиозной пропаганды и жестокой борьбы с религией поддержка ведущих стран Запада, в правительствах которых католики и протестанты лоббировали интересы Православия в России, спасала Церковь от разгрома.

На самом деле, это не совсем так. Конечно, поддержка католиков и протестантов, Ватикана и Всемирного Совета Церквей была тогда для нас чрезвычайно важна, потому что советский режим был вынужден считаться с международным общественным мнением. Это прекрасно понимал такой великий человек, каким был митрополит

Никодим, и поэтому извлекал из этих отношений максимум пользы для Православия в России и в других республиках бывшего СССР. С другой стороны, католики (например, брюссельский центр «Жизнь с Богом» и его руководители Ирина Поснова и о. Антоний Ильц) и протестанты, прежде всего из США, помогали верующим в России просто и абсолютно бескорыстно, как христиане.

Ведь именно они печатали для России религиозную литературу, которая затем в чемоданах дипломатов нелегально попадала на территорию СССР, готовили эти книги к печати, печатали, в том числе и книги отца Александра, которые, разумеется, тогда не могли выйти в свет в России. Это была постоянная помощь и поддержка, которая ничем, кроме как их верой во Христа, не объяснялась. И тут необходимо заметить, что в шестидесятые-семидесятые годы мы все, верующие в России, как-то очень ясно ощущали, что близки друг другу не только по той причине, что против нас всегда борется один и тот же противник – КПСС и ее марксистская идеология, но и по причине несравненно более важной: они (коммунисты) борются *против* своих бесчисленных врагов в стране и за ее пределами, мы сражаемся *за* – за то, чтобы человек мог свободно верить в Бога и иметь возможность совершенствоваться в своей вере.

«Главное в экуменизме отца Александра, – пишет Андрей Еремин, – практический подход. В словах Христа “да будут все едино” (Ин 17:21) батюшка видел призыв не к богословствованию, а к действию... Поэтому к любому позитивному начинанию христиан других конфессий он относился терпимо и с интересом»¹. «Отец Александр, – говорит Андрей Еремин, – постоянно напоминал, что Христос пришел учить нас не Филиокве, а *жизни с Богом*, которая дается причастием к Рожденному, Воплощенному, Распятому и Воскресшему»². То, что нас, христиан разных исповеданий, объединяет, неизмеримо больше того, что нас отделяет друг от друга, – постоянно подчеркивал о. Александр.

¹ Еремин А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков. М.: Carte Blanche, 2001. С. 230.

² Там же. С. 205.

Однажды, говоря о том, почему в мире сегодня так много разных исповеданий, он заметил: «Противоречивость между различными христианскими исповеданиями – протестантами, католиками, православными – это не есть распад, разлом, а это есть лишь проявление частей целого, единого целого, в котором надо дойти – до глубины». На вопрос журналиста о том, как он, в качестве православного, относится к другим исповеданиям, отец Александр ответил: «Отношение мое сложилось не сразу. Но путем долгих размышлений, контактов и исследований я пришел к убеждению, что Церковь по существу едина и разделила христиан главным образом их ограниченность, узость, грехи. Этот печальный факт стал одной из главных причин кризисов в христианстве. Только на пути братского единения и уважения к многообразным формам церковной жизни можем мы надеяться вновь обрести силу, мир и благословение Божие». «Мы приходим к мысли о необходимости интегрального христианства, включающего всю гамму духовных путей и переживаний», – писал именно в эти годы о. Александр Мень. «Причины раскола, – утверждал он, – лежат вне чисто духовной сферы».

Не могу не сказать и о духовной генеалогии о. Александра. Маленьким мальчиком он стал православным в катакомбах 30-х годов, когда религия находилась под абсолютным запретом. Здесь он воспринял традиционное русское Православие, но, в то же время, он был абсолютно современным человеком. Отец Александр происходил из еврейской семьи. Может быть, отсюда его особенная любовь к Писанию, к Слову Божьему. Это существенно, так как для русской духовности, в целом, характерна ориентация на аскетику, на пост и молитву – в ущерб чтению Писания.

Есть открытое христианство и есть закрытое. Открытое христианство базируется на ощущении невидимо, но реально присутствующего среди верующих в Него Воскресшего Иисуса. «Путь к открытому христианству лежит через сопричастность каждого Откровению Божественной любви, – пишет, излагая взгляды о. Александра, писатель Андрей Еремин, – когда исчезает открытость, свобода и возникает тяга к гарантированному обеспечению, пропадают вера и надежда. И человек уже идет не “по воде”, а “по асфальту”». В связи

с этим А. Еремин вспоминает французского богослова о. П. Тиволье, который пишет: «Христианин не может засесть в своей вере, как в неприступной крепости. Отнюдь нет. Скорее, можно сказать, что он в лодке, которая качается от жизненных бурь – и может потонуть. Но направляет лодку Христос, Которому человек доверяет».

Закрытую же модель христианства характеризует стремление **обладать** истиной в готовом виде, а следовательно, как пишет об этом Владимир Илюшенко в книге «Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе», «обрядовереие, нетерпимость к инакомыслию, консервация отечественной старины». Она основывается на «традиционалистских ценностях, ксенофобии и шовинизме». Здесь Владимир Илюшенко излагает как раз те мысли, которые неоднократно высказывал о. Александр накануне своей гибели. Так, например, за несколько дней до смерти в интервью испанской журналистке Пилар Бонет среди прочего он сказал: «Ну, если называть зарождение русского фашизма не тревожным, то что тогда тревожно? Конечно! И его очень активно поддерживают очень многие в Церкви... Это, конечно, позор для нас, для верующих, потому что общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка получается для фашистов. Конечно, не все так ориентированы, но это немалый процент. Я не могу сказать какой, я этого не изучал. Но куда ни сунешься, с кем ни поговоришь: этот – монархист, этот – антисемит, этот – антиэкumenист и так далее».

Проблема закрытого христианства в 90-е годы волновала не одного о. Александра. Старейший православный богослов Франции Оливье Клеман, размышляя об этом, писал: «Нельзя изолироваться, превращаться в гетто. Нужно, чтобы из Православия исходила потрясающая мощь, мощь свободы и света. К сожалению, чаще всё гложет в обрядности, обрядовереии». «Обрядовереием же, – как очень точно говорится на официальном сайте Белгородской епархии Русской Православной Церкви – называется такое духовное состояние верующего человека, когда следование духу Евангелия отходит для него на второй план, а главными становятся какие-то обычаи, установления».

Как бы продолжая мысль Клемана, о. Александр в одной из своих лекций указал на то, что мощнейшие, направленные против обрядо-

верия тексты можно найти не только у современных богословов, таких, например, как о. Александр Шмеман, а в Священном Писании. «Пророки выступали, – говорил о. Александр, – против тирании, несправедливости, угнетения, против религиозного формализма, против обрядоверия, против национального превозношения, шовинизма, против войн, против насилия. По этой причине мы можем сказать: прав был Петр Чаадаев, который писал, что учение пророков – это не что-то уже ушедшее в прошлое, которое дорого для нас потому, что пророки предсказывали явление Христа, но что это учение, имеющее полную актуальность и сегодня».

Для закрытого христианства в высшей степени характерен и магизм. Об этом замечательно говорил однажды митрополит Кирилл (Гундяев): «В день Крещения тысячи и тысячи людей идут за Святой водой. И часто приходят люди совершенно не верующие, чтобы взять Святую воду. И я спросил этих людей, а с каким чувством вы приходите в храм – зачем вы ее берете, Святую воду? Вы ее берете, надеясь, что Святая вода автоматически спасет вас от греха или от беды, или от болезни? Вот это и есть магическое отношение к Святыне. Я могу быть мерзавцем, могу делать все, что угодно, могу грабить, убивать, прелюбодействовать, обманывать, но выпил Святую воду – всё сработало. Вот это и есть магизм».

«Подход религии, – подчеркивает митрополит Кирилл, – в том, что человек – ответственный участник в деле своего спасения или в деле своей гибели. Магизм предполагает воздействие предметов, слов, чисел, которые действуют с непреодолимой силой и могут спасти или погубить человека. Вот в чем различие между магизмом и религией». «Магизм, – не уставал повторять о. Александр, – привносит в религию слепую, почти маниакальную веру во всеисилие ритуалов и заклятий», именно поэтому магизм всегда ведет к обрядоверию. При этом важно понимать, что «в магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания», – подчеркивает о. Александр. Поэтому не случайно с магизмом и проистекающим из него обрядоверием легко уживается национальный эгоцентризм, шовинизм и ксенофобия.

Закрытое христианство представляет собой, если вспомнить о знаменитой книге Анри Бергсона «Два источника морали и религии» – Бергсона, о котором о. Александр всегда говорил как о философе, без сомнения, оказавшем на него влияние, – религию статического типа. Такая религия отличается существованием коллективных представлений, как правило, «озадачивающих индивидуальный разум», ведущей ролью ритуала и целой системой знаний и действий, которые предохраняли бы человека от воздействия на него зла. Типично для статической религии и наличие образа врага. Такая религия характерна для традиционалистских обществ. В отличие от нее динамическую религию (а следовательно, и открытое христианство) характеризует живое мистическое чувство, порыв, что так характерен для ветхозаветных пророков, и любовь, которая, как говорит Бергсон, «для мистика составляет самую сущность Бога». Динамическая религия невозможна без личной вовлеченности верующего в живое богообщение, без его личного мистического опыта. Поэтому корпоративной закрытости статической религии здесь противопоставляется любовь, которая наполняет человека, ибо это, как говорит Бергсон, «уже не просто любовь одного человека к Богу, это любовь Бога ко всем людям». Здесь истина веры поверяется личным чувством верующего. Такова религиозность, провозглашенная в Новом Завете, такова свободная религиозность великих мистиков христианства, таких как св. Франциск Ассизский и св. Серафим Саровский. Статическая религия «привязывает индивида к обществу», динамическая – каждому открывает путь к небу и дает силы полюбить все человечество.

Но «можем ли мы, – спрашивал о. Александр, – сейчас, на пороге третьего тысячелетия «...» возвращаться к средневековому состоянию христианского мышления? Некоторые люди, особенно молодые, сегодня готовы к этому. Готовы по лености мысли, по невежеству». С ужасом говорил он о том, что «людям хочется несвободного христианства», что «люди тянутся именно к рабству». «Это страшно и встречается каждодневно, и мы с этим непрерывно сталкиваемся». Почему это имеет место? Откуда это стремление к несвободе, обрядоверию, зашоренности?

Очень хорошо (вероятно, именно так сказал бы и о. Александр) ответила на этот вопрос его ученица Валентина Кузнецова: «Сейчас даже священники читают Евангелие очень мало. Гораздо больше распространены акафисты, жития, апокрифы. Я не против этого, но все-таки это уже “переработанная пища”, которая по своим идеям и достоинствам значительно уступает Новому Завету. Отчасти это связано с тем, что Евангелие – это не книга для спокойного чтения на ночь. Если человек искренне верит, то Нагорная Проповедь или притчи будут его тревожить, ведь после них нельзя просто достать платочек и смахнуть слезинку, а нужно прилагать усилия для изменения собственной жизни. И вот то место, которое должно занимать Писание, оказывается заполненным другими текстами. Выход из этого только один – евангелизация, попытка сформировать вкус и интерес к Новому Завету». Об этом же говорит Владимир Илюшенко, замечая, что о. Александр понял, что «надо заново христианизировать тяжелобольную страну, ибо выход России из духовного тупика возможен лишь на пути ее новой евангелизации».

В основе его религиозности лежало не просто чувство Бога и благоговение перед Ним, но Писание – Слово Божие, живое и действенное, то, что острее всякого меча обоюдоострого (4:12), как говорится в Послании к Евреям. В этом смысле о. Александр был похож на пророка, прежде всего, на Исайю, который никого ничему не учил, но зато доносил до сердец именно то, что говорит Бог – «ко амар Йахвэ», как любил он повторять на иврите.

Самое существенное заключается в том, чтобы человек понял, что такое живой контакт с Богом, который становится возможен, когда ты открываешь для себя Слово Божие; что такое предстояние перед Богом; что значат слова Библии о том, что Авраам ходил перед Богом. Поняв это, ты раз и навсегда будешь свободен от закрытости. «Познание Бога – не односторонний процесс, как познает человек природу, а это – встреча», – говорил отец Александр. Чтобы пережить эту встречу, считал отец Александр, нет необходимости быть каким-то особенным религиозным гением: «Для каждого человека существует возможность глубочайшей таинственной личной встречи с Высшей Реальностью».

Богословие «встречи», так хорошо разработанное митрополитом Антонием (Блумом), знаменитым русским епископом, жившим в Лондоне и прославившимся своими трудами о молитве, было о. Александру, действительно, понятно и близко. Сам он встречался с митрополитом Антонием не много, но всегда радовался, когда узнавал, что во время очередного приезда митрополита в Москву кто-то из его прихожан был на его богослужении или на встрече, которые конспиративно устраивались на квартирах. Слова из церковного гимна «Христос – моя сила» одинаково характеризуют и митрополита Антония и о. Александра.

Главное в христианстве, с точки зрения о. Александра, не традиции и не их сакрализация, не церковная старина и любование ею, но живое присутствие Воскресшего Иисуса. «Он остался, – говорил о. Александр незадолго до своей гибели, – величайший двигатель истории, сокровенно, глубоко остался в мире. “Я с вами во все дни до скончания века”. Он воскрес для того, чтобы присутствовать всюду в нашей жизни. И сегодня каждый может Его найти. Он не историческое лицо, о котором можно вспомнить, а можно забыть. Да, Он жил две тысячи лет назад. Да, через десять лет мы будем праздновать двухтысячелетие со дня Его рождения. Но Он не просто был, а Он есть – в этом вся тайна христианства, разгадка его силы».

Отец Александр относился к тем людям, которые не боятся. Он не боялся ходить в больницы к тяжелобольным и умирающим, хотя советским режимом это было строжайшим образом запрещено. Он не боялся проповедовать и говорить с незнакомыми людьми о вере (чего не делал почти никто из приходских священников). Более того, он не боялся говорить о вере с детьми, что вообще считалось уголовным преступлением. Он не боялся языка своей эпохи и, в отличие от практически всех своих собратьев, умел (подобно апостолу Павлу) говорить о Христе с «язычниками» на языке этих «язычников». Отец Александр не боялся синтезировать опыт своих предшественников, очень разных и порою взаимоисключающих друг друга, и это получалось у него удивительно хорошо, ибо он делал это не на уровне человека, но на уровне любви Божьей.

Глубоко укорененный в традиции, знавший Православие не по книгам, но выросший в катакомбах предвоенного времени, он весь был обращен в будущее. В его руках Библия становилась компасом, который верно указывает пути в грядущее. Именно в этом и заключается его подвиг.

«Наша страна, – сказал как-то его ближайший ученик о. Александр Борисов, – будет в большинстве своем гордиться, что в условиях советского режима, в условиях, когда все было направлено на то, чтобы не появились такие люди, как о. Александр Мень, и такие книги, какие он написал, что в этих условиях жил такой замечательный человек, который открывал нам Божью любовь. Через любовь, которую Бог дал его сердцу, он приводил и еще будет приводить тысячи и тысячи людей к истине, ко Христу, к добру и созиданию».

Владимир Френкель

НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ

С отцом Александром Менем я не был близко знаком, не был его духовным сыном, да и встречался с ним всего несколько раз: когда в конце 70-х – начале 80-х ежегодно приезжал из Риги в Москву. Правда, приезжая, я уж непременно посещал Новую Деревню, и после службы старался хоть немного, но поговорить с отцом Александром. Разумеется, с ним стремилось поговорить и много других людей – как я понимал, и постоянные его прихожане (я был знаком с некоторыми из них ранее, они и познакомили меня с отцом Александром), и приехавшие едва ли не в первый раз. Конечно, я не могу нарисовать его целостный образ. Но таково было его обаяние, такими точными и нетривиальными были его мысли, высказанные во время разговора, что не запомнить этого было нельзя. И образ священника создавался у меня и из личных встреч, и из его книг, и из того, что я узнавал о его жизни из воспоминаний близких к нему людей. Но сначала были книги.

Книги

Книги о. Александра – я имею в виду цикл книг в шести томах, посвященных истории религии, под общим названием «В поисках Пути, Истины и Жизни», – я прочел много раньше, чем познакомился с ним самим. Но прежде всего: опять-таки, я не могу сказать, что именно эти книги привели меня к вере и к Церкви. Верующим и церковным человеком я уже был, когда начал их читать. Книги о. Александра значили для меня другое: образно говоря, они давали ориентацию на местности, если под местностью понимать историю. И Священную историю, и историю духовного пути человечества, и историю вообще. Можно сказать, что почти все мы, из новообращенных христиан 70-х годов, приходили к вере как бы из ниоткуда. Мы

приходили к вере вообще, вне времени и пространства. В этом был смысл: лучше, я и сейчас в этом уверен, приходить к вере именно так: Бог – вне времени, над временем, Царство Божие – это состояние, по Апокалипсису, где «времени больше нет». Так приходить к вере – надежнее, чем веровать из соображений национальной традиции, и тем более – потому что сейчас так принято. Тогда – так не было принято, и если человек приходил к вере, он должен был для себя лично решить вопрос о бытии Божиим и о своем отношении к Богу. С точки зрения вечности.

Но далее, уже осознав себя верующим, тем более – христианином, начав жить в Церкви, нельзя было это делать, ничего не зная о том, что было до нас, откуда и как возникла Церковь, как человечество определяло свои отношения с религией, с Богом на протяжении веков, в какой стране и в каком народе родился Христос и почему Он появился именно там и тогда. То есть, не зная это все можно было, многие – боюсь, большинство – этого не знают и сейчас. Можно ли так веровать? Разумеется, можно, и такая вера вовсе не является ущербной, если это действительно вера. По крайней мере, у «простецов», простых, не слишком образованных людей, не задающих себе лишних вопросов. У них именно эта простота – гарантия от соблазнов (хотя и не абсолютная). Но – напомним – тогдашние новообращенные были из тех, кто считал себя образованными людьми, или мнил себя таковыми, или хотел ими быть. В этой среде незнание рождало соблазны. Прежде всего – соблазн развоплощенной, абстрактной духовности, вне времени и пространства. Это был прямой путь либо в нехристианскую восточную духовность, весьма популярную в среде тогдашней интеллигенции именно из-за своей неконкретности и отсутствия определенного места и времени: очень это было удобно для нашей интеллигенции, замороченной советской абсурдной жизнью, – отвлечься от обрыдшего «совка» хоть на час и живи духовной жизнью. Либо – это был путь в секты, с их непременным антиисторизмом и замкнутостью, тоже являвшимися неким убежищем от реальности. А можно было и в Церкви жить как в секте, ничего не желая знать, кроме определенных правил, которые, конечно, надо исполнять неукоснительно до мелочей, и если исполнишь,

то уж точно спасешься. То, что это – в сущности, фарисейство, таким «церковным сектантам» в голову не приходило и не приходит, хотя бы потому, что они вообще не знают, кто такие были фарисеи и почему Христос, не отвергая их учения и веля Своим ученикам исполнять то, чему они учат, отвергал их самих, то есть, их лицемерие.

Было еще одно обстоятельство, делавшее совершенно необходимым для нас религиозное просвещение. Христианство – религия Священной истории, в которой Бог открывается Своему народу и ведет его. Этот путь происходит в реальной истории человечества, и без осознания этого можно воспринять евангельское Откровение ложным образом: либо как свод некоторых моральных правил, либо в качестве чисто духовного созерцания, без связи с тем, что предшествовало явлению Христа, да и без связи с нашей реальной жизнью. Последнее даже опаснее, ибо превращает христианство в некое спиритуалистическое мирозерцание, ничем не отличающееся от буддизма, дзена и других восточных учений. Подобный соблазн известен в истории Церкви давно, со второго века: это гностицизм, и нельзя сказать, что он преодолен полностью.

Книги о. Александра последовательно рассказывали о духовном пути человечества, некогда отпавшего от Бога и в течение своей истории, с ошибками и падениями, искавшего путь к Нему. В этой картине все религии и духовные искания выглядели не просто заблуждениями, а неким путем, пусть и окольным, к Богу. Но тем яснее было, что только Откровение, идущее непосредственно от Бога, может привести к Нему. Это и есть Священная история. И еще становилось ясным, что христианство – не философия, не мораль, т.е. не что-то данное нам в виде учения, а путь к Богу – и всего человечества, и каждого человека.

Конечно, Библия у меня была, и я читал ее и до того, как познакомился с книгами о. Александра. Но не так просто современному человеку, пусть даже относительно образованному, но не получившему в детстве религиозного воспитания и образования, разобраться в символическом языке Ветхого Завета. Да и Новый Завет часто труден для прочтения, если не знать библейского языка и многочисленных ссылок на Ветхий Завет, рассыпанных в Евангелиях и посла-

ниях апостолов. А символический язык Апокалипсиса и вовсе темен, особенно если не знать, что это был язык и стиль мистической еврейской литературы первого века нашей эры. В книгах же о. Александра этот язык становился внятным, как бы переведенным на современный лад. Конечно, эти книги не заменяли собственно библейского текста, да автор и не ставил такой задачи. Но, читая их, ты начинал чувствовать себя как дома (ну, почти как дома) и в библейском мире, и вообще среди древних веков. История, и в том числе Священная история, ощущалась как нечто, действительно произошедшее если не вчера, так позавчера. Именно это ощущение было необходимо для осознания того, что Откровение и явление Христа – доподлинная реальность, а не просто какая-то «идея».

Можно сказать, что о. Александр был тем, кого в древней Церкви называли апологетом. Ведь чем шире расходило христианское благовестие, чем больше людей и народов оно захватывало, тем необходимее было объяснять этим людям Благоую Весть на понятном им языке. Если образованные греки и римляне могли хотя бы знать книги Ветхого Завета, давно переведенные на греческий язык, то варвары не знали уже совсем ничего. Наше советское общество, в том числе и т.н. образованный его слой, вполне можно было назвать варварами: и вследствие его язычества, и вследствие невежества. Вот оно и нуждалось в объяснении на понятном ему языке. Причем надо сказать еще одну вещь, которая, возможно, вызовет возражения. Большинство литературы вероучительного характера, предназначенной для мирян, которая и сейчас продается в храмах, написано на языке «школьного богословия», принятого в девятнадцатом веке. Его стиль – это гладкие, «благочестивые» слова и формулы. Эта литература в основном вполне православна, но смысл ее текстов скользит мимо сознания именно из-за этой гладкости, и остается только ощущение некоего общего благочестия. (Увы, очень многих именно это и устраивает.) А книги о. Александра нельзя было читать просто как некий благочестивый текст: над ними надо было думать, они сообщали много нового: не вообще, конечно, нового, а нового для читателя, с которым наконец-то говорили на понятном, даже обыденном языке.

Мне, как литератору, был очень понятен этот эффект: стоит сказать нечто иными словами, стоит изменить стиль, осовременить его

– и мы глубже понимаем смысл фразы, наконец, осознаем реальность, стоящую за ней. Сам о. Александр приводил такой пример: мы читаем – «воин», и не воспринимаем это слово во всей грубой сущности, оно для нас давно сделалось чем-то условным, а стоит заменить его на «солдат», и подлинная действительность встает перед глазами.

Но надо сказать еще вот о чем, в связи с книгами о. Александра, и тут уже не будет безоговорочного одобрения. С течением времени, перечитывая эти книги, я стал иногда ощущать некоторую даже досаду. Не могу назвать себя профессиональным историком, но историей я интересовался всерьез, и не только на любительском уровне. Возможно, именно поэтому многое в этих книгах мне начало казаться слишком элементарным; я чувствовал, что автор способен на большую глубину осмысления своего материала, но жертвует ею ради понятности, ради все того же современного языка, привычного читателю. Но, в конце концов, я понял причину этого. Выше я назвал о. Александра апологетом. Но современный апологет неизбежно сталкивается со следующим затруднением. Чем шире круг его аудитории, тем менее известен ему уровень знаний этой аудитории. И ему приходится применяться к самому низшему уровню знаний, объяснять вещи, возможно, для кого-то очевидные. У него нет другого выхода. Ведь его главная задача – указать на сущность того, что он проповедует, чему учит. А о. Александр твердо знал, что сущность христианства – Сам Христос, реальность Его явления. Рождение, проповедь, смерть и воскресение Христа – вот что главное в нашем мире, где можно даже считать себя «православным», толковать о тонкостях вероучения или устава, но при этом, увы, в Христа не веруя и даже не испытывая потребности в этой вере. Веры в то, что Христос среди нас всегда, что Он – Тот, Кто есть, существует, Сущий.

Святая Земля

Я хорошо помню свои первые дни на Святой Земле. В 1987 году я приехал сюда не как паломник, приехал жить – и живу здесь по сей день. Это далеко не одно и то же – приехать сюда паломником, поклониться святым местам, молиться, или просто жить здесь. Ведь

Израиль – страна, государство, со всеми атрибутами нашей современной жизни, и эта жизнь, конечно, не сводится к тому, что обычно видит паломник. Я знаю, что часто именно эта современная жизнь на Святой Земле многим паломникам мешает, не дает молитвенно сосредоточиться. Но мне, наоборот, она помогла.

В первые же дни по приезде мне довелось видеть вади (ущелье, безводное русло) Никанор, в Иудейской пустыне. Там и сейчас видны пещеры, служившие отшельникам-христианам в первые века новой эры. И еще меня поразили желтые камни (Иудейская пустыня – это не песок, а каменное плато), которые как бы служили продолжением бело-желтого камня иерусалимских зданий. Не то город – продолжение камней пустыни, не то – наоборот. Так вот, первая мысль, которую я запомнил в эти дни, – по этим камням мог ходить Спаситель, все, что я здесь вижу, – подтверждение реальности Св. Писания. Не только окруженные почитанием святые места, где само это почитание создает пусть молитвенную, но все же атмосферу давно прошедшего, почти сказочного, а сама обыденная жизнь этой земли – соотносится с тем, что произошло когда-то, с теми событиями, которые никогда уже не пройдут, поскольку тогда совершилось предсказанное пророками, жившими на этой же земле. Вот эта восточная толпа, шумная, крикливая, легковозбудимая – она ведь и тогда, во времена Спасителя, была такой же. Позже я научился различать камни в Старом городе – поздние, турецкой застройки, римского времени, и относительно ранние, иродианского периода. По этим камням могли ходить Христос и апостолы.

Вот этому восприятию Святой Земли как страны, существовавшей в далекой истории, но живущей и сейчас, в наши дни, – этому я научился у о. Александра. И из его книг, и из немногих встреч с ним. Я понял, что эта земля и во времена Спасителя, и в современности – не только почитаемые святые места, это ничем не прикрашенная действительность, в которой есть и святость, и нечестие, и любовь, и ненависть. Здесь и сейчас вынуждены уживаться разные уклады, времена, народы и веры, скрывая, а когда и не скрывая вражду и ненависть друг к другу. Именно тут и можно понять жестокую и трагическую явь, в которой совершилось пришествие Спасителя,

кровавый пот Моления о чаше и «усилье Воскресенья». Подлинный Восток – это не только молитва и чудо, он жесток и неудобен для жизни, но это та самая жизнь, куда пришел Спаситель. Реальность этой жизни и была как бы продолжением той, которую я находил в книгах о. Александра.

И не менее жестоким и трагическим ее продолжением было страшное известие о гибели о. Александра, заставшее меня на иерусалимской улице Хевронская дорога, – это действительно дорога на Вифлеем и далее на Хеврон. Так весть о смерти священника, смерти за Христа пришла в то место, где Христос когда-то мог проходить.

Мысли вслух

Встречи с о. Александром у меня были редкими. Я приезжал в Москву по своим делам раз в год, но после знакомства с о. Александром всегда посещал Новую Деревню, приезжая на воскресное богослужение и терпеливо дожидаясь, пока священник сможет после службы уделить мне какое-то время для разговора.

О чем были наши разговоры? Как правило, о. Александр «общим», религиозно-философским темам предпочитал практические, жизненные. Интересовался положением православной Церкви в Латвии, взаимоотношением с другими конфессиями. Думаю, ему действительно было интересно узнать иную религиозную атмосферу, непохожую на ту, которая была обычной для России. Ведь Рига уже не один век была городом, где соседствовали, пусть не всегда дружелюбно, различные национальные и религиозные общины. Для о. Александра было важно, чтобы христиане, при всех отличиях, были, прежде всего, учениками одного для всех христиан Учителя – Христа, помнили, что именно это – главное в нашей вере. Казалось бы, это нормально, элементарно, но вот, поди ж ты – теперь это служит поводом для обвинения священника в «ужасной ереси», т.е. в «экуменизме».

Я хорошо помню, как о. Александр говорил, что в любом явлении можно считать его сущностью то, без чего этого явления не было бы. Так вот, – продолжал он, – христианство может обойтись и без колоколов, крестов, даже без храмов. Единственное, без чего христи-

анства быть не может, – это Христос. Значит, Христос и есть сущность христианства. Разумеется, это суждение вовсе не означало, что о. Александр (упаси Боже!) отрицал уклад и традиции Церкви. Как раз наоборот – он считал несвоевременными какие-либо реформы в церковном устройстве, богослужении и т.д. Поскольку главная беда сейчас, говорил он, это то, что люди не знают Христа, и поэтому именно Христа надо неустанно проповедовать. Христос – вот это и был «экуменизм» о. Александра, если, конечно, уместно называть это экуменизмом, а не просто христианской верой, запечатленной в догматах вселенского Символа веры, который нам напоминают на каждом богослужении.

В подтверждение вышесказанного можно было бы указать не только на катакомбную Церковь христиан первых веков христианства, но и на другие, современные «катакомбы»: бедные храмы русской эмиграции 20-х годов прошлого века – в гаражах, мансардах, на тайные комнатки-храмы катакомбной Церкви в советской России, на молитвы и богослужения (вовсе без храмов!) верующих в многочисленных советских лагерях. Вот в этих условиях, в бедных храмах, без колоколов и пышности, а то и вовсе без храмов, христиане были, как никогда и нигде, близки ко Христу.

Помню и неожиданный разговор о сектантах. Собственно, разговор начался с того, что я попросил совета. Одна моя хорошая знакомая примкнула к адвентистам, а мне хотелось привести ее в православие, в Церковь. Вот я и спросил, как мне лучше это сделать. Ответ был неожиданным: молиться о ней и... не торопиться. С уважением относиться к ее вере, не жертвуя своей. Не «агитировать» за православие, а быть самому православным. Бог Сам приведет эту женщину в Церковь, если Ему будет угодно это сделать. (Надо сказать, что так впоследствии и случилось.)

В связи с этим о. Александр сказал, что, по его мнению, настоящее сектантство – это состояние души, пребывающей в соблазне гордыни. Поэтому подлинных сектантов не так и много, но сектантом в душе можно быть, и находясь в Церкви. Поскольку сектантство – это духовный порок, болезнь, когда человеку кажется, что только он и его ближайшее окружение веруют истинно, а вокруг – одни враги.

Сектантство – это закрытость, слепота, это те самые слепые – вожди слепых, о которых говорил Христос. Это вера без любви.

А что касается того, что из Церкви уходили многие, особенно к баптистам (разговор происходил в конце 70-х годов), то это вовсе не потому, что эти люди – сектанты. Дело объясняется очень просто. Из кого сейчас состоит приход? Из двух основных групп. Это – простецы, люди церковные изначально, от родителей, и Церковь для них – дом, независимо от того, в каком объеме они могут вместить смысл и дух богослужения, суть христианской веры. Другая группа – это интеллигенция, в основном молодежь, причем из тех, кто, так или иначе, причастен к творческим профессиям, гуманитарным или естественным. Они уверовали сами, пришли в Церковь сами, но им неоткуда было узнать что-либо о вере, о православии, о богослужении. Родители их – неверующие, а религиозное образование им было получить нигде. Но они учатся сами, достают и читают книги, сами узнают, думают и обсуждают. Для них это нормальный интеллектуальный вид деятельности. И даже то, что книги приходится именно доставать, в старых изданиях и перепечатках, не удивляет этих людей – они привыкли иметь дело с самиздатом, с малодоступными изданиями. И то, что власть неблагоклонно относится к их воцерковлению – тоже им привычно. (Советская власть неблагоклонно относилась вообще ко всему, что шло от человека, а не от власти, даже к самым безобидным вещам.) Главное – они умеют учиться сами.

Но как бы между этими группами есть самая многочисленная – обычные люди, в меру образованные, скорее – грамотные. Но этих людей надо учить, они не привыкли добывать знания сами. И вот они приходят в храм и ничего там не понимают. А объяснить им некому и нигде; Церковь лишена возможности давать какие-либо знания мирянам, ей разрешено только богослужение. И тогда эти люди уходят, скажем, к баптистам: там их радостно встречают, не оставляют их и в обычной жизни, помогают (а советский человек ведь никогда не сталкивался с общественной, не казенной организованной помощью), а главное – дарят Писание, и на баптистских богослужениях это Писание читают на понятном языке, комментируют, обсуждают. У баптистов ведь невозможно отделить чтение и обсуждение Писа-

ния от богослужения. Вот люди туда и идут. А будь у Церкви такая возможность – пошли бы в Церковь.

С тех пор, то есть со времени этого разговора, очень многое изменилось. Можно сказать – почти всё. Сейчас у Церкви, на территории бывшего Союза, есть возможность проповедовать, учить. Теперь в Церкви находятся уже не только те две группы населения, о которых шла речь. Теперь там почти все. И вера, и пребывание в Церкви перестали быть чем-то нежелательным для власти и общества, наоборот – это чуть ли не престижно. Главное – можно сказать, что теперь Русская Православная Церковь свободна настолько, как не была свободна не только в советское время, но и до революции, и вообще никогда. Как же она использует эту свободу?

«Наша вера – самая правильная!»

Вопрос, конечно, риторический. Я не дерзну решать и судить о теперешнем состоянии Церкви в России и странах бывшего Союза. Хотя бы потому, что «я теперь живу не там». Но и без этого не дерзнул бы судить. Но у нас идет речь об о. Александре Мене, о его жизни и смерти, о его наследии. И вот здесь, в этом частном вопросе, какие-то выводы сделать можно, правда, не слишком радостные. Но прежде хотелось бы привести два примера, один из которых – эпизод. Примеры не имеют прямого отношения к о. Александру, но, тем не менее, красноречивы и помогут нам кое-что понять.

В Иерусалиме, в Великую Субботу, перед Пасхой, когда происходит нисхождение Святого Огня в Храме Гроба Господня, в помещении Храма можно наблюдать неистовую радость православных молодых арабов, их победные клики: «Наша вера – самая правильная!» Несмотря на то что внешне это очень отличается от той духовной радости, что царит в русских храмах в Пасхальный праздник, у меня и в мыслях нет осуждать: в конце концов, это восточный темперамент, иные традиции. И вера ведь действительно самая правильная, хотя и возглашается это несколько наивным образом. Вопрос в другом: а что действительно для каждого из нас, церковных православных людей, означает наша правильная вера? Пока что отложим этот вопрос и перейдем к эпизоду.

В иерусалимском автобусе, идущем в центр города из окраинно-го района Эйн-Керем, где находится несколько монастырей, и в том числе – русский Горний монастырь, я обратил внимание на разговор, шедший по-русски. Это были двое, явно паломники, очевидно, едущие из монастыря. Она – монахиня, он – молодой мужчина среднего возраста, какого-то очень характерного типа: такими в советское время были комсомольские активисты или комсомольские же секретари. Возможно, он был именно из них, в прошлом, конечно, а теперь – церковный «активист». Говорили они громко, так что невозможно было не слушать. Должно быть, не знали, что в этом автобусе немало людей, понимающих по-русски, а может, им было все равно. Разговор шел в обиженно-осудительном ключе: о местной православной Церкви (т.е. о Иерусалимском патриархате), которая якобы захватила собственность, – земли, храмы, здания, – принадлежащую Русской Церкви. Они вообще считали, что здесь все принадлежит России. Разговор долго вертелся вокруг этой темы, пока не перешел на другую, еще более актуальную – о евреях. Нет, не вообще о евреях, – что о них говорить, с ними и так все ясно, – а о евреях в Церкви. Собственно, это была народная российская игра: угадай, кто еврей. В частности, большие подозрения у них вызывал некий архимандрит: уж слишком энергичен и истово верует. Вообще-то это суждение должно было бы показаться обидным именно русским людям: выходит, если архимандрит был бы ленивым и маловерующим, то все в порядке, наш человек? Мне надо было выходить, и продолжения разговора я не услышал.

Нет, я не осуждаю этих людей – я их жалею. Как на Земле Господней, где любого камня могла бы касаться стопа Спасителя, уподобляться тем, кто делил Его одежды у креста («кому что принадлежит»), а потом еще выяснять, «не из Галилеи ли» тот или другой христианин, потому что «из Галилеи может ли быть что доброе»?! Зачем же прибыли сюда эти люди и, главное, с чем они уедут, с какими духовными переживаниями? И думаю, не ошибусь, если предположу, что эти люди и им подобные к о. Александру Меню относятся крайне отрицательно. И дело тут не только в его еврейском происхождении, которое он, конечно, не скрывал, считая Божьим

даром. Дело глубже: что такое все же «правильная вера» и почему так настойчиво в современных кругах Русской Православной Церкви осуждают о. Александра Меня и утверждают, что его вера была «неправильная»?

Странно, в самом деле. Вал осуждения о. Александра, более того, ненависти к нему поднялся именно после его гибели. Как будто сатана спохватился, что гибель священника только придала ему мученический венец, а не уничтожила его. Поэтому сатане надо было уничтожить его духовно, опорочить как христианина, как проповедника, апологета, чтобы не читали его книги и шарахались от одного его имени. И надо сказать, что сатанинский замысел во многом удался. Книг о. Александра вы не найдете почти ни в одном храме (говорю «почти», поскольку его книги я все же видел в одном из храмов Петербурга, но не буду говорить, в каком, чтобы не навлечь неприятности на священство и старосту этого храма). Самое имя о. Александра вызывает у многих церковных людей нервную испуганную реакцию и суждение о какой-то «ереси». Правда, они обычно не знают – какой...

Я выработал собственную реакцию на этот испуг. Я не стараюсь доказать, что о. Александр был замечательным священником, церковным писателем и апологетом. Я веду разговор от противного. Спрашиваю: вам известно какое-либо соборное или синодальное постановление Русской Православной Церкви, осуждающее протоиерея Александра Меня и его труды, изобличающее их в ереси? Ах, неизвестно! Но в таком случае священника нельзя церковно обвинять в ереси, а таковое суждение о нем является всего лишь частным мнением. Труды о. Александра не обязательно читать, если они кому-то не нравятся, но нельзя осуждать тех, кто их читает, и, тем более, запрещать их читать.

Правда, я не уверен, что этот мой метод может многих убедить. Дело в том, что он построен на принципе презумпции невиновности, а советскому человеку (т.е. человеку с советской психологией, каковая неистребима, невзирая ни на какое православие) этот принцип неведом.

Надо сказать, что писания большинства обличителей о. Александра можно читать только с юмором. Обличители слишком стараются

и поэтому хватают через край. В результате о. Александр обвиняется во всех возможных ересях сразу, что само по себе нелепо, ибо эти ереси противоречат друг другу. Обличитель нагнетает страсти, а достигает обратного: я, например, при этом сразу же вспоминаю известный эпизод из повести Джерома «Трое в одной лодке», когда герою попадает в руки медицинский справочник, и он по симптомам находит у себя почти все болезни, описанные в этом справочнике, кроме одной. Что и говорить, юмористическое чтение! (Я имею в виду не только Джерома.)

Но есть претензии к о. Александру, которые выглядят более серьезно, и об одной из них пойдет речь. Я имею в виду мнение известного церковного писателя – диакона Андрея Кураева. Он не обвиняет о. Александра во всех смертных грехах и немыслимых ересях, даже признает его некоторые заслуги. Но, как я понял, главная претензия отца диакона сводится к следующему.

Труды о. Александра Меня якобы не дают их читателю образ исторического православия, не вводят его в мир православной традиции, молитвы, аскезы, потакают восприятию, словарю, мышлению светского человека и, следовательно, сами являются слишком светскими.

Конечно, можно было бы сразу сказать, что данная претензия неосновательна. Ведь о. Александру принадлежат не только труды исторического содержания. Есть замечательная трилогия «Жизнь в Церкви», куда входят книги: «Практическое руководство к молитве», «Таинство, Слово и Образ» и трехтомник «Как читать Библию». Есть множество людей, которым именно эти книги дали возможность на практике соприкоснуться с живым Православием, войти в мир православной молитвы, богослужений, праздников, узнать смысл и особенности литургии, православного храма. Отец Александр и здесь выполнял свою основную миссию, кроме собственно священнического служения, – быть апологетом, учить, наставлять. Поэтому никак нельзя сказать, что о. Александр Мень якобы не учил жить в сложившейся исторически православной традиции. Вот что писал архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) в предисловии к книге «Таинство, Слово и Образ»: «Ее [книгу] можно было бы назвать бо-

гослужебным Катехизисом – так внимательно автор касается всех сторон церковной молитвы, ведет читателя по всему кругу двухтысячелетних молитв Церкви Христовой, льющихся от человечества к небу. ... Читателям его книги открывается возможность лучше понять вселенскую молитву Церкви и погрузиться в высокий мир ее символов и реальностей, ведущий нас от временного к вечности».

Но думается, что диакон Андрей Кураев имел в виду нечто другое. Что именно – можно понять именно из приведенного высказывания владыки Иоанна. Там надо бы обратить внимание на слово вселенский – оно очень важно. Мир православия, куда помогали войти труды о. Александра, был миром именно вселенской Христовой веры и церковной традиции, и в этом-то, как ни парадоксально, основная причина недовольства этими трудами. Причина здесь не богословская, поскольку против православного учения о. Александр нигде и никак не погрешил, причина чисто психологическая. Читая труды о. Александра, невозможно забыть, что Церковь Христова – Церковь вселенская, она не может уместаться в том или ином национальном доме, пусть даже этот дом привычен и удобен, несмотря на невыметенный сор. Священник-апологет неустанно напоминает нам, что главное в нашей вере – Христос, и только Светом Христовым должна быть проникнута наша история и современная жизнь. И что любая традиция жива только в этом Свете.

Тут можно вспомнить и о «модернизме», каковой термин в последнее время стал настоящим пугалом для иных неумеренных ревнителей православия, хотя что такое модернизм и почему он плох, они сказать внятно не могут. Но именно поэтому в модернизме можно обвинить и обвиняют кого угодно: вплоть до известных русских богословов и даже константинопольского патриарха.

Следуя такому методу, можно обвинить в модернизме и многих Отцов Церкви. Скажем, св. Афанасия Великого: ведь именно предложенный им для Символа веры термин *единосущный* вызвал на десятилетия споры и нестроения в Церкви, поскольку впервые в богословие было введено определение не из Священного Писания, а из греческой философии. Чем не «модернизм»? Тем не менее, мы уже не одно столетие повторяем это слово, когда читаем Символ веры, не

замечая, вернее, просто не зная его внебиблейского происхождения. А дело тут в том, что св. Афанасию важна была не «традиция», пусть даже библейская, а наиболее точное словесное выражение истинной веры, правильной веры, т.е. православия в его прямом значении. И если для этого более всего подходил философский термин, которого не было и не могло быть в Священном Писании, то, значит, им надо было воспользоваться. Ведь формулировки догматов – это не какие-то магические формулы, они преследуют чисто практическую цель: как можно более точно передать суть вероучения, передать правильно, что, собственно, и есть православие, «правильная вера».

Мы приходим к тому же вопросу: что, собственно, это означает – правильная вера, православие?

Разумеется, о. Александр Мень не вводил никаких новых терминов в богословие. Он был не реформатором, а, повторим еще раз, апологетом. Его задачей было разъяснить нам, варварскому племени советских интеллигентов, что именно есть главное в той вере, которую мы были готовы обрести. Вернее, *Кто* главное – это Христос. Без этого, без веры в Христа, Который не просто в истории, а посреди нас, любая, самая прекрасная традиция – всего лишь дом без Хозяина. Когда Христос, предвидя ужасную судьбу Иерусалима, говорит, что оставляется дом ваш пуст, Он имеет в виду не только и не столько город, а то, что было главным в этом городе: ветхозаветный Храм. На иврите Храмовая гора называется *Har ha-Bayt*, что буквально означает Гора Дома. Дом – это Храм, Дом Бога. Так вот, именно этот священный и почитаемый Дом остается пуст, если он не принимает Того, Кто есть Истина, воплотившегося Бога. Без живой веры в Христа любая традиция мертва.

Но это не значит, что она вообще не нужна. Она нужна, как необходим дом, чтобы защищать от непогоды, стужи, лихих людей, чтобы просто жить. Разумеется, о. Александр прекрасно знал и чувствовал историческую традицию православия, ведь он вырос и был воспитан в катакомбной Церкви, противостоявшей соблазнам и гонениям советского времени. В отличие от обличителей священника, выросших в комсомольских организациях, откуда они и унаследовали свой задор и непримиримость.

Могу сказать, что и для меня традиция православного богослужения, самого православного храма, вообще какой-то домашней, теплой атмосферы православия, православного быта очень дорога. Да, это – дом. Когда-то я, впервые переступив порог церкви, прежде всего почувствовал: я пришел домой. Эта особенность отличает структуру православного храма от католического: там главное – порыв ввысь. Ни то, ни другое не лучше и не хуже: это разность исторических церковных традиций. В православном храме тот же порыв ввысь достигается иначе.

Но не дай Бог, если эта привычная, теплая традиция заменит самое веру! Тогда и появляется тот странный тип «православного», который скрупулезно соблюдает все церковные предписания, даже внешне как-то «церковен» (часто это уже напоминает театр), но вот верит ли он во Христа – трудно сказать. Он, пожалуй, и сам еще не знает. Да это ему и не нужно, он и так «православен», т.е. традиция заменила ему веру. Это положение очень удобно, и тут, я полагаю, основная причина, почему о. Александр Мень вызывает такое неприятие. Люди не любят, когда нарушают их покой, удобство, безмятежность. А быть подлинным верующим – неудобно всегда, даже если нет внешнего давления и гонений. Верующий всю жизнь как бы дорастает до своей веры, вера – это путь, о чем и сказано в Евангелии: идите за Мной. А путь не бывает удобен, там можно и упасть, и заблудиться, и потерять направление. Поэтому тот, кто напоминает об этом пути, то есть напоминает о Том, за Кем надо идти, чаще всего вызывает раздражение: ведь мы уже так удобно устроились в своем доме!

Но о. Александр Мень понимал: воцерковляясь, человек так или иначе усвоит историческую православную традицию, ведь те или иные формы современный, а тем более, советский человек, привыкший к правилам и регламентации, умеет воспринимать и руководствоваться ими. Но без живой веры, без знания о Том, в Кого веруешь, любая традиция может превратиться в фарисейство.

Как говорил философ Владимир Соловьев: надо же, наконец, народу о Христе рассказать. Вот о. Александр и рассказывал нам прежде всего о Христе, без веры в Которого никакая правильная вера не может быть правильной.

Иерусалим, март 2010 г.

20 ЛЕТ СПУСТЯ: ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОБРОГО ИМЕНИ

В начале текущего 2010 года одна небольшая деталь, может быть, оказавшаяся и не очень заметной для многих православных, заставила меня удивиться, даже до содрогания, хотя, по-своему, приятного. В газете «Радонеж», в недавнем прошлом известной своей фундаменталистской настроенностью и склонной к обличительству всяких церковных «либералов», «обновленцев», «модернистов», в число которых, безусловно, попал с самого начала ее издания отец Александр Мень, вдруг появился материал: «Протоиерею Александру Меню сегодня исполнилось бы 75 лет»... Где со ссылкой на сына о. Александра Михаила Менья, ныне губернатора Ивановской области, в частности, приводились следующие слова: «Деятельность и богословские труды отца Александра как при жизни, так и после его смерти, нередко подвергались критике». По мнению Михаила Менья, причина такой реакции в том, что отец Александр во многом опередил свое время, а современники не всегда с одобрением относятся к действиям тех, кто идет в авангарде.

«Отец был священником открытых взглядов, который, в том числе, не боялся проповеди при помощи современных технологий, не боялся диалога с представителями иных конфессий», – пояснил Михаил Мень. А заканчивалась заметка такими словами: «Михаил Мень также не исключает, что в перспективе отец Александр может быть причислен к лику мучеников Русской Православной Церкви. «Пока я считаю этот вопрос преждевременным. Нельзя форсировать события. Деятельность отца и его церковно-богословское наследие должны быть глубоко изучены и осмыслены. Всему свое время», – сказал он»¹. Газета «Радонеж» никогда не входила в число читаемых мной

¹ Радонеж. 2010. № 1 (208). С. 10.

периодических изданий, а тут вот надо же было случиться, что этот самый номер попал мне в руки вскоре после его выхода!..

Что ж, это событие само по себе, немыслимое еще лет пять-десять назад, подобно тому, как в советской прессе середины 80-х немыслимы были упоминания, допустим, А. И. Солженицына или А. Д. Сахарова в нейтральном и, тем более, положительном тоне, можно считать знаковым и по-своему переломным. Свидетельствующим о том, что доброе имя о. Александра Меня, наконец, возвращается постепенно уже в общецерковном масштабе. Разумеется, для тех, кто во все времена ценил книги или живое слово этого миссионера, оно никогда не переставало быть добрым! Но далеко не такими зачастую оказывались настроения в широких массах среди священнослужителей и прихожан РПЦ последних 20 лет, а то и побольше, как среди части интеллигенции, так и в простонародье, – у нас преимущественно женском, – где принимается без рассуждения каждое слово, сказанное с амвона или напечатанное в любой брошюрке из церковной лавки... Причем, даже вопреки благожелательной позиции в отношении наследия о. Александра видных церковных иерархов (митр. Крутицкого и Коломенского Ювеналия, митр. Минского Филарета или митр. Смоленского и Калининградского Кирилла, ныне всероссийского патриарха). Поэтому бесспорно, что такое возвращение лучше поздно, хоть и 20 лет спустя, чем никогда!

Я никогда не встречался с о. Александром и лично его не знал, равно как и не знал никого из его ближайшего окружения. Однако, как и многие другие, чья юность или молодость пришлось на позднесоветское время, при обращении к Церкви испытал глубокое влияние его книг, прочитанных в конце 80-х – начале 90-х годов, что и определило мой дальнейший жизненный путь, впоследствии даже вплоть до принятия священного сана. В перестроечное время до меня доходили лишь отдельные упоминания о нем или небольшие выступления в печати, которые большей частью даже не запомнились. Но, в общем, для меня, как и для многих моих сверстников из интеллигентной светской студенческой молодежи, имя отца Александра Меня звучало тогда вполне весомо и авторитетно, наряду с именами о. Глеба Якунина или о. Димитрия Дудко.

Первой книгой, прочитанной мной на евангельскую тему еще в состоянии полного неверия, но вместе с тем определенного познавательного интереса для общего культурного развития, была «Не просто плотник» Джоша Макдауэлла, где американский апологет весьма просто и убедительно доказывает истинность слов Христа и подлинность Его Воскресения. Тогда, в 1988 году, на меня эти доказательства произвели немалое впечатление, наряду с довольно широким в тот год празднованием 1000-летия крещения Руси. А примерно полгода спустя мне в руки попала книга «Сын Человеческий». И вот тут произошел со мной настоящий переворот: я почувствовал качественно иной уровень этой книги, глубину и одухотворенность, которых недоставало Макдауэллу, и большую, в целом, близость по духу к российскому читателю... В общем, после прочтения и осмысления этой книги, наряду с начавшимся тогда же знакомством с публикациями таких русских христианских мыслителей, как Вл. Соловьев и Н. Бердяев, ничего не оставалось, как всерьез принять нашу Церковь, ярким представителем которой был автор «Сына Человеческого», и начать приобщаться к ее жизни и традиции, что я вскоре и начал делать. Однако уже при вхождении в нашу церковно-приходскую среду я стал слышать от разных священников, знакомых семинаристов Троице-Сергиевой Лавры или прихожан примерно следующее: «О да, о. Александр талантливый писатель и проповедник, но не все в его взглядах безупречно». А в более грубой форме некоторые намекали на его нерусское происхождение (слава Богу, таких было все-таки значительное меньшинство). В общем, советовали «осторожно» читать его книги и переходить к святым отцам. Знакомый иеромонах Р. из Троице-Сергиевой Лавры, к которому в конце 80-х – начале 90-х сильно тянулась интеллигентная молодежь и у которого были мои первые исповеди², в 1990 г. подарил мне брюссельское издание «Магизма и единобожия» под авторством Эммануила Светлова³, при всем том, что отец Р. и был выразителем как раз этой позиции: книги талантливые, но читать их лучше с осторожностью и прове-

² Ныне епископ, правящий архиерей одной из епархий РПЦ.

³ Псевдоним, под которым в советское время выходили многие книги прот. А. Меня на Западе.

рять святыми отцами. Такие моменты не забываются – я до сих пор вспоминаю этот подарок с теплотой и благодарностью, несмотря на то, что по поводу Соловьева и Бердяева мне приходилось с отцом Р. спорить... Так случилось, что эту книгу я как раз читал в день гибели о. Александра!

Весь парадокс и трагизм дальнейшей церковной ситуации в России был в том, что безграничная свобода, открывшаяся для Церкви после 1990 года, не только не породила тогда новых служителей в ее рядах, сравнимых с о. Александром по широте взглядов и охвату миссионерской деятельности, но фактически и положила конец самой его миссии, и сделала все возможное для ее компрометации. Как все-таки могло случиться то, что Христов миссионер из тех, кто по масштабу своего таланта и проповеди появляется в этом мире в лучшем случае раз в столетие, был столь легко отвергнут своими единоверцами, и притом на волне интенсивного возрождения церковной жизни после долгих лет гонений и плена!?. Попробую осмыслить весь прошедший 20-летний период с момента гибели о. Александра и до появления вышеуказанной заметки в «Радонеже» через призму собственного опыта вхождения в РПЦ и дальнейшего соприкосновения с разными взглядами и течениями внутри нее.

Вскоре после «Августовской революции» 1991-го стало заметно, что либерализм, отчасти утвердившийся на российской почве на волне Перестройки, начинает давать существенные сбои, а множество простых граждан, столкнувшихся с реалиями дикого нерегулируемого рынка, безграничной свободы слова, не приносящей реальных созидательных плодов, и просто развала промышленности, науки и культуры, начинает постепенно «праветь». Растут либо национально-патриотические, либо монархические настроения среди интеллигенции. Многие пополняют число прихожан православных храмов не только потому, что ощутили на себе призыв свыше, но по элементарным соображениям типа «нужно во что-то верить», как-то заполнить возникшую идейную пустоту, поскольку довольно многие российские граждане вполне успели свыкнуться с идеократическим характером прежней государственной власти. В таком случае возникает немалый риск внешней простой замены одной идеологии на другую.

Церковь многие стали рассматривать как оплот национально-культурной идентичности, нравственности, патриотизма. Сразу же стало появляться множество репринтных дореволюционных изданий, рассматривавшихся как эталон православной мысли, немало из которых к концу XX века просто устарело и потеряло актуальность, но, тем не менее, романтическая обращенность в дореволюционное прошлое с некоторым экзальтированным монархизмом сыграли в этом процессе немалую роль. Побравировать своим монархизмом в церковно-молодежной среде начала 90-х было по-своему модным и считалось хорошим тоном, в том числе среди духовенства. И вот, лишь только написав эти строки, нахожу подтверждение тому, что сам вспомнил, в интервью отца Александра (1990 г.) испанской журналистке Пилар Бонет: «Общий уклон сейчас такой. Это реакция на разрушение национальных ценностей. Раз не устраивают коммунисты – сразу давай монархию, идеализация монархии; раз не устраивает партийный аппарат – давайте восстановим Церковь в том виде, в каком она была до революции. Хотя забываем, что именно потому, что она была такой, произошла катастрофа. Это никого уже не интересует. Ностальгия по прошлому... Это всё очень разочаровывает людей, уставших от идеологического гнёта. Они искали среди христиан открытой позиции, а встречают новый вариант закрытого общества»⁴.

А тем временем жить становилось не просто хуже, а еще и страшней, в особенности после братоубийственной бойни октября 1993 года, возникшей в результате полного кризиса и паралича законодательной и исполнительной власти России. Человеческая жизнь катастрофически обесценилась... Возвращаясь к тому времени, когда погиб о. А. Мень, можно констатировать, что именно тогда, во второй половине 1990-го, атмосфера в России-СССР сгушалась и наэлектризовывалась. Становилось тревожно, чувствовалась возрастающая нестабильность и непредсказуемость, при том, что перестроечно-реформаторский пыл и митинговщина нисколько не ослабевали, но дошли уже практически до своей кульминации в начале 1991-го. Для

⁴ Мень А. О себе... М.: Жизнь с Богом, 2007. С. 277.

историков то время вполне могло напомнить февраль-март 1917-го по многим аналогиям и совпадениям. Начинались те самые «лихие 90-е», о которых мало кто сегодня любит вспоминать, с их бандитизмом, рэккетом, разнузданными низменными инстинктами. Отлично помню, что как раз в то время в табачных киосках стали продавать отнюдь не только табак и сигареты, но и прочую всякую всячину, сувениры и в том числе православные иконки. Сразу подумалось, что дело наше – «табак». А после гибели о. Александра Меня началась длительная и устойчивая череда убийств многих священнослужителей, не прекращающаяся до сих пор! Двое из иеромонахов были убиты совсем скоро, один в декабре 1990-го, другой в начале 1991-го (о. Лазарь Солнышко и о. Серафим Шлыков). Потом – мученики Оптинские, и еще, и еще, а в последние два месяца 2009 года погибли один за другим иерей Даниил Сысоев и протоиерей Александр Филиппов... Это невозможно было себе представить, как ни странно, ни при хрущевско-брежневском режиме, ни в какой-либо западно-европейской стране, ни даже во многих мусульманских! По воспоминаниям хорошо знавшей о. Александра Марины Журинской⁵, как-то раз среди ее друзей, близких к о. Александру, зашел в его присутствии спор о политике, весьма эмоциональный. Отец Александр молчал, и лишь однажды заметил: «Пока происходит борьба капитализма с социализмом, мир оказался во власти террористов, – неужели никто не видит, что это главное?» И произнесено это было лет за двадцать до 11 сентября 2001-го или до Беслана, – захваты заложников или отдельные угоны самолетов тогда только-только начинались... Разумеется, в такой обстановке многие стали мечтать о твердой государственной власти и объединяющей всех новой общественной идеологии, которую, впрочем, заведомо невозможно было разработать, поскольку российское общество оказалось довольно разрозненным, атомизированным и просто расколотым. В этой ситуации слово отца Александра, по своему характеру наднациональное и даже надконфессиональное, в целом аполитичное, свидетель-

⁵ Журинская М. Реки воды живой. В сб.: И было утро. М.: Вита-Центр, 1992. С. 151.

ствующее исключительно о Христе и рассказывающее о святых Его, не обязательно только русских и византийских, но и западных, стало просто тонуть в печатной и телевизионной сиюминутной разногласии мнений. Или же просто вызывать все большее подозрение у новообращенных православных: либерал, западник, экуменист, совсем не за «Святую Русь», да и сам нерусский...

Как раз за три-четыре года моего неопитства я продрейфовал к 93-му году почти что к фундаментализму. Пусть и не стал монархистом, но, во всяком случае, был настроен весьма консервативно, в обращении в дореволюционное и даже средневековое византийское прошлое. К о. Александру Меню симпатии не терял, но возникло более критическое отношение к нему и к церковным активистам из общин о. Александра Борисова и о. Георгия Кочеткова. Тогда же начала ходить по многим церковным лавкам изданная в Троице-Сергиевой Лавре анонимная брошюра «Отец Александр Мень как комментатор Библии», поразившая меня грубой клеветой на покойного и многочисленными передергиваниями, заметными даже читателю, не сильно искушенному в библеистике. Затем она печаталась и неоднократно переиздавалась уже под псевдонимом «Протоиерей Сергей Антиминсов». Нигде в церковной печати не было дано никаких опровержений, только в зарубежном «Вестнике РХД». Но многие ли об этом знали?..

Вспоминается конец 1994 года, богословская конференция «Единство Церкви», организованная в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте, где я тогда учился. Отцу Александру Борисову с о. Георгием Кочетковым фактически сделали тогда дружную обструкцию, и в числе поддерживающих обций «народный гнев», пусть не до конца и не во всем, был и я сам... Обсуждалась, в частности, нашумевшая книга о. А. Борисова «Побелевшие нивы». Сейчас она вовсе не кажется мне такой уж страшной – наоборот, с большинством мыслей, там выраженных, со временем пришлось согласиться, ощутив на собственном опыте правоту наблюдений автора! Допустим, можно что-то возразить о. А. Борисову по поводу его желания «нового христианства», не православного, католического или про-

тестантского, но «подлинно вселенского», «с человеческим лицом»⁶, но, в общем, эта мысль кажется сейчас скорее интересной, чем крамольной, как она звучала в те годы. Тогда общее доминирующее настроение было примерно таким: вот, развалили страну либералы своими реформами, так теперь еще и за Церковь хотят приняться, чтоб и от нее ничего не осталось! В то время я решил окончательно разделить для себя о. Александра Меня и «меневцев». Ученики никак не больше учителя своего, а чаще всего гораздо меньше и мельче, да и просто могут выставлять его в дурном свете, выдавая желаемое за действительное и домысливая то, что сам учитель мог вовсе не иметь в виду... И вообще, пусть среди церковной интеллигенции, далекой от реформаторских настроений, и не разделялись крайние выпады против о. Александра со страниц «Советской России», «Русского вестника» или анонимных и псевдонимных брошюр, распространявшихся в многочисленных церковных лавках, но все больше утверждалась точка зрения примерно следующая:

«Отец Александр Мень был миссионером для советской технической интеллигенции 60-70-х годов. Отсюда все сильные и слабые стороны его творчества. Не сомневаюсь, что по тому времени проповедь его была весьма эффективна и его книги многим помогли расстаться с «научно»-атеистическими убеждениями и прийти в Церковь. Отец Александр был блестящим оратором и широко эрудированным человеком, но он не был богословом в строгом смысле этого слова. Поэтому он допускал многие ошибки. ... Но даже если чрезвычайно серьезно относиться к его ошибкам, все равно сожжение его книг по меньшей мере бессмысленный акт: на сегодняшний момент они просто безнадежно устарели и уже не слишком читаемы»⁷.

И вот мы подошли к тому самому 1998 году, когда в одной из крупнейших епархий РПЦ произошло вышеупомянутое событие, вызвавшее международный резонанс, а заодно и недоумение, если не шок, большей части христианского мира. Как стал возможным такой позор, что книги лучших православных писателей XX века, – свя-

⁶ Борисов А. Побелевшие нивы. М.: Лига-Фолиант, 1994. С. 105.

⁷ Дворкин А. «Аутодафе»: у кочетковцев есть повод погреть руки // Радонеж. 1998. 26 июня. № 75. С. 8.

щенников А. Меня, А. Шмемана и Иоанна Мейендорфа, столь легко оказались обреченными на сожжение в той самой стране, для людей которой они старались писать, какими бы мотивами это ни объясняли и чем бы это ни оправдывали?

1997–98 годы вообще оказались переломными для русской Церкви. С одной стороны, налицо все большее храмостроительство, внешнее благолепие церковных зданий и осязаемое увеличение числа прихожан в храмах, с другой – расширение борьбы с так называемым «неообновленчеством» и фактическое подавление инакомыслия среди духовенства наряду с усилением «вертикали власти» со стороны епископов. К началу 2000-х это станет выражаться в том, что уже не покойные Мень или Шмеман будут уничтожаемы на кострах в виде книг, а вполне живые, ревностные, пусть в чем-то ошибающиеся молодые священнослужители будут легко отстраняться в разных местах правящими архиереями от служения, перебрасываться с одного прихода в другой, запрещаться в служении на неопределенный срок или даже в буквальном смысле уничтожаться, т.е. «лишаться» сана вопреки каноническим нормам по одному лишь решению епископа за малейшее несогласие с ним, в том числе и за симпатии к «неообновленчеству».

На эти же годы приходится начало моего священнического служения в далекой Забайкальской провинции (так получилось, что в Москве – Подмоскowie в рукоположении мне отказывали). До того, будучи регентом и псаломщиком в одном из московских храмов, я любил вникать в разные тонкости богослужебного Устава. Оказавшись же в Чите или бывая в командировках по области, в условиях, когда все церковные и общественные проблемы в российской глубинке гораздо более обострены и обнажены, сразу же пришло отрезвление: тут ведь не до соблюдения всяких уставных норм и правил, тут хоть слово Божие до народа как-то донести!.. В те первые месяцы служения я вдруг остро ощутил, что наши веками сложившиеся богослужебные чины совершенно никаким образом не предназначены к миссионерству и никак с ним не связаны! Тем более, когда они ведутся на церковно-славянском языке... (Когда-то, в первые века, начиная с апостольской проповеди, было все по-другому, но точно

теперь никто не знает, как. А к позднему Средневековью, когда окончательно оформился богослужебный чин, испытывавший сильное монашеское влияние, вроде бы и обращать некого было, и проповедовать некому – предполагалось, что все с детства всё знают). Вспоминается моя первая Пасха 1998 г. в иерейском сане, как раз в одном из формировавшихся тогда поселковых приходов Читинской области, куда правящий епископ отправил меня в краткосрочную командировку. В самую пасхальную ночь тогда пела лишь одна певчая, причем довольно посредственно, невразумительно и весьма «по-постовому» – я, как мог, ей подпевал и старался придать динамику пасхальной утрени. Какая же Пасха и радость о Христе Воскресшем без пения, без хора? Но хора не было, такова жизнь... *Как* проводить в таких условиях праздничное богослужение, как возможно его модифицировать, проявлять гибкость, отступая от привычных наработанных схем, в том числе и от самого чина богослужения, если сам чин «не работает» в конкретных условиях? Никто не знает, но никто и не пытался решать по-настоящему эти вопросы... Делались попытки только теми, кого окрестили «неообновленцами», начиная с самого о. Александра, к наследию которого лично у меня тогда появилась необходимость обращаться все чаще и серьезнее. В результате оказалось, что в немногих простых словах о. Александр давно уже ответил на разные недоуменные пастырские и прочие проблемы церковной жизни, дав не универсальные способы их решения, которых заведомо не существует, а общий творческий подход и необходимый вектор в их осмыслении, укорененный в Евангелии, глубоко прочувствованном и прожитом ⁸.

⁸ Достаточно перечитать эпилог книги о. Александра «На пороге Нового Завета» – «Новая эра – новая борьба»: «По словам Элиота, чем выше религия, тем труднее она для человека. К христианству это относится в полной мере. Для многих окажется непосильным бременем свобода Христова. Она будет страшить, словно выход в открытое море. Отсюда желание спрятаться под сенью авторитаризма, избавляющего от ответственности. [...]»

С давних пор люди колебались между национальной замкнутостью и обезличивающей нивелировкой. Христиане в свою очередь будут поставлены перед этой нелегкой альтернативой. Как совместить слова апостола «нет ни “эллина”, ни “иудея”» с реальной многоликостью культур и психологических типов?

К сожалению, очень часто в нашей истории какое-нибудь понятие, слово, связанное с определенным историческим контекстом, превращается в пугало, в условный раздражитель. Идея обновления в Церкви, необходимости реформ в ней, прозвучавшая на Соборе 1918 г., была скомпрометирована обновленческим расколом 1920-х, и с тех пор на общецерковном уровне этот вопрос серьезно даже не ставился.

Желание сберечь отечественное наследие будет нередко выливаться во вражду ко всему чужому. Истинным захотят считать только одно из земных воплощений христианства, то есть свое. Разрушая духовное соцветие церквей, вспыхнут распри, соперничество, расколы. [...]

В действительности же вселенское христианство подобно горе, опоясанной лесами, кустарниками, лугами и ледниками, которые вместе составляют ее цельное одеяние. Нельзя ждать, что свет Евангелия будет преломляться одинаково. Проходя через толщу различных народов, он станет создавать все новые и новые ландшафты духовности. [...]

Нелегко будет преодолевать и инерцию старой религиозной психологии. За две тысячи лет многоголовая гидра язычества не раз оживет в самой ограде Церкви. В эту ограду хлынет волна суеверий, заражая молитву механически-заклинательным духом, внося в почитание святых оттенки многобожия, а в обряды – натуралистический магизм. Начнется засилье приземленного, домостроевского понимания веры. Ритуальные и канонические формы будут рассматривать как нечто незыблемое, данное навсегда.

Евангелие отнюдь не отмечает обрядов. Ритуал – это живая плоть таинств, русло духовной жизни, ритм, объединяющий людей и освящающий повседневность. Он соответствует самой природе человека. Угрозой и торжеством обряд становится только тогда, когда в нем начинают видеть самодовлеющую ценность, когда за вечное и Божие выдают то, что – само по себе – имеет земное происхождение. [...]

Опасность для Церкви создадут христиане-законники, которые превратят Предание в фетиш и, повторив грех наиболее консервативных фарисеев, навяжут церковному сознанию мертвящий юридизм и казуистику. Завороженные прошлым, они будут смотреть на него как на единственный идеал.

Они пойдут еще дальше, уподобившись не только фарисеям, но и zelotам: поверят, что в религии допустимо насилие. Когда Карл Великий или Добрыня начнут крестить народы «огнем и мечом», станет ясно, что христиане забыли, «какого они духа». Люди будут убивать друг друга из-за несходства обычаев, пытаться и жечь на кострах тех, кто исповедует иные богословские взгляды или иначе совершает крестное знамение.

Страшно не то, что Церковь подвергнется гонениям врагов, но что сами христиане станут гонителями...» (Брюссель, 1983. С. 666–669).

Между тем эта идея нуждается не просто в принятии, но и в глубоком молитвенном осмыслении. Сам Христос явился Израилю в подлинном смысле «обновленцем», нарушителем, даже ниспровергателем некоторых привычных и незыблемых, казалось бы, ветхозаветных иудейских представлений и традиций, в то время как его противники, книжники и фарисеи, были самыми что ни на есть традиционалистами, хранителями «преданий старины глубокой». Обновленцами были и последовавшие за ним Его ученики, неученые рыбаки, невежды в законе. Но и Савл, бывший ученый раввин и ревнитель отеческих преданий, оказался таковым, сделавшись апостолом Павлом, так как не стал после зова Божьего «советоваться с плотью и кровью» (Гал 1:16), т.е. с традицией, в которой он вырос. Множество святых в последующие века были в некотором роде «обновленцами», как и апостолы. — но отнюдь не в социально-реформаторском или идейном плане, а гораздо в более глубоком смысле. *Ecclesia semper reformanda est* («Церковь всегда обновляется») — имеет ли это изречение древнее происхождение, или более позднее протестантское, не так уж важно, но оно весьма точно отражает жизнь в Духе, предстояние Богу в Духе и Истине как непрерывное, непрестанное духовное обновление. Как пишет апостол Павел, «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор 4:16). И каждый день православные молятся словами 50-го псалма: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Именно в этом случае, в этой покаянной устремленности сердца «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26). Если путь непрестанного духовного обновления прекращается, на индивидуальном ли, на приходском или на общецерковном уровне, жизнь застаивается, окостеневает, угасает.

Это стало остро ощущаться довольно многими людьми к середине первого десятилетия 21 века. По прошествии почти двух десятилетий церковной свободы выяснилось, что РПЦ сохраняет влияние лишь на небольшой срез российского общества и даже постепенно теряет тот почти безграничный кредит доверия, который она имела в начале 90-х. Только лишь 1–3 процента россиян остаются сознательно практикующими православными, что ненамного больше, чем было в предыдущие десятилетия советской власти.

И дело здесь далеко не в прерванных традициях и не в атеистическом прошлом. Сбылось одно из предупреждений о. Александра: наступит полная свобода для Церкви, свобода миссии, проповеди, социального служения в самых разнообразных формах, а мы окажемся неготовыми, растерянными, не представляющими себе, что с этой свободой делать. Отсюда множество вопрошающих и ищущих, требующих у нас «отчета в нашем уповании» (1 Пет 3:15), остались неудовлетворены, а то и разочарованы. Открылось множество храмов, рукоположены тысячи новых священников и сотня новых архиереев... Говорится множество правильных и даже вдохновенных слов о вере и благочестии, о несении креста и отвержении себя, о смирении и любви, но нравственная ситуация не только не улучшается, но, кажется, конца не видно этому происшедшему массовому одичанию. Почему? – «время начаться суду с дома Божия» (1 Пет 4:17). Кризис церковности и есть суд Божий над ней. Нам, служителям, часто не верят, потому что судят не по словам, а по плодам; не по тому, что мы знаем, к чему мы призываем и как проповедуем, а как мы живем. И когда к личным грехам каждого из нас присоединяется обыкновенная беспринципность, политиканство или открытое соби́рание «сокровищ на земле» (Мф 6:19), – это ли не мина замедленного действия для Церкви? И все разговоры об истинности нашей веры становятся пустым звуком, при том, что ревностные и талантливые священнослужители, не искажающие слова Божия, а открывающие истину (2 Кор 4:2), нередко оказываются под подозрением или в опале, либо от неразумной ревности охранителей чистоты веры, либо от обыкновенной зависти человеческой.

Разномыслия же по многим вопросам церковной жизни, о которых писал апостол Павел (1 Кор 11:19), сами по себе неизбежны. Они не затрагивают догматы, а касаются прежде всего обрядов, канонов и других еще более второстепенных вещей, которые, тем не менее, ошибочно могут возводиться в абсолют. Это не раз приводило к печальным недоразумениям. Казалось бы, Церковь изначально была богата своим многообразием и духовных дарований, и служений, и путей устройства отдельных общин или монастырей. Тем более, что все люди разные, и что пригодно или необходимо одному, вовсе не

полезно другому, – но каждый призван ко спасению различными путями. Среди канонизированных Церковью наставников в вере всегда были и «строгие», и «мягкие» святые. Всегда существовало более «либеральное» церковное течение, более открытое миру внешнему и, в частности, нехристианскому, для его освящения и воцерковления путем снисхождения, частичного приспособления к нему, т.е. икономии. И параллельно ему неизбежно существовал охранительный консерватизм, выражавшийся в нежелании подстраиваться и приспособливать церковные каноны к духу времени, «века сего», и изменчивой, капризной, немощной и непретворенной человеческой природе, т.е. принцип акривии. Динамическое равновесие между двумя этими путями, икономией и акривией, без противостояния и недоверия – лучший способ жизни Церкви в истории. Надо понять, что мы нужны друг другу и Церкви – и либералы, и консерваторы! Отец Александр говорил предельно просто: «Все священники разные – и все нужны: и отец А., и отец Б., и отец В., и я»⁹. При этом он органично сочетал свободу с консерватизмом в некоторых практических вопросах¹⁰. В действительности же, преимущественно современной, в самом русском Православии нет самого главного – единства в любви – ни между разными течениями, ни между соседними приходами и епархиями, ни даже между отдельными пастырями внутри одного

⁹ Журинская М. Реки воды живой // В сб. И было утро. М.: Вита-Центр, 1992. С. 153.

¹⁰ В письме Александре Орловой-Модель, живущей в Бельгии, о. А. Мень пишет: «...Что тебе до «политики Ватикана». Это дело человеческое. Не в этих сферах совершается подлинное в Церкви. Перемены в обрядах – всегда эксперимент, и эксперимент болезненный. Новое поколение все это переварит. Схлынет со временем и волна «левизны». Всё это моды, которых в истории было очень много. У нас церковные преобразования вызывали тоже кризисы (начиная от раскола старообрядчества до обновленцев). [...] Единственно, что мне решительно не нравится, – это отмена постов, о которой я давно знал. Может, это и соответствует западному образу жизни, но я этого одобрить никак не могу и тебе советую: живи по нашему православному уставу. [...] Ты знаешь, я экуменист, но это вовсе не означает, что я считаю западные обычаи во всём лучше наших. Кое-чему они могут и у нас поучиться». (Мень А., *прот.* Письма духовной дочери – Александре Орловой-Модель // Христианос-ХIV. Рига, 2005. С. 84.)

и того же прихода. И нет зачастую у нас как здорового либерализма, так и трезвого консерватизма при отсутствии дара рассуждения – отдельные епархии просто лихорадит, сотрясает дух сектантства. Воистину, нелегко многим сегодня разобраться, что же такое есть истинное Православие! А Слово Христа неизменно свидетельствует: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:35).

После гибели о. Александра Меня в последующие годы на просветительской и миссионерской ниве быстро выдвинулся диакон Андрей Кураев, бесспорно, талантливый и эрудированный церковный писатель-популяризатор, книги которого помогли прояснить многие вопросы начинающим православным, а впоследствии его первый православный миссионерский интернет-форум стал воистину уникальным и незабываемым явлением. Но, в отличие от о. Александра, Кураеву не хватало общей культуры, тактичности и беспристрастности в оценках отдельных общественных явлений или его личных оппонентов. На него посыпались обвинения в еретичестве, отступничестве и даже угрозы расправы. Вспоминается его полушутливое и полусерьёзное признание в том, что апостол Павел мог свободно позволить себе быть «с иудеями как иудей, чтобы приобрести иудеев», «для чуждых закона как чуждый закона», «для немощных как немощный, чтобы приобрести немощных» (1 Кор 9:19-22) хотя бы просто потому, что в то время не было диктофонов и магнитофонов, как не было и печатного слова. То есть поймать проповедника на слове, обращенном и приспособленном к конкретной ситуации и определенному типу слушателей, тогда было невозможно. Ныне же записи о. Андрея и его книги распространяются среди различных слоев верующих и неверующих, и современные ревнители чистоты православия весьма соблазняются, вырывая из контекста отдельные выступления, направленные к целевой и специфической аудитории. Но не та же ли самая неблагодарная участь постигла еще гораздо раньше о. Александра, единственного тогда в своем роде миссионера-просветителя, чьи лекции или интервью перед весьма специфическими аудиториями некоторые охотники за ересями пытались немедленно обратить против него самого? В том числе, увы, и сам

о. Андрей, назвавший о. Александра «потерявшимся миссионером» и «батюшкой ДА», не умевшим, по его мнению, проявить твердость и принципиальность перед скептической или плюралистически настроенной публикой и никогда не говорившим «нет»¹¹. Действительно, в советском обществе людей с детства приучали все время против чего-то выступать, кого-то или что-то осуждать и говорить «нет!»: ревизионизму, империализму, пессимизму, символизму, идеализму и мало ли чему еще... Понятно, что о. Александр никак не мог пойти по пути «нет» перед интеллигенцией, заведомо недоверчиво настроенной ко всяким категорическим отрицаниям. И тем самым он приобрел ее, успешно быв «с иудеями как иудей», с научной элитой также как свой, и даже с астрологами как астролог. Как пишет Сергей Аверинцев: «Можно поморщиться: “образованщина”. Миссионеру, однако, этого права не дано; он должен любить племя, среди которого трудится, жить его жизнью, говорить с ним на его наречии, считаться с его особенностями – шаг за шагом, с азов преодолевая его страшную отчужденность от христианской традиции»¹². Разумеется, всегда в таком деле есть громадный риск, не только ошибиться формально с точки зрения школьной догматики или в методах пастырского воздействия на душу (о. Александр был пастырем для «тонкорунных овец»), но и быть неправильно понятым или перевернутым. Но, как известно, не ошибается только Бог или тот, кто ничего не делает.

В то же время поразителен сам факт, что в условиях несвободы, жесткого контроля за деятельностью Церкви в советское время, когда множество разных зарубежных трудов по библеистике не всегда было доступно даже специалистам-религиоведам, о. Александр сумел проделать работу, которая могла быть по силам целому коллективу авторов, составителей, допустим, очередной энциклопедии, или даже целому научно-исследовательскому институту (это касается, конечно, его многолетней работы по составлению словаря по библеологии). И стоит отметить, что его знания по библеистике в свое

¹¹ Кураев А., диакон. Александр Мень: потерявшийся миссионер // Оккультизм в православии. М.: Фонд «Благовест», 1998.

¹² Аверинцев С. Миссионер для племени интеллигентов // В сб.: И было утро... С. 327.

время получили наиболее высокую оценку от митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, ныне Святейшего патриарха Московского¹³. В то же время для широкой аудитории он непременно умудрялся написать или сказать простое и проникновенное слово о Боге, о библейских пророках или о Христе-Спасителе, – не книжно-академическое, при всей его по-настоящему академической образо-

¹³ Из интервью с митр. Кириллом Смоленским, взятого Яковом Кротовым в сентябре 1991 года: «Через хорошее знакомство с современной западной литературой отец Александр Мень был в курсе того, что происходило в богословском мире. А наши духовные школы, к сожалению, на протяжении десятилетий находились в некоторой изоляции. Во-первых, потому что до 1946 года вообще школ не существовало, а во-вторых – эта изоляция имела и другие причины. Так вот отец Александр Мень в своем православном богословствовании использовал результаты современных богословских исследований – в первую очередь, библейских. Он хорошо знал результаты современной экзегетики, герменевтики, и свое православное библейское богословствование основывал на результатах этих исследований. Если взять большинство наших богословов, то результаты современной герменевтики и экзегетики остаются за их горизонтом. Они основывают свое библейское богословствование на традиционной экзегезе. Причем, когда мы говорим о “традиционной” экзегезе и “современной” экзегезе, то мы должны объяснить понятия. Конечно, «“традиционная” экзегеза» это не обязательно святоотеческая экзегеза. Иногда это просто имитация ее. Потому что святоотеческую экзегезу в полной мере принимал и отец Александр. А вот экзегеза, присущая богословским школам XIX века, которая основывалась на трактовке Textus’a receptus’a, им использовалась минимально, а может быть и вообще не использовалась. И когда мы говорим о «современной» экзегетике, мы не имеем в виду какой-то крайне радикальный и рациональный подход к Библии. Дело в том, что “демифологизация” библейских текстов, которая была очень модна в XIX веке, она совершенно скончалась. Библиистика вернулась в Церковь, причем она сейчас играет очень созидательную роль. И отец Александр Мень был хорошо знаком с этой экзегетикой. Поэтому неприятие его в определенных кругах объясняется тем, что люди, не принимающие его, плохо знакомы с тем, что произошло за последние 20–30 лет в богословском мире, плохо знакомы с результатами, прежде всего, библейских исследований. И мне кажется, что тот факт, что о. Александр хотел защищать диссертацию и что его работа была принята к защите, свидетельствует о том, что и в духовных академиях происходит в этом отношении перемены. Он был тем, кто этим путем прошел первым» (<http://www.krotov.info/spravki/persons/bishops/gundyaev.htm#19912>).

ванности, но живое вдохновенное слово, слово примирения, слово любви и свободы. Такое миссионерство, не ограниченное никакими условно-каноническими рамками, есть, конечно, один из высших и величайших видов творчества. Творчества, ни с чем не сравнимого по своему величию, ибо здесь обнаруживается самое прямое и непосредственное сотворчество с Самим Господом, посылающим всякий раз Своих делателей на жатву. Ни один из писателей, художников или поэтов минувшего века не смог бы изменить столько жизней и приоткрыть божественный свет стольким душам, скольким, прямо или косвенно, удалось, с Божией помощью, отцу Александру.

Итак, сейчас явно наметилось определенное «потепление» в отношении к его наследию, и время должно показать еще, какие результаты эта перемена даст. Тому, как мне думается, немало поспособствовало в последние годы издание дневников и разных богословско-публицистических статей уже другого отца Александра, современника Меня, много потрудившегося на миссионерско-просветительском поприще за границей, – Шмемана. «Дневники» Шмемана, изданные в 2006 году, появились как раз тогда, когда во многих людях стали накапливаться явные недоумения оттого, какие нежелательные формы стала приобретать церковная жизнь за 20 лет полной свободы Церкви в России, и явились для многих настоящим откровением¹⁴. Но ведь сходными словами задолго до внешнего возрождения церковной жизни о тех же проблемах свидетельствовал и о. Александр Мень, поскольку они были со Шмеманом одного духа. Разумеется, и с тем, и с другим подчас можно спорить, и это нормально. Вдумчивое чтение их книг при условии свободного их распространения в церковных лавках и свободного их обсуждения (что успешно делается в случае Шмемана, но еще со скрипом и пробуксовыванием в отношении Меня) – главное условие для творческого развития их миссии в ситуации начала XXI века. Все же хочется надеяться, что в будущем имя о. Александра Меня станет скорее знаменем примирения, чем пререкания. Сегодняшнее время объективно этому

¹⁴ Парфенов Ф. /Филипп, свящ. На нас надвигается новое Средневековье... / Размышления над «Дневниками» протоиерея Александра Шмемана // Континент. 2007. № 132. С. 324–341.

способствует, при том, что неизбежно найдутся и сейчас непримиримые его противники. Пусть его критикуют, и даже несправедливо, – но время неумолимо расставляет всё по своим местам, и каждого дело уже обнаруживается, кто что строил и из какого материала. Как пишет апостол Павел: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.

Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду» (1 Кор 3:10-14).

Москва, апрель 2010 г.

Владимир Илюшенко

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ¹**

Дом культуры им. Серафимовича. Москва, 22 января 2001 г.

Когда мы говорим о ком-то: «великий человек», что мы имеем в виду? Объяснить это трудно, критериев точных здесь нет, но это все же как-то чувствуется. Я думаю, что великий человек – для меня, по крайней мере, – это масштаб личности и величие духа. И это определяет судьбу. Масштабу личности соответствует масштаб сделанного и качество мысли.

Я знал троих по-настоящему великих людей – Мераба Мамардашвили, Андрея Сахарова и отца Александра Меня. Все они ушли в течение года – меньше, чем за год: Андрей Дмитриевич – в декабре 1989 г., отец Александр – в сентябре 90-го, Мераб – в ноябре 90-го. Рок какой-то. После их ухода возник не просто вакуум, а зияние. Но они же восполнили свое физическое отсутствие своим духовным присутствием. Однако отец Александр ушел не так, как Мераб Константинович или Андрей Дмитриевич, – его убили. И в этом случае зияние было гораздо большим. Оно было бы просто невыносимым, если бы сам отец Александр эту пропасть не заполнил – и не только своими книгами, своим наследием, но своей живой личностью, сиянием своей святости, своим воздействием на жизнь миллионов людей. Вот и сегодня он будет с нами в этом зале.

Мераб Мамардашвили однажды сказал: «Когда мы мыслим неточно, нами играет дьявол». Вот отец Александр всегда мыслил точно. И не только мыслил – он жил точно. Дьяволу просто не за что было ухватиться.

Отец Александр показал нам, как важно быть идеалистом (в смысле преданности идеалу, самому высокому, какой может быть, не абстрактной теории, а воплощенному идеалу – Христу). Но в то

¹ Публикуется в сокращении.

же время, а скорей всего потому, что отец Александр был идеалистом, он был и реалистом. Не реалистом-прагматиком, а реалистом в высшем смысле слова. Достоевский так себя называл – «реалистом в высшем смысле слова», но отец Александр именно в этом смысле был еще большим реалистом.

Обратите внимание на его письма, прежде всего письма художнице, иконописцу Юлии Николаевне Рейтлингер. Вот я хочу прочесть вам одно место из его письма:

«... Человек перед лицом смерти, иного мира и потустороннего как бы “отмирает” от земного. Он весь погружен в Иное, в непривычное инобытие. Бывает, что люди, еще не переступив грани, становятся “равнодушными” ко всему посюстороннему. Хорошо ли это? Да, и – естественно. Наступает другая жизнь, и нужно много сил набрать, чтобы в ней сориентироваться. Только потом, вероятно, люди думают о “покинутом”. А святые заботятся о нем. Но годится ли это для данной, *этой* жизни? Это, конечно, удобно – умереть для мира еще до смерти и поэтому почти не заметить перехода. Так сказать, при жизни перейти в нирвану. Однако это идеал буддийский, а не христианский. Живя здесь, мы, по-моему, должны жить реально и полно – телом, душой и духом. То, что от нас ждет евангельский завет, подразумевает вполне живого человека, хотя стремящегося “отвергнуться себя”. Он мыслит, живет, дышит, любит, переживает во всей полноте. И если что-то гаснет в нем, то оставшиеся силы должны компенсировать потери. Такой человек более уязвим, чем буддийский архат, которому наплевать на всё. Но нам вовсе не обещано безмятежное существование.

...Много ли дали миру люди, которые вместо того, чтобы свидетельствовать на земле о правде Божией, отвернулись от всего? И похож ли Господь (или ап. Павел) на существа бесстрастные? Нет, Христос горевал, удивлялся, радовался. Он был живым человеком среди живых людей. Над этим стоит подумать. И умер Он в муках, а не так, как бесстрастный мудрец вроде Будды...»

Вот так и жил отец Александр. Он был как сжатая пружина, и теперь она начинает разжиматься, раскручиваться, и это надолго.

Я поздравляю вас с днем рождения отца Александра!

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ²

Дом культуры им. Серафимовича. Москва, 11 сентября 2002 г.

Мы живем в опасном мире. Похоже, что ХХI век – это век терроризма. Отец Александр лучше всех понимал, что нам грозит. Он смотрел далеко вперед. Он говорил, что мы стоим над пропастью, на краю катастрофы, и это результат глубокого нравственного и духовного, идейного и социального кризиса. Еще он говорил, что «мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех “детей Адама”, терзающей его единое тело. Эта война не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни “мира”. Террор и ненависть не знают перемирий».

Казалось бы, религия может оградить нас от социальных и нравственных бедствий. Но попав в руки тех или иных общественных групп, она утратила свою подлинную природу. Произошла подмена, метаморфоза религии. Она стала превращаться в служанку политических страстей и оказалась омрачена фанатизмом и насилием. Обо всем этом предупреждал отец Александр.

Но он не только предупреждал – он учил нас жить в этом опасном мире. Жить и выживать. Не физически, конечно, а духовно, потому что *это* важнее всего. Но мы, к сожалению, не всегда это понимаем.

Я помню, в одной из проповедей отец Александр говорил, что мы подобны пылесосам: наши души засасывают всякую дрянь, всякий мусор, и мы к этому привыкли. Он был очень трезвый человек. Он просто фиксировал реальность.

Разумеется, отец Александр говорил о душевном, духовном мусоре, но и мусор на улице, в подъезде, на дороге – это проекция нашего внутреннего мусора. И всякое безобразие, которое творится в мире, – это проекция нашей внутренней тьмы.

Так вот, отец Александр – один из очень немногих людей, кто всю свою жизнь рассеивал эту тьму. Рассеивал тогда и продолжает это

² Публикуется в сокращении.

делать сейчас. Он нес, он несет свет, который тьма объять не в силах. За это он и был убит. Мы знаем, что это за свет, Кто является его источником, Кому отец Александр обязан своей светоносностью.

Для служителей тьмы (а они есть и в Церкви) отец Александр жив, и они продолжают его ненавидеть, продолжают бороться с тем светом, который он нес. Так вот, эти ученики дьявола в Церкви сильнее всего боятся, что отец Александр будет приводить ко Христу все больше и больше людей, и они идут на всё, чтобы воспрепятствовать этому. Это люди, о которых Христос сказал: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

9 сентября, как и следовало ожидать, отец Александр рассеял мглу, этот смог – и над Москвой, и над Новой Деревней. Я хочу пожелать нам всем, чтобы свет, который он нес, горел и в наших душах.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Библиотека иностранной литературы. Москва, 24 января 2006 г.

Как удавалось отцу Александру сочетать в себе силу и нежность, качества, казалось бы, противоположные? И то и другое было каким-то сверхчеловеческим и в тоже время – очень человеческим. И то и другое было рождено любовью. Только в этой ауре, в этой атмосфере любви возможно было то общение, которое у нас было с отцом Александром. Он однажды сказал: «Научиться любить человека – это значит постичь секрет жизни, самую главную ее тайну».

Вот отец Александр эту тайну постиг. Через него с нами говорил Господь. И сейчас говорит, потому что он – избранный сосуд Божий. Господь вел его за руку всю жизнь. Его сердце вмещало всех нас. Это сердце – как неопалимая купина: оно горит и не сгорает. Оно согревает своим жаром каждого из нас, оно зажигает всё новые и новые огоньки в душах людей.

Святые делятся с нами тем, что имеют, – своими дарами, главный из которых – дар любви. Они своим жаром сердечным меняют

нас. Отец общался с нами не только посредством слов, но и поверх слов. Его голос, взгляд, его лицо (вернее сказать, лик) – всё это было знаком присутствия Бога. У него была жажда Бога, и Господь на эту жажду ответил.

Эта жизнь – она как молитва, как живая непрестанная горячая молитва, из сердца льющаяся, из сердца рвущаяся. Но, пожалуй, не «как» – она и была молитвой. И дело не в его учености, эрудированности – дело в том, что он знал сердцем. Отсюда – его уверенность, решительность, смелость, стремительность.

Я хочу поставить вопрос, может быть, странный: чем мы отличаемся от отца Александра? Можно ответить: всем, ну просто всем отличаемся, и это будет правдой. Но я хочу выделить одно: мы обычно говорим о Боге, не ощущая Его, и это только слова, а отец Александр говорил о Нем совершенно иначе, и это не были просто слова, потому что он всегда жил в Его присутствии, потому что он доверял Ему беспредельно, потому что он **знал** Его. А знал потому, что любил Его. Вот в этом, мне кажется, главное отличие.

В его молитве сказано: «Ради Тебя люблю ближнего, как самого себя». «Ради Тебя». Даже ему трудно было любить таких ближних, как мы, но он любил. А нам любить их еще труднее, нам бы поучиться терпеть их, но если бы мы научились любить Господа, мы бы сумели полюбить ближних, а может, даже и дальних.

У нас слово «любовь» очень часто на языке, а в сердце ее нет, и этого никак не скроешь, не утаишь. А у отца Александра была действенная любовь, вот как апостол Павел говорил: «вера, действующая любовью», потому что Бог поставил Свою печать на его сердце, и оно горело любовью. Вот за эту любовь к нам – ко всем! – он и был убит, как Христос был убит за любовь к нам. Потому отец Александр и был образом Христа.

Все-таки я надеюсь и верю, что отец Александр кое-чему нас научил. Нам надо молить Бога, чтобы семена, брошенные в наши души через отца Александра, проросли, дали всходы, принесли плоды.

ВЕРА И КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ. НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ³

Тема, за которую я взялся, необозрима. Отец Александр когда-то сказал о Владимире Соловьеве и Павле Флоренском, что они сами были культурой. Вот так же и я могу сказать, что Александр Мень сам есть воплощенная вера и воплощенная культура, и чего бы он ни касался в своем творчестве, эти две универсалии пронизывали всё. Поэтому я по необходимости вынужден был ограничить себя и добавить к названию своего сообщения слова: «Некоторые соображения».

Я думаю, в этой аудитории нет надобности говорить о том, что такое вера. Достаточно сказать, что это стержень человеческой личности и, по слову отца Александра, «ключ к Царству Божию». Но вот что такое культура?

Тривиальный ответ состоит в том, что это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством в ходе истории. Но при таком, чисто статичном подходе оказывается, что культура – это, по преимуществу, то, что хранится в архивах, библиотеках, музеях и в памяти компьютеров. Относится ли всё это к культуре? Безусловно. Но для ее характеристики этого недостаточно.

Культура принадлежит к числу многомерных понятий, и потому любое ее определение – а их сотни – не может быть исчерпывающим. Не претендуя на то, чтобы дать оптимальное, а тем более окончательное, абсолютно адекватное определение, хочу обратить ваше внимание на то, что культура имеет две взаимосвязанных, взаимосотнесенных стороны – статичную и динамическую. То определение, которое я упоминал, рассматривает культуру в статике. Но культура всегда есть нечто становящееся, находящееся в развитии, подлежащее пересмотру и уточнению.

³ Доклад на XVI Международной конференции памяти отца Александра Менья в Библиотеке иностранной литературы. Москва, 22 января 2007 г. (Публикуется в сокращении.)

Главное же состоит в том, что и это и почти все иные определения культуры попросту игнорируют тот факт, что культура немислима вне отношений человека с Богом, Об этом ясно говорит сама этимология слова: латинское *cultura* происходит от латинского же *cultus*, означающего почитание, преклонение. Почитание кого? Понятно, что Божества. Преклонение перед кем? Перед Богом. А еще *cultura* означает возделывание, выращивание, в религиозном контексте – возделывание и выращивание сада Господня. Культура – это сад, выращенный человеком взамен утраченного Эдема, хотя люди создают этот сад зачастую без Бога. А потому в нем растут не только розы, но и цветы зла – тернии и плевелы. Добро и зло здесь перемешаны, и требуется дар различения духов, чтобы в этом разобраться.

Я все-таки рискну дать одно определение. На мой взгляд, культура – это особый способ выражения внутренней ориентации человека. Или, иначе: культура – это знаковое средство для выражения отношения человека к себе, к другому, к миру, к Творцу, в более широком смысле – к Бытию. Культура – это своего рода язык. Александр Мень называет культуру «языком духа». Она несомненно связана с духовным измерением Бытия. Вместе с тем культура есть некий инструмент, средство – как наука, техника, язык, и сама по себе она, скорее, этически нейтральна. Как средство – знаковое, коммуникативное – она может быть использована в любую сторону: и для целей добра, и для целей зла. Примеров этому в истории сколько угодно, но в любом случае не следует забывать: культура коренится в сфере духа.

«Если бы вся культура не была языком духа, языком Церкви, – говорил отец Александр, – то не было бы ни Андрея Рублева, ни создателей древнерусских храмов, ни создателей святой Софии Константинопольской, ни поэм, создаваемых бесчисленными известными и неведомыми поэтами от древности христианства до наших дней. Что такое православное богослужение? Это огромный корпус высокохудожественного творчества».

Противопоставление веры и культуры основано на невежестве, в лучшем случае – на недоразумении, но это недоразумение длилось очень долго и сейчас не исчезло. Многие до сих пор полагают, что вера и знание, вера и культура несовместны. На самом деле они не

только совместны – они родственны. Более того, «в последней глубине – это одно» (слова Николая Бердяева).

Для отца Александра вопрос был предельно ясен. «Противостоят ли вера и культура?» – спросил он на одной из лекций и ответил: «Если мы возьмем самые разные произведения культуры – скажем, египетские пирамиды, древнегреческие храмы, “Илиаду” и “Одиссею”, “Божественную комедию” Данте или эпос Бальзака “Человеческая комедия”, – то в каждом из произведений архитектуры, поэзии, живописи всегда в основе лежит вера, взгляд человека на мир, на себя, на Вечное и Божественное. Каким образом человек понимает соотношение этих трех начал, таким образом строит он свои здания, создает свои произведения искусства».

Вопреки антикультурным тенденциям, традиционно существующим в Русской Православной Церкви, отец Александр всегда твердо отстаивал этот духовный принцип – единство веры и культуры. Он говорил: «Ближе к Богу – ближе к культуре, к самой Истине. Культура, любая, вырастает на религиозном основании...» Он напоминал: «...Библия – основа основ для Церкви – есть и великое явление культуры одновременно. Библия использует десятки литературных жанров, приемов. Таким образом, она освящает и санкционирует своим авторитетом сам принцип человеческого творчества. Более того, если мы вникнем глубже, то поймем, что Всевышний недаром называется Творцом, а человек – Его подобием. Творец – и малый творец. А раз творец, значит, создатель, значит – культура».

Отец Александр уделял особое внимание развитию личности, творческой личности. Именно в творчестве более всего проявляется богоподобие человека. Творить может только личность. Ни рыбы, ни птицы, ни животные, ни насекомые ничего не творят. Пчелы строят соты, муравьи – муравейники, бобры – свои хатки, птицы – гнезда, но это всегда повторение. Это действует инстинкт, генетически заложенный в живые существа. Творчества здесь нет. Творчество – удел одного лишь человека, потому что он состоит не только из атомов и молекул, из клеток и сосудов. Он абсолютно уникальное, материально-духовное существо. Дух – это искра Божия, вдунутая в человека. Но дух, как неоднократно подчеркивал отец Александр, надо возвращать, и это приоритетная задача культуры.

Бердяев превыше всего ценил творческую свободу, свойственную личности, но не коллективу, который «всегда принудителен». Он писал: «Народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности. Такие великие произведения мировой культуры, как греческая трагедия или культурный ренессанс, как германская культура XIX в. или русская литература XIX в. ... были явлением свободного творческого духа. Служение народу есть вместе с тем творческое созидание народа».

На такой же позиции стоял Александр Мень. Он пояснял: «Мы часто говорим о традициях, мы часто говорим о народном искусстве, но, друзья мои, ведь это только псевдоним. Народное искусство – это значит анонимное искусство. Но никогда не создавалось ни одной поэмы так, чтобы вот собрались люди и вместе что-то хором начали говорить и в конце концов сложили “Евгения Онегина”. Должен быть поэт, и он должен вдохновиться.

И в музыке действует личность, и в философской системе действует личность – никогда никакой хор не мог создать философской системы. Почему же это так? Почему? Для нас ответ ясен: потому что первоисточник, Творец – это личность.

Мы, в отличие от пантеизма, верим в высочайшее значение, космическое, универсальное значение личностного принципа, и этот личностный принцип приходит из высшего, запредельного Начала. Высшая реальность включает в себя и свободу, и творчество, и личностное начало, и этическое начало. На этих основаниях возможно строить всю человеческую жизнь – нравственную жизнь, социальную жизнь, творческое культурное действо, деяние...»

Религия и культура неразрывно связаны. Они питают друг друга. И неслучайно при тоталитарных режимах погром религии всегда сопровождается погромом культуры. Обезличивание человека, будь то при Сталине или при Гитлере, оказалось губительным для свободного творчества и для самих творцов культуры.

Особенно тяжкие последствия имела многолетняя сталинская тирания. Были физически уничтожены миллионы верующих. Религия была замещена мистифицированной квазирелигией, пародирующей христианство, со своей мифологией, догматикой, своим «священным

писанием» и «священным преданием» и перевернутой системой ценностей. Это был, по сути дела, вариант неоязычества. Несколько поколений советских людей были отрезаны от прошлого, от «растленного Запада», от отечественной и мировой культуры.

Анализу сталинизма и его последствий в значительной своей части посвящена работа отца Александра «Религия, “культ личности” и секулярное государство».

Культуру творит человек, а человек – существо динамическое. Как говорил митрополит Антоний Сурожский, «весь человек есть сплошная динамика, сплошная жизнь, сплошное движение и становление...» А вот слова Александра Меня: «Если в душе нету хотя бы маленького движения вперед, хотя бы маленьких усилий для того, чтобы поддержать движение к Царству Божию, то она начинает умирать ... мы забываем, что всегда необходимо обновление. Кто не обновляется, тот остановился».

Так же обстоит дело и с культурой. Она не может стоять на месте, иначе она мертвоет и загнивает. Культура – это сочетание традиции и новизны. Их гармоническое соотношение характерно для всего творчества отца Александра. Он, как никто другой, понимал, что без обновления традиция становится тормозом на пути развития, и недаром сказал Сидящий на престоле: «Се, творю всё новое».

Отец Александр называл христианство «динамической силой, объемлющей все стороны жизни». Эта сила преображает и душу человека, и общество в целом. Динамизм изначально присущ и культуре. В искусстве, в том числе в христианском искусстве, он проявляется в смене стилей, творческих манер, в чередовании условности и натурализма. Важно, что новизна есть неотъемлемое свойство настоящего искусства. Об этом говорил на одной из своих лекций отец Александр: «Боялось ли христианство новаторства? Нет, не боялось. Потому что иконописный стиль был авангардом по отношению к античному искусству, потому что готический стиль был тоже авангардом по отношению к старым канонам, потому что древнерусские крестовокупольные храмы тоже были авангардом по отношению к базиликам. Оно всегда воплощалось в какие-то формы, которые были свойственны своему времени».

Культура всегда диалогична, она не может развиваться в изоляции. Лишенная общения, она начинает задыхаться и деградирует. В тоталитарных странах так и происходит. Единственное, что спасает тогда художника, – внутренняя свобода, свобода духа, если художник от нее не отказывается. По словам отца Александра, «человек, который лишается свободы, он лишается и творчества, и своего достоинства». Не теряя внутренней свободы, даже в том случае, когда он пленен тоталитарной идеологией, художник способен создавать шедевры. «Немало было ... таких, – писал отец Александр, – кто пережил нечто вроде обращения в иную веру. Народные мечты о рае на земле, ярко описанные Андреем Платоновым, стихийная эсхатология масс находили пищу в утопизме, который вдохновлял строителей новой жизни. Многие верили в оправданность лозунга, начертанного в Соловках: “Железной рукой загоним человечество в счастье!”». Два гениальных человека, поверивших в пролетарский миф, – Андрей Платонов и Павел Филонов – в условиях сталинского террора сумели отразить в своем творчестве сначала расцвет, а потом крах коммунистической утопии.

Итак, культура как диалог и как пространство внутренней свободы придают творчеству подлинный динамизм. Но означает ли это, что любая динамика позитивна? Нет, не означает. Мы знаем, что существует и отрицательная динамика. Она особенно опасна, когда художник попадает под действие демонических сил, а это происходит, когда он уступает соблазнам и открывает им свою душу. Тогда он становится проводником зла и может принести людям ощутимый вред. Таких примеров в истории культуры достаточно много. Но в этом случае, утверждал отец Александр, виновата не культура как таковая, а дух человека. Если человек использует свои способности во зло, «в этом повинен только он сам, это – его грех...»

Следует, очевидно, сказать и о том, что в наше время на авансцену вышла культура «второй свежести» – массовая культура, поп-культура, которая заполонила собой всё, в особенности телевидение. Это результат коммерциализации культуры, которая в значительной своей части превратилась в разновидность шоу-бизнеса.

Внутри культуры существуют разные течения, разные тенденции. Молодежная субкультура, контркультура и даже антикультура – все равно существуют в поле культуры. Если сравнить романы Эдуарда Лимонова, Мишеля Уэльбека и, скажем, «Философию в будуаре» маркиза де Сада с «Хаджи-Муратом» или «Братьями Карамазовыми», то приходится признать, что всё это художественные произведения, и все они находятся в поле культуры. Но сколь различен, полярно различен их вектор! Я не говорю здесь о масштабе таланта – я говорю только о духовной направленности этих вещей.

Именно дух определяет ценность того или иного произведения. Отец Александр высказался на этот счет очень определенно: «Если произведение искусства проявляет слабую духовность, низкую температуру духовности, то его не спасет сюжет; это может оказаться “Мадонна”, но такая, что на нее будет страшно смотреть. Между тем подлинно одухотворенное произведение искусства может изображать земные гору, лес, поле, птицу – и свидетельствовать о Высшем, и быть проповедью, и быть действительно голосом Духа, голосом веры».

Иллюстрацией этой мысли может служить такое явление культуры, достаточно влиятельное сегодня, как постмодернизм. Эклектичный по своей природе, многими он преподносится как некий художественный универсализм. Но меня смущает в нем не эклектичность, а его принципиальная внеморальность, его ценностный и нравственный релятивизм, его анально-генитальная эстетика (как в телепередаче «Аншлаг»). Искусство всегда стоит перед Божественной тайной. Для постмодернизма нет никакой тайны, жизнь не имеет смысла. Веласкес и унитаз, Моцарт и Бритни Спирс, Шекспир и рэп – всё уравнено со всем, всё одинаково бессмысленно или одинаково значимо, что, в сущности, одно и то же. Постмодернизм в конечном счете всё сводит к физиологии, к отправлениям организма. Духовная вертикаль упраздняется – за ненужностью. Человек, по сути, сводится к животному. И это не удивительно, потому что постмодернизм не рассматривает человека как духовное существо: человек – это то, что он ест, и то, что он потом из себя извергает.

Авангард и модерн не посягали на основы культуры – они развивались в прежнем духовном русле. В отличие от них постмодернизм не только уравнивает добро со злом, но упраздняет и Бога как высшую личную инстанцию. Для него есть лишь некое неопределенное потустороннее, чего человек никогда не достигнет, а если и достигает, то это оказывается территорией распада и смерти, дьявольщиной, как в произведениях Мамлеева. Контакт человека с Богом в постмодернизме не предусматривается. Всё в жизни оборачивается кажимостью, симуляком, всё подвергается так называемой деконструкции. Ценности, как таковые, полностью исчезают. Но человек, лишенный ценностных координат, становится духовно беззащитным. Когда отца Александра спросили, как он относится к литературе постмодерна, в частности к произведениям Мамлеева и Лимонова, он ответил: «...Мамлеева и Лимонова читал, и что-то мне не понравилось всё это ... Я не думаю, что это останется в истории литературы. Это плесень какая-то».

Культура примечательна тем, что она соединяет как бы несоединяемое – старое и новое, объективное и субъективное, рациональное и иррациональное. То есть культура, по существу, вещь парадоксальная. Парадоксальность, антиномичность, вообще говоря, – свойство истины. Например, христианство насквозь парадоксально. Христос не просто Бог и не просто человек – Он Богочеловек, Он соединяет в себе совершенно непонятным образом и Творца, и тварь, и Царя, и нищего, предельное величие Он реализует в предельной униженности. Поэтому парадоксальность, присущая культуре, не должна пугать. Культура плюралистична, она не дает однозначных ответов.

Между тем парадоксальность культуры многих, в том числе в Церкви, как раз пугает. Они с большим подозрением относятся к искусству и к свободному творчеству.

Но, что бы ни говорили православные фундаменталисты, «культура представляет для Церкви большую ценность, и это утверждали еще Отцы Церкви, жившие в далекие времена», «культура свидетельствует о Церкви, о Христе, о христианстве» – такова была позиция отца Александра. Его вывод однозначен: «...взаимосвязь между верой и культурой органична ... эта взаимосвязь восходит к глубо-

чайшей древности: когда появился человек, вместе с ним появились и искусство, и религия, и всё остальное. Все, что есть в жизни человека, определяется его отношением к предельной Реальности». «В центре, – сказал отец Александр, – стоит один образ. Я хотел бы, чтобы вы его как бы приняли в себя и запомнили, – это корни, уходящие в самую глубину бытия, это вера, уходящая в мир духовный, это ствол, по которому текут соки живые, и, наконец, это плоды, которые всё увенчивают. Таково органичное и гармоничное видение культуры».

Главное творчество, учил нас отец Александр, – это созидание своего духа. Цель творчества – служение человеческому роду, отдача ему себя. Самоотдача – не только цель творчества, но и цель христианства.

Культура, как и вера, – это способ преодоления смерти. Отец Александр Мень хорошо это понимал, ибо сам был причастен бессмертию.

Наталья Большакова

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Чтобы представить себе тот огромный вклад, который отец Александр внес в культурную и религиозную жизнь страны, представить себе масштаб служения о. Александра, его великого труда по возделыванию, воспитанию, образованию, развитию многих и многих человеческих душ, – людей, поколениями воспитывавшихся в духовном инфантилизме, в стране, где на смену вековым рабским, крепостническим устоям пришли семь десятилетий безбожной диктатуры, надо понять, в какую пустыню пришел трудиться о. Александр, и что он после себя оставил.

Напомним, что год рождения Александра Меня и их с матерью крещения у катакомбного священника – 1935, «когда исчезновение христианства в советском обществе включалось в государственные планы на равных основаниях с экономическими задачами»².

«В первый же год Октябрьской революции был создан проект закрытия всех храмов и запрещения таинства Евхаристии. И хотя этот план не был приведен в исполнение, натиск, обрушившийся на Церковь, превзошел по своей силе все, что знала история от времен римских императоров и Французской революции», – пишет о. Александр в предисловии к запискам В. Я. Василевской «Катакомбы XX века»³.

«Когда в свои школьные, а затем в студенческие годы Алик Мень неуклонно пополнял свое религиозное самообразование, – за этим

¹ Доклад на XVI Международной конференции памяти отца Александра Меня в Библиотеке иностранной литературы. Москва, 22 января 2007 г.

² *Аверинцев С.* На вершине горы – крест // Христианос-9. Рига, 2000. С. 16.

³ *Василевская В. Я.* Катакомбы XX века. М., 2001. С. 8.

стоял такой подвиг верности, о котором в более благополучные времена очень трудно составить себе понятие»⁴.

В год, когда Александр Мень вышел на свое священническое служение – 1960 – Н. С. Хрущёв публично (это было в газетах, по радио) объявил, что через 20 лет в СССР не останется ни одной верующей старушки и ни одного попа. О том, что эти слова были подтверждены серьезными намерениями и действиями, свидетельствует статистика: за небольшое время хрущёвского правления было физически уничтожено, взорвано и т.д. 14 000 храмов и монастырей (из 20 000 существующих к моменту прихода Хрущёва к власти). Но, кроме угрозы физической расправы, был еще один очень тяжелый фактор. В эти годы, – как пишет С. Аверинцев, – «имело место единственное в своем роде психологическое давление: советское общество навязывало верующему роль преступника и вдобавок глупца, который, по своей вредной злонамеренной дикости все еще не знал того, что обязан знать каждый грамотный человек.

Против верующего – все: не только КГБ, не только официоз, но и советское общество как таковое, включая либералов времен «оттепели». Атеизм пользовался статусом самоочевидной аксиомы. И вот в такое время образованный и живой, в лучшем смысле этого слова «нормальный» молодой человек не только становится священником; он начинает такое дело, которое всеми в условиях советского режима было признано за самое невозможное, – дело миссионерства». (С. 16–17) Но если исполнение «обычного» священнического долга, возложенного на каждого христианина, а уж тем паче на священнослужителя, словами Христа, обращенными к ученикам: «Идите, научите все народы...» (Мф 28:19), – в советское время именовалось «религиозной пропагандой» и приравнивалось к наказуемым преступлениям (а советский человек обязан был заниматься антирелигиозной пропагандой), то уж христианское просвещение, катехизация (научение основам христианской веры), приобщение детей и молодежи к вере и христианской традиции считалось за пределами возможного даже среди верующих.

⁴ Аверинцев С. На вершине горы – крест // Христианос-9. Рига, 2000. С. 16.

Государственная власть планомерно и жестоко делала всё, чтобы русский и все другие народы, входящие в состав СССР, были вырваны из христианской и любой другой религиозной традиции. Были закрыты духовные учебные заведения, монастыри, не издавалась религиозная литература.

И вот в атмосферу такого одичания приходит человек, который, несмотря ни на что, хочет рассказать своим современникам о природе веры, о религиозном пути человечества с древних времен до Боговоплощения, о мировой духовной культуре. Он понимает, что и Церковь несет ответственность за катастрофу 1917 года, потому что революцию совершали, духовенство убивали, сжигали храмы и монастыри, кошунствовали те, кто были крещены, но не просвещены. Православная страна стала первой страной массового атеизма. Любая поместная церковь нуждается в общении с другими церквями. Главные проблемы христианства в России связаны с его многовековой изоляцией, и многие недостатки русского исторического христианства, русского православия объясняются отсутствием общения православных с другими христианами.

Недостаточность пастырской работы, способствовавшая бурному росту сектантства в России; формальное соблюдение обрядов, бытовое благочестие (а по сути, язычество внутри христианства), искажение церковного сознания, равнодушие к сути христианства – к Благой Вести и к таинству Евхаристии, глубокая религиозная невежественность – вот далеко не все болезни, которые были в церкви до революционной, синодальной, и которые ясно видел отец Александр и с которыми вышел на борьбу почти в одиночестве. Следуя своему призванию апостола, просветителя, миссионера – вернуть к Жизни, Истине, ко Христу своих современников, отец Александр создает свой непревзойденный труд в шести томах под общим названием «В поисках Пути, Истины, Жизни».

Цель этого гигантского труда, кратко сформулированная автором, – «дать картину духовного развития дохристианского человечества».

«Отрыв культуры от ее религиозных основ, – пишет о. Александр в «Истоках религии», – не может остаться без роковых последствий.

Подлинный культурный расцвет немыслим без интенсивной духовной жизни.

Чем была бы история Израиля без Библии и чем без Библии была бы европейская цивилизация? Чем была бы западная культура без католичества, индийская – без ее религий, русская – без православия, арабская – без ислама? Кризисные и упадочнические явления в культуре, как правило, бывают связаны с ослаблением религиозного импульса, которое приводит творчество к деградации и омертвлению»⁵.

Весь шеститомник пронизан целостным видением истории мировых религий как поиска, порыва человека к Богу, начавшихся в доисторические времена.

«...И летопись, и древняя поэзия, и богослужебные тексты, и литература – всякая культура является внешним выражением духовного ядра, – говорит отец Александр в лекции «Вера и культура», – как человек представляет себе природу, вечность, самого себя, нравственный долг, – так же он строит свои здания, свои храмы, так он рисует, пишет, лепит, поет; в основе всего лежит видение мира, вера человека. Определенное видение вселенной, определенное видение духовных миров отражено в деятельности человека начиная с древнего мира, с египетских пирамид, и вот эти создания являются свидетелями и выразителями духа человека».

С. С. Аверинцев, размышляя о шеститомнике, о книге «Истоки религии», говорил, что трудно писать и потому никому по-настоящему не удавалось до сих пор верно сказать о сущности религиозной культуры, что «она не исчерпывается до конца ни школьно-богословским, ни историко-культурным подходом. Религиозная вера как таковая и культура как таковая – вещи различные, но они выступают всегда в единстве и лишь в единстве их можно адекватно увидеть. Религиозная культура вырастает из веры и без веры распадается, как тело, из которого ушла жизнь; но и вера без религиозной культуры остается, так сказать, невоплощенной. Даже самые бесспорные явления общей истории культуры, например, памятники религиозного искусства, скажем, готический собор, икона Андрея Рублева или грегорианская

⁵ Мень А. Истоки религии Брюссель, «Жизнь с Богом», 1991. С. 41–42.

мелодия, по существу, закрыты для нас, если у нас нет достаточного понимания вдохновившей их веры...

Христианская культура движется к своему 3-ему тысячелетию, но ее предыстория уходит в глубину времен несравнимо дальше. И вот перед нами обращенный к широкой публике труд, который отвечает на запросы, до сих пор не удовлетворенные»⁶.

Во многом о. Александр был последователем Владимира Соловьева, он писал: «Соловьев одним из первых обратился к христианскому осмыслению религиозной истории», без чего невозможно полное понимание всемирной истории вообще и христианства в частности.

Первый том шеститомника – «Истоки религии» повествует о первобытных верованиях и раскрывает мысль автора о том, что человечеству с самого начала сопутствовало интуитивное знание о существовании невидимой духовной реальности.

Следующие четыре тома – «Магизм и единобожие», «У врат молчания», «Дионис, Логос, Судьба», «Вестники Царства Божия» рассказывают об удивительном «осевом времени» – середине первого тысячелетия до Рождества Христова, когда казалось бы, независимо друг от друга в Китае, Индии, Греции и Иудее появились великие пророки, учителя и мыслители, создавшие почти одновременно главные мировые религии. Последняя книга шеститомника – «На пороге Нового Завета» показывает эволюцию мировых религий и духовное состояние человечества накануне Рождества Христова.

«Как белый цвет поглощает спектр, – пишет о. Александр в эпиллоге, – так Евангелие объемлет веру пророков, буддийскую жажду спасения, динамизм Заратустры и человечность Конфуция. Оно освящает все лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов. При этом христианство не новая доктрина, а весть о реальном факте, о событии, совершившемся в двух планах – земном и небесном. Ограниченное местом и эпохой, оно выходит за пределы временного.

⁶ Аверинцев С. На вершине горы – крест // Христианос-9. Рига, 2000. С. 16.

К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее и будущее. Любой порыв к свету богообщения есть порыв ко Христу, хотя зачастую и неосознанный»⁷.

Всю свою жизнь о. Александр проповедовал Христа, Его Евангелие, возвещал людям Радостную Весть. Все его служение в Церкви, его книги, беседы, лекции, вся его жизнь, с детства до смерти, – это есть Евангелие, как его возвещал отец Александр. Он разворачивает перед нами захватывающее зрелище религиозных поисков смысла мироздания, и мы видим ответное действие Слова Божьего в библейской истории Израиля, высшей точкой которого является приход Богочеловека, и, наконец, он описывает и новый, христианский период исканий и прорывов к Истине в литературном, философском творчестве и в церковной жизни в присутствии живого Христа. А книга о. Александра «Сын Человеческий», известная сегодня миллионам читателей на русском языке и многим на 14-ти других языках, сделала реальным Того, Кого в нашей стране пытались представить легендарным, мифологическим, никогда не существовавшим персонажем. Эта книга, перевернувшая сознание и души стольких людей, является и удивительным литературным произведением, – она, при повторном и многократном прочтении, обнаруживает все большую глубину и силу. В книге «Сын Человеческий» отец Александр сумел приблизить евангельские события к современности, к нам, так, чтобы читатель наших дней почувствовал себя если не участником, то как бы созерцателем их. Глубочайшие богословские, историософские и философские мысли автор излагает необыкновенно просто и доступно, но при этом, популярном, казалось бы, способе изложения, его книги оснащены богатейшим научным аппаратом, подробнейшей библиографией, ссылками, примечаниями, приложениями, иллюстрациями.

Отцу Александру удалось привести ко Христу тысячи людей во времена тоталитарного режима, потому что он писал так, что его книги могли читать – и, в основном, его читатели были таковы, – и неверующие. «Сын Человеческий» принадлежит не только прошлому.

⁷ Светлов Эммануил. На пороге Нового Завета. Брюссель, 1983. С. 665–666.

Сегодня, как и в то время, когда Он жил на земле, Его любят, в Него верят и с Ним борются». (А. Мень). Сила и убедительность этой фразы в ее простоте и какой-то удивительной религиозной целомудренности.

Трилогия о. А. Менья «Жизнь в Церкви», включающая в себя: «Как читать Библию» – толкование трудных для читателя мест в Священном Писании; «Таинство, Слово и Образ» и «Практическое руководство к молитве», где кратко, ясно автор говорит о различных сторонах церковной (общей) и личной молитвы, ведет читателя по всему годовому кругу церковных праздников, сразу объясняя отличие таинства от обряда, вводит в мир литургии, молитв, песнопений, рожденных и в Ветхозаветной и в Новозаветной Церкви; раскрывает символику храмовой архитектуры, живописи, облачений; объясняет смысл участия молящегося в церковном богослужении Православной церкви, помогает человеку в его предстоянии Богу, в преодолении трудностей в молитве. Таким образом, о. Александр перекидывал мост, соединяя нас с создателями этих храмов, мелодий, молитв, литургических текстов, приобщая нас к вере и духу людей, живших в далекие от нас времена и совсем в других обстоятельствах.

Необыкновенным событием явилось для нас уже в 2002 году издание Библиологического словаря, над которым работал отец Александр более десяти лет (70–80 годы), посвящая его, как и «Исагогику» духовным учебным заведениям русской Церкви. Его очень беспокоило качество образования будущих священнослужителей. Создание такой энциклопедии под силу лишь большому подготовленному коллективу научно-исследовательского института. В словаре 1790 статей, по почти 30-ти темам и, в частности, есть темы, непосредственно связанные с культурой, например: связь священной истории с историей и культурой Древнего Востока и античности; интерпретация Библии в иконописи и других видах изобразительного искусства; литературно-художественные интерпретации Писания от древности до наших дней; писатели и поэты, чье творчество связано с библейской тематикой; отражение Библии в музыке, кинематографе, театре; художники, посвятившие Писанию циклы своих произведений; библейские институты и музеи и т.д.

Кроме книг, написанных о. Александром, большое значение для восстановления прерванной христианской традиции, для приобщения нас к христианской культуре, русской и мировой, для сегодняшнего творческого делания, имело все то, что происходило в общине о. Александра с начала 60-х годов, и с 1970 г. – в недрах новодеревенского прихода, причем, долгие годы, подпольно: и историко-богословские семинары, и лекции в малых группах, и спектакли (был поставлен спектакль по роману Кронины «Ключи Царства») к великим праздникам: к Рождеству, к Пасхе. И мне о. Александр давал машинописные копии текстов пьес на библейские сюжеты (переводы с итальянского, французского, английского), чтобы мы в Риге ставили спектакли с детьми к праздникам, в которых радостно участвовали и взрослые.

В позднеперестроечное время, в последние почти 3 года жизни о. Александра лекции стали публичными, они собирали огромные аудитории в домах культуры, в институтах, школах. Были выступления и на радио и телевидении. Наступила для него короткая уникальная возможность открытой проповеди Евангелия. Первое публичное выступление о. Александра состоялось 11 мая 1988 года, последняя лекция – «Христианство» – 8 сентября 1990 года. Предполагалось, что он станет постоянно проповедовать на всесоюзном тогда ТВ, что он станет ректором Богословского университета... Открытый Православный университет имени Александра Менья существует в Москве и сегодня. Назову лишь некоторые темы лекций и циклов, которыми о. Александр открыл этот университет и общество «Культурное возрождение».

Циклы «Библия и мировая литература», «Библия и русская литература», «Русская философия XIX–XX веков» (Хомяков, Соловьев, Трубецкие, Булгаков, Флоренский, Бердяев, Франк, Федотов, Мережковский), «Мировые религии и культуры», «Никео-Цареградский Символ веры»; лекции «Вселенские Соборы», «Отцы Церкви», «Храмовое действо», «Литургия» и т.д.

На самом деле, сегодня трудно представить, что чувствовали люди в конце 80-х, слушая его лекции о библейских пророках или русском религиозном ренессансе начала XX века, или следя за тем, как

о. Александр рассматривал Церковь в перспективе мировой истории и в современном мире. Эти лекции просто разрушили стену с колючей проволокой, и мы оказались в необозримом пространстве мировой духовной культуры.

Кроме того, о. Александр имел прямое отношение к такому важному событию, как издание в «Московском рабочем» в 1990 году книги Георгия Федотова «Святые древней Руси», для которой о. Александр попросил написать короткое предисловие Дмитрия Сергеевича Лихачёва, а сам написал большую работу «Возвращение к истокам» – подробный анализ пути Георгия Петровича Федотова и его книги «Святые древней Руси».

Важнейшим звеном в труде о. Александра по приобщению своих современников к мировой христианской культуре были переводы книг на русский язык, осуществлявшиеся в его общине в советское время.

Нельзя, хотя бы кратко, не сказать о работах о. Александра для детей. В этой области в советское время был полный вакуум. Дореволюционная детская религиозная литература практически была недоступна, да она и почти вся безнадежно устарела за прошедшие десятилетия. Отец Александр пытался заполнить образовавшуюся пустоту и переводными текстами, и оригинальным собственным творчеством: его книга «Откуда явилось все это?», помогающая ребенку совершенно естественно воспринять, что окружающий нас удивительный мир и мы сами созданы Творцом; «Свет мира» – Евангелие, пересказанное для подростков, – благодаря этой книге не только дети, но и многие взрослые открыли для себя Христа как личного Спасителя, получили Радостную Весть, узнали главные евангельские истины; в 1989–1990 гг. о. Александр подготовил и провел целую серию передач для детей и подростков на радио. Как мы, вместе с детьми, затаив дыхание, слушали радиопьесу «Моисей» по его сценарию, где о. Александр сам озвучивал Моисея, – до сих пор помню, какой силой это было наполнено!

К 100-летию со дня рождения Тейяра де Шардена (1881–1955) о. Александр написал глубокое исследование о его личности и творчестве – «Пьер Тейяр де Шарден: христианин и ученый», которое

вошло в изданную в 1992 году книгу «Божественная среда» вместе с переводами З. А. Маслениковой. В своей статье о «Божественной среде» о. Александр пишет: «Христианин может и должен соприкасаться с Богом в своем творчестве и в повседневном труде. [...] Мир – не просто темница духа, не просто царство несовершенства, он весь есть объект божественной Любви. Поэтому для христианина жить и действовать в окружающем мире – значит находиться в творческой “лаборатории”, где совершаются деяния Творца».

Роман Грэма Грина «Сила и слава» о жизни и мученической кончине «обыкновенного» священника, был одним из любимых произведений о. А. Менья. Он первый перевел роман на русский язык и даже начитал его на магнитофон. В своем предисловии к роману о. Александр пишет об этом слабом, грешном человеке, отнюдь не герое, но который «просто говорит, что над ним имеет власть нечто большее, чем он сам. Именно в этой его смиренной верности и торжествует Христос. Его сила и слава».

Многие в приходе о. Александра помнят, как он говорил: «Когда нам будет что сказать, Господь даст нам кафедру. Даже телевидение». За эти 20 лет, что мы живем без отца Александра, издано 8-томное собрание сочинений Льюиса, книги Честертона, Пола Гэллика, Томаса Мертоня, Анри Каффареля, Тейяра де Шардена, Джона Пауэлла и многих других авторов благодаря тому, что они были переведены в общине отца Александра в глухие времена, когда надежд на их издание не было. Тогда же отец Александр вместе с Валентиной Кузнецовой начал работу по переводу на современный русский язык Нового Завета, начал с апостола Павла. За эти годы вышел полный Новый Завет, в переводе Валентины Кузнецовой, с подробными комментариями.

Мы знаем, что пришел о. Александр в пустыню, а, уйдя, оставил после себя прозрачные журчащие ручьи, цветущий сад, который, с помощью Божией, плодоносит уже столько лет. Щедрость о. Александра и после его ухода продолжает изливаться на нас, одаривая всех, в том числе и тех, кто не ведает о нем, и тех, кто не приемлет его и клеветает на него, однако, так или иначе, все вкушают от плодов его.

И многие видят в этом постоянный повод благодарить Бога.

Дьякон, 1958 г.

**ОТЕЦ АЛЕКСАНДР
И ХРИСТИАНЕ ЗАПАДА**

1989 г.

Фото Софии Руковой

СЛОВНО КАМНИ МОЗАИКИ...¹

Отец Александр был не из тех людей, кому нравится о себе рассказывать. Знавшие его мало, учитывая особенности эпохи, его происхождение, и видя вокруг него новообращенных, могли подумать, что он пришел к вере самостоятельно, уже взрослым, и что среда, из которой он вышел, не имела ничего общего с православной Церковью.

В 1983 году друзья опасались, что он может лишиться свободы, что его могут арестовать со дня на день. Полагая, что нужно подготовиться к его защите в западной прессе (такую защиту организовывали тогда в подобных случаях), я передал ему свою просьбу сообщить какие-нибудь сведения о себе, и он переправил мне текст на нескольких страницах. Из-за того, что он напечатал его очень быстро, ему пришлось потом добавлять целый ряд постскриптов. В первом он отмечал, что в посвященном ему фрагменте мемуаров Анатолия Краснова-Левитина есть ошибки. Отец Александр не заострял на них внимание, но счел необходимым выделить одну, особенно для него чувствительную.

«В частности он назвал меня «богоискателем», что совершенно не подходит для человека, выросшего в вере и для которого она была всегда центром жизни».²

Когда-то, больше десяти лет назад, у него уже была подобная реакция на высказывание совсем другого рода. Тогда начала распространяться его книга *«Сын человеческий»*, и он получал письма от читателей, которые никогда с ним не встречались, но знали, что он ее автор. Чаще всего они хотели рассказать ему, как эта книга изменила их жизнь, открыв им путь Евангелия. Некоторые критиковали ее. На одно из таких критических замечаний, исходившее, по всей видимости, от дамы в возрасте, вхожей в церковные круги, он решил ответить подробно в 1971 году.

¹ Contacts, N° 177, Paris, 1997, P. 4–14.

² Неизданная автобиография.

«То, что мы с Вами незнакомы лично, привело, как мне кажется, к некоторым недоразумениям. ... у меня сложилось такое впечатление, что автор для Вас... почти что «неофит», человек, не связанный с Церковью своими корнями. [...] Поэтому, как это мне ни тягостно, я вынужден коснуться здесь личной стороны дела.

Вам хорошо знаком тот факт, что в интеллигенции предреволюционного периода необычайно широко распространились неверие, позитивизм и отрицательное отношение к Церкви. Многие верующие культурные люди Вашего поколения пришли ко Христу уже сами, независимо от своих родителей. Мне счастливо удалось миновать эту полосу поисков, так как я был рожден в православии не только формально, но и по существу».³

Безусловно, отец Александр вовсе не хотел сказать, что вера людей, пришедших к Богу взрослыми, менее ценна или менее качественна. Но то, что он был с детства воспитан в христианстве, определило всю его жизнь. Очень рано он сумел подготовиться к будущему служению. Пока его сверстники забивали себе голову пропагандой, корпели над учебниками по марксистско-ленинской философии в самом примитивном изложении, он читал Отцов Церкви. И так получилось, что, когда в конце шестидесятых годов в среде советской интеллигенции стал пробуждаться интерес к вере и многие влились в его общину, он оказался на тридцать лет старше их как христианин и член Церкви.

Его родители были евреями, но только отец получил иудейское воспитание. Однако, под влиянием одного из учителей, он потерял веру и был практически агностиком. Вместе с тем, человек терпимый и с головой ушедший в работу, он не оказывал глубокого влияния на духовное развитие своих детей.

Только Анна, прабабушка Александра с материнской стороны, была практикующей иудейкой, но ее дети, следуя настроениям русской интеллигенции своего времени, стали людьми свободомыслящими. Его бабушка с материнской стороны, во время учебы в университете, в Швейцарии, слушала там Ленина и прониклась революционными

³ *Мень. А.* Письмо к Е. Н. // *Aequinox. Сборник памяти о. Александра Меня.* М., 1991. С. 183–184.

идеями. Вот почему, обнаружив, что ее дочь Елена, будущая мама Александра, помышляет о крещении, она пришла в ярость. В девятилетнем возрасте, после долгих колебаний, Елена открыла матери свое желание.

«На маму мои слова произвели впечатление взорвавшейся бомбы. Она была в ужасе, начала кричать на меня, а потом стала бить. Брат с перепугу выбил стекло в окне, чтобы отвлечь ее внимание».⁴

Много лет спустя, после новой тяжелой сцены, Елена убежала из семьи, проживавшей тогда в Харькове. Потом она всё же помирилась с родителями и уехала в Москву с двоюродной сестрой Верой.

Кузинами владела одна духовная жажда. У Веры была православная подруга, очень верующая, которая поговорила о них с каким-то загадочным человеком. Они на расстоянии чувствовали его огромную заботу и, в конце концов, поняли, что это старец, который незримо сопровождает их на пути, молится о них и руководит ими через Верину подругу.

Елена вышла замуж и 22 января 1935 года родила сына, Александра. Однажды подруга предложила окрестить ребенка и спросила у Елены, не желает ли и она принять крещение. Елена смутилась, стала отказываться, потом спохватилась. В сентябре подруга повезла ее с младенцем в Загорск, где она, наконец, познакомилась с отцом Серафимом, жившем в скромном домике, продолжая вести монашескую жизнь, находясь на нелегальном положении. Они провели там ночь, а на следующее утро мать и дитя были крещены. Несколько месяцев спустя и Вера впервые съездила в Загорск и тоже, в свою очередь, крестилась.

Младенчество Александра было осенено горячей молитвой Елены и Веры: движимые пламенной верой, они тщательно следовали советам отца Серафима.

«За ваши страдания и за ваше серьезное воспитание этот самый Алик большим человеком будет», – сказал он Вере, когда Александр уже только исполнилось полтора года.⁵

⁴ *Мень Е. С.* Мой путь // Катакомбы XX века. М., 2001. С. 212.

⁵ *Рукова С.* Отец Александр Мень. Рига, 2000. С. 8..

Отец Серафим (в миру Сергей Батюков) не принял декларацию митрополита Сергия 1927 года и ушел в подполье, перейдя, вместе с другими священниками, под омофор епископа Афанасия⁶ (в миру Сергей Сахаров). Маленькая загорская изба стала местом, где тайно встречались члены катакомбной Церкви. Епископ Афанасий, который исповедовался у отца Серафима, между арестами, время от времени, приезжал туда служить.

Елену и Веру тоже забирали на Лубянку, но, к счастью, отпустили после первого допроса.

В конце войны владыка Афанасий прислал своей пастве письмо из Гулага, объявляя в нём, что он признаёт власть патриарха Алексия, который только что был избран главой Церкви. Большинство членов катакомбной Церкви заняло такую же позицию. И потому только в одиннадцать лет Александр Мень, в сопровождении матери, впервые вошел в легально действующий храм. Его очень удивил вид переполненной москвичами церкви. Ведь прежде он бывал только в подпольных часовнях, куда приходили тайком.

Теперь он почти ежедневно бывал в храме. Летом непременно ездил на какое-то время в Загорск, где ему давали приют монахини, составлявшие маленькую подпольную общину. Настоятельница, мать Мария, в которой он видел настоящую святую, оказала на него глубокое влияние и помогла ему встать на путь священства. Троице-Сергиева Лавра недавно была открыта, и Александр часто ходил туда на службы, много разговаривал с монахами.

Благодаря духовным наставникам он всегда тяготел к оптинской традиции. В частности, архимандрит Серафим, так повлиявший на его мать и тётю, был учеником последнего оптинского старца Нектария⁷ (в миру Николай Васильевич Тихонов, 1853–1928).

В послевоенные годы Александр усердно посещал кружок православных интеллигентов, образовавшийся из старых прихожан отца

⁶ Епископ Ковровский Афанасий канонизирован РПЦ в 2000 г. как исповедник. (Прим. ред.)

⁷ Преподобный Нектарий Оптинский канонизирован РПЦ в 2000 г. (Прим. ред.)

Алексия Мечёва и его сына отца Сергия.⁸ Следуя совету, который в 1918 году дал патриарх Тихон, – собирать наиболее надежных прихожан в малые группы для противостояния окружающим обстоятельствам, – они организовали братство мирян, призванное дать своим членам силу выдерживать самые суровые гонения. Теперь, после войны, они могли собираться в квартирах, организовывать встречи, в ходе которых обсуждались философские и религиозные вопросы. Несмотря на свой юный возраст, Александр стал активным участником этих встреч. Несомненно, мировосприятие многих членов братства несколько отличалось от его собственного, но он нашел у них среду, весьма благоприятную для своего развития. Это была, как он признавался, его духовная родина. Кроме того, он постоянно видел там верующих, старающихся жить христианской общиной в контексте, препятствующем любой приходской жизни.

Следует также сказать, что его семья была духовно связана со святым Иоанном Кронштадтским, который вошел в нее не через книги. В 1890 году в Харькове заболела прабабушка отца Александра. Врачи не могли ей помочь, и соседка убедила ее отправиться к отцу Иоанну, который был в их городе проездом. Священник взглянул на нее и сказал: «Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолимся Господу, и Он исцелит Вас от Вашей болезни».⁹ Так и произошло.

Отец Александр находил прямую связь между этим благословением отца Иоанна Кронштадтского и тем, что его мать с детства прониклась верой во Христа и передала ее ему во времена не только гонений, но и вероотступничества.

Итак, отец Александр не был новичком, пришедшим в православную Церковь. Родившись в самом сердце катакомбной Церкви, получив первоначальное христианское воспитание от исповедников веры, он рос в тесном общении с церковной средой и рядом с мирянами, укорененными в жизни православия.

⁸ Праведный Алексей Московский и священномученик Сергей – канонизированы РПЦ в 2000 г. (Прим. ред.)

⁹ *Мень Е. С.* Мой путь // Катакомбы XX века. М., 2001. С. 211.

С самых юных лет он жил подле алтаря, что было чрезвычайной редкостью для людей его поколения. И в 1950 году, когда сталинизм был еще в разгаре, он стал певчим в московском храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне.

Именно это позволило ему быть связующим звеном между новообращенными шестидесятых-восьмидесятых годов и наиболее живым направлением в досоветской русской Церкви, избежавшим последствий коммунистической секуляризации. Этой укорененности, этой связи, безусловно, не хватает неофитам, которые смогли войти в жизнь Церкви лишь в брежневскую эпоху, и еще в большей мере – тем, кто приходит к вере сегодня. Порой они усердно стремятся утвердить свою конфессиональную самобытность, и у некоторых из них, еще не вполне освободившихся от советского образа мыслей, возникает искушение принять внешние формы за главное. Это основной источник того, что сегодня называют, за неимением более подходящего термина, православным *фундаментализмом* в России. Неудивительно, что самые ярые нападки, которым отец Александр подвергается по сей день, чаще всего, исходят от людей с атеистическим прошлым, обратившихся во взрослом возрасте.

И именно в силу своей укорененности в традиции, он сумел передать ее творчески.

Нельзя также не поразиться тому, что отец Александр взялся за подготовку к своему будущему служению сознательно и систематически, как только он распознал в себе призвание – на переходе от детства к отрочеству. Недавно он прошел через кризис, какой нередко переживают в этом возрасте. Мир показался ему бессмысленным. Он писал стихи, полные черного пессимизма.

«И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения.

Тогда же (это было больше тридцати лет назад) я услышал, зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призыванию.

С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником.

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, лежащие на заранее приготовленный рисунок». ¹⁰

В 1947 году он попытался поступить в семинарию, но, конечно, был для этого слишком юн.

Еще более примечательно, что незадолго до смерти Сталина Александр предощутил грядущее развитие умонастроений и понял, как ему нужно будет осуществлять свое служение.

«В юности от старших я часто слышал, что достаточно одной живой веры, чтобы привлечь людей. Частично я с ними соглашался, тем не менее, хорошо понимал особенности нашего времени. Во времена апостолов большинство их аудитории было в той или иной мере религиозной. Теперь веру заменило безверие, украшенное секулярными мифами. Нужно было сначала разбить лед, найти новый язык для «керигмы», проповеди, увязать ее с вопросами, которые волнуют людей сегодня. [...]»

Когда в 17–18 лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример св. отцов был достаточно красноречив. Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому что само христианство есть действенная творческая сила». ¹¹

У отца Александра было множество даров, он любил историю, философию, науку, углублялся в них по естественной склонности, но всегда – с учетом услышанного им зова. Например, когда, по окончании средней школы, он решил продолжить образование в естественнонаучном, биологическом институте, то было это не только по-

¹⁰ Мень. А. О духовном опыте // Христианос-IV. Рига, 1995. С. 46.

¹¹ Масленникова З. Жизнь отца Александра Менья. М., 1995. С. 136.

тому, что такие занятия отвечали его вкусам, но и потому, что он понял, насколько большую пользу они могут ему принести. С одной стороны, сциентизм был одной из отличительных черт советского менталитета, а с другой, отец Александр через науку мог сблизиться с множеством интеллектуалов, которые реализовывали себя в полную силу.

Находить людей в самой сердцевине их созидательной творческой деятельности, следуя духу диалога с миром, свойственному оптинским старцам, – вот основное направление в миссионерском служении отца Александра. Он был к этому, несомненно, предрасположен, но выбрал такой путь не по своей личной воле.

«Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн «закрытого», самоуспокоенного христианства, обитающего в «келье под елью», что мои установки целиком продиктованы характером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинаясь внутреннему зову».¹²

Отец Александр не решал самостоятельно, в каком направлении ему двигаться, и всегда советовался со своими духовными руководителями. В уже цитировавшемся письме он пояснял:

«... я потому и писал свою книгу на современном языке, потому избрал тот, а не иной метод, что для меня это было составной частью служения и диалога, которые я взял не сам на себя, но имея благословение и живя под руководством».¹³

Развившись необычайно рано, приобретая большие знания и в богословии, и в светских науках, отец Александр был готов к новому поприщу, когда в 1960 году его рукоположили во священника.

Тогда свирепствовала начатая Хрущевым антирелигиозная кампания. Однако на храме отца Александра она не очень отразилась; первый приход был своего рода гаванью, особенно благоприятной для начала его пастырского служения, и впоследствии он нигде уже не мог найти подобных условий. Снова стали закрываться церкви, но оттепель, последовавшая за десталинизацией, способствовала

¹² Мень. А. О духовном опыте // «Христианос-IV». Рига, 1995. С. 47–48.

¹³ Мень. А. Письмо к Е. Н. // Аequinox. Сборник памяти о. Александра Мень. М., 1991. С. 186.

раскрепощению умов. Небольшая группа молодых людей, крестившихся у отца Александра, сплотилась вокруг него. И хотя у отца Александра в то время были обыски и ему пришлось пережить первые столкновения с КГБ, но они были вызваны неудачным стечением обстоятельств и не были связаны, в отличие от последующих преследований, с его миссионерской деятельностью. Отца Александра едва миновали арест и громкий процесс, но полученный опыт, возможно, оказался для него поучительным, предостерег его и побудил к бдительности и осторожности в дальнейшем. Эти качества, столь необходимые тому, кто несет на себе груз ответственности за других, помогли о. Александру избежать многих несчастий.

Теперь он был готов окончательно. И как раз нивы начали белеть. Отныне он мог полностью, до самой смерти, отдавать себя своей миссии: приводить в Церковь новые поколения людей, выросших в советском атеизме. Всё на этом пути было исключительным! Как не распознать в нем высший, промыслительный замысел, соучастником которого он стал?

*Перевод с французского
Леонида Харитонова*

**Слово кардинала Андрэ Вен-Труа,
архиепископа Парижского
у могилы о. Александра Меня, в Новой Деревне.
Понедельник, 27 октября 2008 г.**

Следуя стопам моего предшественника, покойного кардинала Жана-Мари Люстиже, совершившего поездку в Россию в 1989 г., я тронут тем, что могу быть сегодня здесь, рядом с отцом Александром Менем. Их встреча была краткой, но, по тому времени, очень интенсивной. Кардинал Люстиже предчувствовал, что она окажется единственной. Прощаясь с отцом Александром, он сказал: «Теперь, наверное, мы встретимся на небесах».

Не прошло и года после той встречи, как нас потрясло убийство отца Александра Меня. Всеми нами овладело чувство безвременной потери и уныния, поскольку его смерть случилась в то самое время, когда Православная Церковь обретала свою свободу. Это произошло в тот момент, когда, наконец, согласно словам Святейшего Патриарха Алексия II, «талант о. Александра как проповедника Слова Божия и воссоздателя подлинно общинной приходской жизни и мог раскрыться во всей своей полноте».

Пастырский опыт о. А. Меня дает нам пример мужества, проявлявшегося во времена гонений. Тогда, по слову его правящего архиерея, митрополита Ювеналия, «он возвещал в ночи свет Христов». Этот опыт также знаменателен тем большим вкладом, который он внес в глубокое понимание менталитета современного человека. Покойный Сергей Аверинцев как-то раз сказал, что в нашем секуляризированном обществе вера не может более передаваться так, как это было в прежние времена: наша эпоха дает шанс христианству проявиться в качестве миссионерской религии, религии новообращенцев, и выражение Тертуллиана «христианином не рождаются, им становятся» является более актуальным, чем когда бы то ни было. Пастырство о. Александра Меня наверняка вдохновлялось этим принципом, что придает ему универсальный и всегда ценный характер, даже если его теперь нет с нами. Это объясняет успех и востребованность его книг, переведенных на многие иностранные языки.

Его богословие Воплощения, его острое чувство динамизма Благой Вести, в частности, выраженное в утверждении: «Христианство только начинается», которое неоднократно цитировалось кардиналом Люстиже, ставят нас перед нашим двойным предназначением – божественным и человеческим, перед нашей двойной принадлежностью – земле и небу, истории и вечности.

Наконец, нам дорога забота о. Александра Меня о единстве христиан. Его биография открывает нам, насколько он был укоренен в православной вере, которую он получил в среде исповедников. В то же время, о. Александр проявлял братский интерес к западному христианству и католическому опыту. Полностью осознавая, что разделения невозможно преодолеть исключительно человеческими усилиями, он открыл пути взаимопонимания, чтобы мы всегда стремились быть верными призыву Христа в Его великой молитве накануне Своих Страданий: «Да будут все едино» (Ин 17:11).

Мы за это возносим нашу молитву, прося Господа Бога, чтобы жизненная жертва отца Александра Меня принесла свои плоды «дабы мир уверовал».

После этого Кардинал Андрэ Вен-Труа прочитал «Молитву учеников Христовых», составленную отцом Александром.

Перевод с французского

Протоиерей Генрих Папроцки

Генрих Папроцки родился 10 декабря 1946 г. в Польше. Закончил Католический университет в Люблине (1972); православный богословский Свято-Сергиевский институт в Париже (1978); в 1981 г. был рукоположен в священника (Польская Автокефальная Православная Церковь).

Автор переводов православных литургических текстов на польский язык; трудов прот. Сергия Булгакова, свящ. Павла Флоренского, Николая Бердяева, прот. Алексея Князева, Оливье Клемана и др. Автор многих богословских книг и статей. Преподает в православной духовной семинарии в Варшаве и в университете Белостока. Почетный доктор университета св. Григория Перадзе в Тбилиси. Женат, отец двух дочерей. Живет и служит в Варшаве.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ (К двадцатилетию со дня смерти)

С отцом Александром Менем я познакомился в 1980 году в его доме. Я сразу обратил внимание на его необыкновенную эрудицию. С того времени мы переписывались, при всякой подвернувшейся okazji я передавал ему книги и статьи, поскольку богослов в Советском Союзе работал в гораздо худших и куда более трудных условиях, чем в социалистической Польше. В 1987 году отец Александр приехал в Польшу на месяц, но пробыл всего неделю. Он всегда спешил. Говорил, что времени мало, а сделать надо так много. Словно предчувствовал... Он уехал, оставив у нас ощущение неудовлетворенности...

И вдруг, как гром среди ясного неба, разнеслась весть, что его убили. Хотелось думать – миллионов жертв большевистской утопии уже довольно. Оказалось, это не так... Вся жизнь отца Александра была сплошной чередой страданий и преследований, в которых он сохранил не только непреклонную веру, но и чувство юмора. Быть

верующим христианином в государстве, которое провозгласило атеизм государственной религией... Быть священником в государстве, которое единственной религией провозгласило атеизм...

Отец Александр Мень, один из самых необыкновенных людей, встреченных мною в жизни, был священником и ученым, но прежде всего миссионером, который обратил тысячи людей и жизнь которого закончилась мученической смертью. Этот уникальный человек родился 22 января 1935 года, когда очередная волна террора захлестнула страну. Его мать в условиях конспирации завязала контакт с о. Серафимом Батюковым, учеником старцев Оптиной пустыни, ушедшим в катакомбную церковь. 3 сентября 1935 года в полной конспирации недалеко от лавры св. Сергия восьмимесячный Александр и его мать приняли крещение. Детство и молодость он провел в Москве. Уже в средней школе он читал Отцов Церкви, познакомился с трудами Владимира Соловьева и других представителей российского религиозного возрождения: Николая Бердяева, Николая Лосского, отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова, Семёна Франка, Евгения Трубецкого. Непосредственное влияние оказали на него, как он сам признавал, его духовник отец Борис Васильев, профессор-химик Николай Пестов, который организовал в своей квартире занятия по катехизации для детей, и Сергей Фудель, интеллектуал, идейный последователь отца Павла Флоренского, исповедник веры. Самое же решающее влияние на его жизнь имело знакомство с учением Христа: ему было тогда 12 лет, и он решил стать священником. Еще в школе он самостоятельно прошел курс духовной семинарии, потом учился в институтах в Москве и Иркутске. В 15 лет он написал первый вариант книги *Сын Человеческий*. Завершить обучение в институте он не смог, т.к. во время государственных экзаменов выяснилось, что он работает в епархиальном управлении в Иркутске. 1 июня 1958 года он был рукоположен в диакона, 1 сентября 1960 – в священника, а затем окончил духовную семинарию и Московскую духовную академию. Служил в нескольких приходах: в Акулове (1958–1960), Алабине (1960–1964), Тарасовке (1964–1970) и Новой Деревне (1970–1990). Но настоятелем он смог стать только в 1989 году; в 1988-м был награжден митрой.

В конце пятидесятих годов, в период атак на религию, он выступил глашатаем Евангелия Иисуса Христа. Уже в 1959 году (ему тогда было 24 года) начал публиковаться в «Журнале Московской Патриархии», а также в церковной прессе в Болгарии и ГДР. Главные его труды выходили в издательстве «Жизнь с Богом» в Брюсселе. Он печатался без указания своего имени или под тремя псевдонимами: А. Павлов, Андрей Боголюбов и Эммануил Светлов. Его авторское наследие внушительно: *Сын Человеческий* (1968), *Небо на земле* (1969), переработанное позднее в *Таинство, Слово и Образ* (1980), *Как читать Библию* (1981), и прежде всего – шеститомная история религии *В поисках Пути, Истины и Жизни* (1969–1983). Посмертно вышло много сборников его статей, проповедей и лекций, и особенно нужно отметить трехтомный *Библиологический словарь* (2002).

Свои книги – что свидетельствует о его юморе – он изобретательно снабжал иллюстрациями, переснятыми из атеистических брошюр и журналов. Стоит только представить себе условия, в которых эти книги создавались: отсутствие основной литературы, отсутствие возможности для дискуссии. Он сам сказал мне когда-то: *Если бы у меня были в распоряжении библиотеки Парижа, Рима или Бонна...* Тем не менее он всегда исповедовал принцип: нужно довольствоваться тем, что есть, и использовать все имеющиеся возможности.

Здесь уместно высказывание одного из друзей отца Александра: *Поразительная жизнь! В нем осуществилось то, о чем мечтал Николай Бердяев, – соединение святости и творческого труда.*

В одном из интервью он рассказал о своем рабочем дне: *Обычно я начинаю работу в 9 утра, а до этого времени стараюсь сделать всё, что необходимо, в том числе помолиться. Я пишу до часу дня, потом занимаюсь домашними делами. Обедаю в два. После обеда читаю газеты, художественную литературу, отвечаю на письма (их бывает много, в среднем 5–7 в день). С пяти до шести и позже работаю в саду или по дому. До семи редактирую свои тексты, в семь ужинаю. Потом отдыхаю, читаю или смотрю телевизор. Я стараюсь лечь спать не позднее десяти-одиннадцати вечера... В воскресенье и праздники возвращаюсь домой после пяти. И тогда дальнейшие занятия идут как обычно. Перед сном я читаю Библию и Отцов*

Церкви. В этом интервью он не упоминает о контактах с тысячами людей, о том, что сыграл огромную роль в обращении к православию, среди прочих, Александра Солженицына и Александра Галича, который после вынужденной эмиграции написал волнующие стихи, вспомнив церковь в Новой Деревне:

*Когда я вернусь,
я пойду в тот единственный дом,
где с куполом синим
не властно соперничать небо...*

В России говорят: «Чудо – это сам отец Александр». Никто не в состоянии объяснить, что делалось с людьми, которые имели с ним хотя бы короткое общение. Это отец Александр исповедовал и причастил перед смертью известного генетика Тимофеева-Ресовского, это он имел смелость совершать так называемое «заочное отпевание», явление типично советское, когда власти не разрешали публичного религиозного обряда и отпевание совершалось в храме тайно, в отсутствии гроба с покойным. Так было, когда умерли Василий Шульгин, Варлам Шаламов, Владимир Высоцкий. Наконец, это отец Александр смонтировал диафильм, использовал кадры знаменитой ленты Франко Дзеффирелли *Иисус из Назарета*.

Его постоянно отрывали от работы. Труднее всего было в начале восьмидесятых годов. Допросы длились по несколько часов. Он молчал, когда его обвиняли и равнодушно подбрасывали ему кратенькую информацию, что он может ненароком и под машину попасть. Когда ситуация неожиданно изменилась, он начал публичную евангелизаторскую деятельность. Выступления (в последние годы жизни он прочитывал до 22 лекций ежемесячно), встречи, дискуссии, написание статей и предисловий к различным сочинениям (более пятидесяти), интервью, членство в редколлегии первой независимой газеты в России «Совершенно секретно», служение в двух детских онкологических больницах (он готовил детей к смерти как встрече с Богом, а это невообразимо тяжелая задача), выступления на радио и телевидении. Он основал также общество «Культурное возрожде-

ние», ставившее целью распространение информации о российской философско-религиозной мысли, и православный университет в Москве. В обществе, которое на протяжении семидесяти лет ежедневно убеждали, что Бога нет и религия есть опиум для народа, он провозглашал связь религии и культуры.

В его личности поражало прежде всего то, что священнослужение было средоточием его жизни и он сумел всё подчинить этому служению. Он был необычным священником, известным исповедником и человеком, открытым к другим, в том числе к другим Церквям и религиям. Кроме того, он был типично российским мыслителем, довольно редко встречающимся в других регионах мира, который охватывает разные области знания и стремится достичь синтеза. Впрочем, он намеревался сделать такой синтез общим достоянием – синтез науки и христианства. В этом он был преемником великих российских мыслителей, особенно отца Павла Флоренского, которого, как и многих других, ценил очень высоко. Он продолжал мыслить в том же направлении, что и они, но, в отличие от них, сосредоточил свое внимание не на создании собственных философских или богословских трудов, а на той работе, которая более всего нужна была в России. Он писал книги, целью которых было приблизить библейскую историю к читателю, вообще не имевшему доступа к Библии. Его работы в России перепечатывали на машинках, а то и переписывали от руки. Он действовал во времена, к которым можно отнести слова из пророка Исаии: «Сторож! сколько ночи?.. приближается утро, но еще ночь» (Ис 21:11-12).

Самой любимой областью знания отца Александра была библеистика. Он будучи одним из немногочисленных православных библеистов, применял современные методы экзегезы. Он стремился разглядеть лик Христа в Ветхом Завете и доказать, что весь путь человечества вел к единственному событию в истории: воплощению Христа. Он хотел показать Христа не только в книгах, но и в литургии, а прежде всего – в жизни. Он стремился создать общину, поскольку считал, что община – это будущее Церкви в секуляризованном мире. Именно такую общину он и создал в приходе в Новой Деревне под Москвой.

Это был совершенно необычный приход. В принципе деревенский, т.к. к нему принадлежали труженики близлежащих колхозов. На самом же деле туда толпами приезжала интеллигенция из Москвы. Члены прихода опекали людей с ограниченными возможностями, больных и бедных, и сам отец Александр инициировал многие дела милосердия.

Отец Александр был священником Русской Церкви. Он никогда не уехал бы из России. Он был ученым и человеком огромного сердца, гордостью своего народа. После семидесяти лет правления большевиков религиозной жизни в стране почти не существовало. Россия была религиозной пустыней. И именно отец Александр стал тружеником в этой пустыне, где выполнял титаническую работу.

Воскресным утром 9 сентября 1990 года, когда отец Александр в седьмом часу шел на железнодорожную станцию «Семхоз», чтобы электричкой доехать до Новой Деревни, до своей церкви, на его пути появился человек с топором. Отец Александр был в пути, как христианин, который в пути всегда, и на этом пути встретил убийцу. Кровь отца Александра пролилась на месте пересечения его дороги от дома до церкви с дорогой, по которой прп. Сергей Радонежский ходил от своего дома до заложенного им монастыря. Это символично, ибо говорит о сходстве их служения: труд прп. Сергия связан с возрождением народа после татарского ига, труд отца Александра связан с возрождением после большевистской неволи. Удар, нанесенный топором, был рассчитан очень точно – он должен был уничтожить человека, который всю жизнь посвятил делу евангелизации не отдельных людей, но всего народа. Этому преступлению даже не пытались придать видимость несчастного случая или разбойного нападения. Человек с топором в тумане подмосковного утра...

Когда перед Второй мировой войной до Парижа долетела весть о смерти в Соловецком лагере отца Павла Флоренского, его друг отец Сергей Булгаков (есть знаменитый портрет Михаила Нестерова *Философы*, где они изображены вместе) написал: *Он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины. И сам он, и судьба его есть слава и величие*

России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление. Эти слова можно в полной мере отнести к жизни и судьбе отца Александра Меня, священника из Новой Деревни.

Варшава, февраль 2010 г.

*Перевод с польского
Аллы Калмыковой*

Малая сестра Клер Иисуса

РАДОСТЬ И НАДЕЖДА ДРУЗЕЙ ХРИСТА

Есть люди, о которых мы говорим с восторгом, порой, не умея объяснить не знавшим их, что они для нас значат. Отчасти это относится к отцу Александру. Все, что можно было бы пересказать – его проповеди, литургии, которые он служил в храме в Новой Деревне, или где-то еще, разговоры с ним за трапезой в Семхозе или у друзей, поездки в машине – никогда не передаст ту легкость атмосферы вокруг встречи, радость которой была наполнена каждая встреча с о. Александром. Так, без сомнения, думают почти все, кто его знал. Кроме того, все замечали всегда то особое внимание, которое о. Александр уделял каждому человеку, как если бы тот был единственным и самым важным для него человеком на Земле.

Что касается нас, можно сказать, что он любил Братство. И был покорен братом Шарлем еще до знакомства с нами! Каким чудом получил он первый перевод книги брата Шарля на русский язык, изданной в Брюсселе в то время, когда границы были на замке? Он говорил об отце Шарле де Фуко: «В жизни человека, как в айсберге, главное не то, что видишь на поверхности воды, но то, что скрыто. И нужно очень стараться укреплять эту невидимую для других жизнь. Как это делал брат Шарль».

Отцу Александру была дорога мысль о закваске, поднимающей даже тяжелое тесто, и он хорошо понимал малую сестру Магдалину, когда иногда она именно так объясняла суть Братства. Он говорил с юмором: «В глубине души всем нам стоило бы стать малыми сестрами, т.е. просто нормальными христианами». Что его поражало в сестрице Магдалине, которую он встречал не чаще одного раза в год, когда летом она приезжала в СССР – это ее простота, стойкость, бесстрашие – «все, что нужно для жизни здесь» – говорил он. Их объединял некий «энтузиазм общения», и о. Александр не боялся строить совместные планы с матушкой Магдалиной, даже, если условия, которые нам всем были созданы, делали эти планы

неосуществимыми. О некоторых вещах он мог говорить только с ней, например, о расширении его апостольского служения, о росте молитвенных групп, об изучении Евангелия. Смеясь, он нам говорил, что не только готов давать нам советы, которые дала бы матушка Магдалина, окажись она здесь, но готов их давать «с энтузиазмом». Записочки, которые мы получали от него, часто пестрели смешными рисунками. Оба они умели радоваться как дети от обмена подарками. Многотомная энциклопедия на французском, и другие написанные им и изданные в Брюсселе книги, буквально по капле проникавшие в Москву; диапозитивы, помогающие ему в создании фильмов, – все это было источником радости для о. Александра, и он, в свою очередь, готов был вынести все сокровища из своего кабинета и поделиться с нами.

Пришли годы, когда встречи стали гораздо более серьезными. Часто у нас было впечатление, что он чувствовал приближение опасности, и не хотел никого подвергать ей. Он исчезал, едва успев появиться на пороге. А мы знали, что надо следовать его советам и быть осторожными, чтобы «не подставить» его и тех, кто был рядом с ним. Он знал, что может рассчитывать на молитву сестры Магдалины, а мы были частью цепи, которая усиливала молитву, когда шепотом передавалась дата очередного допроса. И, несмотря ни на что, он продолжал сиять от радости. «Мы сами виноваты, что не все открывают для себя Христа – мы не выглядим по-настоящему спасенными, у нас недостаточно спасенный вид». Именно эта свобода духа и радость преображали жизнь и отношения между людьми, делали так, что ты чувствовал себя счастливым рядом с ним, и проблемы куда-то уходили. Все знали не только то, что о. Александр всегда говорил: «Все наладится», – но что действительно это все налаживалось!

О какой радости идет речь, как не о радости Воскресшего Христа, чье присутствие среди нас он делал таким явным? Распятый-Воскресший Иисус, который пообещал нам быть с нами до скончания века, показывает Свои раны и пронзенный бок, но также дает Жизнь. И Его надежда и Его радость – это радость и надежда Его друзей. А отец Александр был, несомненно, одним из Его друзей. Недавно на

похоронах кардинала Шпидлика¹ папа Бенедикт XVI, говоря о действии Святого Духа на таких друзей распятого-Воскресшего Христа, сказал: «Человек, принимающий полностью любовь Бога, «ex toto corde» – «всем сердцем» (это был девиз кардинала), принимает Свет и Жизнь, и становится сам светом и жизнью для человечества и вселенной».

Инициатива встреч с о. Александром шла от Бога, даже если нужно было выверять даты и проявлять большую осторожность. Вот почему его звонок в Тре Фонтане² в Риме накануне похорон малой сестры Магдалены можно считать чудом. Мы очень хотели, чтобы рядом с Греческой, Мелькитской, Украинской Церквами, которые уже молились над гробом, присутствовала и Русская Православная Церковь. Но это было немыслимо! И особенно немыслимо, чтобы представителем от РПЦ был о. Александр!

У него было предчувствие, что остались считанные дни, чтобы нести Благоую Весть через средства массовой информации, предоставленные ему, наконец, после стольких лет запрета на Слово! И он, дорожа каждой минутой, не хотел уезжать из страны. И вдруг итальянцы выдают ему билет и визу на симпозиум в Бергамо! И он едет! И оказывается в Риме, в Руссикуме³, именно в тот момент, когда туда попадают священники, вернувшиеся из Тре Фонтане после панихиды по Малой сестре Магдалине. Это произошло вечером 8 ноября 1989 г. А в июле того же года о. Александр еще встречался с матушкой Магдалиной в Москве... Он тут же позвонил, очень взволнованный, т.к. для него, приехавшего в Рим так неожиданно, и ничего не

¹ Кардинал Шпидлик, иезуит из Чехии, умер в Риме в апреле 2010 г., в возрасте 90 лет. Во время коммунистического режима его сочинения, которые подпольно ходили по Чехословакии, духовно питали многих христиан, живущих за железным занавесом. Он был другом и соратником папы Иоанна-Павла II.

² «Тре Фонтане» – основной дом малых сестер Иисуса, расположенный в Риме на улице Лауринтина, где, по преданию, ап. Павел принял свой мученический конец. Эвкалиптовый лес, в котором малые сестры построили свои домики, был отдан малым сестрам монахами-траппистами из Тре Фонтане.

³ Руссикум – семинария восточного обряда в Риме.

знавшего, было очевидно, что это – Знак Божьей Воли. И что, без сомнения, здесь не обошлось без горячего желания матушки Магдалины, чтобы он приехал проститься с ней.

На следующий день, 9 ноября, мы везли его на машине из Руссикума на отпевание в Тре Фонтане. По дороге мы показывали разные памятники, катакомбы, римские дороги... Но он знал наизусть весь план Рима, и, вероятно, лучше, чем мы.

Слева направо: отец Рене Вуайом, малая сестра Клер Иисуса, отец Александр Мень. Рим, Тре Фонтане, 9 ноября 1989 г.

После отпевания он смог поприветствовать несколько человек из 50 священников, которые служили вместе; о. Рене Вуайома и Малых братьев, трех кардиналов, братьев из Тэзе и сестер из Грандшампа, о. Тадеуша Феодоровича из Ляски (Польша), представителей Константинопольской и других восточных Церквей... А когда закончилась трапеза, он отслужил панихиду на церковно-славянском языке в часовне и обратился отдельно к малым сестрам:

Слово отца Александра о малой сестре Магдалине

*Отец Александр у гроба матушки Магдалины,
часовня в Тре Фонтане, 9 ноября 1989 г.*

«Я очень любил малую сестру Магдалину не просто за ее человеческие качества, но потому что я был уверен, что ее замыслы, ее видение, ее начинание – великое дело в современном мире.

Когда-то, – 2000 лет тому назад мир потрясали войны, противоречия и было также много искушений у людей, как и сегодня.

Апостолы, мужчины и женщины победили языческий мир не силой, а верой и служением.

Мир раздирается ненавистью сегодня, и победить ее можно только любовью. Самая сильная любовь, – любовь евангельская.

И в ушедшей от нас матушке Магдалине, эта любовь была удивительной силы.

Она собрала сегодня людей со всех континентов и это такая радость для Вселенской Церкви.

Матушка Магдалина несколько раз была в России и мне выпало счастье видеть ее, знать ее. Она была для меня и для моих

прихожан, для моих друзей свидетельством силы духа, когда плоти уже почти не было.

И последнее, что я хочу сказать: когда мы вспоминаем день ухода Девы Марии из жизни земной, – это праздник. И сегодня, когда мы на похоронах, на погребении, когда мы прощаемся, я чувствую атмосферу торжества, праздника Церкви.

Пусть ее молитва о вас и Божие благословение будут с вами всегда».

На следующий день о. Александр снова вернулся в Тре Фонтане, чтобы увидеть и глубже почувствовать жизнь нашей общины. Его поразил рассказ о неожиданной и бесславной смерти брата Шарля. Он увидел фотографии о. Шарля де Фуко, иконы и рисунки, сделанные его рукой, словари, составленные им для общения с туарегами. Выходя из маленького музея, очень бедного и больше похожего на барак, о. Александр повторял и повторял по-итальянски: «Miracolo!» (Это чудо!). И это действительно было чудо. Чудо зерна, упавшего в исламскую землю, и давшего столько плодов!

О чем молился отец Александр во время отпевания матушки Магдалины? О Вселенской Церкви основанной Иисусом и о Русской Церкви в частности?.. О своей готовности отдать жизнь?.. Мы этого не знаем. Но 10 месяцев спустя, 9 сентября 1990, по дороге в церковь, он упал как пшеничное зерно, в русскую землю...

Москва, май-июнь 2010 г.

Перевод с французского

Малая сестра Бернадетт Иисуса

СПАСИБО, ОТЕЦ АЛЕКСАНДР!

Библия постоянно призывает нас к тому, чтобы мы никогда не забывали и непрестанно вспоминали о великих делах Господа. Пусть же 20-я годовщина смерти отца Александра послужит мне поводом поблагодарить его за те дары, которые мы – наше братство Малых сестер Иисуса – получили через него.

В начале восьмидесятых годов, когда я только вступила в братство Малых сестер в Восточном Берлине, в бывшей ГДР, мы в Восточной Европе знали о том, что в Москве у братства есть друг – православный священник Александр Мень. Но в те времена связи с границей не одобрялись государством и были опасны. Иногда, когда к нам приезжали гости, мы получали вести от наших сестер из других стран, с других континентов, и для нас это был поток свежего воздуха.

В сентябре 1990 года мы прочитали в газете краткое сообщение о том, что отец Александр был убит ...

Моя личная «встреча» с ним произошла гораздо позже, в Москве, когда я оказалась в тех местах, где жил отец Александр, когда я познакомилась со знавшими его людьми и прочла его книги.

Как же познакомились Малые сестры с отцом Александром? Сестры уже давно хотели разделить жизнь с людьми в Советском Союзе и готовились к этому, изучая язык. В 1974 году их желание осуществилось, и первым Малым сестрам удалось приехать в Москву и устроиться нянями в семьях французских дипломатов. Помимо работы, они молились, ходя по городу и посещая действующие храмы, но им не удавалось ни с кем познакомиться, потому что они не хотели подвергать людей опасности. Так прошел первый год, и Малые сестры внутренне согласились с тем, чтобы жить неузнанными, присутствуя в жизни людей своей молитвой.... Но у Бога был Свой план. В конце года, между двумя праздниками Рождества (по грегорианскому и юлианскому календарю) одну из Малых сестер попросили отвезти в семью друзей молоко для новорожденного младенца. В это же время

туда для освящения дома пришел отец Александр. Малая сестра почувствовала, что может довериться этому человеку, впервые рассказала о том, кто она, и с изумлением услышала, что отец Александр знает, кто такой Шарль де Фуко. Этот разговор стал началом интенсивной дружбы. В тот же вечер должна была состояться экуменическая молитвенная встреча, на которую пригласили и Малую сестру, и так, шаг за шагом, она познакомилась с различными молитвенными группами духовных детей отца Александра.

Позже с отцом Александром во время своих приездов в Москву встречалась и Малая сестра Магдалена. Именно сестра Магдалена вместе со своими друзьями из Сахары основала братство Малых сестер.

Кому-то принадлежат слова о том, что мы рождены в чужом доме (буквально – «в доме другого человека»), и мне кажется, что для нас как для братства Малых сестер эти слова являются чем-то крайне важным, они во многом сформировали нас. Нам необходимо, чтобы «другой» распахнул перед нами двери своего сердца, – для того, чтобы мы, именно во всей нашей непохожести друг на друга, учились любить и уважать друг друга; для того, чтобы у нас была возможность обогащать друг друга тем, что Бог вложил в каждого из нас, и вместе стремиться к воплощению Царства Божьего на земле. За это я благодарна отцу Александру и всем тем людям, которые, как он, открывают для меня двери своего сердца.

Да, для того, чтобы встретиться с о. Александром на этой земле, я приехала в Россию слишком поздно. Но обрести в нем дорогого друга и спутника не поздно и теперь. В своей памятке о проведении Великого поста о. Александр предлагает каждому выбрать себе какого-либо святого, который бы сопутствовал человеку во время поста. Отец Александр стал для меня таким спутником, и не только во время поста. Я очень благодарна за этого дорогого друга, который есть у меня на небесах и который так близок мне. И я прошу его, чтобы, по его примеру и по его молитвам, Христос все больше и больше становился бы для меня Альфой и Омегой моей жизни.

Перевод с немецкого

Протоиерей Михаил Евдокимов

Михаил Евдокимов родился в 1930 г. во Франции. Сын профессора Павла Николаевича Евдокимова (1901–1970), доктора философии и богословия, автора многих книг, профессора Свято-Сергиевского богословского института (Париж).

В 1979 г. Михаил Евдокимов посвящен в дьякона, в 1981 – в священника (Вселенский патриархат). Отец Михаил – основатель и настоятель православного франкоязычного прихода свв. апостолов Петра и Павла в Шатенэ-Малабри (О-де-Сен, южный пригород Парижа). Позднее основал приход в г. Пуатье. Прот. Михаил Евдокимов – профессор сравнительного литературоведения в университете Пуатье (Франция); секретарь Ассамблеи православных епископов Франции (Assemblée des Evêques Orthodoxes en France (AEOF), председатель межконфессиональной комиссии (Commission Inter-eglises). Вице-президент ассоциации А.С.А.Т. (Action des chrétiens pour l'abolition de la torture). Один из основателей (1975) крупнейшего франкоязычного православного информационного агентства «Service orthodoxe de presse» (SOP). Проживает в г. Со (Sceaux) (Франция). Автор многих книг, статей, переводов, в том числе – о. М. Евдокимовым переведена с русского на французский язык книга прот. А. Меня «Практическое руководство к молитве» («Manuel Pratique de Prière», 1998, CERF, Paris); написана книга «15 дней в молитве с Александром Менем» («Prier 15 jours avec Alexandre Men», 2010, Nouvelle Cité, Paris).

АПОСТОЛ ХРИСТОВ НАШИХ ДНЕЙ¹

Священник нашего времени

С отцом Александром Менем Францию познакомила трагическая весть о его убийстве. 9 сентября 1990 года, воскресным утром, по дороге в своей храм он был убит ударом топора. Он воссоединился со своим Учителем в тот важный момент, когда священник собирает все свои духовные силы, очищает душу, полностью открывается навстречу Богу и верующим в Него, чтобы совершить Евхаристию. В определенном смысле о. Александр был особенно готов к этой последней встрече. Личность отца Александра раскрыли французам переводы его сочинений на французский язык и книги о нем, написанные и изданные во Франции².

Вся его жизнь проходила в атмосфере враждебности, если не сказать – гонений; эта атмосфера пронизывала собой и последние десятилетия перед падением коммунистической системы, но ничто не могло поколебать радостной веры, которой лучился этот человек. Однажды, после долгого, тяжелого допроса в КГБ, один из друзей спросил его: «Трудно было?». Он ответил: «Знаете, я священник, могу говорить со всеми. Мне это никогда не тяжело». Его мать, по происхождению еврейка, крестила его и сама крестилась вместе с ним у священника катакомбной Церкви. С юных лет у него была неукротимая вера, которая никогда не ослабевала, несмотря на угрозы и преследования. В 1935 году, когда он родился, яростная антирелигиозная политика Сталина достигла своего апогея: она призвана была уничтожить церкви и искоренить религиозное чувство в душах верующих. Отец А. Мень воплотил в себе дух сопротивления режиму, ожесточенно стремящемуся в принудительном порядке навязать людям атеисти-

¹ Глава XIX из книги: Michel Evdokimov *Le Christ dans la Tradition et la littérature russe*. – Paris: Desclee de Brouwer, 1996. 353 p. (Прим. ред.)

² Yves Hamant : *Alexandre Men, un témoin de la Russie de ce temps*, Mame, 1993, 207 p. – Michel Evdokimov : *Petite vie du père Men*, DDB, 2005, 94 p., avec bibliographie.

ческую идеологию – идеократию. Его приход в подмосковном посёлке Новая Деревня привлекал множество интеллектуалов, приезжавших из столицы: их пленяла красота литургических служб и глубина проповедей священника. Его беспокоила (не следовало ли бы и нам озаботиться тем же во Франции?) бездна неведения о религии, в которую погрузились все слои советского общества, включая художественные и интеллектуальные круги. Часть своего служения этот человек веры посвятил проповеди Евангелия среди интеллигенции. Еще Достоевский в XIX веке тревожился о дехристианизации элиты, которая, как он считал, оторвалась от народа, сохраняющего верность традициям. Он ярко изобразил пламенных христиан, таких как старец Зосима в *Братьях Карамазовых* и епископ Тихон в *Бесах*. Некоторые черты епископа Достоевский позаимствовал у его тёзки, святителя Тихона Задонского († 1783), кроткого монаха-аскета, который мог дать ответы на великие экзистенциальные вопросы, «проклятые вопросы», которые ставит современный человек. А. Мень идет по следам епископа Тихона Задонского, которого с батюшкой из новодеревенской церкви связывает таинственная нить.

Уже в первые годы жизни Александр встретился с Богом как с Личностью: «Бог явственно воспринимался лично, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог»³.

Три главных увлечения владели его душой. Прежде всего, история: двадцать лет он работал над исследованием духовных корней человечества, от первых ростков до созревания в библейском Откровении (шесть томов). Во-вторых, естественные науки: по окончании средней школы он начал изучать биологию в институте, но его учеба в нем была оборвана руководством учебного заведения, обнаружившим, что молодой человек деятельно участвует в жизни Церкви. И, наконец, богословие и религиозная мысль, в особенности, – Вла-

³ Мень А. О духовном опыте // Христианос-IV, Рига, 1995. С. 45. (Прим. ред.) (Alexandre Men: *Le christianisme ne fait que commencer*, Le Sel de la Terre/Cerf, 1996, p. 29.)

димир Соловьев, который мечтал о единстве между Восточной и Римской Церквами, и Николай Бердяев, философ свободы.

Присутствие Христа

Для отца Александра «Христос это Тот, Кто несет с нами тяготы нашей жизни». Как можно познать Бога? Однажды апостол Филипп попросил Иисуса показать ему Отца, и Тот ответил: «Видевший Меня, видел Отца». Бог есть огонь пожирающий, Библия говорит нам, что нельзя увидеть Его, не умерев тотчас же. Но лик Сына, который нам дано созерцать, непостижимо ведет нас к лику Отца.

«И Он [Бог]... спрашивает каждого, потому что это говорит Бог человеческими устами.

Иисус Христос – это человеческий лик Бесконечного, Неизъяснимого, Необъятного, Неисповедимого, Безымянного. И прав был Лао-цзы, когда говорил, что имя, которое мы произносим, не есть вечное имя. Да – Безымянный и Непостижимый. А тут Он становится не только называемым, но даже называемым по имени, даже называемым человеческим именем»⁴.

Да, пропасть между Богом и человеком остается, но через нее был перекинут мост в Лице Иисуса Христа. В Нем могут разрешиться все противоречия. Бог вечен и всемогущ, и вот Христос воплощается во времени и умирает как страдающий раб; Бог невидим, и вот Христос – Тот, Кого «мы видели», говорит Иоанн Богослов; Бог не имеет имени, и вот Мария, послушавшись ангела, нарекает Сына Иисусом.

Если с Богом нельзя слиться, то с Богочеловеком можно, ибо Он принадлежит одновременно двум мирам – нашему и запредельному. И на этом построен весь путь христианских мистиков от Павла до сегодняшнего дня – путь к Отцу только через Сына. «Аз есмь дверь», – говорит Христос»⁵.

Какие средства даны человеку, чтобы соединиться с Богом, ставшим Человеком? Всем христианам они хорошо известны: Священ-

⁴ *Мень А.* Христианство // О Христе и Церкви. М.: 2005. С. 180–181. (Прим. ред.) (Op. cit., p. 50.)

⁵ Там же. С. 183–184. (Op. cit., p. 52.)

ное Писание, молитва, таинства, дела милосердия по отношению к меньшим братьям Иисуса, с которыми Он Себя отождествляет (Мф 25:31-41). К ним можно прибавить и пришедшую с Востока, но всё шире распространяющуюся здесь на Западе «Иисусову молитву», о которой отец Александр упоминает многократно: «Повторяя различные молитвы, христианские подвижники могут быть уподоблены восточным, индийским, которые повторяют разные мантры. Здесь есть сходство и параллель, но одна из главных молитв христианского подвижничества называется «“Иисусовой молитвой”», в ней постоянно повторяется Имя Родившегося, Жившего на земле, Распятого и Воскресшего.

И эта христоцентричность главной христианской молитвы радикально отличает ее от всех остальных медитаций и мантр, потому что здесь происходит встреча – не просто концентрация мысли, не просто сосредоточение, не просто погружение в некий океан или бездну духовности, а встреча личности с Лицом Иисуса Христа, Который стоит над миром и в мире»⁶.

Как историк религий, Александр Мень чуток к специфике этой созерцательной молитвы, которая у исихастов (от греческого слова *исихия* – внутренний мир, бесстрастие сердца) может вести к мистическому восторгу, венчаемому лицезрением божественного, или нетварного света. Эту молитву произносят на ходу русские паломники или калики перехожие, юродивые во Христе, многие литературные персонажи, такие как Макар в *Подростке* Достоевского, Гриша в *Детстве* Толстого; творят ее и обыкновенные люди, живущие в миру, – посреди своих обычных занятий. В другом тексте о. Александр отмечает, что великие религии – буддизм, ислам, брахманизм, тантризм – опираются на священные тексты (написанные основателями этих религий или их эпигонами), которые открывают дорогу к божеству. Христианская вера также предлагает себя как путь, но она сливается с самим Богом: «Я есмь путь» (Ин 14:6). Священные тексты есть, но главное в опыте веры – встреча с Личностью, Которая ни на миг не исчезает из вида: «Я с вами во все дни до скончания века».

⁶ Мень А. Христианство // О Христе и Церкви. М.: 2005. С. 184.

Воскресение для настоящего и будущего

В своих проповедях отец Александр многократно возвращается к Воскресению, тому «восстанию из мертвых», о котором говорит апостол Павел (Еф 5:14). В замечательной беседе «Встреча с Христом воскресшим» новодеревенский пастырь показывает, что, в некотором смысле, опыт воскресения может пережить каждый человек в повседневной жизни: «Бог в слабости, в Распятии явил Свою силу. И Он являет ее сейчас. [...] Павел говорит (как в Апостоле, который читается при крещении), что мы сораспяты со Христом. Значит, мы как-то делим с Ним страдания, которые выпадают каждому из нас, – внутренние мучения, внешние скорби (у каждого из вас есть свои трудности, которые вы несете в жизни), – если понять их как соучастие в страдании Христа, Который страдает за весь мир, у Которого кровоточит сердце, потому что в этом сердце все сердца человеческие. Умереть с Ним для того, чтобы с Ним воскреснуть. Апостол переживал это как-то особенно, и опыт этого умирания непередаваем, сказать об этом довольно трудно, вернее, почти невозможно. Но каждый из вас, находясь в критической ситуации – болезнь, тяжкое состояние, – пусть вспомнит, что мы можем это состояние освятить, сделав его крестом. Всегда нужно помнить, что около Христа было двое распятых – один просто страдал, а другой сострадал Господу и слышал слова: “Ныне же будешь со Мною в раю”.

[...] И именно то, что Христа увидел внутренним оком апостол Павел, т.е. человек, который не ходил с Ним, был от Него отдален, не был Его личным учеником, – это начало дальнейшего пути всех христиан. Павел сказал: “Благоволил Бог открыть во мне Сына Своего”. То, что Бог открывается нам через Сына, – это опыт неповторимый, это и есть переживание опыта Воскресения. Тогда мы – вместе с Марией Магдалиной, которая верила в Него; тогда каждая Пасха для нас – сегодняшний день, и каждый день – Пасха. Потому что нет дня, когда бы присутствующий в мире Господь не был бы нашим собеседником, не ждал бы нас, не стучал бы в двери нашего сердца: “Се, стою у двери и стучу” (Откр 3:20). Вот в чем смысл Воскресения, сегодняшний смысл, актуальный, – не исторический, не для

прошлого, а для сегодняшнего дня. И сам Господь говорил: “Если Я не уйду, то не будет у вас Духа”, – если Он не уйдет из мира как локально очерченный и ограниченный в пространстве, то не будет того, что произошло потом; фактически, не было бы вселенской Церкви и христианства. Потому что Он начал действовать, начал действовать вопреки человеческим слабостям, вопреки всем историческим обстоятельствам. И Он действует сегодня опять вопреки тем же обстоятельствам. Он будет побеждать всегда. И Он только начал Свою работу, только начал. Потому что Его замысел – преображение мира, Царство Божие. А мы должны только его предвосхищать, предчувствовать»⁷.

Россия, как известно, некогда назвала себя «Святой Русью», избрав имя, носить которое бесконечно тяжело. Некоторые мыслящие люди видели в ней не какую-то (правда, недостижимую) реальность, а идеал, к которому должно стремиться, жизнь в средоточии опаляющего божественного огня: все христиане призваны сообразовывать с этим своё существование: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф 5:48). Вопреки новому направлению, взятому историей после большевистской революции, вопреки резкому разрыву с традициями, духовными ценностями, веками создававшимися жизнью, которую хоть и слабо, но освещала христианская вера, отец Александр Мень никогда не чувствовал, что его пылающая вера охладевает. «Сила ада не одолеет Церковь» (ср. Мф 16:18), говорит нам Христос. Будущее принадлежит Богу, и стоит оно на надежде и сияющей пасхальной вере. Такое представление мы находим у о. Дмитрия Дудко. Это другой священник советской эпохи, который, несмотря на запрет со стороны властей, не боялся проводить свободные беседы со своими прихожанами после всенощных: «За последнее время я много крестил взрослых. И вот такая особенность бросается в глаза. Почти ни у кого не вызывает сомнения воскресение из мертвых. И литературы христианской мало читали, и родители безбожники, а вот верят в воскресение из мертвых – вот ведь что удивительно. Почему верят? Да потому, что процесс Воскресения совершается даже

⁷ Мень А. Христианство // О Христе и Церкви. М.: 2005. С. 15–18.

помимо нас. В особенности в нашей стране. Мы на Голгофе. После Голгофы – Воскресение. Это обязательно, таков закон Божий»⁸.

Удивительно видеть, как все эти верующие сохраняют живое пламя веры в центре бушующей бури, не имея возможности ее умерить, и даже заглядывают при свете этого пламени в будущее, исполненное надежды. Именно в горниле испытаний закаляется вера. Отец Александр Мень считает, что: «Оно [христианство] сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода.

Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы – потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас называем историей христианства, – это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его»⁹.

Идея совершенствования жизни, говорит о. А. Мень, принадлежит не одним христианам. Неверующие сторонники прогресса тоже придерживаются ее, ссылаясь на науку, которая, однако, не может проникнуть в тайны будущего. После провала политического мессианизма и, в частности, марксистской утопии, вера в светлое будущее размывается, и Великий Инквизитор, по крайней мере пока, не имеет перспектив.

Позволительно, по примеру Достоевского, задаться вопросом о будущем христианской веры. Посмотрим на нашу универсалистскую цивилизацию, одержимую технологическими достижениями, напичканную всевозможными техническими новинками. Ей предлагают клочки обмирщенной культуры, набитой образами и словами, которые прикрывают бездонную пустоту. Так вот, не потеряла ли эта цивилизация потребность в вере? Найдутся ли в ней люди, способные, как и прежде, не спастись перед «проклятыми вопросами», влюбленные в ту красоту, которая, по Достоевскому, должна спасти мир? Свидетели Абсолютного по-прежнему среди нас, это и гении-

⁸ Дудко Дмитрий. О нашем уповании. Беседы. Paris: YMCA Press; 1976. С. 119. (Прим. ред.)

⁹ Мень А. Христианство // О Христе и Церкви. М., 2005. С. 178. (Прим. ред.) (Alexandre Men: *Le christianisme ne fait que commencer*, p. 49.)

творцы, и неприметные свидетели, растворившиеся в людской массе. Когда Раскольников, на каторге, чувствует, что в нем рождается любовь, единственное противоядие отчаянию, он, плача, бросается к ногам Сони, чье лицо озаряется радостью. Начало ли это покаяния, то есть полного его перерождения? Роман завершается, потому что «тут уж начинается новая история». Будет ли она когда-либо написана — история о созидательной силе веры, о надежде и воскресении душ, о которых свидетельствовал отец Александр Мень и заплатил жизнью за свое свидетельство... Но, как пишет апостол Павел, «нас почитают умершими, но вот, мы живы» (2 Кор 6:9).

*Перевод с французского
Леонида Харитонова
под редакцией
Наталии Большаковой*

Епископ Тадеуш Пикус

Тадеуш Пикус родился в 1949 году в Польше. Закончил Духовную семинарию в Варшаве; получил степень магистра богословия; в 1981 году рукоположен в священника; свое образование продолжил в 1983 году в университете Наварры в Памплоне (Испания), где работал над докторской диссертацией.

В 1990–1992 гг. служил в Москве в качестве капеллана для работающих в России поляков. В 1991 г. был одним из организаторов Католического богословского колледжа им. св. Фомы Аквинского, ныне – Институт философии, богословия и истории св. Фомы (Москва).

Вернувшись в Польшу, о. Тадеуш Пикус был ректором Духовной Академии в Варшаве.

*В 1993 году участвовал в международной конференции памяти прот. А. Меня – «Трудный путь к диалогу», организованной Международным Благотворительным Фондом им. А. Меня в Риге, о чем Т. Пикус пишет в своей книге «*Studzy Ewangelii w krajach bylego ZSRR*» (С. 59-72).*

В 1999 г. Т. Пикус был посвящен в епископа.

С 2006 года епископ Т. Пикус – председатель совета по экumenизму Польской епископской Конференции Римско-Католической Церкви.

В настоящее время преподает в Университете им. Кардинала Стефана Вышинского в Варшаве.

*Епископ Т. Пикус – автор многих книг и статей, в частности, им написаны книги об отце Александре Мене: *Aleksander Mień – kapłan Kościoła prawosławnego – zamordowany.* – Warszawa: Verbinum, Wydawnictwo Księży Werbistów, 1997;*

Aksjologiczny wymiar religii w twórczości Alexandra Mienia. Studium analityczno-krytyczne. – Warszawa: Wydawnictwo Sióstr Loretanek, 1998.

АЛЕКСАНДР МЕНЬ – ПРОРОК ОБНОВЛЕННОГО ПРАВОСЛАВИЯ¹

Жизненный контекст отца Александра Меня

Предложенная тема о пророках Центральной и Восточной Европы XX века с акцентом на личности о. Александра Меня² (1935–1990), погибшего 9 сентября 1990 года в возрасте 55 лет от руки донныне неизвестного убийцы, требует рассмотрения контекста жизни и деятельности этого пророка. Его родиной была Россия, являвшаяся тогда частью Советского Союза. 1917 год положил начало большевистской Октябрьской революции, которую понимали не как единичный акт свержения и захвата власти, но как процесс с использованием любых средств, включая насилие (борьбу классов), направленный к построению коммунизма. Была объявлена война Богу, религии и Церквям во имя своеобразно понимаемой правды, блага человека, его свободы и счастья. [...]

Атеистическое воспитание приняло в Советском Союзе тотальный характер. Оно должно было проникать во все сферы жизни. «Дорогие друзья! – обращалась к читателям одна из авторов книги для детей. – Среди вас трудно найти школьника, который бы искренне молился богу. Но разве каждый может убежденно сказать о себе: “Я атеист”? Атеист – это не только безбожник. Атеистом называют того, кто, не веря в существование бога, сумел убедить верующего, который не понимает вреда религии, а также защитить других от

¹ Доклад на II Международной конференции, – *Большие и малые пророки Центральной и Восточной Европы XX века*, – организованной факультетом богословия Люблинского католического университета 6–8 мая 2003 г. (Публикуется в сокращении.)

Alexander Mieñ – prorok odnowionego prawosławia, в кн: *Więksi i mniejsi prorocy Europy Środkowo-Wschodniej XX wieku* (Lublin, 2003), 435–453.

² T. Pikus, *Alexander Mieñ kapłan Kościoła prawosławnego – zamordowany* (Warszawa, 1997), 109–136.

ее влияния»³. Насильственная секуляризация в мире, устраняющая из него религиозный фактор, проводимая во имя развития науки и техники, во имя бесконечного прогресса и вытекающая из марксистской идеологии, вызвала почти безграничную веру в возможность построения на земле счастливого будущего для человека и человечества.

К сути перемен в Советском Союзе относилось устранение из сознательной жизни человека каких бы то ни было религиозных смыслов. Эта операция была необходимым условием эффективно-го построения коммунизма – общественной формации, которая в ее конкретном проявлении была отмечена тоталитаризмом, «научным» атеизмом и притязаниями на универсальность. Огонь революции, согласно ее творцам, должен был охватить весь мир, чтобы жестокий облик земли заменить обликом «рая». [...]

В подготовленном таким образом «инкубаторе» выросло не одно поколение советских людей, населявших СССР и некоторые страны мира, находящиеся под его влиянием. Отец Александр Мень прожил в таких условиях всю свою жизнь. Характерной чертой людей сталинской эпохи, с которыми ему приходилось жить и работать, был сформированный системой инфантилизм, обычно порождавший неспособность к самостоятельному мышлению, страх перед принятием решений, потребность в руководстве на каждом шагу и притом неумение принять это руководство⁴. Он жил среди людей, не только потерянных духовно, но и полностью ориентированных на внерелигиозные идеалы.

Пророческое вдохновение

А. Мень писал о значении религии в формировании человеческой личности и духовного облика народа. В своем учительстве он не претендовал на роль архитектора общественно-политической систе-

³ *Атеист ли ты? Библиографический указатель для учащихся 5–6 классов*, сост. А. Л. Лопатина (Л., 1969), 2.

⁴ L. Kołakowsky, *Główne nurty marksizmu. Powstanie – Rozwój – Rozkład* (London, 1988), 608.

мы, не склонялся к какой-либо политической группе, не критиковал государство. В одном из интервью он сказал: «Политику я считаю изменчивой вещью и хочу работать в сфере дел непреходящих»⁵. В семитомной Истории религии он исследовал и интерпретировал историю развития человеческого духа, показал угрозы и позитивные начала индивидуальной и общественной жизни. Большое внимание в этом весьма обширном исследовании он уделил Библии, особенно пророкам Ветхого и Нового Заветов.

Прежде чем в Греции «появились первые философы, в Израиле, – писал А. Мень, – в полную мощь уже звучал голос *пророков* – проповедников учения, существенно отличавшегося от всех религий Востока и Запада. Учение это говорило не об абстрактном космическом Начале, но о Боге Живом, Лик Которого обращен к человеку. Вера пророков была проникнута сознанием того, что Бог открывается людям, возвещая им Свою волю, что в конце времен Он явится в полноте, доселе неведомой миру. Поэтому ветхозаветный человек не был искателем "неведомого Божества", а видел свое призвание в верности Богу Откровения и Его грядущему Царству»⁶. То, что Бог возвестил людям свои замыслы, означало вовлечение людей во всемирный процесс творения. Ягве господствует над историей и открывает людям, ее участникам, свою волю через пророков. Тем самым Творец избавляет мир от слепоты и открывает для него возможность участвовать в исполнении Божьих замыслов.

Послания пророков формировали позицию о. Александра и становились содержанием его проповеди. Он подчеркивал величие их миссии, которая, согласно его пониманию, должна воздействовать на всю историю спасения. Ведь «пророк в Библии, – писал о. Александр, – не столько предсказатель будущего, сколько боговдохновенный вестник небесной воли. Тайна пророческого дара превосходит всякое рациональное истолкование. Пророк ощущает себя орудием Божиим и в то же время сохраняет во всей полноте свою личность,

⁵ А. Mieñ, *Kura daleko nie poleci*. Со священником Александром Менем из Москвы беседует Артур Михальски (октябрь 1988), "Powściągliwość i Praca" (1989), nr 12, 18.

⁶ Мень А. История религии. Т. 4. С. 235.

произносит Слово Божие от первого лица, но при этом несколько не похож на иступленного прорицателя или пифию, которые вещали в сомнамбулическом трансе. Порой пророки ясно сознавали противоречие между волей Господней, изрекаемой через них, и их собственной волей. Центральная идея проповеди пророков – спасение от мирового зла, грядущее Царство Божие, где воцарится истинный Мессия», опирающийся не на человеческое оружие, а на небесные силы, и где «Бог будет обитать среди людей»⁷.

«В ту эпоху, когда израильтяне колебались между надеждами и разочарованиями, – писал А. Мень, – когда они спорили об избранничестве и пытались по-разному истолковать его, сам Господь через пророка дал ответ недоумевающим: избрание – это не привилегия а великая ответственность, заключенная в духовном призвании. Не потому Израиль стал народом Божиим, что он лучше или выше, чем другие народы, но потому, что ему было предназначено принять Откровение, быть его сосудом и носителем. ”Только вас возлюбил Я из всех племен земли; потому и взыщу с вас за все зло ваше” (Ам 3:2). [...] Это означало, что особый дар Богопознания, который получил Израиль, требовал от него полного напряжения нравственной воли, всецелой преданности Богу и Его заповедям»⁸. Эту же мысль Христос выразил в притче о талантах: «...Кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк 12:48). Бог не посылает даров людям праздным и пассивным, но лишь тем, кто живет в напряжении всего своего существа, в борьбе. Ночная борьба Иакова, согласно А. Менью, стала архетипом духовной драмы пророков, псалмопевцев, Иеремии и Исаяи⁹. Из уст пророков мир узнает о *Боге любви и милосердия*. Для Осии религия не только долг или обязанность, но, прежде всего, любовь к Богу. Он первым в Священном Писании делает супружеский союз, любовь мужа и жены символом союза Бога и человека. В браке есть место долгу и обязательствам, однако его природа заключена в таинственном соединении двух существ. И в основе веры, – гово-

⁷ Мень А. Как читать Библию: Руководство к чтению книг Ветхого Завета. Брюссель, 1981. С. 87.

⁸ Мень А. История религии. Т. 5. С. 50. (Прим. ред.)

⁹ Ср. Мень А. История религии. Т. 2. С. 139.

рит А. Мень, – лежит не требование, а любовь: доверие, привязанность, неразрывные узы¹⁰.

Исайя беспощадно отвергает любые попытки внешних проявлений набожности. В глазах Божьих они пусты, если нет в сердце истинной веры, вера же должна проявляться прежде всего в соблюдении заповедей Господних. Согласно Библии, Бог сотворил человека не как одно из низших созданий (греческие мифы) и не для того, чтобы обслуживать праздных богов (шумеро-вавилонский миф); Бог создал человека затем, чтобы он «владычествовал» над миром бессловесных существ. Человек не низшее существо, а венец творения, образ Божий¹¹. Религиозные обряды должны помогать сердцу. Ягве ждал от людей перемены сердца и всей жизни, но Иерусалим ограничился лишь переменами в культе. Однако внешний блеск обрядов не может скрыть от Него глубин человеческого сердца. Исайя показал Израилю и всему миру, что люди могут оставаться идолопоклонниками, даже отказавшись от кумиров¹². Во всей истории Израиля очевидна борьба пророков за религиозную веру и за соблюдение моральных норм. Свидетельством высоких этических требований религии Ягве была позиция пророка Илии, который, подобно пророку Нафану, бесстрашно обличал царя¹³.

Пророки неустанно очищали религиозное мышление народа и утверждали моральные нормы. Происходило это путем разрушения мыслительных схем и сложившейся системы ценностей. Иеремия, например, объявил войну двум последним идолам – идее превосходства избранного народа и слепой вере в народные святыни. Один из первых учителей человечности, Иеремия провозгласил чисто духовную религию, которая, хотя и признает внешние формы, в сущности, стоит выше их. Пророк должен был показать, что стены храма и камни жертвенника сами по себе не имеют ценности. Он готовился развеять миф о несокрушимости дома Ягве, чтобы напомнить людям о «познании Бога», заслоненного внешними формами

¹⁰ Ср. *Он же*. История... Т. 5. С. 62 и сл.

¹¹ Ср. *Он же*. История... Т. 2. С. 126.

¹² Ср. *Он же*. История... Т. 5. С. 125 и сл.

¹³ Ср. *Он же*. История... Т. 2. С. 320.

культа (ср. Иер 7: 3-11). Совокупность того, что стоит за понятием «богопознание», была для пророков важнее всего, они не любили задерживаться на подробностях, не требовали ставить храмовое богослужение на первое место, хотя и не отвергали его. Пожалуй, их религиозный идеал, – говорил А. Мень, – можно сравнить с девизом блаженного Августина: «Люби Бога и поступай как знаешь» (*Dilige Deum et fac quod vis!*). Иными словами, образ жизни должен как бы сам собой вытекать из веры. Но такой путь приемлем не для каждого человека, порой он может таить в себе опасность своего рода морального релятивизма. Поэтому священникам необходимо было создать свою Тору, которая ограждала бы святой народ, принадлежащий Богу, от языческого мира (Авраам покинул отца-язычника). Священники и левиты, записывающие Тору, со своей стороны влияли на преобразование народа в Церковь.

Религиозное возрождение, согласно пророкам, идет бок о бок с национальным развитием. Повествования Ветхого Завета в образной форме передают библейскую философию истории, согласно которой судьбы народов связаны с их нравственным состоянием. Участь Содома и Гоморры была обусловлена особо тяжкими отклонениями их жителей от моральных и религиозных норм¹⁴. Вест пророков о царстве Божиим противоречила всему, что знал древний человек. Его житейский опыт, его верования, его знание природы говорили о том, что всё на свете неизменно. Но вестники Божьи указывали миру великую цель, к которой он идет. Это учение не могло быть простым вымыслом или чисто человеческим предвидением; оно явилось подлинно чудесным предощущением реальности грядущего Царства. Пророческое Откровение может быть поистине названо деянием Христовым в мире до Его воплощения среди людей¹⁵.

Но самое непостижимое в пророках, – писал А. Мень, – тайна их вдохновения. Они не строили гипотез, не создавали умозрительных систем, Бог непосредственно через них возвещал Свою волю. Речь пророков обычно начиналась словами: «Так говорит Ягве». Дух

¹⁴ Ср. Мень А. Как читать Библию. С. 50.

¹⁵ Ср. Там же. С. 349.

Господень овладевал ими с покоряющей силой, и люди внимали их голосу как голосу Неба. Это чудо изумляло даже самих пророков. Порой и им самим было трудно объять мыслью все то, что было им открыто. Пророки отчетливо сознавали себя орудиями, глашатаями и посланниками Всевышнего. В опыте библейских провидцев просветленный человеческий дух предстоял Сущему, открывающему себя как Личность. Бог говорил с миром и ждал от него ответа. Так в лице пророков происходило единение тварного бытия с Творцом, исполнялся тот завет, который был основой веры Израиля. Пророки не только переживали встречу с Богом в глубине своего существа, но видели его перст в жизни народов. Такое Откровение было уникальным на фоне других религий¹⁶.

Благодаря пророкам учение Моисея приобрело черты мировой религии, т.е. универсальной, в противоположность старым, чисто национальным культам. Единственным выражением библейской веры должна быть любовь к Богу, а Бог восполнит все остальное. Эта любовь требовала не столько церковных церемоний, сколько человечности, добра и правды. Поэтому в проповеди пророков такое большое место занимала идея социальной справедливости. Однако на самом деле они не предлагали никаких политических реформ. И если Платон разработал проект государства с общностью имущества и контролем правительства над всеми сферами жизни, а философ Ямвлих из Халкиды мечтал о Городе Солнца, где все будут равны, то пророки ставили на первое место веру и нравственные задачи человека. Они знали, что одних внешних перемен недостаточно, что гармония в мире возможна лишь как результат гармонии между волей Божией и волей людей. Именно поэтому пророки не собирались мириться с социальными язвами. Их страстный протест был продиктован верой в высокое предназначение человека. Они говорили о «Дне Господнем», когда придет конец владычеству зла среди людей. Духовному взору Исайи предстало видение Помазанника, через которого Сущий установит свое царство. Тогда все народы познают вечную правду, отвергнут идолов и дела греха¹⁷.

¹⁶ Ср. Мень А. История... Т. 7. С. 20.

¹⁷ Ср. Там же. С. 2–23.

Пришествие Христа предварил св. Иоанн Креститель, последний пророк Ветхого Завета. Он не призывал людей бежать от мира и запереться в стенах монастыря. Даже если бы и было так, это звучало бы вполне естественно в устах аскета. Однако Иоанн Креститель хотел чего-то большего: он хотел, чтобы люди, оставаясь там, где живут, сохраняли верность слову Божию. Подчеркивая важность этических норм Закона, Иоанн Креститель тем самым учил в согласии с традицией ветхозаветных пророков. Мало говоря о ритуалах, он ставил на первое место нравственный долг человека. Все понимали, что это означает: мир должен пройти сквозь огонь правды Божьей; Иоанн Креститель был только предвестником очистительной бури (ср. Мф 3:11-12)¹⁸. Он требовал от людей переоценки всей жизни, полной внутренней перемены. Он ждал от них не героических поступков, но каждодневного незаметного усилия, а значит, тяжелого труда¹⁹.

Послание отца Александра Меня

Отец Александр в своем благовествовании принимал во внимание окружение, его настроения и потребности. Это справедливо в равной мере и в отношении формы, и в отношении содержания – его учительство не только догматично, но и дидактично. Большинство его трудов посвящено религии, получившей негативную оценку и «смертный приговор» в Советском Союзе. Религия как акт внутренний, личный, согласно о. Александру, есть сила, объединяющая миры, мост между духом сотворенным и Духом Божиим. Первородный же грех – это «карамазовский бунт», заключающийся в уверенности, что человек сотворил бы вселенную лучше, чем Бог. Вот почему неустанно звучит в человеческом сознании, – говорит А. Мень, – как и в первые дни, змеиное нашептывание «будете как боги», которое обнаружило себя у самых основ первородного греха. В нем, – убежден о. Александр, – нашла свое прибежище магия, сущностная черта которой – «религиозная вражда» как желание завладеть силой, независимо от Бога. В магии Бог становится предметом зависти, со-

¹⁸ Ср. Там же. С. 51–53.

¹⁹ Ср. Мень А. История... Т. 6. С. 469–488.

перником, чем-то чуждым. Согласно А. Менью, эти два направления: одно – ведущее к Богу (религия), другое – направленное против Бога (магия) сосуществуют в человеке. В русле этих двух понятий А. Мень пытался интерпретировать всю историю человечества. Его *История религии* – превосходная иллюстрация осуществления желаний человека, устремленных как к Высшему, так и к тому, чтобы быть самодостаточным властелином мира. Каждый человек (и атеист), – утверждает он, – открыт к религии (Богу) и к магии (нашептыванию змия), то есть каждый обладает верой как своего рода «духовным инстинктом». Если даже внешние или внутренние преграды, – говорит он, – заслоняют от человека значимость встречи с Богом, у него навсегда останется смутная тоска по чему-то высшему и духовная жажда, которую он будет пытаться заглушить или утолить деятельностью на благо науки, человечества, прогресса и любого другого идола его эпохи²⁰.

Кроме явления магии, согласно А. Менью, в религии проявляются различные заблуждения и злоупотребления. Это они часто дискредитируют в глазах людей религиозные ценности. Следовательно, препятствием для веры помимо субъективной магической установки «будете как боги» нередко становится незнание самого предмета веры (ложный образ Бога) и болезненный, негативный религиозный опыт. Из анализа работ А. Менья следует, что он видел небезопасность большевистской коммунистической системы прежде всего для личного развития человека. Эта система тоталитарного характера понимала человеческую личность как существо безвольное. Система практиковала также внутренне противоречивую теорию власти: создавала видимость служения людям и любви к ним и одновременно в широких масштабах проявляла презрение и ненависть к ним. Режим преследовал исповедника религии совсем не потому, что он был плохим человеком или плохим гражданином (преступником), но именно потому, что он был «знаком пререкания» для тоталитар-

²⁰ Подобные мысли высказывает Э. Цоран: «В человеке можно подавить все, кроме потребности в Абсолюте, которая переживет уничтожение святынь и даже исчезновение религии на земле». E. Cioran, *Historia I utopia*, przeł. M. Biończyk (Warszawa, 1997), 24.

ной идеи. Менее опасным в сравнении с тоталитаризмом, согласно Меню, был атеизм, который не выдвигал против религии бесспорной и убедительной аргументации. Зато для верующих он, несомненно, был вызовом и силой, стимулирующей и очищающей Церковь. Об атеизме А. Мень писал как о даре Божьем²¹.

А. Мень занимался апологией религии как таковой и христианства в особенности, которое находилось в ситуации тотальной угрозы как извне (т.н. научный атеизм), так и изнутри (магия, псевдорелигиозность, разделения в Церкви). Можно сказать, что основной задачей апологии А. Мень было противостояние идеям, принижающим человека как личность, сотворенную по образу и подобию Божию, а также доказательство того, что религия не есть опиум народа. Характерной чертой позиции А. Мень было уважение к взглядам оппонента, которые он истолковывал почтительно, даже если не соглашался с ними. Он ценил марксистскую критику, когда она касалась псевдорелигиозных позиций и связанных с ними злоупотреблений, но в то же время подчеркивал ценность и необходимость религии в личной жизни человека.

В его апологии религии, в полемической ее части, можно увидеть попытку доказать при помощи апагогического метода (*reductio ad absurdum*) необоснованность «научного» атеизма, разрешающего основные проблемы человека без Бога (религии), а также попытку верифицировать пропагандистско-атеистическое понимание религии. На основе исторических фактов он пытался опровергнуть тот взгляд, что вера рождается из-за ущербных общественных структур, мошенничества, невежества и свидетельствует об ущербности человека. Религия, – писал он, – прямо и непосредственно связана с человеком, а не с условиями жизни. Несмотря на то, что довод от авторитета считался действенным и широко использовался в Советском Союзе, вера ученых, – подчеркивал А. Мень, – не может служить доказательством истинности религии, а только непротиворечивости религии и науки²². В своих размышлениях он двигался в пограничной зоне та-

²¹ Мень А. Атеизм – дар Божий, «Куранты», 1991 (?), 21 января. С. 3.

²² T. Pikus, *Twórczość Alexandra Mienia na tle Encykliki Jana Pawła II "Fides et ratio"*, Biuletyn ekumeniczny [Warszawa] 2000, № 1–2, 97–107.

ких проблем, как факт существования Бога и происхождение мира и человека, где дело доходило до конфронтации богословских взглядов с естественнонаучными теориями. Точка зрения А. Мень заключалась в попытке согласовать истины веры с научными данными, ибо, по его мысли, источником всякой истины, – и научной и религиозной, всегда является Бог. А. Мень стремился вывести из спящего состояния человеческое мышление, чтобы люди сами поняли, что на самом деле скрывается под пластами пропагандистской атеистической системы, ведь, по его мнению, не в доказательствах и не в доводах в пользу существования Бога находится источник веры.

Следует подчеркнуть, что А. Мень не ограничивается анализом отдельно взятой жизни и изменений, происходящих в ней под влиянием религии, а исследует общество, находящееся под влиянием религии, и общество, лишенное такого влияния. Идя путем их экспериментального сравнения, он пытается установить последствия как влияния религии на общественную жизнь, так и отсутствия такого влияния, следуя принципу «познания по плодам». По его мнению, кризисные и декадентские явления в культуре, как правило, связаны с ослаблением религиозного начала, отсутствие которого приводит творчество к деградации и вымиранию. Религия же воздействует позитивно не только на духовную жизнь общества, но и на экономику. Поэтому, утверждал он, связь веры с деятельностью человека дает импульс общественному призванию христианина и тем самым опровергает миф К. Маркса о религии как опиуме народа²³.

А. Мень не занимался апологией в сиюминутном приложении, но пытался выстроить систему, основанную на синтезе науки и религии, знания и веры, человеческого разума и Премудрости Божией. Таким образом он хотел познать и показать религиозную истину, которая в результате была бы не отвлеченной идеей, а духовным переживанием (верой), делающим возможной встречу человека с Богом. Важный аспект творчества А. Мень – настойчивое подчеркивание примата духовного начала в религии (вера, мораль) над материальным (обряд,

²³ T. Pikus, *Aksjologiczny wymiar religii w twórczości Alexandra Mienia* (Warszawa, 1998), 164—170.

ритуал). В этом отношении эстетический критерий неприменим при определении ценности религии, поскольку, как утверждал о. Александр, прекрасные обряды могут прикрывать самые отвратительные идеи и дела. Мораль, – утверждал он, – играет огромную роль в подготовке субъекта веры, что, впрочем, согласно с заповедью Христа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8)²⁴.

Несмотря на то, что А. Мень благожелательно относится к другим религиям, он, тем не менее, не исповедует религиозного релятивизма. Он признает, что только ветхозаветная религия, свободная от язычества и пантеизма, была непосредственным приготовлением к христианству. Христианство, считал он, отличается от других религий не только степенью развития, но и своей сущностью. «Всякая религия, – утверждал он, – есть путь к Богу, догадка о Боге, приближение человека к Богу. Это вектор, устремленный снизу вверх. А явление Христа – это ответ. Это вектор, идущий с Неба к нам. С одной стороны – находящийся в рамках истории, с другой стороны – ни на что не похожий.

Христианство потому уникально, что уникален Христос»²⁵. И не может быть, чтобы пути, ведущие к Богу, не сливались бы в единый путь, который есть Христос (ср. Ин 14:6). А. Мень подчеркивал богочеловеческий характер дела спасения, то есть одна личность – Христос совершает дела и божеские, и человеческие. Благодаря Христу человек становится сыном Божиим, причастником божественной природы. И лишь тогда на основе христианской религии, являющейся как словом Божиим, так и таинством, он получает вдохновение для изменения мира, развития своих творческих сил и строительства Царства Божиего, начало которому положил Христос. В этом проявляется, – утверждал он, – синергичный характер христианства, состоящий в том, что для спасения или нравственного исправления человека необходимо соработничество милости Божьей и человеческой воли²⁶. А. Мень подобно Н. Бердяеву отошел от повсеместно

²⁴ Там же. С. 423.

²⁵ T. Pikus, *Śludzy Ewangelii w krajach byłego ZSRR* (Warszawa, 1994), 79. [Мень А., *прот.* Быть христианином. М., 2007. С. 14. (Прим. ред.)]

²⁶ Там же. С. 414.

принятого в Русской Православной Церкви антропологического воззрения. Отошел от видения религиозного человека как сосредоточенного на загробной жизни (что с успехом использовали идеологи коммунизма, выдвинув идею строительства рая на земле), послушного всякой власти вплоть до рабской покорности (*fatum*), и показал его как личность свободную и творческую, одаренную индивидуальным созидательным призванием, вписанным в творческий спасительный замысел Божий.

А. Мень, строя теоретическую систему и приводя абстрактную аргументацию, не ограничивался задачей обосновать ценность религии, хотя признавал, что религия – это практика и жизнь и именно в этом раскрывает она свое значение. Таким подходом он напоминал фараона Эхнатона, который указывал, что без солнца жизнь замирает, а при его восходе оживает. А. Мень принимал положение, что хотя Бог трансцендентен и отделен от мира, погруженного в стихию зла, Он в то же время имманентен и таинственным образом исполняет в земной истории свою волю. А то, что Бог открывает свои замыслы, означает вовлечение людей в процесс творчества, являющегося действенным включением в жизнь окружающего мира. Религиозность и набожность человека о. Александр оценивал в свете трех критериев: догматического, морального и общественного. В последнем случае речь шла главным образом об участии религиозного человека в преобразовании этого мира, чтобы религия не ограничивалась субъективными переживаниями, не была лишь успокоительным средством и утешением наподобие «опиума», но чтобы, сохраняя вертикальное измерение, воздействовала горизонтально, становясь фактором гуманизации любой сферы жизни, питая благоговение к миру и человеческому труду. А. Мень не был утопистом – в противоположность приверженцам марксистско-ленинской идеологии, он ставил на первое место веру и нравственные задачи человека. Он видел, что одних внешних перемен недостаточно, что гармония в мире возможна лишь в результате гармонии между волей Божией и волей людей. Он противостоял отделению нравственности от религии²⁷.

²⁷ Там же. С. 423.

Заключение

В творчестве о. А. Меня, которого, основываясь на масштабе написанных им текстов, можно было бы назвать «великим пророком», указаны факторы, которые влияют, позитивно или негативно, на человеческую жизнь. Отсутствие религии в жизни человека, – утверждал А. Мень, – влечет за собой угасание духовного развития людей, угасание личностной жизни, и это проявляется в истории принуждением, диктатурой, тоталитарными режимами. Союз человека с Богом, опирающийся на веру и доверие (религия), человек может подменить (свобода) союзом с идолом (наука, прогресс, личность, народ и т.п.), разрушив отношения, опирающиеся на веру и доверие (магия, псевдорелигиозность).

А. Мень понимал коммунистическую систему в бывшем Советском Союзе как эпизод в истории человечества, который, хотя и является силой разрушительной и враждебной человеку, однако не имеет признаков прочности и минует подобно тому, как миновали предшествующие тоталитарные формации. Глашатаи безрелигиозного оптимизма и веры в прогресс, – писал он, – убеждены, что мир направляется к «светлому будущему», и свою уверенность они основывают, по их утверждению, не на откровении, а на данных науки, благодаря которой в мире совершаются настоящие чудеса. Между тем внезапная глобальная эпидемия, космическая катастрофа, атомная война, повсеместное радиоактивное загрязнение – все это (и многое другое) может уже завтра отбросить человечество на уровень палеолита или вообще положить конец его существованию. К тому же, – добавляет А. Мень, – вся минувшая история человечества, отчуждение, озверение и отупение людей, возраставшие вместе с ростом технической цивилизации, не дают поводов для чрезмерного оптимизма.

Укорененность религии в человеческой культуре (а это неоспоримый факт) влияет, согласно Меню, на облик духовной культуры человека. Ибо религия кроме высшей цели, каковой является спасение (понимаемое по-разному), реализует иные цели, лежащие в области земного: связывает непреходящее с действительностью; прида-

ет преходящей жизни высший смысл; провозглашает примат света, разума и свободы над тьмой, иррациональностью, рабством и хаосом; меняет отношение человека к злу; наряду с моралью упорядочивает взаимоотношения между людьми; борется с пороками общества; объединяет народ, воздействуя на его духовные силы. Желание гарантировать, – утверждал А. Мень, – правильное развитие человеческой личности и собственно функционирование культуры есть потребность выработки и принятия соответствующей человеку системы ценностей. Люди, – писал он, – ни в коем случае не могут безнаказанно отрекаться от разума, совести, духа. В нравственной сфере жизни подлинным критерием и обоснованием является религия. Не просто «совестью», не привычным «гуманизмом» довольствуется человек, но живым познанием Бога, принять Которого невозможно, не исполняя Его заповедей. Внешние же знаки воли Божьей вписаны в историю человечества, историю культуры, цивилизации, в которой человек живет. Эта взаимная и непосредственная зависимость религии и морали, – был уверен А. Мень, – имеет следствием то, что размышления о загробной жизни и вечности не должны никого уводить от мыслей о жизни посюсторонней, которую по-настоящему может любить лишь человек, созерцательно активный²⁸.

А. Мень провозглашал и разъяснял Евангельские истины, ожидая от слушателей веры и доверия. Он отдавал себе отчет в том, что Церковь осмеянная, униженная и лишенная авторитета уже не может помочь человеку. В этой ситуации вера должна себя защищать не с помощью внешних авторитетов, но самой своей сущностью и переживанием высших ценностей. Отец Александр в своих лекциях пытается истолковать религию, обобщая различные переживания религиозного опыта. Мысль о Боге, – утверждал он, – всегда возвращается к человеку, хотя и в искаженном и едва узнаваемом виде. Этот факт свидетельствует о неистребимой человеческой потребности связать свою жизнь с чем-то высшим и святым. Как результат этого поступательного движения ценность веры и религии следовало бы

²⁸ Там же. С. 269. Ср. *Пикус Т.* Духовный облик Европы... Цит. соч. С. 116–117.

измерять степень удовлетворения духовных потребностей человека. В человеческом сердце существуют, согласно Меню, религиозное чувство и потребность в любви, которые по природе своей не могут быть пережиты в одиночестве. Религиозные акты, – утверждал он, – соприкасаются со своим объектом непосредственно, интуитивно. Тем не менее, они имеют объективный характер, т.к. не творят своих объектов, но познают их.

Заслуживает внимания также подход о. А. Меня к проблеме зла. Он пытается обосновать библейское утверждение, что зло в мире, выступающее в разных обликах, порождено первородным грехом и ничто – ни гуманизм, ни наука, как утверждали пропагандисты атеизма, – не в состоянии избавить от него, а только Спаситель, соединивший человека с Богом. Поэтому религия, как единение с Богом, освобождает человека от зла и дает ему перспективу счастья, которого требует беспокойное сердце человека. Залог этого – Иисус Христос, в Котором человечество и божество обрело неразрывное единство и в Котором как в новом Адаме находит возрожденный человек истинный «образ и подобие Божье». Согласно А. Меню, Иисус Христос, а не идея Бога есть мера человека, являющегося творением Божиим, а не продуктом труда или «геологической силой». Поэтому религия – путь, на котором синергийным образом человек реализует высшую ценность, *sanctum* (священное), и на этом пути свой смысл обретает и индивидуальная, и общественная жизнь каждого человека²⁹.

*Перевод с польского
Аллы Калмыковой*

²⁹ Там же. С. 423.

Иеромонах Рене Маришаль

Рене Маришаль родился 14 июня 1929 г. под Парижем. Осенью 1938 г. поступил в школу отцов-иезуитов. В октябре 1947 г. был принят в новициат Общества Иисуса. По окончании новициата летом 1950 г. стал изучать русский язык; посещал в Сорбонне лекции известного слависта Пьера Паскаля и сдал экзамен по русскому языку; занимался в Парижской Славянской Библиотеке, основанной в 1856 г. князем Иваном Сергеевичем Гагариным – отцом Иоанном; часто бывал в интернате Св. Георгия в Медоне, под Парижем.

В 1970 г. назначен директором Славянской Библиотеки (Медон) и 3 года спустя – настоятелем общины Центра по изучению русского языка и культуры им. Св. Георгия в Медоне.

Там уже 25 лет проводились летние курсы по изучению русского языка. Начиная с осени 1974 г. Центр организовывал каждый год две четырехмесячные сессии, в которых участвовали студенты разных европейских стран, изучающие русский язык, русскую культуру и историю.

В эти годы Медонская община занималась и публикацией журнала русской и мировой христианской культуры «Символ», первый выпуск которого вышел в свет в 1979 г.

Отец Рене участвовал в различных экуменических мероприятиях; был членом французского православно-католического богословского комитета по вопросам воссоединения христиан.

Опубликовал в 1966 г. под названием «Первые христиане в России» антологию документов, относящихся к «Крещению Руси», в переводе с древнерусского языка на французский, переизданную в 1988 г. – в год тысячелетия основополагающего события.

Перевел на французский язык книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом», прот. Александра Меня «Истоки религии». В сотрудничестве с Жаклин Лафон перевел «И возвращается ветер» Владимира Буковского; участвовал в переводе «Дневников» прот. Александра Шмемана и сборника «Русская философия. Словарь», составленного М. А. Маслиным.

С 2002 г. живет в Лионе и работает в Европейском Институте «Восток-Запад» при Ecole Normale supérieure de Lettres et sciences humaines, где теперь расположена Славянская Библиотека.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ: ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ

Впервые я встретился с о. Александром в Москве летом 1970 года у Миши Аксенова-Меерсона. Прежде мне рассказывал о нем мой собрат-иезуит из Медонского Центра Святого Георгия (под Парижем) о. Алексей Стричек, который познакомился с о. Александром тоже в Москве, в конце шестидесятых годов в подпольном христианском «семинаре», когда писал свою диссертацию о Денисе Фонвизине. На этих плодотворных вечерах, участники которых рассматривали самые жизненные вопросы веры, без априорных суждений выслушивали замечательных католических, православных, протестантских свидетелей и думали, как вынести свои находки за пределы круга приобщенных, — на этих вечерах созрела мысль поручить о. Алексею, по возвращении во Францию, заботу о выпуске этих материалов, распространявшихся в самиздате. Конкретнее, ему поручалось создать на Западе журнал, посвященный тогдашней России. Нет, не орган «тамиздата» (шутливое наименование из тех времен), не литература *ad usum delphini* (облегченная), предназначенная для недоразвитых интеллектуалов и церковных людей за железным занавесом. А журнал, продуманный, спланированный в Москве, стремящийся ответить на вопросы и истинные нужды определенной аудитории в ситуации полного духовного оскудения. Журнал предполагалось публиковать на Западе и ввозить в Россию всеми мыслимыми способами.

В Мишиной квартире нас было человек десять: Ася Дурова, организовавшая эту встречу, а также Ив Аман, о. Морис Гэдон, будущий епископ Кагорский, о. Франсуа Руло и я — с французской стороны, а из русских — о. Александр (чья фамилия ни разу не прозвучала) и двое его близких друзей. Почти сразу же разговор зашел о реальных вопросах христианской жизни в условиях тогдашних притеснений. В словах о. Александра мы почувствовали спокойную силу мужест-

венного человека, прекрасно осознающего, что христианская Церковь загнана в узкие рамки. Мы говорили также об использовании русского языка в литургии и о возможности перевода славянских богослужебных текстов на современный язык. Отец Александр не замедлил с ответом: «*Они* не позволят нам этого сделать». Однако такая трезвость мысли сочеталась в нём с неотступностью в пастырском попечении о душах.

Тем же вечером немного позднее я объявил собравшимся о том, что в Париже готов к выходу первый номер *Логоса* – такое название дали в Москве журналу, вверенному отцу Алексею Стричку так, как бутылку с посланием вверяют океану. Отец Александр и Михаил Аксенов, не сговариваясь, встали и увели меня в соседнюю комнату. «Отец Рене, не стоит оповещать об этом замысле тех, кому не нужно о нем знать». А я-то воображал, что нахожусь в кругу, где можно говорить всё... Хороший урок для наивного западноевропейца.

В течение 18-ти последующих лет, вплоть до весны 1988 года, с ее тысячелетним юбилеем, я не хотел приезжать в СССР. В Париже мы сначала ежеквартально выпускали 64-страничные номера *Логоса*, а затем, когда Михаил Аксенов покинул свою родину, мы затеяли с ним, при медонском Центре русских исследований св. Георгия, журнал *Символ*, первый номер которого вышел летом 1979 года. Мне не хотелось своим приездом подвергать опасности людей, скрыто участвовавших в общем деле. На протяжении всех этих лет о. Александр терпеливо продолжал свои труды.

Мы следили за их развитием с Запада, благодаря рассказам наших соотечественников, которые в Советском Союзе знакомились с ним или поддерживали знакомство, которые перевозили через границу его книги. Мы читали то, что появлялось в Брюсселе в издательстве «Жизнь с Богом», под разными псевдонимами (Андрей Боголюбов, Эммануил Светлов). С изумлением обнаруживали, сколь широка документальная основа, на которую опирались эти сочинения. Уже из введения к *Сыну Человеческому* стало ясно, что о. Александр прекрасно знал об исследованиях по истории и вести Иисуса, что он ясно представлял себе противоположные подходы – аналитический и синтетический, – господствовавшие в этой области. Отец Александр

*Москва, конец 60-х – начало 70-х гг. Слева направо:
священник из Бельгии Анри де Вишер, большой друг сотрудников
изд-ва «Жизнь с Богом» в Брюсселе и Центра св. Георгия в Медоне,
отец Александр Мень, священник Антоний Эленс (1922–1994),
иезуит, доцент Лувенского университета (Бельгия), генетик –
в этом качестве много раз приезжал на научные конференции
в СССР, скрывая, что он католический священник;
в Москве познакомился с христианами,
стал другом о. Александра, всячески помогал верующим;
с 1989-го по 1994-й о. Антоний был директором
Центра св. Георгия в Медоне*

понимал недостатки и первого, в котором научность исследования заслоняла личность Живого, и второго (сполна проявившегося в *Жизни Иисуса* Ренана), в котором христианская вера вообще отсутствовала. Он всегда старался учитывать постоянно обновлявшиеся научные достижения, никогда не изменяя своей изначальной интуиции: привести сегодняшнего читателя к прямому контакту с Богом, вочеловечившимся в Иисусе Христе.

Его друзья на Западе, сменяя друг друга, давали ему возможность познакомиться с некоторыми произведениями лучших ученых-религиоведов. В связи с этим мне вспоминается разговор с о. Ксавье Леон-Дюфуром, специалистом по Новому Завету и издателем *Словаря библейского богословия*, который был переведен на русский в 70-е годы. Он узнал, что о. Александр интересуется его работами и хочет с ним пообщаться. Отец Ксавье не знал, откликаться ли ему на этот зов, боясь навредить российскому коллеге. Мне пришлось ему объяснить, что, вопреки общепринятому мнению, человека, подвергающегося репрессиям, каким и был о. Александр в тогдашнем СССР, открытые связи с авторитетным заграничным ученым могли скорее защитить, чем поставить под удар.

Надо сказать, что особенно привлекательно для западных людей в учении о. Александра то, что оно было естественным образом экуменично. Под этой формулировкой я подразумеваю вот что: для о. Александра слово Божие и хранящее его Евангелие не было собственностью православия, которому, впрочем, он принадлежал без остатка. Отец Александр был выше конфессиональных ограничений, и, несомненно, именно это привлекало к нему столь широкую аудиторию в его стране: вспомним хотя бы лекцию, прочитанную по предложению баптистской общины на московском стадионе «Олимпийский» на Пасху 1990 года перед 15000 слушателей.

Мне довелось познакомиться с двумя людьми, уверовавшими в те годы в Москве, которые, столкнувшись в эмиграции с взаимными придирами соперничающих юрисдикций, сказали мне дословно следующее: «Когда отец Александр Мень привел меня к крещению, мне хотелось быть принятым в лоно Церкви Иисуса Христа».

Сознательно занимая позицию над конфессиональными границами, о. Александр не замыкается и в пределах христианства. В своем предисловии к сборнику статей «Трудный путь к диалогу» митрополит Антоний Сурожский подчеркивает, что евангелизаторские труды о. Александра зиждились на вере в человека, соразмерной его вере в Бога: «Отец Александр приводит примеры из всемирной истории, из литературы всех народов и поколений; призывает как свидетелей той правды, которую он провозглашает, мыслителей и деятелей всех стран и языков. В этом нельзя усмотреть желание похвалиться своей ученостью, начитанностью и в области науки, которую он знал профессионально, и в области всемирной культуры. Но, как святой Павел сказал о себе, он хотел быть «всем для всех», говорить на языке каждого читателя, встретить собеседника на его собственной почве, всего лишь открывая ему доступ к более широкому, к более глубокому пониманию вещей.

[...] Пусть каждый прикоснувшийся к его светлой и мудрой душе возблагодарит Бога за то, что и в наше безвременье есть подобные ему свидетели Веры, Жизни, Правды – и Божией, и человеческой»¹.

После *Сына Человеческого* о. Александр задумал большое начинание, которое он осуществил в серии *В поисках Пути, Истины и Жизни*. С первого тома, с *Истоков религии*, заметно стремление о. Александра показать, в противоположность господствующей идеологии, что религия не только не является прибежищем необразованных и далеких от науки людей, но что вся подлинная человеческая культура включает религиозное измерение. Затем он раскрывает этот главный тезис в последующих томах, посвященных религиозному опыту еврейского народа, греческой цивилизации, индийских мудрецов, великих пророков Израиля и, наконец, в книге *На пороге Нового Завета*, – посвященной тому, что можно назвать духовным состоянием человечества, «когда пришла полнота времени».

Я только раз еще видел о. Александра, в новодеревенском храме. Кардинал Люстиже, архиепископ Парижский, по дороге из Москвы

¹ Блум Антоний, митр. Сурожский. В кн. Александр Мень. Трудный путь к диалогу. М., 2010. С. 8, 9. (Прим. ред.)

в Троице-Сергиеву лавру, в ходе визита, конечно же, официального, пожелал отклониться от маршрута, чтобы увидеться с о. Александром, и сумел сломить сопротивление «сопровождающих». Я участвовал в той поездке и вошел в церковь, когда настоятель обращался к пастве в конце литургии. Отец Александр стоял в глубине храма; я подошел к нему, он узнал меня, и мы обнялись. Потом я отошел, чтобы уступить место кардиналу. Это было на Пасху 1989 года.

В мой следующий приезд, в конце октября 1990 года, о. Александра уже не было на этом свете. Я встретился с многочисленными близкими свидетелями его жизни, которых глубоко потряс его трагический уход; понял, сколь огромное место он занял в сердцах и умах многих за те несколько лет, что были отведены ему для свободной проповеди.

Благодаря полученному естественнонаучному образованию, необъятной начитанности, он присоединялся к многообразным поискам элиты, ищущей нечто за пределами материального познания; и в то же время он еще с отрочества осознал, насколько трудно передать свою веру на языке, понятном всем людям доброй воли. Именно в пространство между этими двумя полюсами он вписывался, и по этой-то причине у него и была столь широкая аудитория в его стране.

За границей люди, которые переписывались с ним, по понятным причинам не стремились создавать шум вокруг его имени. Именно поэтому первые его книги публиковались под псевдонимами. Во Франции *Истоки религии*², первая книга из серии *В поисках Пути, Истины и Жизни*, на французском языке, появилась лишь после его смерти, в 1991 году. Но во весь рост о. Александр предстал перед французами в книге Ива Амана *Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время – Le P. Alexandre Men, un témoin pour la Russie de ce temps* (Mame, 1993). Автор – один из редких людей с Запада, близко знавших о. Александра в самые горячие и опасные годы его священнического апостолата. В работе Амана мы видим Меня в кругу семьи и в духовной катакомбной общине, которые с детства формировали его, но также – на политическом и религиозном фоне

² Отец Рене Маришаль является переводчиком на французский язык книги о. А. Меня *Истоки религии (Les Sources de la Religion)*. (Прим. ред.)

эпохи, восстановленной достоверно и глубоко на основе большого количества документальных материалов. Книга стала событием. Ее перевели на русский (Мам-Рудомино, 1994), но также на английский, итальянский, немецкий, венгерский. В 2000 году ее переиздало издательство «Нувель Сите» под названием *Александр Мень*. Это же издательство опубликовало на французском языке в 1999 году книгу *Сын Человеческий* под названием *Иисус, Учитель из Назарета*.

Я многократно приезжал в Москву в годовщины смерти о. Александра и дважды участвовал в памятных мероприятиях Фонда имени Александра Меня в Риге. И каждый раз с огромной силой чувствовал, сколь велико влияние и воздействие о. Александра. У него был дар вести людей, объединяя многих и многих, – мужчин и женщин, молодежь, – все они в единстве друг с другом делили его живое наследие, и через его видение и восприятие слова Божьего вступали с ним в своеобразное духовное родство. Встречи, организуемые каждый год, какова бы ни была их форма, – молитвенное поминовение, сообщения о различных аспектах мысли о. Александра, музыкальные вечера, – всё это воспринималось не какой-то абстрактной аудиторией, а общиной, сплоченной его присутствием.

Но нужно сразу же добавить, что эта община вовсе не походила на секту. Конечно, с тех пор как о. Александр смог осуществлять свое служение открыто, оно не всегда встречало единодушную поддержку. Но его слово звучало так же широко, как Нагорная проповедь, он привлекал толпы, как это делал его Учитель, не притязая при этом на какое-то особенное, исключительное знание; в нем не было ничего от гуру. Он просто умел делиться с другими хлебом, которым питался с детства.

Есть парадокс в этой исключительной фигуре: о. Александр осуществлял свою пастырскую деятельность в условиях, навязанных официальным и обязательным атеизмом, – втайне, с постоянными предосторожностями, подпольно. Та самая свеча под спудом, о которой говорит Евангелие. И затем – очень короткая публичная жизнь, в течение которой он приобрел известность, перешагнувшую далеко за границы Советского Союза.

Он находится буквально под светом софитов. Его записывают, снимают, кассеты и кинокадры распространяются с головокружи-

тельной скоростью и пересекают границы... Его трагическая гибель и вызванное ею чувство безысходности у тех, кто черпал силы в его наставлениях и духовном водительстве, в самом его образе жизни, побуждают людей тщательно сберегать всё, сказанное им, а сочинения продолжают издаваться.

Создаются фонды о. Александра Меня, которые с усердием берутся за эту задачу. Они собирают, исследуют его произведения, создают логично построенные сборники. Выявляется масштаб его огромной работы, и ее плоды поспевают как раз вовремя. Празднование тысячелетия крещения Руси в 1988 году вернуло миллионы россиян к их христианским корням. Они искали в писаниях о. Александра пищу, способную утолить их духовный голод. Искали и находили наставления, изложенные современным литературным языком, в стиле, понятном людям того времени, открытым науке и жаждущим дойти до сути вещей. Они хотели приобщиться христианству, о котором свидетельствует и размышляет человек, подобно им самим – его читателям или слушателям – живший в стране, где религию не знали или искажали.

Через двадцать лет после смерти о. Александра мужчины и женщины, которые собираются, чтобы почтить его память, – молитвенно, делясь впечатлениями о его наследии, просматривая видеоматериалы – в большинстве своем уже не те, что знали его при жизни. Как я уже слышал у него на родине, в основном это ученики учеников, второе поколение. Но не в этом ли – главная составляющая самого существа Церкви? О. Александр никогда не притязал на то, чтобы от него лично пошло духовное преемство. Он не основатель ордена. Но он входит в историю верующего народа как один из людей, определенным образом понимавших и проживавших Евангелие. Это уникальное восприятие подхватывали их продолжатели, сохраняющие верность Преданию, этой живой реальности, передающейся в своей самобытности и вечной новизне. Именно это продолжает жить и плодоносить в неисчислимом духовном потомстве «убиенного протоиерея Александра».

Лион, июнь 2010 г.

*Перевод с французского
Леонида Харитонов*

Протоиерей Михаил Евдокимов

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ – ПАСТЫРЬ ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В странах «рассеяния» (в Западной Европе, Америке, Австралии) установился обычай: православное духовенство и верующие всех приходов одного города, к какой бы нации, культуре или юрисдикции они ни принадлежали, собираются в первое воскресенье Великого поста на общее литургическое богослужение, чтобы исповедовать объединяющую их веру.

В воскресенье, 21 февраля 2010 г., когда православная церковь отмечает Торжество православия, множество православных христиан Парижа и окрестностей съехалось на праздник и участвовало в литургии, проходившей в греческом соборе Сент-Этьен (Святого Стефана) в Париже. Совершал литургию митрополит Эммануил, глава епархии Вселенского патриархата во Франции, председатель Объединения православных епископов Франции, в сослужении священников и диаконов из различных епархий Франции. Во время литургии звучали песнопения на греческом, арабском, грузинском, церковно-славянском, румынском и французском языках. В богослужении участвовало около 250 мирян.

Во второй половине дня более ста человек собрались в румынском приходе Святых Параскевы и Женевьевы, где под председательством митрополита Иосифа (митрополия Румынского патриархата в Западной и Южной Европе) прошла встреча, посвященная 20-й годовщине со дня кончины протоиерея Александра Менья, православного священника РПЦ Московского патриархата, убитого 9 сентября 1990 года. Собравшиеся выслушали два выступления о жизни и творчестве отца Александра. В завершении встречи был показан фильм об отце Александре Мене.

Ниже мы публикуем текст выступления отца Михаила Евдокимова прозвучавшего на этой встрече.

Отец Александр родился в 1935 году, в самый разгар сталинских чисток, к 1937 году достигших своего апогея. В 1937 году Бутовский стрелковый полигон, близ Москвы, был превращен в громадную братскую могилу: там расстреляли 24 000 человек, почти всех столичных священнослужителей и монахов. День и ночь бульдозеры рыли рвы, куда сбрасывали трупы.

Родители Александра Мень были по происхождению евреями; его мать, глубоко верующая во Христа, крестилась одновременно с сыном у катакомбного священника, архимандрита Серафима. Когда прабабушка Александра, вдова с семьей детьми на руках, тяжело заболела, ей посоветовали обратиться за помощью к отцу Иоанну Кронштадтскому. Пристально посмотрев на нее, священник сказал: «Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолимся Господу, и Он исцелит вас от Вашей болезни». И, действительно, через месяц она встала на ноги.

В трехлетнем возрасте мальчик участвовал в литургии, которую отец Иеракс¹ служил в лесу, подальше от надзирающих органов: «Лес становился храмом. Казалось, все обитатели леса воздают хвалу Божьей Матери. Однажды белка спустилась с дерева, и, не шевелясь, стояла рядом с нами»². Пылкая любовь, которую испытывал к природе этот будущий биолог, возможно, выросла из этих впечатлений. Он говорил: «В лес или в палеонтологический музей я входил, словно в храм»³.

Первые слова, которые Алик написал сам под руководством подруги мамы, занимавшейся его религиозным воспитанием, были: «Побеждай зло добром» (Рим 12:21). Следуя наставлениям отца Серафима, мама Александра не водила его ни в кино, ни в театр – очаги антирелигиозной пропаганды. Лучше, – советовал он, – купите ему игрушку. Александру еще не было семи лет, когда отец Серафим,

¹ Иеромонах Иеракс (Бочаров) (1880–1959) – один из духовных детей архим. Серафима (Батюкова) и ближайший его помощник, тоже бывший в эти годы на нелегальном положении. (Прим. ред.)

² Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 67. (Прим. ред.)

³ Мень А., *прот.* О духовном опыте // Христианос-IV. Рига, 1995. С. 45. (Прим. ред.)

зная о своей серьезной болезни, решил принять у него первую исповедь: «Я чувствовал себя с дедушкой так, как будто я был на небе у Бога, и в то же время он говорил со мной так просто, как мы между собой разговариваем»⁴, – рассказал потом мальчик.

Призыв свыше

Уже подростком он понял, что нельзя тратить время впустую, и занялся самообразованием. Поднимаясь спозаранку, когда все еще спали, он читал сочинения религиозных мыслителей, Отцов Церкви, философские труды, художественные произведения. Он станет одним из редких священников, которые будут стараться любыми путями познакомиться с произведениями, издаваемыми за пределами России: эти сочинения он обильно цитирует. Друзья, приезжавшие с Запада, в частности Ив Аман, автор замечательной работы об отце Александре⁵, утоляли его острую потребность в книгах.

По окончании средней школы он начал заниматься биологией; по первому образованию он был ученым-естественником. «Все великие ученые, – отмечал о. Александр, – близки к вере, например, Эйнштейн». Он любил цитировать слова Эйнштейна: «Тот, кто потерял способность изумляться – душевно мертв». Знать, что существует бесценная реальность, проникнутая высшей мудростью и совершенной красотой, знать это и быть в этом убежденным – вот сердцевина подлинно религиозного мировосприятия. «Нельзя искоренить веру; даже если люди не верят в Бога, – говорил отец Александр, – они не сомневаются в существовании необъяснимой тайны».

У Александра был красивый голос, он любил литургическое богослужение. Как-то вечером 31 декабря он задержался в храме, между тем как снаружи люди готовились к встрече Нового Года. И тут священник положил ему руку на плечо: «Это хорошо, что ты любишь Бога, храм и богослужение. Но никогда ты не станешь настоящим пастырем, если радости и скорби тех, кто живет в миру, будут тебе

⁴ Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 115. (Прим. ред.)

⁵ Аман Ив. Александр Мень – свидетель своего времени. М., 1994. (Прим. ред.)

чужды...»⁶ Александр вышел, охваченный внутренней радостью, словно Кто-то его позвал.

Накануне госэкзаменов его исключили из Сельскохозяйственного института, узнав, что он прислуживает в церкви. И тогда он решил поступить на заочное отделение Духовной семинарии: новый путь открывался перед ним.

Эпоха шестидесятых-девяностых годов была бурной. Велась охота на диссидентов, или, по-другому, инакомыслящих: их сажали в тюрьмы и, начиная с брежневских времен в психиатрические больницы. Среди них были священники (Эшлиман, Якунин), миряне (Пореш, Огурцов), литераторы (Синявский, Солженицын, Татьяна Горичева), ученые (Сахаров). Эти голоса захлебнулись, никто не осмеливался «мыслить иначе» в тогдашней России, завеса молчания накрыла страну. Но вот что любопытно: именно при тоталитарном режиме эти голоса свободных людей звучали так, что их слышали...

О повлиявших

Архимандрит Серафим, крестивший Александра, был учеником старца Нектария – одного из последних оптинских старцев, этих великих пробудителей Духа. Что касается отца Александра Менья, то он, строго говоря, не был старцем, но огромное число людей считают его великим свидетелем и мучеником веры.

В двадцатилетнем возрасте Александр посещал кружок интеллигентов, старых прихожан замечательного священника, ныне причисленного к лику святых, Алексия Мечёва († 1923). Этот великий исповедник революционных лет проповедовал православие, открытое миру, готовое смотреть ему в лицо. Когда русский мыслитель Бердяев пришел к нему, чтобы спросить, должен ли он оставаться в стране или уезжать, отец Алексей ответил: «Вам нужно ехать, Ваше слово должен услышать Запад». Так о. Алексей помогал своему собеседнику найти место для православия во вселенской Церкви. Стало быть, восходя к Оптиной пустыни через отца Серафима и учеников свя-

⁶ *Рукова София*. Отец Александр Мень. Рига, 2000. С. 13. (Прим. ред.)

того праведного Алексия Мечёва, будущий отец Александр крепко вырастал в замечательное русское духовное направление, в том виде, в каком оно смогло пережить революционный вихрь.

Пастырь

Послереволюционное православие отличалось подчеркнутой приверженностью обрядам: лишь бы сохранить главное в наследии прошлого; о том, чтобы на йоту изменить что-либо, не могло быть и речи. Русская Церковь, к несчастью, не вместила знаменитый Московский собор (1917-1918), который, не сумев завершить свою работу из-за революции, всё же успел выработать немало постановлений, призванных обновить облик Церкви. Отец Александр хотел, чтобы богослужения были простыми и строгими; по его мнению, народ, наделенный благодатью «царственного священства», должен сослужить священнику и облечься деятельной ответственностью в служении Церкви. Все эти идеи были развиты, в частности, отцами Николаем Афанасьевым и Александром Шмеманом, а также Павлом Евдокимовым.

Священническое служение отца Александра Меня начиналось нелегко: то, что этот умный, одаренный священник привлекал людей, особенно столичную интеллигенцию, вызывало подозрения у властей и зависть у собратьев. Сначала отец Александр служил в одном деревенском приходе, потом его перевели в другой, а затем патриарх Пимен поставил его на приход села Новая Деревня, не очень далеко от Москвы, где он и пребывал до конца своих дней. И это нормально: ведь, согласно традиционной православной экклезиологии священник «обручен» со своим приходом (как епископ со своей епархией) и должен, если не произойдет ничего непредвиденного, в нем оставаться.

Местные, деревенские жители ходили в этот храм. Они закоснели в глубоком религиозном невежестве, почти ничего не знали о христианской вере, традиции были утрачены. Русские, работающие на земле, – не тот народ-«богоносец», о котором наивно мечтал Достоевский. Напротив, интеллектуалов, перед революцией выставлявших

напоказ свой позитивизм и антиклерикализм (точно как во Франции), привлекала духовная жизнь: возможно, их мучили «проклятые вопросы», о которых также говорил Достоевский. Не без тревоги отец Александр задается вопросом, сможет ли Церковь принять в свое лоно эту интеллигенцию, сможет ли она дать ответы на ее вопрошания, открыть перед ней пути надежды. Нужно с грустью признать, что нынешняя русская Церковь, пропитанная обрядоверием, авторитаризмом, к этому не стремится. Когда, – как довелось мне, – вступаешь в доверительную беседу с людьми в России, чувствуешь порой, что в них живет страх перед иерархией. Московский Собор 1918 года предложил меры, призванные оживить Церковь, хотел осуществить необходимые для этого реформы (плодами которых, кстати, пользуется наша епархия, с центром на *рю Дарю*), но там, в России, всё это остается пустым звуком. Церковь не готова пойти на перемены, принять вызовы времени, процент воцерковленных людей остается низким.

Отец Александр, настоящий пастырь, любил говорить с людьми: «В каждом он видел уникальную личность, каждого любил уникальной любовью». Однажды кто-то пришел к нему и извинился за то, что отрывает его от работы: «Вы и есть моя работа», – ответил о. Александр. Он не спешил крестить человека: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет», – пишет апостол Марк (16:16). Нужно сначала уверовать, а затем уже креститься.

После падения коммунизма священники крестили не покладая рук. Один из них как-то сказал мне, что он крестил около десяти тысяч человек! Разумеется, добавил он, они не прошли оглашения, и приходилось доверять силе действия Святого Духа. Одна из огромных задач, стоящих перед русской Церковью сегодня, – глубокая евангелизация этой массы новокрещеного населения.

Отец Александр настаивал на том, что христианин – это призвание, говорил о его ответственности в современной городской жизни. Воспитание в ограде Церкви тоже было делом подчас непростым: молодые люди в джинсах не умели себя вести, и церковные бабушки ворчали. Отец Александр умел каждого ободрить и поддержать. Он не жалел времени на посещения прихожан: вот он у одинокой старой

женщины, нуждающейся в утешении, вот полдня проводит у девочки с неизлечимой лейкемией, чтобы приготовить ее к смерти, вот навещает супружескую пару – муж пьет, и батюшка предлагает ему и его жене наполнить свою жизнь новым смыслом.

Он сиял глубокой, заразной радостью. Он был живой иллюстрацией к апофтегме одного из отцов-пустынников: «Не говорите мне о монахах, которые никогда не смеются, это смешно!» Он передал огонь своей веры множеству молодых людей, а также богословам (Краснов-Левитин), писателям (Солженицын, Надежда Мандельштам), будущим священникам – Александру Борису и Владимиру Зелинскому.

Миссионер

С наступлением гласности, при Горбачёве, отец Александр Мень стал первым священником, которому было позволено говорить с детьми и с подростками в школах. Он выступал также перед большими аудиториями в кинозалах, в клубах, на телевидении, на радио. Говорил он не по бумажке, но его выступления были четко построенны, речь текла рекой, от полноты сердца, которому слишком долго приходилось сдерживаться. Когда он появлялся на телевидении или на радио, люди звонили друг другу: включай телевизор (или приемник), отец Александр выступает!

Большую часть его наследия составляют проповеди и беседы, многие из которых собраны в сборнике *Христианство только начинается*⁷. Его *Практическое руководство к молитве* – превосходное введение в христианскую жизнь, в молитву, начиная с установления отношений между человеком и Богом. Отец Александр много размышлял об истории религий, о причинах, побуждающих человека верить в Бога, в книге *Истоки религии*. Укорененный в православной традиции, в учении Отцов Церкви, в литургии, о. А. Мень стремится послужить сегодняшнему человеку. Он чувствует, что необходимо

⁷ Это название (*Le christianisme ne fait que commencer*. Paris: CERF, 1996.) составители сборника дали текстам прот. А. Меня, переведенным на французский язык. (Прим. ред.)

говорить о Боге, ибо, по его словам, мысль о Боге всегда занимала (Достоевский бы сказал «мучила») человечество на протяжении всей его истории. Прятать ее не имеет смысла, она всё равно выйдет на свет, но, возможно, уже в виде жалких иллюзий, таких как марксистский мессианизм или лживая мифология.

В *Сыне Человеческом* отец Александр рассказывает очень просто о жизни и учении Иисуса, обращаясь к глубоко дехристианизированному обществу, теряющему чувство священного. Его позиция – золотая середина между интегризмом (мир прогнил, он идет к гибели, он забыл, что Иисус пришел, чтобы его спасти) и растворением христианской веры в расплывчатом гуманизме, где Церковь выглядит благотворительным обществом. В обоих случаях отрицается то, что лучше всего ее характеризует, – богочеловечество. Богочеловечество, в котором ограниченный человеческий дух соединяется с бесконечным божественным Духом, составляет самую суть христианства. Только богочеловечество придаёт смысл людям, миру, природе, космосу, ибо все призваны к преображению, к тому, чтобы принять в себя божественные энергии, позволяющие приобщиться к жизни в Боге.

Как и польского священника Ежи Попелюшко, отца Александра Меня уничтожило бездушное чудовище – государство. Отцу Александру всё же удавалось излить на окружающих свет своей радости, поразительной человечности, внутреннего покоя: они позволили ему одолеть испытания, неприятности, учиняемые «органами безопасности». Когда однажды к нему пришли с обыском сотрудники КГБ, он, не обращая внимания на то, как они роются в его вещах, продолжал писать одну из книг о мировых религиях. В другой раз, когда он вышел из КГБ после жесткого допроса, кто-то спросил: «Трудно было?» И он ответил: «Вы забываете, что я священник. Я могу разговаривать с кем угодно, мне это никогда не трудно».

Церковь и мир

Отец Александр не замыкался в «церковном гетто», отрицающем и осуждающем мир: он считал, что Церковь включает мир в свою молитву, разделяет с ним его радости и страдания и открывает ему

пути ко спасению. Батюшка любил вспоминать о святом Франциске, как он, некогда богатый человек, дошел до крайней нищеты, обручился с госпожой бедностью и, предаваясь жесточайшей аскезе, всегда был полон любви к миру, к людям, к природе, к животным. Отец Александр находил у Отцов Церкви сильный интерес к любым проявлениям искусства и мысли, исходящих из языческого мира. Он мечтал увидеть своими глазами падение стены между миром духовенства, затворившегося в своем гетто, и миром людей культуры, сторонящихся Церкви.

Он спрашивал себя: как же древняя Церковь за три века смогла возобладать над могущественной языческой империей? Ответ «благодаря Евангелию» не годится: ведь его канон окончательно оформился только в четвертом веке, а для народа оно стало доступно не ранее XIV века, после того как Гуттенберг изобрел печатный станок. Россия же получила возможность прочесть Евангелие лишь в XVI-м, а Румыния – в XVII веке! Победу одержала Церковь, то есть христиане, собравшиеся вокруг Христа: «...победило таинство Христова присутствия среди людей»⁸. В наши дни христианам приходится иметь дело с империей уже не языческой (ибо язычник был еще верующим), а с империей потребления, в которой материальный комфорт стоит на первом месте, и со всем, что окружает человека в жизни, – с телевидением, кино, рекламой, видео и всяческими iPod'ами. Невозможно удовлетвориться размытой религиозностью. Бог есть огонь пожирающий, и Иисус пришел, чтобы он охватил всю землю: христианин должен быть готов сгореть в этом огне. А. Мень отмечает, что во времена духовного безразличия Бог посылает пророков: например, в XIX веке это были святой кюре из Арса во Франции и святой Серафим Саровский. Но есть и ложные горе-пророки, такие как Вольтер, который заявлял с апломбом, что по прошествии пятидесяти лет безнадежно устаревшую Библию можно будет найти только у букинистов. Он говорил об этом в том самом доме, в котором водворится Всемирное библейское общество и из которого во все концы света полетят тысячи экземпляров Священного Писания!

⁸ Мень А. О Христе и Церкви. М., 2005. С. 23.

Преодолеть внутренний атеизм

Проблема атеизма встаёт со всей серьёзностью перед о. А. Меньем в стране, где атеизм впервые стал массовым: «С неба нам был дан великий дар – и вы не улыбайтесь, потому что дар этот – атеизм, воинствующий антихристианский атеизм. Без него положение было бы хуже, Церковь задушили бы атеисты, скрывающиеся под маской христиан, подобные Великому Инквизитору Достоевского. Достоевский в *Братьях Карамазовых* видел таких, прежде всего, в католической Церкви, но, – говорит А. Мень, – это могли быть и протестантские пасторы, и православные епископы, столь же прямолинейные». Конечно, как хорошо знал отец Александр, воинствующие атеисты истребили тысячи верующих-мучеников – гораздо больше, чем в первые века христианства, – но не их он имеет в виду, а тех атеистов изнутри, которые монополизируют «торжество православия» первой великопостной недели, превращая его в свое собственное торжество. Но торжествует истина, а не люди. В книге *Безумная любовь Божия* Павел Евдокимов предлагал создать кафедры атеизма в богословских учебных заведениях, чтобы выслушивать аргументы атеистов, ставя их лицом к лицу с христианами, слишком уверенными в том, что они всё знают о заповедях Господних, меж тем как эти заповеди не претворяются в жизнь. А отец Александр добавляет: «Конечно, плохо, что закрывают Церкви... но я уверен, что ни один храм не был закрыт без воли Божией». Сам Иисус горячо обличал лицемерных фарисеев и книжников, этих «делателей неправды», которые не исполняли Закон Моисеев.

Отец Александр предвидел, что вместе с вновь обретенной свободой вероисповедания появятся новые трещины. Опасность поджигала Церковь, ту самую Церковь, которая спланировала ряды, хранила единство перед лицом открыто атеистического режима. Сегодня перед нами Церковь, несомненно, красивая, эстетствующая, но это нетрудно, когда есть прекрасные хоры, которые ласково убаюкивают тех, кто их слушает во время служб, порой нескончаемых. Чувствуется также церковная напыщенность, невероятно слашавая и, к сожалению, очень далекая от забот и страданий современного мира, от

поисков культуры. Церковь еще не вместила ни изменения нравов, ни новых условий экономической жизни. Возвращаясь к отцу Александру, нужно сказать, что он, по примеру святого Франциска, никогда не разочаровывался в Церкви: жить без нее невозможно, ибо она – тело Христово, присутствующее в каждом из ее членов. Близко время жатвы. Отец Александр жил с ощущением: надо успеть, жизнь коротка; он чувствовал, что времени у него немного. За последний год жизни у него было около 200 выступлений – лекций, проповедей, радио- и телепередач. Ветер свободы вдохновлял его, ритм его жизни всё убыстрялся.

Отец Александр очень сильно чувствовал необходимость единства: разделения между христианами, по его мнению, внесли свою лепту в становление атеизма и, главное, вызывают разломы, трещины, от которых страдает мир: «Да будут едино... – да уверует мир», говорил Иисус.

Удивительно, как этот священник маленькой сельской церкви привлекал к себе известных в западном христианском мире людей – кардинала Люстиже, Жана Ванье и многих других, приезжавших к нему. Он внимательно следил за такими христианскими движениями, как община Тэзе, Ковчег, Фоколяры. Люстиже говорил о нем: «Это человек мира».

Александр Мень много писал о молитве и об исполнении заповедей Господних: о молитве как поиске внутреннего мира в глубинах сердца, о молитве, творимой сосредоточенно, чтобы унять возбудимость, внутреннюю необузданность, которая есть в любом человеке, психосоматические расстройства. «Претворить в жизнь хотя бы половину из заповеданного в Нагорной проповеди, – говорил он, – значит избавиться от всех наших неврозов, комплексов – благодаря целителю Христу». Посмотрите его советы в *Практическом руководстве к молитве*, где он говорит о положении тела, о сосредоточении, о борьбе с рассеянностью, о господстве над временем...

Времена менялись... Горбачёв дал ход перелому в 1988 году, когда праздновался тысячелетний юбилей со дня крещения Руси. Диссиденты вышли на свободу. Уполномоченный по делам религий Харчев стремился внести нравственные ценности христианства в стра-

ну, истощаемую пьянством, разложением семьи, коррупцией – всем, что и нам хорошо известно здесь на Западе. Это правда, что Церковь выходит из изоляции. Ей возвращают здания, они восстанавливаются, но «если мы не изменим свою жизнь, они будут пустыми ракушками», – говорил отец Александр.

В воскресенье 9 сентября 1990 года отец Александр шел в свой храм служить литургию. На него напали сзади, ударили топором по голове. Он смог добраться до дома и умер в луже крови.

Отец Александр Мень умер мучеником, служа своему Господу. Будет ли он когда-нибудь канонизирован?..

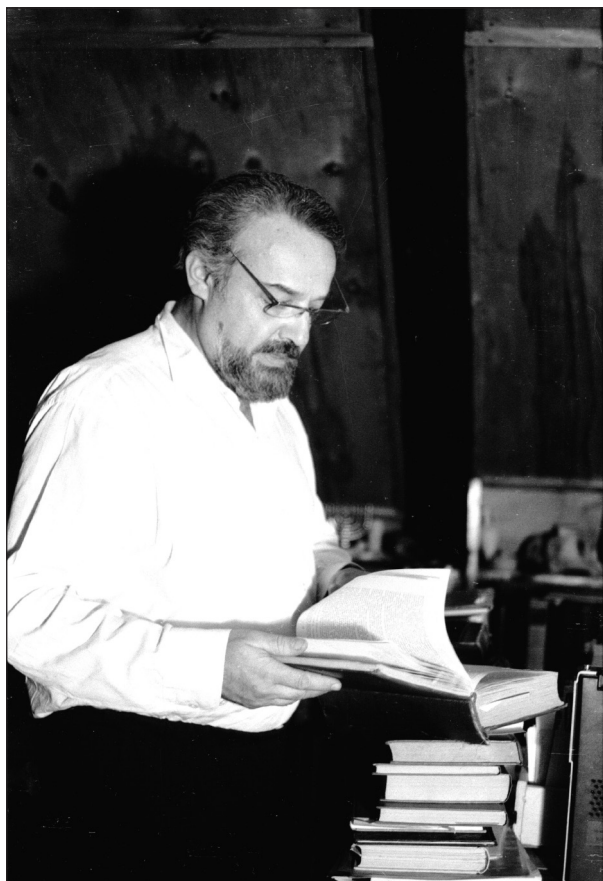
*Перевод с французского
Леонида Харитонова
под редакцией
Наталии Большаковой*

1986 г.

Фото Софии Руковой

**БИБЛИЯ И НАСЛЕДИЕ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА**

1986 год

Фото Софии Руковой

Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон

Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон – настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, доктор богословия. Родился в Москве, закончил исторический факультет Московского университета. Хотя был крещен в детстве, обратился к Церкви в зрелом возрасте под влиянием встречи с о. Александром Менем. С 1965-го по 1972 год был членом общины о. Александра. В эти же годы занимался самиздатом и другими формами религиозного просвещения. Эмигрировал во Францию в конце 1972 года и учился там в Свято-Сергиевском православном институте в Париже. С 1974 года живет в Америке. Окончил Свято-Владимирскую семинарию со степенью магистра пастырского богословия. В 1976–77 гг. жил в Израиле, слушал лекции в доминиканском библейском институте «L'Ecole Biblique de Jerusalem», в котором был создан перевод так называемой «Иерусалимской Библии». Там же женился на Ольге Шнитке. Теперь в семье трое детей: Илья, Елизавета и Симеон.

В 1978 году рукоположен во иерея в Православной Церкви в Америке (митрополитом Феодосием) и назначен в храм Христа Спасителя в Нью-Йорке, третьим священником, пастырем для русскоязычной общины, при настоятельстве прот. Иоанна Мейендорфа. В 1984 года назначен настоятелем храма Христа Спасителя. С 1987-го по 1996 год учился на богословском факультете Фордамского Университета, закончив его со степенью доктора богословия. Преподавал время от времени в качестве адъюнкт-профессора богословие и русскую философию. С 1974 по 1993 год был внештатным сотрудником радио «Свобода» на религиозных программах.

Автор нескольких книг на русском и английском языках и многих статей. Книги протоиерея М. Аксенова-Меерсона:

Созерцанием Троицы Святой. Киев: Дух і Літера, 2007.

The Trinity of Love in Modern Russian Theology. Franciscan Press, 1998.

Православие и Свобода // Сборник статей. New York: Chalidze Publ. 1986

Political, Social and Religious Thought of Russian Samizdat // An Anthology, ed. together with Boris Shragin, Mass.: Nordland Publ., 1977.

Samosoznanie // Sbornik Statei. Insights: A Collection of Articles, ed. Pavel Litvinov, Michael Aksionov Meerson, Boris Shragin. New York: Khronika Press, 1976.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ БИБЛЕИСТИКИ

Об отце Александре Мене много написано личных воспоминаний его учеников и друзей, в том числе и мои. В этой статье я собираюсь выделить один аспект его деятельности, который составлял, на мой взгляд, основное содержание его жизни: непрерывный творческий интерес к Библии¹.

Иногда приходится слышать, что о. Александр был человек слишком широких религиозных взглядов, интересовавшийся наравне с христианством и другими религиями – индуизмом, буддизмом и т.д. Действительно, среди многотомной истории религиозных поисков человечества, которую о. Александр назвал «В поисках Пути, Истины и Жизни», два тома: «У врат молчания» и «Дионис, Логос, Судьба» посвящены восточным религиям и античному язычеству. Однако само общее название «В поисках Пути, Истины и Жизни» для всех знающих Евангелие указывает ни на кого другого, как на Христа, ответившего: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня,» – на вопрос апостола Фомы на Тайной Вечери, – «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» (Ин 14:5-6). Итак, о. Александр замыслил и написал свою серию книг, начинающуюся (хронологически) книгой «Истоки религии» и завершающуюся (тематически) книгой «Сын Человеческий», как христоцентричный религиозно-научный эпос. В его центре сто-

¹ См. о значении вклада прот. А. Меня в библейскую науку в 70–90-х гг. XX века в: Православной энциклопедия. Т. V. Гл. Библиистика. М., 2002. С. 56. (Прим. ред.)

ит Богочеловек Иисус Христос. Не к подобному ли христоцентризму, который характерен для всех писаний о. Александра Менья, включая и его обзорную историю религиозных поисков человечества, призвал митрополит Гор Ливанских Георгий Ходр: «Нужно пробудить Христа, который дремлет в религиях»?²

Однако главной страстью о. Александра как пастыря и ученого, как духовника и литургиста, как писателя – была Библия. Отец Александр писал в те годы, когда Библия в России (советской) была запретной книгой, и не только изучение ее и научная работа над ней, но и просто знакомство с ней, чтение её, требовали определенного бесстрашия и даже, можно сказать, подвига. Как православный миссионер, он прекрасно сознавал, что его современник, советский человек, не выросший в религиозной вере, но желающий с ней познакомиться, чаще всего начинает с того, что открывает Библию, надеясь в ней найти ключ к закрытому для него, но манящему миру веры. Но, как часто случается, открыв Библию и прочитав несколько глав, он откладывает ее с разочарованием, с убежденностью, что эта книга – не для него.

Отец-то Александр, напротив, знал, что Библия и в наш век продолжает быть книгой для каждого. Нет в мире более популярной книги, более массовой. Нет другой книги, которая, будучи уже переведенной почти на две тысячи языков и диалектов земного шара, продолжает переводиться на все новые языки, и одновременно не перестает быть предметом научных изысканий. В одном статистическом отчете в 1980-е годы указывалось, что ежегодно в мире пишется около 1700 докторских диссертаций о Библии, книгах Ветхого и Нового Заветов.

Обращение к Библии как к тексту, который должен заново ожить и зазвучать, можно сказать, впервые для русского человека, воспитанного в духе советского атеизма, стало личным подвигом о. Александра, причем подвигом всей его жизни. Русская Православная Церковь, служителем которой был о. Александр, нося Библию внутри своего богослужения, но как бы спрятанной за обрядовыми облаче-

² Зелинский Владимир. Беседа с Оливье Клеманом // Христианос-ХVIII, Рига: Фиап, 2009. С. 344.

ниями церковно-славянского языка, переживала нехватку в Библии как отсутствие полного и комментированного текста на доступном русском языке, но не так остро, как её переживали протестантские общины, или просто лица, желающие ознакомиться с Библией и понять, что в ней написано, про что она.

Берясь за Библию, неподготовленный читатель не создает, что Библия, будучи не столько книгой, сколько собранием книг разных эпох и разных жанров, целой библиотекой, в свою очередь нуждается в ключе для понимания, точнее в двух ключах. Это, как подчеркивал о. Александр Мень, во-первых, Предание Церкви, т.е. то, как сама Церковь на протяжении истории толковала и использовала Библию в своем богословии и богослужении, а во-вторых – современное научное исследование Священного Писания.

В советское время, естественно, не было никакой библеистики, тем более – библейской науки в современном смысле слова. Но она существовала в дореволюционной России, хотя и в зачаточном состоянии. Она была забыта до тех пор, пока о. Александр не начал ссылаться в собственных трудах на работы отечественных ученых-библеистов.

Современная научная библеистика возникла и сформировалась в протестантизме, и только к середине XX века внедрилась и в практику Римо-католической экзегезы, внося и в неё свои потрясения. Однако православное течение в научной экзегезе как католической, так и протестантских Церквей, сохраняющее веру Церкви во Христа-Богочеловека, «Единого от Святыя Троицы», продолжает и внутри современной методологии защищать свою веру перед лицом часто разлагающего воздействия науки, по природе своей, неверующей. Ибо наука, как метод, не разделяет объекты на сакральные и профанные. Для науки исследованию подлежит все, и ее сила не в том, что она не может ошибаться – наука ошибается часто, – а в том, что, всегда двигаясь вперед, она сама себя исправляет, корректируя свои ошибки хотя бы и путем впадения в новые. Разрушив несколько раз веру в единство Библии и её достоверность, современная библеистика снова и снова утверждает и это единство, и эту достоверность новыми открытиями, чтобы затем опять разрушать и снова воссозда-

вать. Задача же Церкви в том, чтобы постоянно хранить и обновлять свой библейский синтез, свое сознание единственности, единства и достоверности Библии, не закрывая глаза на науку, а, наоборот, впуская её поток внутрь своего толкования Библии, научаясь навигировать в нем, держась наверху этой научной волны.

Отец Александр понял свою задачу как введение заново современной науки в православную экзегезу и, одновременно, возрождение экзегезы посредством этой науки, с тем, чтобы снова оградить Библию священным преданием Церкви. Он осознал эту задачу и определил ее для себя, когда никто из самых его близких коллег и сотрудников в русской Церкви в СССР не знал и даже не думал, что такая задача вообще стоит перед православием, не говоря уже о том, что она выполнима.

В этом деле своей жизни о. Александр опирался на русскую традицию библеистики, в первую очередь на свт. Филарета, митрополита Московского, стоявшего за переводом Библии на русский язык, и на своих предшественников в возрождении православного богословия в XX веке, на труды Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, на Антона Владимировича Карташёва, профессора церковной истории и литургики, на его книжку «О ветхозаветной библейской критике», и на протоиерея Сергия Булгакова, профессора догматики и ректора института.

В своей книге «Православие» о. Сергей воцерковляет современную библейскую критику, утверждая единство Писания и Предания в Православной Церкви, в которых и через которые продолжает жить и действовать в ней Святой Дух, и показывая, как под анализом этой критики само Св. Писание раскрывается как множество сведенных воедино устных и письменных традиций. Разлагая библейские книги на первоисточники, на основании которых и из которых эти книги составлены, современная библеистика показывает, что и сама Библия была своеобразным письменным преданием, вначале – еврейского народа, потом – Церкви.

«Священное Писание, – пишет Булгаков, – слагалось на протяжении веков из книг разных авторов, разных эпох, различного содержания, разных ступеней откровения. Поэтому Слово Божие также

есть и слово человеческое, которое вместило в себя вдохновение Духа Святого, Им как бы преложилось и стало богочеловеческим, божественным и человеческим одновременно. Как бы ни понимать вдохновенность Священного Писания, сохраняет свою силу историческая обусловленность его человеческой формы, связанная с языком, эпохой, народным характером и проч. и современная библейская наука все более научается различать эту историческую форму, причем благодаря этому обострению исторического зрения увеличивается и уразумение его конкретности».

Как указывает о. Сергей, православная Церковь не только не преграждает пути изучения Слова Божия всеми доступными способами, в частности, современными средствами научного истолкования, но и не предпринимает наперед выводов этого исследования при условии, что остается нерушимым верующее, благоговейное отношение к священному тексту как Слову Божию.

Именно в этом русле и протекали труды о. Александра Меня. Будучи сам служителем православной Церкви, укорененным в ее предании, и одновременно компетентным и талантливым исследователем, он был убежден в том, что место Библии в Церкви в результате допущения туда и науки, в конечном счете, только утвердится. И наоборот, оставив Библию в удел лишь внецерковной науке, – науке, которая становится и уже стала главным авторитетом для современного человека, – Церковь рискует остаться вообще без Писания, потеряв тем самым свою основу и опору, с одной стороны, и оставить само Священное Писание незащищенным – с другой. При этом руководящим принципом о. Александра было сознание того, что у каждого христианина должны быть свои личные отношения с Библией, а они приобретаются на основании долголетнего и постоянного питания Словом Божиим, служившим основой писаний святых Отцов Церкви. Библейская насыщенность их трудов свидетельствует, что они думали в категориях Библии и жили ею. И чтобы понимать ее сегодня, надо объединить старое и новое – святоотеческое предание и церковное понимание библейской веры в завет Божий с человеком с одной стороны, и непрерывно продолжающееся научное исследование этой традиции – с другой.

Отец Александр Мень проделал гигантскую работу, непосильную, казалось бы, для одного человека, синтезировав современную западную науку по религиоведению и библеистике в свете православного предания, и, более того, – в свете именно русской православной богословской науки. Здесь следует указать три основные направления его трудов в этой области, в каждое из которой он внес решающий долговечный вклад.

Во-первых, он написал несколько научно-популярных трудов, посвященных Ветхому и Новому Заветам и вошедших в его много томную серию о религии. Это «Магизм и Единобожие», труд, посвященный становлению Библейской веры в Единого Бога на фоне языческих культур древнего мира, «Вестники Царства Божия», посвященный еврейским пророкам, и «На пороге Нового Завета», труд, который, по самому своему названию, посвящен эпохе позднего библейского иудаизма как колыбели проповеди Благой Вести. Каждая из этих трех книг, несмотря на легкий язык, доступный человеку без всякого религиозного образования, представляет собою и серьезный обобщающий научный труд в шестьсот-семьсот страниц со множеством сносок (иногда под тысячу) и научным аппаратом. Книги, посвященные Новому Завету: «Сын Человеческий» и «Первые Апостолы» – еще более легки и популярны, без такого количества сносок, однако с емким научным аппаратом примечаний и приложений. Каждая книга – это новый научный синтез, несущий на себе неизгладимую печать личности автора. Эти книги, написанные в самом начале пастырской деятельности о. Александра, читались десятками, а сегодня уже и сотнями тысяч людей, которые почерпнули свои первые представления о Библии именно из них. Сюда же можно отнести и другие его более популярные писания, ставящие целью вести читателя по Библии шаг за шагом, можно сказать, за руку, объясняя все места, вызывающие недоумение у современного человека. Таков, в частности, трехтомник о. Александра «Как читать Библию», и его первая книга-введение в Библию с таким же названием.

Отец Александр хорошо осознавал идеологическую подоплеку гуманизма в советской культуре, но противостоял ей именно тем, что подчеркивал роль Библии в становлении культуры гуманизма.

Он указывал, что Библия – это первая книга в человеческой истории, переведенная на иностранный язык. Первый перевод Библии на греческий был осуществлен тогда, когда еще не были написаны все библейские книги, а именно в III веке до рождения Христова, в 285 году в Александрии. Далее, рассказывая об этом переводе, о. Александр отмечал вещи сегодня общеизвестные, но в те годы мало кому из его читателей знакомые. Перевод был сделан, по преданию, семьюдесятью еврейскими книжниками по заказу правителя Александрии и Египта Птолемея II, и получил название «перевода 70-ти толковников» или «Септуагинты». Само слово «Библия» по-гречески значила «книги». И действительно Библия – это библиотека. 50 книг входит в Ветхий Завет, 27 – в Новый. Книги Ветхого Завета написаны в ходе целого тысячелетия. Из них большая часть – 39 – дошли до нас на еврейском языке, 11 – только на греческом. Достоверно неизвестно, были ли эти одиннадцать первоначально написаны по-еврейски, или же сразу по-гречески. На этом основании протестанты не считают их каноническими и не включают в свои издания Библии. Православная Церковь, считая их второканоническими, включает в состав Священного Писания. Католическая Церковь признает из них только семь. Как считал о. Александр, в древности образовались уже два канона: палестинский, из книг, существовавших только на еврейском языке, и библейский канон евреев рассеяния, куда вошли и книги, написанные или существовавшие на греческом. Во всяком случае, у православной Церкви достаточно оснований бережно хранить все библейские книги, которые она получила.

С первых же дней существования Церковь почитала эти книги «Священным Писанием». «Все писание богодухновенно» – пишет св. Павел своему ученику Тимофею о книгах Ветхого Завета (2 Тим 3:16). И в ходе всей истории Церковь истолковывает Библию, открывая в ней все новые пласты содержания и смысла. В своей книге «Как читать Библию» о. Александр Мень рассказывает о разных методах толкования Библии, существующих в Церкви. Есть метод буквального толкования, сводящийся к тому, чтобы связно и ясно представить себе ход библейских повествований и прямой смысл учения, изложенного в Писании. Этот метод был разработан сирийскими

Отцами Церкви в III и IV веках. Из них наиболее известен св. Ефрем Сирин. К нему примыкают Отцы, занимавшиеся преимущественно нравственной экзегезой, т.е. таким толкованием Библии, которое служило проповедническим целям. Наиболее известным из них был св. Иоанн Златоуст. Другой метод, аллегорического толкования, зародился в иудейской среде и был развит александрийским философом Филоном. Его принципы толкования были восприняты учителями Александрийской школы: Климентом, Оригеном и св. Григорием Нисским. Аллегорическое толкование искало в Библии не только и не столько конкретный смысл, сколько иносказание, аллегорию. Третий метод, типологический, видит в Библии многие прообразы и архетипы, которые могут быть отнесены не к одному лишь этапу истории спасения, а ко всей истории в целом. Этот метод широко применялся в византийской поэзии, создавшей наши православные богослужебные тексты. Так, исход евреев из Египта понимается как прообраз исхода умерших из ада под водительством воскресшего Господа, а вступление израильтян в землю обетованную под началом Иисуса Навина – как прообраз вступления христиан в Царство Божие под водительством Иисуса Христа. Чермное море, расступившееся, чтобы дать проход евреям при бегстве из Египта, понимается как прообраз Богородицы, оставшейся Девою и после рождения Сына. Наконец, литературно-критический и историко-богословский метод толкования начался с Оригена и блж. Иеронима, переведшего Библию на латинский язык. Этот метод был особенно связан с проблемой перевода Библии на другие языки, поскольку переводчик стремится донести как можно точнее и адекватнее смысл слов Священного Писания. А это невозможно без тщательного исследования того, что имел в виду на языке своего времени автор. Не случайно, что этот метод, вновь востребованный в период Ренессанса, в новое время получил особое развитие в протестантской среде, поскольку именно протестанты начали заниматься систематическими переводами Библии на современные разговорные языки.

«В эпоху Возрождения среди гуманистов начинается углубленное изучение Библии в подлиннике, – писал отец Александр Мень в своей книге «Магизм и единобожие». – Богословы овладевают грече-

ским и древнееврейским языками, что дает им возможность понять несостоятельность буквализма; из сравнения переводов явствует, насколько часто они бывают неточны, насколько вообще невозможно создать перевод, совершенно адекватный подлиннику.

Реформация совершила неожиданный поворот к старым воззрениям. Идеологи раннего протестантизма вернулись к взгляду на откровение в Св. Писании, видя в нем исключительно Слово Божие, лишенное каких бы то ни было человеческих сторон. Однако сравнительно-филологическое изучение Св. Писания уже началось. Литературная критика Библии стала все меньше и меньше считаться с учением о богодухновенности, рассматривая Св. Писание лишь как произведение рук человеческих. В середине XIX века эта тенденция нашла наиболее яркое выражение в так называемой ««религиозно-исторической школе»», которая применяла к изучению Библии общие принципы исторической науки».

В книге «Пути русского богословия» о. Георгий Флоровский не ограничился семинарским богословием, а проследил, как богословие и Библия прорастают в разные сферы секулярной культуры. Эта книга тем и уникальна, что о. Георгий попытался представить русскую культуру под знаком богословия. Так и о. Александр указывает на место Библии в обиходе русской культуры, в том числе в ее гуманистическом пласте, наследницей которого представляла себя культура советская. Нравилось ли это читателям о. Александра или нет, они были воспитанниками и наследниками этой советской культуры и, даже сопротивляясь ей, воспринимали Писание в её контексте. Поэтому было так важно, что о. Александр этот контекст знал и его учитывал. Так, о. Александр подчеркивал, что исторический метод толкования Библии оказал огромное влияние на русское образованное общество. Поэты и художники обратились к изображению человека Иисуса, пытаясь в соответствии со своими народническими убеждениями придать Ему как можно более конкретные исторические черты. Таков Христос у Поленова, у Крамского, у Иванова. Религиозный и конкретно-исторический методы прочтения Библии впервые соединил Владимир Соловьев, которого о. Александр всегда считал своим философским наставником. Именно Соловьев показал в Священ-

ной истории богочеловеческий процесс, сотрудничество Божеского и человеческого начал. В этом он выразил подлинно православное видение истории спасения, как «синергии», сочетания Божественной и человеческой энергий и волей, в котором в ходе истории человеческое начало иногда следует за Божественной волей, а иногда ей противостоит. Священная история, о которой рассказывает Библия, говорит об этом взаимоотношении, диалоге между Богом и людьми. Это человеческая история, увиденная в свете замысла Бога о человеке. Писание – это история взаимодействия Бога и людей, имеющая вечный, архетипический характер, потому оно применимо к каждому, потому оно – вечно актуально в жизни Церкви. Отец Александр всегда учил, что в Библии вся Церковь и каждый христианин читают не дела давно минувших дней, а свою собственную биографию, ибо через Духа Святого мы приобщены к этой истории. Эта история всей Церкви вместе и каждого из нас в отдельности.

Я познакомился с его библейским трудом, так сказать, в самой его мастерской, на ее ранней стадии, когда как-то, приехав к о. Александру домой в Семхоз году в 1966 году, застал его за вклейкой картинок, которые он вырезал из старых «Огоньков» и еще каких-то советских журналов, в качестве иллюстраций, в машинопись своей новой книги о библейских пророках – «Вестники Царства Божия». Впечатленный тем, что автор замечательных трудов о Библии, – которые, забегая вперед лет на сорок, и сейчас читаются как детективные романы (это мне только что сказал моей прихожанин, сам поэт, писатель, впервые прочитавший книгу о. Александра об апостолах: «За вечер прочитал, не мог оторваться, ну прямо детектив»), – не только их пишет на научной основе, но сам же их иллюстрирует и издает, я предложил ему помощь хотя бы в этом последнем деле. Так я и занялся религиозным самиздатом. Напомню читателю, что в те годы ксерокс не только невозможно было достать или к нему приблизиться, но за непозволительное приближение и использование не по назначению этого, на сегодня, предмета ширпотреба – а именно для производства религиозной литературы – давали от семи до десяти лет лагерей.

Но вернемся к научной деятельности о. Александра. Следующее направление его библеистики – это разработка методики современ-

ного преподавания Ветхого Завета в духовных школах. Этому посвящена его книга «Исагогика: Курс по изучению Священного писания»³, написанная с учетом не только новейших исследований западных библеистов, но и специфики русской православной школы. Не случайно он ссылается в ней на своего западного православного коллегу – протопресвитера Алексея Князева, профессора Ветхого Завета и ректора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

Однако, кроме популярных книг для очень широкого круга читателей и методических пособий по изучению Библии, о. Александр двигал тогда и саму отечественную науку в этой области, справедливо считая, что первым делом надо восстановить искорененную школу русской научной библеистики, связав эту российскую традицию с современным состоянием библиоведения.

Результатом этой деятельности стал его трехтомный Библиологический словарь, опубликованный посмертно. В нем о. Александр не только обозрел все развитие западной и русской дореволюционной библеистики, не только выделил и непрерывность русской богословской традиции изучения Святого Писания, но сделал это в свете самого православного богословско-догматического предания.

В словаре помещено около 1800 статей, посвященных толкователям Библии, её переводчикам и исследователям всех времен и народов и основным проблемам их исследований, равно как и отражению Библии в человеческой культуре.

Словарь представляет собой и уникальный обзор именно русской православной библеистики. Отец Александр перечитал огромное количество магистерских и докторских диссертаций по богословию последних двух веков, погребенных в архивах Московской Духовной Академии, и представил внушительную картину русской библеистики. Уникальную ценность этого словаря для русской православной богословской традиции проиллюстрирую одним примером из своего опыта. В начале 90-х годов я слушал аспирантские курсы и участво-

³ *Мень Александр*. Исагогика: Курс по изучению Священного писания. Ветхий Завет // Фонд имени Александра Менья. Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем. М., 2000.

вал в аспирантских семинарах замечательного библеиста, специалиста по Новому Завету, особенно по корпусу евангелиста Иоанна и по Апокалипсису, отца-иезуита Чарльза Гомера Гиблина в Фордамском университете в Нью-Йорке. На семинаре по Евангелию от Иоанна Гиблин предложил собственный перевод Евангелия с его детальнейшим структурным анализом, в котором он был большим мастером. Однако соблазном и разочарованием для меня была позиция Гиблина, считавшего перикопу о прощенной грешнице в 8-й главе Евангелия от Иоанна позднейшей вставкой, не имеющей ничего общего с Евангелием от Иоанна. Гиблин в этом вопросе не был оригинальным; он разделял точку зрения западной критики, которая вся сводилась к двум соображениям: рассказ о прощенной грешнице отсутствует в древнейших рукописях Евангелия, дошедших до нас, и он вводится выражением «книжники и фарисеи», характерным не для Иоанна, а для синоптиков. Моя попытка возразить на это, что перикопы является центральной для литературной композиции всего отрывка 7–8 глав, сконструированного вокруг противостояния Иисуса и Его оппонентов во время праздника Кушчей, была отвергнута как одинокий голос новичка против устоявшегося научного взгляда. Благодаря же словарю о. Александра я ознакомился и с взглядом русской науки по этому вопросу, прочтя маленькую заметку о прот. Вениамине Васильевиче Платонове, защитившем магистерскую диссертацию именно об этой перикопе. Отец Александр писал о нем: «В 1917 году за работу «Повествование Евангелия Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены-грешницы»» (Серг. Пос., 1916) получил звание магистра богословия... Магистерская работа П. – блестящий образец научно-богословской экзегезы. В ней изучена история и проведена текстуальная критика перикопы, которая отсутствует в ряде древних рукописей (Ин 8:1-11). Автор рассмотрел споры вокруг этого места Евангелия, начиная со времени Эразма Роттердамского до начала 20 в. Согласно гипотезе П., перикопы была внесена в текст самим евангелистом при окончательной редакции им 4-го Евангелия»⁴.

⁴ Мень Александр. Платонов В. В. // Библиологический словарь. Т. 2. С. 449–450.

Я думаю, что многие находят для себя такие же драгоценные сведения в Библиологическом словаре, какие нахожу я. Этим трудом о. Александр восстанавливает русскую библеистику в ее достоинстве, ставя ее на заслуженное место в мировой библейской науке. Словарь этот – монументальное произведение, по существу даже не словарь, а энциклопедия библиологии, составленная одним человеком и пронизанная одним духом. Все многообразие научных взглядов и подходов к Библии дано внутри православного видения Христа Богочеловека, Который «... вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8) и Который представляет Собой абсолютный герменевтический ключ к изучению Библии в целом и ретроспективно и перспективно: «Исследуйте Писания: ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин 5:39). Здесь Иисус не только подчеркивает христоцентричность всего Писания (православный герменевтический ключ к пониманию Библии), – как Он это делает и в воскресном явлении двум ученикам на пути в Эммаус у св. Луки: «И начав от Моисея, из всех Пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк 24:27), – но и определяет функцию и Еврейской Библии. Она не просто составлялась народом Завета в ходе всей его истории, она для этого народа и в его глазах представляла собой путь «к жизни вечной», вся – в ожидании Его прихода.

Видение Христа как центра Библии выпукло выступает в Библиологическом словаре, где вся библеистика, от древнейших патристических авторов до наших дней, включая и резко критическую, агностическую и прямо атеистическую критику, обозревается в свете православного христоцентризма. Одним лишь «Библиологическим словарем» о. Александр возродил русскую библиологию и вновь поставил её в ряд с библиологией других христианских Церквей и культур. И если после Ломоносова уже нельзя было говорить, что не существует русской науки, то после о. Александра Меня нельзя отрицать существование русской библеистики. Напомним, что вся эта титаническая работа велась о. Александром на свой страх и риск, чуть ли не в глубоком подполье. Через нескольких друзей-иностранцев, работавших в Москве, он просил доставать и привозить с Запада необходимые ему новые книги по библеистике, или хотя бы словари, из-за их недоступности в Советском Союзе.

Наконец, надо рассказать о третьем направлении деятельности о. Александра-библеиста, а именно: о подготовке современного издания толковой (комментированной) Библии на русском языке, о его работе над Брюссельской Библией, которую сам о. Александр держал в полной тайне даже от своих самых близких друзей.

Уже эмигрировав на Запад и познакомившись там с только что вышедшим (1973 г.) замечательным изданием русского синодального перевода Библии со всем доступным к тому времени научным аппаратом комментариев, таблиц и приложений – в издательстве «Жизнь с Богом» – я долгие годы, пользуясь этой книгой, не подозревал, что в этом издании свою роль сыграл и продолжает играть о. Александр. Все это держалось в секрете. Его участие и характер этого участия выяснились достаточно курьезным образом, когда на международном симпозиуме в Риме в 2002 году, посвященном Вячеславу Иванову, проф. Андрей Анатольевич Архипов в своем докладе исследовал решающий и окончательный вклад о. Александра Менья в подготовку и издание Брюссельской Библии. Архипов, профессор университета, а также Московской Духовной Академии (древнееврейский и церковно-славянский языки), свидетельствует, что «Брюссельская Библия была исключительно важна для религиозной эволюции русской интеллигенции с 70-х годов и по настоящее время. Распространенность обоих текстов (Брюссельская Библия и Новый Завет с комментариями и приложениями, изданный тем же издательством в 1964 году) в тогдашнем СССР была весьма заметной, и множество, если не большинство русских исследователей Библии, начинавших в эти годы, и просто читателей, стремившихся к более детальному или критическому восприятию Библии, неизбежно должны были пройти через влияние этих изданий...»⁵

Главный редактор издательства Ирина Михайловна Поснова держала сотрудничество с о. Александром Менем (через границу) под большим секретом и раскрыла его Архипову только летом 1990 года,

⁵ См. Архипов Андрей. Вячеслав Иванов – комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // Вячеслав Иванов: Между Святым Писанием и Поэзией. *Europa Orientalis, Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture Dell'est Europeo*, Numero 1 del 2002. P. 52.

буквально за несколько недель до убийства о. Александра. Архипов, лично знавший о. Александра и друживший с ним, так и не успел выяснить у него самого размеры его участия, но, будучи талантливейшим ученым и мастером структурного анализа, взялся сам за выявление авторских голосов в этом сотрудничестве, о котором сами его участники не подозревали.

Составление справочного аппарата к Брюссельской Библии, согласно исследованию Архипова, прошло несколько стадий. Первой стадией было Римское издание Нового Завета 1946 г. (с русским синодальным переводом) с комментариями. Эти комментарии составил не кто иной, как Вячеслав Иванов на основании перевода комментариев к Новому Завету немецкого капуцина, библииста о. Константина Рёша⁶, который в 1910-х – 20-х перевел заново весь Новый Завет на немецкий язык со своими комментариями. Перевод был столь популярен, что разошелся миллионным тиражом. Эти комментарии были рекомендованы Иванову его начальством из Папского Восточного Института. На основе их точного перевода на русский Иванов составил свои комментарии (по исследованию Архипова, достаточно нейтральные, но отражающие тенденцию именно римо-католических толкований определенных мест Нового Завета в духе папского юрисдикционного абсолютизма). Римское издание Нового Завета не упоминало имени Вячеслава Иванова как составителя комментариев – они появились анонимно, и издательство «Жизнь с Богом», которое в 1970-х годах издало 4 тома Иванова, ничего не знало об этом авторстве. Но на основании этого римского издания «Жизнь с Богом» выпустило комментированное издание Нового Завета с научным аппаратом, симфонией и новозаветными таблицами. Архипов справедливо пишет, что «с 60-х до середины 80-х годов это было единственное современное комментированное издание Нового Завета, циркулировавшее в СССР и в русскоязычной среде за рубежом». Эти комментарии были полностью анонимны и кроме сына Вячеслава Иванова Дмитрия Вячеславовича и самого Архипова, исследовавшего комментарии по рукописям самого Иванова и сравнившего их с комментариями Рёша и позднейшими комментариями Меня, никто

⁶ Архипов А. Цит. соч. С. 52–53.

не знал об авторстве Иванова. Поэтому Архипов добавляет не без некоторой иронии: «Брюссельский Новый Завет регулярно допечатывался, и ... можно с полной уверенностью сказать, что новозаветные комментарии – это самое высокотиражное, самое распространенное в массах произведение Вячеслава Иванова»⁷. Здесь же, уже от себя, добавлю, что эти комментарии Иванова в том же виде были перенесены и в первое издание Брюссельской Библии 1973 года.

В середине 1960-х годов издательству «Жизнь с Богом» удалось наладить связь с о. Александром Менем, или же наоборот, о. Александру удалось наладить с ними связь. Возможно, инициатива шла с обеих сторон. Кажется, в 1965 году в Москве во французском посольстве стала работать Ася Дурова, сама католичка, однако свой католицизм совсем не афишировавшая и легко сдружившаяся с небольшим кругом православной интеллигенции в Москве, в том числе и с о. Александром. Я и сам был с ней близко знаком. Встречи о. Александра Менья с Асей Дуровой и другими религиозными деятелями – французами, приезжавшими в Москву, часто проходили на квартире моих родителей в Мерзляковском переулке. Отец Александр, за церковными контактами которого шла слежка, естественно, избегал встречаться с иностранцами у себя дома или в Церкви. Квартира моих родителей оказалась весьма подходящим местом. Я жил отдельно и появлялся в родительской квартире не часто, когда они уезжали на дачу. Квартира была в самом центре и представляла большое удобство для таких встреч. Не раз встречалась на этой квартире Ася с о. Александром, передавая ему книги, полученные с Запада, и беря его рукописи для пересылки туда. Конечно, были у них и другие контакты. Короче, с середины 60-х годов наладилось его сотрудничество с издательством «Жизнь с Богом», где в 1969 году вышла впервые его книга «Сын Человеческий» под псевдонимом А. Боголюбов, а затем год за годом стали выходить его другие книги (под псевдонимом Светлов)⁸.

⁷ Архипов А. Цит. соч. С. 47.

⁸ Светлов Э. Всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества. Т. I. Истоки религии. Брюссель, 1970. Т. II, Магизм и единобожие. Брюссель, 1971.

Это сотрудничество означило новую эпоху для самого издательства. Движение русских католиков среди русской эмиграции, значительное после революции, к 60-м годам иссякло. Русское католическое духовенство, не имея русской паствы, занялось пасторатом в среде других культур и ассимилировалось. Переводы на русский папских энциклик и католическая апологетика на русском языке, вроде книг о. Тышкевича и брошюр М. Н. Гаврилова, среди прочих, лежали пыльными горами в подвалах издательства, не пользуясь никаким спросом. Издательство было явно не коммерческое, существовало на дотации сверху и нуждалось в оправдании своего существования, тем более что при Папе Павле VI началось сближение с православным «Востоком» и лобовая католическая пропаганда стала неуместна. Внезапно открывшаяся связь с верующей христианской интеллигенцией в России и даже с православным священником, настроенным довольно экуменически, во всяком случае, не боявшимся сотрудничества (хотя бы и засекреченного) с католическим издательством, выглядела как подарок с неба, представляясь осуществлением Фатимских пророчеств, приоткрытием врат в советскую атеистическую Россию. С началом сотрудничества с отцом Александром Менем радикально изменился профиль издательства. Наряду с его книгами оно стало издавать русскую религиозно-философскую классику, если та была настроена терпимо по отношению к Католической Церкви. Так очевидно, что это о. Александр посоветовал и настоял, чтобы издательство «Жизнь с Богом» переиздало полное собрание сочинений Владимира Соловьева, ставшее библиографической редкостью. До этого издательство «Жизнь с Богом» издало лишь небольшую книгу В. Соловьева «Духовные основы жизни» (1958 г.) Завязав отношения с о. Александром, издательство переиздало всего Соловьева в 12-ти томах (причем XI–XII тома были изданы впервые), и еще четыре тома писем (1966–1970 гг.). Параллельно оно издало сборник статей и работ В. Соловьева, объединенных заглавием «О христианском единстве» 490 стр. (1967 г.). Не без влияния о. Александра издатели обратились к литературному наследию, издав собрание сочинений Вячеслава Иванова в четырех томах. Вероятно, и это издание не обошлось без

влияния о. Александра, библиотека которого содержала все книги Серебряного века, которые он только мог достать по букинистическим магазинам, при его собственных широких культурных интересах и литературных вкусах, в которых символистская поэзия и критика занимали подобающее место.

Это влияние о. Александра объяснялось еще и тем, что сама редакция оказалась от него в сильной зависимости. Все это пишу, подводя к главной теме – а именно, к изданию самой Брюссельской Библии по модели Иерусалимской и роли в этом издании о. Александра. Из статей в Библиологическом словаре видно, что о. Александр очень хорошо был осведомлен об Иерусалимской Библии и всех католических переводчиках и экзегетах, которые принимали участие в ее создании. Поэтому не исключена возможность, что именно о. Александр и посоветовал взять её за основу русского комментированного издания либо одобрил этот проект.

Судить, впрочем, кому принадлежала идея использовать Иерусалимскую Библию в качестве модели для русского издания, трудно, и у самого Архипова об этом никакой теории нет. Иерусалимская Библия, плод многолетнего переводческого и научного труда целого Доминиканского института библейской археологии на Святой Земле, «L'Ecole Biblique de Jerusalem», была последним достижением библейской науки своего времени и признана была таковым сразу же, так что англичане поспешили перевести ее с французского на английский язык. Естественно, что Библия как таковая переводилась не с французского, но уже существующий признанный каноническим перевод на английский (Standard edition) был скорректирован по французскому образцу, текст Библии был разбит на редакторские разделы Иерусалимской Библии, а все комментарии и научный аппарат были переведены с французского оригинала, так что эта Библия была издана английским и американским издательствами целиком и под таким же названием «The Jerusalem Bible». В предисловии к этому изданию (заметим, что англичане и американцы, имеющие собственную многовековую традицию библейской науки и множество переводов Библии на английский, посчитали необходимым издать Иерусалимскую Библию всю целиком на английском языке) она

была названа «кульминацией десятилетий исследований в области библейской критики». Её появление «было немедленно признано во всем мире как одно из величайших библейских достижений нашего времени». «Иерусалимская Библия была признана учеными библеистами и читателями Библии всех деноминаций за энергичный и живой перевод, верный во всех отношениях оригиналам и сохраняющий для современного читателя всю живость и непосредственность, которую Библия имела для первых христиан»⁹. Иерусалимская Библия при своем появлении настолько затмила все остальные, что избрание её в качестве модели для русского издания толковой Библии было самоочевидно для всех сторон.

Таким образом, и издательство «Жизнь с Богом» от издания книг о. Александра перешло к новой и гораздо более тесной и ответственной фазе сотрудничества: к изданию Брюссельской Библии по модели Иерусалимской на русском языке. Работа продолжалась несколько лет. Согласно исследованию Архипова, о. Александру были пересланы все комментарии Вячеслава Иванова без указания его имени, поскольку об авторстве Иванова не знали и в самой «Жизни с Богом». Составляя свои комментарии на основании немецкого источника в 1940-х годах, и сам Вячеслав Иванов, конечно же, не мог предположить, что его будет редактировать православный священник в подсоветской России через много лет после его смерти, тоже последователь Владимира Соловьева и прекрасный знаток Русского Серебрянного века, включая и его самого. Да история, пересыпана биссером божественной иронии. Отец Александр тоже не знал, что текст комментариев, присланный ему Посновой, был составлен Вячеславом Ивановым на основании популярного перевода и комментариев к Новому завету немецкого библеиста о. Рёша¹⁰.

На основании свидетельства Ирины Михайловны Посновой, главы издательства, и своих собственных изысканий, проф. Архипов

⁹ Introduction by Fr. Alexander Jones, General Editor, The Jerusalem Bible (Reader's edition), London: Darton, Longman & Todd Ltd; New York: Doubleday & Company, 1968, v.

¹⁰ Архипов А. Цит. соч. С. 39–94.

приходит к убеждению, что «комментарий к Брюссельской Библии был написан и отредактирован о. Александром Менем»¹¹. С этим нельзя не согласиться. Хотя уже в первом издании Брюссельской Библии (1973) видно, что комментарии и введения к книгам (Ветхого Завета) переведены из Иерусалимской библии (с французского оригинала), этот перевод отредактирован, что-то добавлено, что-то сокращено или перефразировано.

Как указывает Архипов, в своей собственной статье «Толковые Библии, или комментированные Библии» в Библиологическом словаре о. Александр так пишет о Брюссельской Библии, не упоминая о своем участии в ней: «Вторая полная Т[олковая] Б[иблия] на рус[ском] языке вышла в Брюсселе в 1973–77. Композиция её иная, чем в Библии Лопухина и его преемников. Сначала помещен сам текст Писания в син[одальном] переводе по изд[анию] 1968, причем стихотв[орные] части напечатаны столбцом, а разделы книг снабжены редакторскими заголовками. Затем в виде приложения следуют: а) краткие введения и толкования к свящ[енным] книгам; б) новозав[етные] справоч[ные] таблицы; в) хронологич[еская] таблица событий свящ[енной] истории; г) симфония, включающая указатель богословских тем, имен, географич[еских] и историч[еских] названий; д) сведения о древних рукописях Библии; е) библиография; ж) указатель богослужебных чтений Библии; з) атлас цветных карт. Во 2-м изд., выпущенном в портативном формате (1983), добавлены статьи «Святая Земля во времена Господа нашего Иисуса Христа», «О библейской археологии», а также дан новый вариант комментариев к НЗ. Весь корпус приложений к этой Т.Б. составлен редакцией изд-ва «Жизнь с Богом» гл[авным] обр[азом] по Иерусалимской Библии, а также на основе материалов отд[ельных] авторов, как православных, так и католических. Экуменич[еский] характер издания связан с направленностью изд-ва, к[ото]рое стремится содействовать диалогу православных и католиков»¹².

¹¹ Архипов А. Цит. соч. С. 48.

¹² Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь: Толковые Библии // Фонд имени Александра Менья. М., 2002. Т. III. С. 249–250.

Проф. Архипов считает возможным допустить, что составление аппарата к Библии было «коллективным трудом соредакторов, тогда как комментарий написан кем-то одним»¹³. Скорее всего, западные сотрудники издательства «Жизни с Богом» сами перевели весь аппарат с французского на русский и попросили о. Александра его дополнить и отредактировать. Это справедливо по отношению к комментариям и введениям к Ветхому Завету, в редакции которых чувствуется рука о. Александра. Что же касается приложений, как отмечает Архипов, «ни одно из приложений к Брюссельской Библии не может считаться переводом соответствующего раздела из аппарата Иерусалимской Библии – разве что схема династии Хасмонеев и Иродов»¹⁴. Кроме того, редакторские разделы русского текста Библии хотя и следуют разделам Иерусалимской Библии, целиком с ними не совпадают. Они иногда более подробны и иначе называются. Значит, и здесь имели место и редактурa, и творческое участие о. Александра или других русских редакторов.

Из православных богословов в Париже уже мало кто мог писать по-русски, и никто не сотрудничал с брюссельским издательством. Кроме Ирины Михайловны Посновой, двое работников издательства, о. Антоний Ильц и о. Кирилл Козина, были словаками, и хотя по-русски говорили, не обладали достаточным знанием литературного русского языка для того, чтобы на нем писать, на него переводить или его редактировать. Не были они и учеными-библеистами. Не знаю, владела ли литературным русским языком Ирина Михайловна Поснова, но сама она ничего не писала и не переводила. Издательство собрало небольшую команду для этого проекта, с одним из её членов – баптистским пастором Васильевым я там познакомился в эти годы. Другими участниками этого проекта были отцы-иезуиты из русского центра Foyer de St. George в Медоне под Парижем. Хотя это были люди весьма компетентные и разносторонние, среди них не было библеистов. Если они и переводили комментарии и введения из Иерусалимской Библии, то эти переводы были дословные, ника-

¹³ Архипов А. Цит. соч. С. 51.

¹⁴ Там же.

ких сокращений и изменений сами бы они не могли допустить. Как весьма добросовестные специалисты, они всегда предоставляли свои переводы на окончательную редактуру живому носителю русского языка и специалисту в области перевода. Таким образом, сам творческий характер Брюссельской Библии подтверждает свидетельство И. М. Посновой А. А. Архипову о сотрудничестве о. Александра с издательством в этом проекте.

Значит, говоря о православных сотрудниках, о. Александр имел в виду самого себя. Издательство, как показывает исследование Архипова, передало о. Александру старые и незавершенные комментарии Вячеслава Иванова к Новому Завету и свои наработки относительно симфоний и новозаветных таблиц. Очевидно, что переводы комментариев и введений из Иерусалимской Библии также были переданы ему.

Понятно, что и Иерусалимская Библия и Брюссельская Библия – издания католические. Последняя вообще была издана русскими католиками, которые видели свою миссию (хотя бы и прикровенно) как обращение России в католичество. В своем исследовании проф. Архипов показывает, как о. Александр либо смягчает эти католические тенденции, либо убирает их совсем, чтобы придать комментариям вполне православный вид. В разделе «Примат Петра» он приводит примеры из комментариев Иванова и их окончательной редакции Менем, – как примеры одной из задач издания: приблизить русскоязычного читателя к римскому пониманию сути и структуры власти в Церкви. «Нет сомнения, – пишет Архипов, – что Иванов вполне искренне разделял официальную точку зрения католической Церкви на роль и власть в ней Римского епископа, равно как и на истолкование роли и власти апостола Петра в первоначальной Церкви, и наконец, на то, как примат Римского епископа обосновывается «“первоверховностью” Петра». Приводя четыре таблицы, – первую из самого Писания (Деяний и Евангелий), вторую – из о. Рёша, третью – из Иванова и четвертую – из окончательной редакции Менья, – Архипов оговаривает, что он не приводит параллелей из Иерусалимской Библии в виду их нерелевантности в данном случае, поскольку эти коммента-

рии взяты вообще не из неё¹⁵. По отношению к комментариям о. Рёша Архипов прослеживает у Иванова тенденцию «усилить и обосновать первенство Петра»¹⁶. Приводя, к примеру, цитаты из комментариев св. Иоанна Златоуста на Деян 1:15, где Петр обращается ко всему собранию учеников с предложением избрать по жребию кого-нибудь на место Иуды-предателя, чтобы восполнить число 12, Иванов расцвечивает эти цитаты своими собственными рассуждениями о главенстве Петра среди учеников в духе папского абсолютизма. Как же поступает с этим о. Александр? «В комментарии о. Меня в Брюссельской Библии, – пишет Архипов, – сохранены... цитаты из Иоанна Златоуста, но решительно выброшены все рассуждения о первенстве Петра. Поскольку текст Иванова со всеми его цитатами есть уже данность для Меня, более значимым оказывается не то, что сохранено при редактировании, а то, что выброшено»¹⁷.

Следующее движение комментария от умеренно-католического у Рёша к чуть ли не ультрамонтанскому у Иванова, но затем к вполне оправославленному у Меня, Архипов отмечает относительно Деян 9:32, где говорится: «Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде». В этом комментарии также задействованы цитаты из Златоуста, которые, по наблюдению Архипова, «весьма казуистически» использованы Ивановым. Курсивом выделен ивановский текст.

«Сначала ‘*обходящий всех*’ Петр авторитетом Иоанновой цитаты возводится в ранг ‘*как бы некоего военачальника*’, уже из этого следует, что *Петр первый не по чести* [...], а по особому [...] служению, т.е. особое служение, особенная иерархическая функция извлекается не из Писания, а из откровенно метафорического пояснения к Писанию. Утверждение, что Петр ‘*первый не по чести*’, содержит полемiku против распространенного в православном мире понимания ‘первенства’ Петра как ‘первенства по чести’, а не в смысле реального иерархического первенства как самого Петра, так и наследую-

¹⁵ Архипов А. Цит. соч. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 64.

щих ему римских епископов»¹⁸. «Поучительно взглянуть на то, как его, этот пассаж, переписывает другой автор... Трудно понять, зачем о. Мень оставляет цитату из Златоуста (из двух только одну и, притом, сокращенную. – *М. А.-М.*) – ведь без дальнейших рассуждений (использовавшего ее Иванова. – *М. А.-М.*) она очень слабо связана с текстом Деяний и выглядит совершенно беспомощной. Но, как и в предыдущем случае, здесь важнее то, что вычеркивается, а вычеркиваются именно заклинания об особом служении Петра. Златоуст остается – но без попытки использовать цитату из него в полемике в пользу примата Петра. Вероятно (я бы даже сказал, очевидно), о. Мень видел всю прямолинейность этого петринского пассажа и понимал, что хотя примат римского епископа и примат Петра – это смежные, но не тождественные и не непременно взаимозависимые вещи, в русскоязычном, т.е. по преимуществу православном мире этот комментарий скорее повредит Петру, чем поможет ему»¹⁹.

Эти наблюдения Архипова, однако, относятся уже ко второй редакции Брюссельской Библии, вышедшей в 1983 году с прямым указанием от издательства, что во втором издании помещается «переработанный текст комментариев к Новому Завету». Однако в первом издании 1973 года комментарии Иванова были перенесены без изменений из издания Нового Завета 1964 года. Либо они вообще не были посланы о. Александру для редактуры, либо он их тогда, по каким-либо причинам, вообще не редактировал. Может возникнуть вопрос, а был ли тогда о. Александр вообще вовлечен в первое издание Брюссельской Библии. По моему убеждению, был, и это показывают различия комментариев к Ветхому Завету в Иерусалимской Библии и в первом и последующих изданиях Брюссельской Библии. Хотя ясно, что они представляют собой перевод Иерусалимской Библии, это перевод авторизованный и измененный. Причем для читателя, знакомого со стилем библейских работ о. Александра в области Ветхого Завета, этот стиль узнаваем и в тексте комментариев к Ветхому Завету в Брюссельской Библии, при сравнении их с комментариями в Библии Иерусалимской.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 66.

Кроме того, уже и в первом издании Брюссельской Библии редакторские разделы текста отличаются от разделов Иерусалимской Библии, хотя, очевидно, и руководствуются этими последними. Что же касается текста комментариев к Новому Завету, он уже был апробирован временем, и издательство, вероятно, не находило нужным посылать их к о. Александру для редактуры, тогда как комментарии и новый аппарат к Ветхому Завету, так сказать, вышедший только что из рук переводчиков, в корректности русского языка которых издательство не было уверено, нужно было послать для спешной редактуры в Россию к о. Александру.

Здесь надо, прежде всего, оговорить размер текста научного аппарата и комментариев к обоим Заветам. Он составляет 684 страницы текста, большая часть которого набрана убогим шрифтом. Это сама по себе огромная работа, которая и вышла отдельной книгой (уже в переработанном, окончательно отредактированном о. Александром виде) в 1982 году, как некая пробная публикация до нового, второго переиздания Библии со всем этим аппаратом в 1983 году.

Так как бесспорно, что этой редактурой (ко второму изданию) занимался о. Александр и она заняла у него несколько лет, то, скорее всего, у него и не было бы времени на редактуру всего корпуса комментариев и приложений, чтобы не задерживать издания Брюссельской Библии (первого), с которым издательство спешило. Потому, как специалисту по Ветхому Завету, ему и были посланы переведенные материалы, относящиеся именно к В.З.

Но, кроме того, следует учесть, что всякое сотрудничество, особенно сотрудничество на расстоянии, когда сотрудники не могут даже поговорить друг с другом или хотя бы встретиться лицом к лицу, строится медленно. Очевидно, что между первым и вторым изданиями Брюссельской Библии значительно выросло доверие редакции к отцу Александру и появилась определенная зависимость от него, которая помогла ему убедить издательство свести в Брюссельской Библии на нет все выпячиваемые католические черты, чтобы сделать её вполне православной. То, что это ему удалось, видно из сравнения этих двух изданий. Кроме «папистских» комментариев Иванова, перешедших из издания Нового Завета в первое издание Библии

(1973 г.), из второго издания (и всех последующих) убран текст Декрета Тридентского собора о каноне Св. Писания на двух языках (латыни и русском)²⁰. Был оставлен в качестве второго предисловия текст «О Божественном Откровении» догматической конституции Второго Ватиканского собора, с которым вполне может согласиться любой православный христианин. Вероятно, о. Александр убедил издательство, что этого текста последнего католического собора вполне достаточно, и нечего включать определения Тридентского собора, который в целом лишь увеличил трещину между православными и католиками. Кроме того, был убран указатель богослужебных чтений Католической Церкви, достаточно, впрочем, полезный для сравнительной истории двух литургических традиций. Он входил в раздел: Указатель богослужебных чтений (из Ветхого и Нового Заветов) 1) Восточной Церкви, 2) Западной Церкви. Во втором и последующих изданиях он был заменен на более краткий раздел: *Евангельские и апостольские чтения Восточной Церкви*. Кроме того, как и говорит статья самого о. Александра в Библиологическом словаре, были добавлены разделы, отражающие специфические интересы и компетенцию о. Александра и, очевидно, написанные им самим: «Святая земля во времена Иисуса Христа» и «О библейской археологии».

Таким образом, о. Александру удалось убедить издательство и создать на основе переводов из Иерусалимской Библии и всех наработок, из которых вышло первое издание, вполне православный вариант полной современной толковой Библии с каноническим синодальным текстом, облегченным для чтения редакторскими заголовками. Это огромное достижение сделало возможным возвращение Библии, уже доступной для чтения и понимания, равно как и дальнейшего её изучения и исследования, в Россию и во всякую русскоязычную среду.

Я привел отрывки детального анализа Архипова, а также проделал и свою часть анализа этой Redaktionsgeschichte для того, чтобы показать вклад о. Александра Менья в издание этой толковой Библии на самых различных уровнях. Обладая пастырским и богословским

²⁰ Ср.: Библия. Брюссель: Жизнь с Богом. 1973. С. 1846, 1847.

тактом, он смягчал разные крайности участвовавших в проекте сторон для подготовки поистине «соборного, католического», вполне православного, но и экуменического текста Библии для русскоязычного читателя. Итак, можно с полным основанием заключить, что во главе окончательного варианта, уже вполне православного, этого огромного проекта Брюссельской Библии – русского варианта Иерусалимской – до сих пор остающейся непревзойденным изданием на русском языке, – стоял о. Александр Мень.

В год своей насильственной кончины (1990) и незадолго до неё о. Александр Мень совершил еще один вклад в возрождение русской библеистики: он восстановил Российское библейское общество под названием «Библейское общество СССР». Вероятно, он бы и стал, по праву, его первым президентом. Но вскоре последовало его убийство, и первым президентом стал друг о. Александра и коллега в области библеистики академик С. С. Аверинцев, а после него другой друг и ученик о. Александра, протоиерей Александр Борисов, настоятель храма святых бессребреников Космы и Дамиана в Шубине (Москва), где располагается ныне фонд о. Александра Менья.

Таково библейское наследие о. Александра, дающее нам право утверждать, что именно ему российская библеистика в разных своих направлениях, от переводческих и экзегетических, до пастырских, педагогических и практических, обязана своим возрождением.

Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон

ШАГ ЗА ШАГОМ ПО БИБЛИИ

Православное предание и научное исследование Библии

Книга Бытия

*Посвящается памяти
отца Александра Меня*

Предисловие

Отец Александр Мень был еще и замечательным учителем, умевшим открывать своим ученикам мир Библии. Он естественно вводил тебя в этот мир, объяснял его устройство, учил ориентироваться и жить в нем. Хотя в дальнейшем мне посчастливилось учиться у замечательных мастеров библейской экзегезы как по Ветхому, так и по Новому Заветам, моим первым учителем был именно отец Александр.

Уже в эмиграции, сотрудничая с издательством «Жизнь с Богом», в поисках доступного введения в Библию я нашел популярное католическое издание «Шаг за шагом» по Библии. Каждый выпуск этой серии предлагал читателю очередную книгу Св. Писания, снабженную понятными объяснениями, делающими ее заново актуальной для современного человека. Однако это издание носило слишком католический характер и было адресовано именно западному читателю. Тогда же у меня и возникла идея создать нечто подобное, но обращенное к жизненному и культурному опыту россиянина, а также внутри православной традиции, с учетом литургической жизни Церкви, на базе как святоотеческого чтения Библии, так и толкования современных православных библеистов, вроде того же о. Александра и о. Алексея Князева, которые, между прочим, близко сошлись и сотрудничали уже в последние годы горбачёвской либерализации —

краткий период, упавший и на последние годы их собственной жизни. В качестве первого опыта предлагаю работу «Книга Бытия». Она и вдохновлена о. Александром Менем и его памяти посвящается. Я приношу благодарность другу и коллеге в области экзегезы, своей жене Ольге Меерсон, которая отредактировала этот текст, выверила библейские цитаты и этимологию библейских имен, столь важную для толкования, и внесла существенные поправки.

Сотворение мира

В самом начале Библии, в первых же строках ее первой книги «Бытия» мы читаем рассказ о сотворении мира и человека, который сразу вызывает в нас недоумение. Наука говорит о триллионах и миллионах лет развития вселенной и становления жизни на земле в ее современных формах, а библейский рассказ не отвечает современной научной картине мира, основанной на теории эволюции.

Однако не будем спешить. Разве Библия является учебником по естествознанию? Не другие ли задачи ставили перед собой её авторы? Какие же?

Первая часть книги Бытия от начала до 26 стиха 4-й главы посвящена описанию истоков Бытия: истоков человека, пола, семьи, зла, греха и смерти. Она, в свою очередь, состоит из шести частей: первая говорит о начале всего, вторая рассказывает о семи днях творения, третья посвящена происхождению человека, четвертая – о грехопадении и изгнании из рая, пятая – о первом убийце Каине и его потомках, шестая – о рождении Сифа, который восстановил распавшийся союз с Богом.

Каждая из этих небольших частей содержит в емкой форме ответ на фундаментальные вопросы человека о происхождении мира, о том, кто такой человек, что такое брак и пол, откуда происходит зло, почему мы умираем. В них Библия в архетипической, древней форме мифа отвечает на философские вопросы, которые сегодня, при всем нашем техническом и научном развитии, занимают нас ничуть не меньше, чем древних людей. Уже первые слова Библии выражают

целую философию, которая сегодня звучит так же радикально ново, как и три тысячи лет назад: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт 1:1-2).

В конце 19-го века в развалинах библиотеки Ассурбанипала в Ниневии была обнаружена древняя поэма под названием «Энума Элиш», передающая древневавилонский миф о сотворении мира. Согласно мифу, вселенная произошла в результате победы бога света Мардука над чудовищем хаоса и тьмы Тиамат. Победив и убив Тиамат, Мардук рассекает ее туловище на две части, из которых он делает небо и землю. Каково философское содержание этого древнего мифа? Небо и земля созданы из предвечно существующего начала – предвечного хаоса. Оказывается, что современное материалистическое представление о вечной материи, хотя бы и развивающейся, есть в преломленном виде тот же миф, восходящий к древневавилонскому мифу о предвечной материи. Кроме того, согласно ему, вселенная, мир, материя – злы в своей основе. Миф утверждает вечное сосуществование двух начал: злого и доброго, светлого и темного. Таково было дуалистическое представление о мире древних вавилонян, среди которых жили предки евреев.

Взяв эту мифологическую картину мира (а другой в их среде не было), библейские авторы придали ей радикально новое содержание: предвечно существует только Бог. Вне Него, рядом с Ним нет ничего другого. Это откровение. Ведь никого не было в момент возникновения вселенной, чтобы передать это нам глазами очевидца. Поэтому с самых первых своих слов Библия заявляет о себе как об откровении Божиим. Бездна, «техом» (תְּהוֹם) на древнееврейском, идущее от уже знакомого слова «тиамат», означает здесь то же создание Божие. На библейском языке с характерными для него параллелизмами, выражение «небо и земля» означает все существующее, всю вселенную, все, что видит человек вокруг себя. Традиционно земля – мир видимый, а небо – невидимый. Таким образом, Бог творит все, всю вселенную из ничего.

Протоиерей Алексей Князев, православный библеист, декан Свято-Сергиевского православного института в Париже, в своих лекци-

ях по Ветхому Завету подчеркивал еще одно существенное отличие библейского мифа от вавилонского. В библейском рассказе о сотворении мира отсутствует идея борьбы. Бог творит мир, не встречая никакого сопротивления, ибо нет начала, которое в силах сопротивляться Богу. Глагол сотворил, בָּרָא «бара» на древнееврейском, применяется в Библии очень редко и только в отношении к Богу, при том без всякого указания на материал. Он всегда означает творение нового, несуществовавшего прежде, творение из ничего.

От одного этого слова научное представление о мире остается, религиозно же философское совершенно меняется. Первая фраза говорит о том, что Бог создал всю вселенную («небо и землю») в потенциальном состоянии. Это выражается словами וְהָלַךְ וַחֲוָהּ «тоху ве воху» – «безвидна и пуста», рисующими вселенную в первозданном виде аморфной материи. Но и это «тоху» (аналогичное и однокоренное слову «тиамат») тоже сотворено; это *тварный* хаос, из которого произойдет космос. Из этого потенциального состояния Бог Своими «да будет» вызывает к жизни все многообразное творение.

Итак, библейский рассказ имеет не естественнонаучный, а богословский смысл; он описывает не историю мира, а его творение Богом, которое трансцендентно, то есть за пределами видимому, материальному миру, а потому и не может быть описано естествознанием. Первые слова книги Бытия перекликаются с первыми словами Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог» (Ин 1:1). Слово «в начале» на древнееврейском בְּרֵאשִׁית: «бэрешит» очень схоже с греческим словом «*Ἐν ἀρχῇ*» – «в начале» Иоанновского пролога. Первый смысл обоих слов – хронологический: в начале всего, в начале начал. Второй смысл – философский: начало как основополагающий принцип. На иврите это слово однокоренное понятию «во главе». Третий смысл: превосходство. Бог сотворил «небо и землю» в Своем божественном превосходстве. Но таков же смысл и русского слова «начало», имеющего как хронологическое, так и принципиальное значение. Начало – принцип, но от него же и слово «начальник».

Семь дней творения

Далее идет рассказ о семи днях творения, и мы опять удивлены, что, согласно Библии, Бог сотворил весь мир за неделю. Однако эта же неделя и служит ключом к толкованию. Ведь неделя – это не божественный, а человеческий отрезок времени. Физика говорит об устройстве материи, зоология – о формах животной жизни. Но Библия говорит о человеке в его отношении с Богом. Библия антропоцентрична. Человек стоит в центре ее заботы, потому что он стоит в центре творения. А основной срок в круговращении человеческой жизни в её повседневности – это неделя: дни труда, венчающиеся отдыхом. Вспомним слова Спасителя: «не страшитесь перед лицом завтрашнего дня (не заботьтесь о завтрашнем дне), ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы», по церковно-славянски еще сильнее: «довлеет дневи злоба его» (Мф 6:34). В библейском мировоззрении день отдыха – самый главный. Будучи посвященным Богу, он возвращает человека в первозаданное райское состояние. Поэтому в библейско-еврейском календаре суббота – день, посвященный Богу, день отдыха от ежедневных трудов – свята. Как мы мерим свою повседневную жизнь от выходного до выходного, так начали мерить ее и древние израильтяне, получившие выходной день – субботу в Моисеевом законодательстве. То, что библейские авторы описывают творение в терминах шести дней Божьего труда и дня Его отдыха, имеет исключительно важный смысл для нас. Это значит, что, согласно Библии и поэтому внутри библейской традиции, все сотворено для человека. Можно сказать, что сегодня мы знаем, что мир существует около 20 триллионов лет, именно благодаря тому, что мы начали с того, что Бог сотворил его «за неделю», тем самым вложив свое творение в наше человеческое измерение. Итак, человек – цель творения. Потому оно описано в рамках основного для человека временного цикла – недели. Так и в Церкви, вслед за иудейским литургическим мерилем временных циклов, неделя является базовым богослужебным циклом. В русском языке «неделя» получила свое название от церковнославянской «недели», которая значит «воскресенье». Сама неделя – семь дней

– на церковно-славянском называется «седмица», вслед за еврейским «шавуа» שָׁבֻעַ.

Здесь открывается еще одна сторона библейского рассказа, его литургический богослужебный характер. Не случайно библеисты приписывают этот рассказ священнической традиции. Рассказ о сотворении мира был создан в священнических кругах древнего Израиля и носил литургический характер. Он торжественно читался за богослужением и представлял собой благодарственный гимн Творцу. Он и построен по закону построения литургического текста. В Православной Церкви он тоже читается на особо торжественных богослужениях: в предпразднество Рождества и Пасхи, а также в такие важные моменты, как начало Великого Поста.

Еще раз подчеркнем, что Библия интересуется не научной картиной космогенеза и биогенеза. Эта картина, то есть вся современная экспериментальная наука, возникла и выросла именно в христианском мире, в котором Христос освободил человека от замороженного страха перед природными силами, поставил его царем вселенной и открыл для него путь экспериментального познания и технологического вмешательства в жизнь природы, отныне понимаемой как материал для деятельности человека. Итак, Библия интересовалась человеком в его отношении к Богу. Библия – это первая книга, поставившая человека в центр мироздания. Потому библейские авторы описывают творение в рамках семи дней недели – основного временного цикла человеческой жизни: дней труда, завершающихся днем отдыха, посвященного благодарению Бога. Этим подчеркивается, что цель творения – это человек, благодарящий Бога.

Рассмотрим этот рассказ в данном контексте: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт 1:3-5).

Для библейских авторов Бог – суверенный творец мира из ничего. В первой фразе описывается творение основы материи: некоего аморфного начала, погруженного во мрак. Это еще не мироздание. У него нет формы. Начало формы Бог полагает в творении света. Рассказ о творении – это философия мироздания, данная в образной

форме, доступной всякому. Смысл ее следующий: творение иерархично. Бог вводит в него все новые и новые качества. Начало всего – свет, который есть условие формообразования мира, применительно к человеку. Ибо мир, сотворенный для человека, должен быть ему видим. В библейской культуре сутки начинались с вечера. Эта традиция сохраняется в православии: суточный богослужебный цикл начинается с вечерни.

Интересное наблюдение сделал поэт Анри Волохонский в комментариях на книгу Бытия в своей книге «Бытие и Апокалипсис», где он отметил, что слово «да будет», на иврите יְהִי «иехи» (Йод-Хе-Йод), в связи с концепцией сакральности текста и его элементов – слов и букв, интерпретировалось как имя Божие, ибо состояло из букв, входящих в тетраграмму священного имени יהוה «ЯХВЕ» (Йод-Хе-Вав-Хе). Таким образом сочетание слов יְהִי אֵל «да будет свет» (иехи ор) несет в себе аллюзию, что «Бог есть Свет», а весь стих по семантике становится очень близким к вступлению к Евангелию от Иоанна, отождествляющему Бога-Слово и Свет. Слова «И отделил Бог свет от тьмы» понимали как установление не только суточного ритма (день и ночь), но и годового. Светлая половина года, период, когда день длиннее, чем ночь, начинается весной, а равноденствие – при соединении солнца с зодиакальным знаком Овна. Тем самым Овен /агнец/ приносит с собою свет, что в свою очередь повлияло на отождествление света и агнца в литургической Пасхальной символике, еще в храмовом иудаизме. К наблюдениям Волохонского следует добавить, что поэтому и время православной Пасхи вычисляется от весеннего равноденствия.

Творение второго дня, отделение верхней воды от нижней, также отражает среду, в которой рассказ был создан. Для кочевников в пустыне, – как подчеркивает в своей книге Волохонский, – живая, питьевая вода сходит с неба в виде дождя и росы. В рассказе о тверди небесной, отделяющей воду от воды, находит отражение кочевническое представление о двух водах: морской и дождевой – пресной. Представление о тверди небесной идет от шкуры шатра кочевника, с которой на рассвете стекает роса – небесная питьевая вода пустыни; и в современном иудаизме палатка символизирует небо. Такую

палатку (хупу) раскидывают во время иудейского бракосочетания над женихом и невестой.

О том, что под нижней водой имеется в виду именно соленая, морская вода, свидетельствует продолжение – рассказ о третьем дне.

«И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий» (Быт 1:9-13).

Производительная сила земли (которая была очевидна для древних людей) обожествлялась всеми без исключения языческими религиями. Обожествляли ее и соседи израильтян: так что это искушение – поклоняться богам плодородия – проходило через всю историю древнего Израиля. Библейские авторы здесь подчеркивают, что производительные силы сообщены природе, земле – Богом. Бог есть первая и последняя творческая инстанция: все восходит к Нему.

В четвертый день Бог творит небесные светила. Безусловно, это не отвечает представлениям космогенеза и потому может вызвать скепсис у недалеких людей, вроде Смердякова в «Братьях Карамазовых», который разуверился в Боге, потому что ему показался нелепым библейский рассказ, что солнце и другие светила были сотворены позднее самого света.

Однако, этот порядок вполне ясен, если рассматривать его в библейском контексте. Солнце, луна и звезды были божествами в халдейской религии Вавилона. А вавилонская культура оказывала огромное влияние на евреев. Вспомним хотя бы, что, вернувшись из вавилонского пленения, евреи уже не говорили на своем языке – иврите, а говорили на языке вавилонян – арамейском.

Библейские авторы, утверждая, что небесные светила сотворены лишь на четвертый день, во-первых, лишают их божественности: они – всего лишь творение Божие; во-вторых, ставят их на иерархически подчиненное место по отношению к растительной жизни. Творящая

мощь природы, сила жизни, данная земле Богом, иерархически стоит выше небесных планет. Здесь еще раз проявляется геоцентризм и антропоцентризм библейской философии. Для Библии земля – центр, ибо с человеком земли Бог, Творец вселенной, заключил вечный завет.

В пятый день Бог приказывает природе произвести рыб, пресмыкающихся и птиц. Здесь опять употребляется глагол «бара» (בָּרָא) – применяющийся только к Богу, творящему новое качество. Согласно представлению древних, все живые существа были иерархически выше растений в силу своей способности размножаться. Создавая существа, способные воспроизводиться, Бог вносит в мироздание новое начало. Кстати сказать, и крокодилов (морских чудищ) Господь сотворил из ничего (Быт 1:21). В ханаанской мифологии крокодилы, морские чудища, обожествлялись. Библия изымает их из религиозного обихода, ставит в ряд Божьего творения, которое в основе своей благо и которое подчинено Богу.

Наконец, Библия так описывает создание животных и человека: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, гадов и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. ...И стало так. И увидел Бог, все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих. И благословил Бог седьмой день, и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт 1:24-28; 30-31; 2:2-3).

זכ ארביִו מיהלא תא-מִדָּאָה ומִלְצָב מִלְצָב מיהלא ארִב ותא. רכִז הִבְקִנו ארִב מִתָּא.

И наконец, Бог творит человека мужчиною и женщиною, семьей. Но об этом пойдет речь особо. Здесь же мы напоследок подчеркнем, насколько строен этот древний литургический гимн, воспевающий и благодарящий Бога-Творца. Творение описано в три этапа в виде двух рядов, в согласии с основным законом древневосточного стихосложения – законом параллелизма. Первый ряд: творение света, разделение вод морских и пресных, творение земных растений; второй

¹ За редактуру и доработку этих комментариев благодарю Ольгу Меерсон.

ряд: творение небесных светил, творение водной жизни, творение земных животных и человека. Глагол «бара», обозначающий творение из ничего, творение качественно нового образа бытия, также употребляется три раза: в описании творения вселенной как целого, в описании творения жизни в водах, в описании творения человека. Схема Библейской философии творения такова: Бог творит новое качество, а затем повелевает ему развиваться. Творение, таким образом, проходит три стадии: возникновение неорганической материи, творение жизни, наконец, создание человека как вершины творения.

Сотворение человека

Но вот мы читаем следующий рассказ Библии, который как будто противоречит рассказу о шестодневе: «Вот происхождение неба и земли при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли; но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог на земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт 2:4-9).

Современная библеистика показала, что не только вся Библия, но каждая книга в Библии представляет собою сложную мозаику устных преданий и разных литературных источников. Ведь древний Израиль был разделен на два царства: Северное – Израиль и Южное – Иудею, а до того представлял собою федерацию двенадцати племен – колен. И каждое племя, а затем каждое из двух царств имели какую-то свою устную и литературную традицию. Позднее редакторы собрали все эти источники и по определенному богословскому замыслу составили из них библейские книги. Поразительно то, что

все эти устные и литературные источники, возникшие в разное время и разных местах, сходятся в главном: в них действует Бог, Творец всего мира и человека, заключивший завет со Своим народом и через него обращающийся ко всем людям земли. При этом каждая традиция рассматривает определенный аспект отношения Бога и человека, каждая – свой, особый аспект завета.

Вторая история сотворения мира и человека явно составлена другим автором, которого библейская наука условно назвала Ягвистом, потому что везде он называет Бога по имени – יהוה «Ягве», которое Бог открыл Моисею при Своем явлении в несгораемом кусте (Исх 3:15). Слово это представляет собой некое приближение к парадигме глагола «Их'е» («лехиот» להיח) – «быть», смежной со всеми его формами, в том числе и с формой – причиняющей бытие – «хифилем». «Ягве» – значит «Я есть Тот, Кто есть, Тот, кто вызывает к бытию», «Сущий» как переводится оно на русский язык, или «Бгъ» – от «Бысть» по церковно-славянски.

Этот параллельный рассказ о творении, возникший в другое время и в другом месте, в своем богословии подтверждает первый. Возьмем его первую фразу, переводимую дословно: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо» (Быт 2:4). Здесь употреблены оба слова: «бара» и «лаасот», причем, как подчеркивает Ольга Меерсон, «бара» и «аса» здесь стоят как параллельные члены двух параллельных конструкций: главный параллелизм здесь между словом *бегхибарам* (בְּהִבְרָאם:) в первой половине и *асот* (אָסַח) – во второй. Причем они поддерживают хиастическую инверсию: «неба и земли» (מִן־הָאָרֶץ וּמִן־הַשָּׁמַיִם) – в начале стиха, а потом, во второй половине – наоборот: «земли и неба» (וּמִן־הָאָרֶץ וּמִן־הַשָּׁמַיִם).

Но главное, что нас поражает в этой истории Ягвиста, – что человек с самого начала стоит в центре. Земля создана для человека и ради него Бог насаждает рай – в подлиннике: сад наслаждения. Слово «Еден» на древнеаккадском языке – одном из наречий Месопотамии, откуда вышли предки евреев – означало «степь», на древнееврейском оно приобрело значение «сладости», «наслаждения». Бог превратил степь в райский сад, насадив его ради человека, чтобы человек про-

должал возделывать землю. Этим библейский рассказ утверждает, что возделывание земли, то есть труд в смысле хозяйственной деятельности благословлен Богом и может быть радостным. Этот труд составляет содержание жизни человека, которому Бог для этого предоставляет землю. Итак, религиозное, христианское сознание стоит в основе труда, и не случайно, что именно внутри христианской культуры экономическая деятельность человека принесла такие грандиозные плоды.

Но что представляет собой человек, согласно этому рассказу: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»? Здесь человек – אָדָם «Адам» – не имя собственное. Скорее, это коллективное понятие, это вид, поскольку оно возводится библейским автором к слову אֶרֶץ «адама» – земля, глина. Человек взят от земли, он дитя земли, «землянин», и потому не случайно земля зовется «матерью» на языке фольклора. Но человек не только дитя земли. Он несет в себе божественное начало: Бог Сам вдувает в него дыхание жизни. И это отличает человека от всего остального творения. Сила жизни дана ему непосредственно Богом. Мы можем контролировать основные функции телесной жизни. Но дыхание нам не подконтрольно, мы не можем перестать дышать на час, на день. Более того, мы дышим бессознательно; как будто какая-то иная сила дышит в нас, и пока она дышит в нас, мы живем, а с последним дыханием отлетает от человека и жизнь, и он мгновенно окаменевают, тело его превращается в застывшую глину, в землю.

Это становится так наглядно в православном обряде отпевания. Перед нами гроб, в котором лежит покойный, но уже не человек, а его как бы оглинившаяся, бездыханная статуя. Итак, согласно этому рассказу, сам Бог дышит в человеке. Не случайно религия особое значение придает дыханию. В православии с дыханием связана исихастская практика непрерывной Иисусовой молитвы. Из восточных религий особенно глубоко проникла в мистику дыхания Йога. Через дыхание человек приобщается к божественной силе жизни. И потому человек призван благодарить Бога и дыханием. Так, всякий раз на воскресной утрени перед чтением Евангелия, православная Церковь

возглашает прокимен: «Всякое дыхание да славит Господа». Это, конечно, значит и «всякая душа», но это то же слово «нешама» (נֶשְׁמָה), что и в Бытии, где Бог вдувает это дыхание в «глиняного» человека, адама.

И наконец, рассказ упоминает о двух таинственных деревьях, которые Господь насадил в раю для человека: дереве жизни и дереве познания добра и зла (תְּעֵבֶה עֵץ חַיִּים). Древо жизни было общим древним символом бессмертия. А что означает древо познания добра и зла? Отец Александр Мень объяснял, что древний семитский глагол «яда» (יָדָע) – «знать» означал не отвлеченное теоретическое познание, а властное обладание, чувственный опыт. Добро же и зло как термины полярности означали тотальность, полноту, всё.

Библейская философия брака

Однако мы подойдем к этому рассказу с другой стороны, рассмотрев до этого другой аспект учения Библии о человеке, именно то, что человек сотворен как семья. В первом библейском рассказе о шестодневном создании человека венчает творческое дело Божие: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужским и женским полом сотворил их». Не основательно считать, что по Библии Бог творит вначале мужчину, потом женщину. На древнееврейском языке «человек» и «мужчина», как и по-русски, – разные слова, происходящие от разных корней. В русском языке человек – это существо имеющее «чело» – лоб. Он – разумное существо, имеющее лицо, то есть человек – личность. Еврейский язык подчеркивает онтологическую связь человека с землей. Человек «адам» происходит от еврейского слова «адама» – «глина»; мужчина и женщина по-еврейски אִישׁ «иш» и אִשָּׁה «иша», хотя, как это ни парадоксально, оба слова – разных корней, и приведены вместе в силу фольклорной этимологии.

Новый аспект учения о человеке дается во втором рассказе, где говорится, что Бог создал человека из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни, после чего стал человек «душею живою». В этом

рассказе ничего не говорится о поле человека. «Адам», от глины «адама» здесь, скорее, означает вид, коллективное понятие. Но вот мы читаем рассказ, в котором дается библейская философия брака.

«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт 2:18-22).

В этом рассказе привыкли видеть историю сотворения женщины. Однако речь идет не о женщине вообще, а о «жене». Вспомним, что именно в православном чине венчания эта история перепевается снова и снова. Прежде всего, отметим, что нигде, кроме рассказов о сотворении человека, не говорится о половой основе жизни. И без этого очевидно, что органическая жизнь, что жизнь как таковая, — за пределами простейшего деления и вегетативности, — двупола. Однако пол в человеке подчеркнуто — дар Божий. Значит, пол в человеке не только природное, но и духовное начало. В человеке пол очеловечен, он облечен силою любви, он причиняет великую радость и муки, счастье и страдания. И потому он составляет сердцевину человеческой жизни, что на нем стоит печать Божества.

Далее наш рассказ говорит, что Бог ищет человеку помощника, соответственного ему. Древнееврейское слово עֶזֶר «эзер» означает помощника в высоком смысле слова, помощь как таковую. Чаще всего оно применяется к самому Богу: Бог называется в Библии часто «помощником Израиля». Имя ветхозаветного пророка Азария означает: «Ягве — помощник». Среди животных нет такого помощника. Бог такой помощник, но Он не соответствует человеку, а как бы Сам от Себя дарует ему другого помощника — творит «жену».

Что же значит творение из «ребра»? Учтем для начала, что в библейском языке с его отсутствием отвлеченных понятий огромную

роль играли телесные образы. Так «душа» на еврейском выражается словом «нефеш» (נֶפֶשׁ), дословно значащее «аорта», дыхательная трубка. «Ребро» (רֵצֶל) же означало для людей Ближнего Востока необходимую защиту жизни. Так, на шумерском языке, предке еврейского, «ребро» просто значило «жизнь». И не без основания. Ведь реберная клетка защищает самые главные жизненные органы человека: сердце, легкие. Без ребер человек не может существовать, хотя он дышит и живет не ими. Значит, библейский образ, что жена создана из ребра мужа, представляет её хранительницей его жизни. Кроме того, он означает, что нет у него никого ближе. И сегодня в современном арабском языке о самом близком друге говорят: «Он – мое ребро». А в арабской системе ценностей нет ничего выше дружбы, друг единственен, хотя жен может быть много. Таким образом, в библейском представлении «ребро» мужа – самое его близкое и необходимое для жизни – это его жена. Здесь сам Адам подчеркивает, что Бог творит человека мужем и женою, чтобы они были одною плотью (בָּשָׂר) (Быт 2:23). «Плоть» на библейском языке – значит тварное существо.

Итак, Библия раскрывает нам следующую диалектику творения человека. Человек взят от земли, он – «землянин», но в нем дышит дыхание Божие. Он сотворен по образу и подобию Божию и сотворен мужским и женским полом. В первом рассказе, «Элогиста», читаем прямо: «и сотворил Бог человека: мужчиною и женщиною сотворил их». Значит, Бог творит человека семьею, мужем и женою, чтобы они стали соборным существом, по образу Божьего триединства. Так в поэтической форме Библия отмечает самосознание самого человека: «И сказал человек (Адам. – *М. А.-М.*): Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей, она будет называться женою (иша: אִשָּׁה – *М. А.-М.*), ибо взята от мужа (иш: אִישׁ – *М. А.-М.*).

Потому оставит человек (муж – иш. – *М. А.-М.*) отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт 2: 23-24).

Правда, завязывая отношения с женщиной, или же, даже побыв с ней «во единую плоть», и просыпаясь с ней в одной постели, и, может стать, при этом подумывая, как бы незаметно исчезнуть из ее жизни, далеко не каждый мужчина думает о ней этими словами: «вот кость от костей моих и плоть от плоти моей». Однако не будем

спешить с выводами своего скепсиса. Ведь как еще отметил протоиерей Павский в своей первой грамматике еврейского языка на русском, «еврейский язык, выйдя из недр вечности, не знал разделения времен». Для нас, существ, погруженных во время, в постоянный процесс становления, естественно все воспринимать в категориях прошедшего, настоящего и будущего. Древнееврейский язык, не зная времен, знал два глагольных вида – совершенный и несовершенный. Божий акт творения жены из «ребра» мужа совсем не предполагает этого творения в прошедшем времени. Он предполагает его совершившимся и всегда совершающимся и имеющим совершиться. Каждая жена творится «ребром» (жизненной опорой и защитой) своего мужа, на осознание чего может уйти, да часто и уходит, вся их совместная жизнь. Не тогда, когда я в молодые годы ухаживаю за юной девушкой, я сознаю, что она «мое» ребро, а когда я на закате дней своих плетусь, рука об руку со старушкой, с которой мы вырастили детей, а они и наших внуков, и когда мы снова остались с ней одни – ибо дети и внуки уже живут своей жизнью и, может быть, вдали от нас, возможно даже и разговаривая уже на другом языке, нас не понимая. И вот, бредя одни и опираясь друг на друга, зная друг друга, как никто в целом свете не знает нас, именно потому, что общие только нам воспоминания свивают обе наши биографии в одну, и становимся мы способны осознать всю уникальную правоту и мудрость этого библейского рассказа и слов его, выражающих самосознание Адама о Еве: «Вот она кость от костей моих и плоть от плоти моей». Библия – книга откровения, и она дает нам слова, чтобы назвать нам то, что открывает нам опыт всей нашей жизни.

Этот библейский рассказ и был абсолютным откровением для своего времени, когда женщина повсеместно считалась низшим существом, могущим быть лишь служанкой мужчины. Остается он таковым и в наше время, которое своей философией индивидуализма и гедонизма привело к войне полов за «независимость» каждого пола внутри себя самого. Но именно Библия, а в дальнейшем христианство, начали вносить начало равенства между полами через утверждение абсолютной ценности брака в очах Божиих. Не случайно Иисус в своей беседе с фарисеями ссылается на этот библейский рассказ как

на норму семейной жизни, показывая, что развод был разрешен законом Моисеевым из-за жестокосердия людей (Мф 19:3-12; Мк 10:2-12). Бог замыслил человека нерасторжимой семьёй. Хотя православная Церковь, в отличие от католической, позволяет разводы, она воспринимает их как снисхождение к слабости человеческой во избежание большего зла. В полном смысле слова венчание, возведение в царское достоинство первозданной дружбы с Богом, относится лишь к первому браку в православии. С другой стороны, православная Церковь не приветствует и целибата, безбрачия. Она знает монашество, которое играет в ней большую роль, и благословляет на него, но именно как на жизнь, полностью и целиком посвященную Церкви внутри особого личного посвящения всего себя Богу. Однако в мире человек призван жить в семье: мужем и женою. В замысле Божиим мужчина и женщина – моногамны. Супруги незаменимы. В этом также проявляется богоподобие человека. Семья отражает троичность самого Бога: Бог Отец, Сын и Святой Дух творит человека как мужа, жену и детей. Тройственный характер семьи сохраняется независимо от числа детей, одного или нескольких, поскольку не меняет порядка семейных отношений. Поэтому семья становится в Ветхом Завете прообразом отношений Бога к Израилю, а в Новом Завете – прообразом отношения Христа к Церкви – «Невесте Агнца».

Имя жены открывается в следующем рассказе (Быт 3:20), где Адам нарекает её Евой («Жизнью» עֵוָה), потому что «она мать всех живущих». Библейский рассказ в своеобразной форме поэтического мифа раскрывает нам тайну человека, пола, семьи. Православная Церковь бережет семью. Допуская разводы и новые браки в случае непоправимого развала отношений «по жестокосердию людей», Церковь благословляет только три брака в жизни человека. Она же учит, что половые отношения должны проходить внутри семьи – как отношения любви и взаимной ответственности, как бережного союза, в котором «секс» не изолирован в себе, но очеловечен, где он служит телесным выражением взаимопроникновения двух существ в любви, осуществляет в них новую экзистенцию, существования в «единой плоти», как то новое качество, через которое Сам Бог продолжает творение человека.

Грехопадение

Рассказ о грехопадении является одним из самых загадочных мест Библии. Сколько раз его истолковывали в том смысле, что Бог якобы хотел скрыть от человека какие-то секреты, собирався держать его в темноте, в невежестве. Но человек, обладающий пытливым умом, захотел узнать и был за это наказан. Однако нет ничего более противоположного смыслу библейского рассказа, чем это толкование. И чтобы убедиться в этом, обратимся к самому рассказу:

«И заповедал Господь Бог человеку говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь... (Быт 2:16-17).

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю? «И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому, что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что они наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт 3:1-7).

Прежде всего, отметим, что в этом рассказе Бог не обещает наказания, а предостерегает от некоей смертельной опасности. В чем она? Отец Александр Мень в своих толкованиях этого места подчеркивал, что под «познанием» древние семитские народы понимали властное обладание. Добро и зло значило все существующее, древо познания добра и зла – символ власти над всем в мире. Испытание этим древом Библия связывает со змеем. Кто же это такой?

В 1970-е и 1980-е годы в европейских странах и в Америке проходила выставка сокровищ из гробницы египетского фараона Тутанхамона. Как помнится, в 1974 году проходила она и в Москве. Те, кто

видел эту выставку, вероятно, запомнили золотую маску фараона, надо лбом которого выдавался торс змеи. Кроме того, на этой выставке можно было видеть целиком фигуру этой змеи: огромная золотая кобра, поднявшаяся перпендикулярно на метр от земли, смотрит вперед завораживающими глазами. Этот змей, божество подземного мира мертвых был покровителем фараона, который верил, что тот поможет ему в его схождении в царство умерших.

Египетская культура была загипнотизирована смертью. Все силы этой огромной могучей империи уходили на то, чтобы заговорить, обмануть смерть. Раз в году в течение нескольких месяцев все подданные империи участвовали в общественных работах на постройках пирамид, огромных гробниц фараону, и через тысячи лет привлекающих туристов со всего мира. Учтем, что сам фараон не был обыкновенным человеком в представлении египтян. Он был божеством, олицетворением государственной мощи; потому ему и подобала гробница, которая простоит тысячелетия, победит бег времени.

Одна из главных книг Древнего Египта, «Книга мертвых» была посвящена загробному существованию, и в отношении к нему определяла земную жизнь. И вот покровителем фараона считался змей – божество подземного мира. В египетской мифологии «главой всех врагов солнца – Ра – считался огромный змей Апоп, олицетворявший мрак и зло. В то же время в образе змеи почиталась богиня – хранительница кладбищ – Меритсегер». (Мифологический словарь.)

Этот же змей был также в Египте покровителем магии и главного мага – фараона. А отношение Библии к магии было самым отрицательным. Во всем Писании мы находим бескомпромиссное осуждение магии как богоборства, как занятия, которое Бог ненавидит, категорически запрещая Своему народу им заниматься. Влияние египетской мифологии и религии было весьма сильно в Ханаане, куда евреи переселились из Египта. Не забудем, что Египет был огромной империей с могучей и древней культурно-религиозной традицией. И он же был родиной магии, вся ткань его политической и социальной жизни была пронизана ею. Потому сам Египет для Библии превратился в образ преисподней, куда можно только спускаться и от куда можно не переезжать, а восходить, что и отразилось в самом

еврейском языке. Однако важно, что библейский автор полемизирует с египетской культурой на её собственном языке, хорошо знакомом древнему иудею².

Итак, в библейском рассказе змей – вполне узнаваемый персонаж. Он олицетворял собою политическое и духовное влияние Египта: его грубой политической мощи и его магизма, за которыми Библия прозревала силы преисподней. Надо сказать, что начиная со Фрезера исследователи религии и магических обрядов показали, что магия прямо противоположна религии. Как писал о. Александр Мень в своей книге «Магизм и единобожие» в главе «Магическое мирозерцание»:

«В магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы.

² Другим образом такой религиозно-культурной полемики, как показала Ольга Меерсон в своей статье «Сердце каменное. О чем это?», было обетование пророка Иезекииля Израилю от имени Господа: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотное» (Иез 36:26). Как пишет Ольга: «Древние египтяне имели обыкновение, при бальзамировании мумий (см. Wallis Budge, *Egyptian Magic*, 1901), вынимать из тел внутренности и вкладывать вместо них их модели-изображения из полудрагоценных камней. При такой конкретной отсылке и таком физическом, плотном (хоть, увы, и не плотском) референте выражение «сердце каменное» указывает на совершенно конкретную реальность, с которой Иезекииль с его образом слов Господа вступает в полемику. Реальность эта – окружающий Египет, с его культовой практикой, сосредоточенной на культуре смерти. Как всегда в полемике, формально важно то, что оружие в битве с противником должно быть трофеем, взятым у него. Если оружие это – культурная отсылка, то она должна быть отсылкой к реальности, актуальной для противника. В данном случае – это погребальный обычай противников Израиля египтян, с сопутствующей ему символикой. В терминах же Иезекииля этот обычай, при обратном порядке действий, становится церемониальным обычаем воскрешения. При погребении (у египтян) вынимают сердце плотное и вкладывают каменное. При воскрешении же (у нас, у Господа Бога Израилева) действия совершают в обратном порядке: вынимают сердце каменное и вкладывают плотное. Можно представить себе воскрешение как киноплёнку с записью погребения, прокрученную назад».

Именно поэтому магизм явно посюсторонен. Высшим благом для него являются блага земные. [...]

Маг очень часто противостоит священнику. Внутренняя направленность магизма и религии – противоположна. Жрец – прежде всего посредник между людьми и духовным миром. Он обращается к Божеству с молитвой. [...] Маг ищет только достижения могущества на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами.

Магия всегда существовала параллельно с различными религиозными системами и отравляла их своим обрядовым детерминизмом.

Магизм привносил в религию слепую, почти маниакальную веру во всеислие ритуалов и заклятий. На духовную сферу переносилась мертвенная причинность. [...]

Конфликт мага и жреца усугублялся еще и тем, что маги очень часто захватывали главенствующее положение в племени. Власть над стихиями, которой якобы обладали заклинатели, окружала их ореолом могущества и суеверного почитания. Их стали считать воплощением высших сил, и таким образом магизм явился источником древней власти. В истории мы видим непрерывную нить этой сакрально-магической власти, которая становится незыблемым законом общества. Это и микенские цари-колдуны и египетские фараоны [...]. Цари-маги всегда пытались подчинить своей власти все сферы жизни подданных, но неизменно наталкивались на сопротивление религии»³.

Вспомним, что в книге Исход Моисею, который от имени Живого Бога пришел к фараону с требованием выпустить евреев, противостоят ближайшие слуги фараона – маги, чародеи. Таким образом, Библия противопоставляет два отношения к жизни: одно – религиозное, в центре которого стоит Бог Живой, Творец всего, в том числе и человека, которого Он творит по Своему образу и подобию свободным и ответственным существом; другое – магическое, проникнутое детерминизмом, верой в неподвижные вечные законы, которыми человек, якобы, может научиться управлять, вступив в контакт с си-

³ См.: *Светлов Эммануил*. Магизм и единобожие. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971. С. 77, 78, 79. (Прим. ред.)

лами мрака, смерти. Однако в этом-то и была западня: заключив с ними союз, он оказывался не их господином, а их рабом.

Это второе мировоззрение – магическое, в котором господствует детерминизм и материализм, Библия рисует как искушение, которое в самом себе несет смерть. Не случайно она берет образ змея – намекая на мертвую маску фараона, который при всем своем земном могуществе всего лишь раб бога тлена и смерти, раб страха смерти. Но здесь Библия совершает инверсию. В ее рассказе могущественный бог египтян, властитель царства умерших, змей, всего лишь «полевой зверь», созданный Богом, хотя бы и самый хитрый.

Итак, в самом начале Библии мы видим два образа, которые пройдут через всю Библейскую историю и которые стоят в центре всей человеческой истории: древо лже-знания, богоборчества, магии, питающееся от истоков смерти и приводящее к ней, и древо жизни, которое в христианстве станет прообразом Креста Христова.

Вспомним молитву Иисуса к Отцу на Тайной Вечере: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17:3).

Однако символ древа познания добра и зла не исчерпывается этим локальным содержанием. Он универсален. Он представляет собой архетип любой попытки овладеть так называемыми законами мироздания с целью господства над миром, архетип богоборческой попытки овладеть миром вне Бога, стать вместо Бога властелином вселенной.

В библейской истории о грехопадении есть интересная игра слов, которая, по счастью, передается и на русском языке. Слова «хитрый» или «наглый» и «голый», «нагой» почти идентичны по написанию и звучанию. На древнееврейском языке и то и другое звучит «арум» (אָרֻם)⁴. Это передается и на русском, в частности в шутильной песне Анри Волохонского и Алексея Хвостенко «Адам в Эдеме», слова-

⁴ Это прилагательное — характеристика змея в первом стихе 3-й главы Бытия. Интересно, что в предыдущем стихе, то есть в последнем 2-й главы, про Адама и Еву и их наготу, которой они не стыдились, сказано тем же прилагательным: и были оба наги: (арумим אֲרֻמִּים — мн.ч. от «арум»). (Прим. Ольги Меерсон.)

ми «а старый дьявол и гол и нагл». Смысл игры слов прост: хитрый, наглый змей соблазнил людей, чтобы они стали такими же «хитрыми и наглыми», но, вкусив плод, они вместо того увидели, что они «голы», «наги». Знание, которое человек пытается получить воровским способом, без труда, обманчиво. Это справедливо для всех времен, от первых людей в райском саду до Фауста и разных идеологов и доктринеров Нового времени.

В результате вкусившие от его плодов оказываются голыми, нагими и в прямом, и в переносном смысле. Так дорассказывает нам этот эпизод книга Бытия:

«И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: Адам, где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? не ели ты от древа, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела...

И сказал Господь Бог Адаму: За то, что ты ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей.

В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт 3:8-13,17,19).

Интересное толкование этого мифа предложила проф. Ольга Меерсон, поставив это толкование заключением к своей книге «Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей» (Издательство «Пушкинский дом», Санкт-Петербург, 2009). Привожу его здесь с некоторыми сокращениями:

«Древо познания добра и зла – это древо не какого-нибудь познания, а именно добра и зла... Этот запрет... касается не запрета на эпистемологическое суждение вообще, но на нравственное именно и в частности. Нравственное же суждение нам запрещено и в более поздней форме, Новым Заветом: "Не судите, да не судимы будете"...

Получили ли мы обещанное змием? Нет. Мы не стали как боги, так как мы знаем о добре и зле не так, как знает их Бог, а ровно противоположным образом. Для Него, в силу Его знания совести каждого изнутри справедливость и милость – почти синонимы, а для нас – они почти антонимы. Именно отсюда полукомичный упрек Ионы к Богу (см. книгу пророка Ионы. – М. А.-М.): несправедливо простить покаявшихся жителей Ниневии, несправедливо по отношению к Ионе, поскольку он, по милости Божией, тогда оказывается лжепророком:

И молился он Господу и сказал: о, Господи! Не это ли говорил я, когда был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Господь: неужели это огорчило тебя так сильно?»

Иона огорчился потому, что слишком много знал о добре и зле и справедливости *объективно*, то есть фактически: он, Иона, напророчит, а пророчество его не сбудется, так как Бог смиляется покаянием ниневитян! Но при этом Иона понимал, что Сам Господь Бог такой фактической объективности предпочитает милость. *Объективно*-то факт наказания ниневитян не сбылся! Парадоксальным образом Бог знает (и может) здесь больше нас потому, что наша объективность крайне субъективна. Суждение наше, якобы объективное, определяется тем, что, по милости Божией, лично нам испортили пророческую репутацию... Следовательно, для нас, чем больше милости, тем меньше справедливости, а для Бога – не так, так как не только я, Иона (или Оля Меерсон), – субъект, выносящий суждение о том, что справедливо, а что нет, но и каждый из ниневитян. А ведь, с их точки зрения, со стороны Бога воздать им за покаяние прощением куда справедливее, чем проигнорировать их покаяние! Когда Господь милостив к *другим*, то нам кажется, что Он несправедлив к *нам*... Господь же способен стать на все точки зрения сразу, поскольку Он – Любовь. А человек на это неспособен, по недостатку любви. В этом – не только разница между тем, как мы знаем добро и зло, и тем, как его знает Сам Господь, но и диаметрально противоположность этих двух «знаний».

Поэтому для Бога, в отличие от людей, с одной стороны, чем милосерднее, тем справедливее, а с другой – чем субъектнее, тем объективнее. Его справедливое суждение – это учет субъектной организации всех сотворенных людей, учет наших многообразных точек зрения в их противоречиях – а вовсе не взгляд на нас со стороны, пусть даже и на каждого...

Другими словами, с точки зрения Ионы (на которой мы часто стоим, вынося нравственные суждения)... справедливый суд... предполагает наказание для других... так же часто... как награду или признание для нас. Отсюда неизбежная окрашенность наших якобы объективных суждений *завистью*... Итак, мы не стали как боги, а получили лишь суррогатное суждение о добре и зле. Но чего же еще, кроме обмана и подлога, можно было ожидать от змея?..

Как же закодирован этот подлог в мифе о первородном грехе в его повествовательной структуре? В повествовании противопоставлены два элемента: с одной стороны, Глас Божий, от которого Адам убегает, отведав запретного плода; с другой – то, что Адам тут же начинает сваливать вину на Еву, а она – на змея. Глас Бога – наша совесть. Она обвиняет нас (а не другого!) так же абсолютно, самоочевидно и неумолимо, как Сам Господь, потому что совесть и есть этот голос – так, как он представлен в мифе о грехопадении: «Глас слышах Тебе ходяща в раи, и убояхся» (Быт 3:10) – это о неумолимости совести. Глубинно-символичное, то есть *не-аллегорическое*, прочтение мифов предполагает причастность рассказанного сути – то, что различные мотивы в мифе представляют их означаемые не метафорически... а *метонимически*, как самые яркие черты этих явлений, реально присутствующие в самих явлениях и наиболее характерные для этих явлений по функции, сути и определению.

Таким образом, сам побег от Бога – не результат греховного поступка Адама, а его *суть*. Первородный грех и состоит в том, что мы прячемся от Бога, то есть от голоса совести *внутри* себя. Это поведение *уже* представляет собой нашу склонность сваливать вину на другого... Совесть – это голос Бога в нас. Мы можем его заглушать, можем игнорировать, можем вытравливать всей греховной и шумной жизнью. Но *контролировать* его – включать и выключать по своему

усмотрению, как радио, мы не можем. Этот Глас – над нами, а не мы над ним. Съев плод *другого* познания добра и зла, познания, альтернативного совести, Адам тут же убегает от собственной совести, от ее голоса, то есть от Лица Божия: «“Услышах Глас Твой и убояхся”». Так говорит тот, кто сделал внешнее знание о добре и зле внутренним (съев его в виде плода с дерева) и – тем самым – сделал внешним изначально внутреннее знание, о добре и зле в себе. Каждый из нас – Адам, изгнавший изнутри собственной души голос Бога. И поэтому каждый из нас изгнан из рая, испуган и одинок».

Итак, этот библейский рассказ, несмотря на свою древнюю мифологическую форму, оптимально передает природу искушения, под которое подпадал человек в состоянии богоборческого самоутверждения во все времена. Всегда конец этого искушения оказывается одним и тем же: вместо великого знания и власти обнаруживает человек свою наготу и смертность. Потому так трудно спорить с истинностью мифа о грехопадении.

Братоубийство

Согласно рассказу Ягвиста, человеческая история начинается с изгнания из рая и ее первым актом оказывается убийство. Но всякое убийство есть братоубийство, поскольку, согласно книге Бытия, все люди, потомки Адама, – братья: «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа (здесь опять же столь характерная для Библии игра слов «приобрела я» (קָנִיתִי «канити» на древнееврейском). И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился и поникло лицо его. И сказал Господь Бог Каину: почему ты огорчился? и от чего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.

И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Бог Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Быт 4:1-12).

Здесь мы обнаруживаем ту же структуру, что и в рассказе о грехопадении. Перед Богом завета стоят двое, на этот раз братья, сыновья одной матери-жизни (Евы) на фоне земли: один земледelec, другой пастух. И здесь же предстает грех, искушение, который нарисован как зверь, подкарауливающий добычу. Слово «поджидать, притаясь», на древнееврейском языке צָרַר «робец», этимологически связано с демоном «робицу», который в ассиро-вавилонской мифологии подкарауливает добычу в придорожных обочинах. А на иврите «лехарбиц» (לַחֲרֹבִיץ) (в форме «хифиль», то есть в каузативе) значит «избивать».

Подобно отцу своему Адаму, не послушавшему предостережения Бога, не слушает предостережения Божьего и Каин. Послушавшись искушения, он убивает брата: тем расторгается союз между людьми, братьями и землею. Пролив кровь человека, сына Адамова, взятого от земли, Каин расторгает с ней сыновнюю связь. Она отказывается поддаваться труду убийцы и приносить ему плоды. В представлении древних Бог связан с землею. Для евреев Он был связан с землею Ханаан, которую обещал дать им в наследие. Уходя с земли, обреченный на жизнь скитальца, Каин теряет связь и с Богом, Защитником и Покровителем. Этим объясняется тот ужас, который переживает Каин перед лицом наказания.

«И сказал Каин Господу (Богу): наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь (Бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

И пошел Каин от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Едема» (Быт 4:13-16).

Подобно тому, как после грехопадения Бог делает людям «кожаные ризы», приспособливает их к существованию вне рая, так и здесь Бог обеспечивает Каину некий «прожиточный минимум». В литературно-историческом плане эта история отражает и взаимоотношения внутри общества кочевников. В пустыне кочевник не может прожить один: он нуждается в воде, в укрытии от зноя, в пище, в защите от врагов и зверей, короче, в обществе. Но Каин, совершив грех против самого этого общества, разрушив закон общежития, основанный на братской любви, изгоняется из этого общества. Обреченность изгнания подчеркивается именно тем, что Каин становится из оседлого земледельца кочевником, который зависит от клана, для которого кочевой табор – единственная родина. Вспомним, как в «Цыганах» Пушкина старик цыган изгоняет Алеко, убийцу, со словами: «Оставь нас, гордый человек! Мы дики, нет у нас законов, мы не терзаем, не казим – не нужно крови нам и стонов – но жить с убийцей не хотим...»

Это и отвечает на вопрос, почему тому, кто убьет Каина, отомстится всемеро. Первый ответ, социально обусловленный, лежит в законах кровной мести, которые были естественным законом кочевников. В отсутствие устойчивой цивилизации и институтов, охраняющих законы общежития, в пустыне, где преступник безнаказан, ибо кто будет его ловить и судить, кровная месть оказывается единственным институтом законного возмездия. За преступника отвечает весь его клан. И эту печать ставит на Каина Бог. Каинова печать означает протекцию, которую оставляет Бог Каину в его безрадостной жизни изгнанника. Но за этим вырастает и другой смысл. Сам Бог вершит правосудие; и Он не хочет умножения пролитой крови. Однако это умножение идет само собой с умножением зла, которое производит потомство Каина.

Первая философия истории

Ниже мы увидим, что сюжет Каина не подлежит историческому толкованию и должен восприниматься как архетипический. Но зато сам он, этот сюжет, представляет собою интерпретацию истории, её философское осмысление. Дальнейший библейский рассказ о потомках Каина естественно вызывает вопрос: откуда Каин взял жену, если он был сыном первой четы. На это отвечает литературный анализ книги Бытия. Родословие Каина взято из другого источника.

Присоединяя это родословие к рассказу об Адаме и Еве, библейский автор-редактор показывает нам, современным читателям, что в его задачу не входит описание происхождения человечества, антропогенеза. Книга Бытия рисует онтологию человека как существа, сотворенного Богом в свободе. Человек – не животное, связанное природной необходимостью. Он представлен в свете завета с Богом-Творцом, ответственным за свою жизнь и свой выбор. Присоединение к истории Адама родословия Каина – первого убийцы, который ввел насильственную смерть, так сказать, в обиход, проливает свет на богословскую схему автора-редактора: он хочет показать, что строитель первого города был сыном убийцы: городская цивилизация связана с духом преступления.

Именно так это комментирует о. Алексей Князев, который видит в родословии каинитов пессимистический взгляд Ягвиста на человеческую историю. Потомки Каина оказались первыми градостроителями и изобретателями техники и искусств. Ягвист показывает, что развитие материальной цивилизации связано с умножением зла на земле. В образе Ламеха, потомка Каина, зло, голое насилие уже не знает предела. Ламех обещает мстить за любой нанесенный ему ущерб безгранично (Быт 4:23-24). Его возмездие не диктуется никакими законами справедливости, которые впоследствии ввел Моисей, сказав: «...око за око, зуб за зуб» (Лев 24:20), то есть положив, что наказание должно быть соразмерно преступлению. Ламех способен потопить в крови целое племя, к которому будет принадлежать его возможный обидчик. Насилие умножается, заливая землю.

Однако здесь же Библия дает и альтернативу этому пути распада и зла, приводя следующую родословную, а именно родословную Ноя, ведомую от Адама через его третьего сына – Сифа, состоящую из перечисления десяти патриархов. В Библии нас удивляет количество родословий, но они имеют глубокий богословский смысл. Современная библеистика определяет родословия как отличительную характеристику определенного библейского источника, получившего название «Священнической традиции». Священническая традиция сложилась трудами многих поколений священников – служителей Иерусалимского храма. И этой традиции мы обязаны нашей философией истории, в которой в той или иной форме присутствует идея все усложняющегося развития, прогресса. Достаточно очевидно, что эта философия сформирована под влиянием христианства, поскольку ни в язычестве, ни в восточных религиях не существует представления о поступательности и развитии, характерных для библейского мировоззрения. В них время циклично, все повторяется, то, что было, будет вновь, то, что есть, уже когда-то происходило. Библия же впервые говорит о целенаправленности исторического процесса. История человечества – стрела, она пущена в цель, у нее есть начало и будет конец. Первая страница Библии, описывая сотворение мира и человека, говорит о начале, последние страницы Библии, заключительные главы книги Апокалипсиса, говорят о конце времени, когда человечество, освобожденное от греха, вступит в вечность Царствия Божия, и смерть исчезнет.

Начало этой философии истории, у истоков, в центре и в завершении которой невидимо стоит Бог, положено Священнической традицией. Так описывает постепенно формирование этой философии истории Бернард Андерсон в своей книге «Понимание Ветхого Завета»: «После падения Северного Царства (Израиля), завоеванного Ассирией в 722 году до нашей эры, северная версия Израильского эпоса (Елогиста) и южная (Ягвиста) были соединены вместе. Автор, принадлежавший священнической традиции, использовал этот материал, дополнив его из других источников, а также собственными толкованиями. Так, например, священническая история о сотворении мира в первой главе была дополнена рассказами из древнего эпоса

о потерянном рае 2-й и 3-й глав. История Израиля была представлена священнической традицией как единое последовательное целое, от сотворения мира до создания религиозной общины народа Божия у горы Синая. Первое, что мы отмечаем в этой традиции, – это атмосферу богослужения, которая пронизывает ее от начала до конца. Войти в эту часть Пятикнижия все равно, что вступить в древний собор, симметричное устройство и религиозный символизм которого, освященные столетиями богослужения, производят торжественное ощущение святости и величественного присутствия Божия».

Главная тема этой традиции – тема Завета, Союза Бога и человека. Бог заключает завет с человеком и поддерживает его с теми людьми, которые остаются ему верны. Наша родословная, как бы игнорируя первых детей Адама, жертву – Авеля и убийцу Каина и его потомков, начинается с внука Адама – Еноса. Енос, на иврите «Энош» (אֱנוֹשׁ), значит «человек», «анашим» (אֲנָשִׁים), множественное число, – «люди». Енос («Энош») восстанавливает завет с Богом, то есть начинает обращаться к Нему в молитвах (Быт 4:26). Отец Алексей Князев говорит, что призывание «имени Божия», которое началось при Еносе (Быт 4:26), это техническое выражение для обозначения культа – общественного богослужения. На древнехристианских изображениях в римских базиликах изображены три молящихся праведника доавраамовой истории: Авель, Енос, Мельхиседек. Еносом указан путь спасения от умножения греха – и это путь восстановления завета с Богом. Назвав сына Сифова, который восстанавливает прерванную связь с Богом-Творцом через молитву, «Эношем», то есть «человеком», Библия дает нам и определение, кто есть «человек». Нас очеловечивает молитва, обращение к Богу.

И здесь нам открывается смысл родословия десяти патриархов, от Сифа до Ноя. Это история, творимая людьми в союзе с Богом. Конечно это весьма архаичная форма философии истории. Но она несет в себе зачаток христианской философии истории, а именно: история персоналистична, ее творят не безличные силы и производственные отношения, не классы, а личности. Для священнической традиции перечисление имен патриархов означало, что у истории есть человеческое лицо. И это лицо несет образ и подобие первого человека –

Адама, который, в свою очередь, есть образ и подобие Божие. Показательно, что в начале родословия Каина не говорится, что он был рожден Адамом по образу и подобию своему: в Каине подобие Божие замутнено. Он и его потомство идут путем расчеловечения. Прямой потомок Адама (землянина), сын Сифа, данный Еве *вместо* убитого Авеля, это Енос, «человек». Приходят на ум поистине библейские слова Николая Бердяева: «Только Бог человечен, человек бесчеловечен». Обесчеловеченный человек, обращаясь к Богу, снова вочеловечивается.

Итак, священническая традиция несет еще одну мысль: история творится Богом через «преподобных», то есть тех, кто Ему уподобляется в праведности. Бог остается двигателем истории, но совершает ее через тех людей, которые остаются Ему верны. Как указывал о. Алексей Князев, в описании седьмого патриарха от Адама – Еноха подчеркивается его исключительная праведность: «Он ходил перед Богом», – выражение, говорящее о верности человека Богу. За что Бог и «взял его» (Быт 5:21-24). Употребляемый здесь еврейский глагол «лаках»(לָקַח) также используется в описании взятия пророка Ильи на небо в 4-й книге Царств. Подобный ему греческий глагол, которым древнегреческие классики описывали взятие человека в число богов, применяется к Еноху и в Послании к Евреям («Верою Енох переселен (μετέτεθῆ) был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его» (Евр 11:5)).

Согласно иудео-христианской традиции, Енох не умер. В Апокалипсисе говорится о двух свидетелях, которые придут на землю во времена Антихриста: Енохе и Илье. В позднем иудаизме Енох – тайнозритель, ему приписывается апокрифический апокалипсис «Книга Еноха». Не случаен и его возраст 365 лет. Во вне-библейском, вавилонском параллельном рассказе говорится, что был некогда царь Эн-мендураш, который был близок к Солнечному богу – Шамашу. (365 дней – это число дней солнечного бога, годовой цикл). Этот царь был самым праведным.

Предыстория потопа

Итак, вся история от Адама до Ноя представлена схематично в этой родословной: названы имена десяти патриархов, возраст каждого в момент рождения старшего сына, количество лет от рождения старшего сына до смерти и общий возраст. Это родословие сообщает о непрерывающейся линии завета человека с Богом, имеющего, как видим, личный характер, поскольку завет – это отношение личного доверия Богу и верности Ему. Патриархи названы по имени и сам возраст их как бы символически отражает их приобщенность к Богу в Его вечности. Отец Алексей Князев считал, что возраст патриархов носит символический характер. Он указывал на три библейские версии, в которых расхождение числа лет жизни патриархов довольно значительно. Так, согласно массоретскому тексту, между сотворением мира и потопом прошло 1656 лет, согласно Самаритянскому пятикнижию – всего 1037 лет, согласно Септуагинте – 2242 года. Можно предположить, что речь идет об одной и той же родословной, которая дошла в разных редакциях. Отец Алексей также ссылаясь на внебиблейские параллели этой родословной среди вавилонских документов, где есть родословие вавилонских царей, живших до потопа (Вавилонская история тоже знает потоп). Это список Беррозия, халдейского священника, сохранившийся в церковной истории Евсевия Кессарийского, раннего историка Церкви. Согласно этому списку, до потопа процарствовало 10 царей, которые в общей сложности прожили 432 тыс. лет, что представляет собою еще более астрономическую цифру.

Ссылка на вавилонские источники интересна для иллюстрации исторической обоснованности Библии, которая пользуется разными источниками, но всегда верна собственной богословской интерпретации. Однако здесь возникает другой вопрос: наука утверждает, что мир существует сотни миллионов лет и находит следы человекоподобного существования за сотни тысяч лет до нас. Библия же говорит о каких-то 7 тысячах лет с сотворения мира. Не будем спешить с заключениями. Ведь и современная археология не может найти следов организованной (городской) человеческой цивилизации ранее чем 9–10 тысяч лет назад. И первые очаги ее находились именно в

Междуречье. А Библия говорит о человеке как о существе цивилизации, ее интересует человек каким он был при ней, в развитой (городской) социальной среде, возраст которой приблизительно совпадает с библейским исчислением.

Однако вернемся к вопросу о долголетию патриархов. Смысл таков: Бог, податель жизни, может хранить праведников долгие годы. Вслед за этой библейской традицией с её «долготою дней» («орех ямим» // אֶרֶךְ יָמַי – на еврейском) и православие желает всем «многая лета». У Церкви есть особое почтение к старчеству. Но это объясняется не только тем, что старцы умудрены жизнью. Для православия старчество – знак расцвета благодати Духа Божия в человеке, в котором естественные силы увядают. Ведь обычный мир вокруг нас не знает старчества. Люди умирают либо в зрелом возрасте от излишеств и страстей, или ведя исполненный насилия образ жизни, либо постепенно с возрастом впадают в маразм по мере изнашивания естественных сил. Наличие духа и разума в дряхлом, немощном теле – знак присутствия Духа Святого, дар Божий в ответ на долгие годы верной Богу и праведной жизни. Именно это и имеет в виду библейская родословная. Она носит богословско-символический характер и утверждает, что грех влияет на количество лет жизни. До потопа люди жили дольше, так как грех вносит разрушение в человеческое существо. И действительно, вслед за родословной патриархов Библия говорит об умножении зла в мире: «Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери; тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: не вечно Духу Моему быть пренебрегаему человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло на всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных

истреблю: ибо Я раскаялся, что создал их. Ной же обрел благодать пред очами Господа Бога» (Быт 6:1-8).

Что значит этот рассказ? Евреи жили в окружении народов, в мифологии которых браки людей с богами были общей темой. Но для библейского сознания этот мифологический образ стал выражением запретного союза людей с духовными силами. Ветхий Завет не делал еще различия между ангелами и демонами. Он утверждал абсолютную суверенность Бога. Все же духовные существа назывались сынами Божиими (то же мы встречаем в книге Иова, где в прологе говорится, как сатана пришел к Богу в собрании «сынов Божиих», Иов 1:6), и с ними запрещалось вступать в общение. Через всю Библию проходит категорическое осуждение любых попыток вступить в контакт с духовными силами: осуждение магии, оккультизма, чародейства. Для библейского автора мифологический союз людей с богами означал это запретное общение с духовными силами. Боясь демонических прельщений, Библия требовала абсолютно строгого монотеизма. Попытка мистического контакта не с Богом понималась как религиозное извращение, в результате которого в мир приглашаются демонические силы и он превращается в поле насилия и зла. Но ведь земля (Адамá) создана для человека (Ада́ма). И уклоняясь на путь зла, богоборчества, человек теряет образ и подобие Божие и расчеловечивается. А без человека и земля теряет свой смысл. Жизнь, лишаясь своего смысла, распадается. Здесь мы находим ту же схему, что и в рассказе о грехопадении, только эквивалентом древу познания добра и зла служит брак людей с духовными силами. И здесь, и там за этим религиозным извращением следует наказание Божие. Но наказание Бога, Отца людей, никогда не бывает окончательным. Бог всегда открывает путь покаяния, возвращения. В нашей истории этот путь избрал Ной.

Согласно православному толкованию библейской антропологии, образ Божий задан человеку, а тот в ходе своей жизни либо проясняет его в себе и актуализирует, уподобляясь Богу – отсюда название святых «преподобными», поскольку они путем молитвы, аскезы, духовного труда, жертвенного служения уподобились Богу, – либо

в эгоистической жизни, в насилии над другими, в излишествах, то есть в грехе, его постепенно теряет. Показательно, что говоря о родословной Ноя, которая состояла из праведников, Библия подчеркивает, что первый патриарх в этой родословной, Сиф, третий сын Адама, был рожден по образу и подобию своего отца, который, в свою очередь, был сотворен по образу Божию:

«Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек (Адам), в день сотворения их. Адам жил сто тридцать лет, и родил сына по подобию своему и по образу своему и нарек ему имя: Сиф» (Быт 5:1-3).

Как уже говорилось выше, сын Сифа, восстановивший связь с Богом, просто назван «человеком» – «Эношем». Хотя все живые существа производят потомство, которое генетически такое же, как и их родители, только о человеке Библия говорит, что он родил сына «по подобию своему и образу своему», тем самым уподобляя и его Богу, и рождение детей – божественному акту творения. Рожая и воспитывая детей, человек, мужчина и женщина, сотрудничают в творческом акте Божиим, потому из всех религиозных обрядов во всех религиях бракосочетание – самый торжественный, а в Церкви вообще является таинством. Обряд, собственно, отличается от таинства тем, что в таинстве человеку благодатным образом дается сочетаться с Богом: так в крещении и миропомазании человек сочетается со Христом и Духом Святым, в Евхаристии приобщается Телу Христову. В таинстве венчания, которое, вслед за литургией, начинается с призвания имени Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, пара приобщается тройческой жизни Творца и благословляется к участию в со-творении богоподобных существ вместе с Ним.

Возвратимся к истории допотопного человечества, в котором затемнился образ Божий и стал теряться и образ человеческий. Снова хочется процитировать Бердяева: «Только Бог человечесен, человек же бесчеловечен». Допотопная история рассказывает именно о расчеловечивании цивилизации, ставшей на путь богопротивный. Поскольку человечество расчеловечилось, то творение потеряло смысл, и Господь «раскаялся», что сотворил человека. Этот антропоморфизм

характеризует Ягвиста, древнейший письменный источник в книге Бытия.

В православной Церкви о потопе и об избрании Ноя с его семейством и их спасении в ковчеге от потопа, в котором погибло древнее человечество, читается на богослужениях Великого поста, которые все построены на покаянный манер и начинаются с воспоминания об изгнании Адама из рая. Смысл этого библейского рассказа очевиден: Бог спасает верующих в Него и доверяющих Ему от стихийной катастрофы, которую человечество, при всей своей цивилизации, не может контролировать. К тому же, чем цивилизация совершенней, тем человек оказывается даже беспомощней перед лицом стихии.

Вспоминаю довольно показательный случай несколько лет назад в Вашингтоне и его окрестностях, где обычно стоит теплая погода и зимы мягкие. Как-то зимой пошел сильнейший ливень, который продолжался сутки, а потом ударили морозы, правда, умеренные, всего несколько градусов ниже нуля, но влага, собравшаяся на деревьях и проводах, замерзнув, пригнула ветви деревьев на провода, и во многих местах провода порвались. Вашингтон и окрестности погрузились во мрак. Но, лишившись электричества, и вся нормальная жизнь остановилась. Перестали ходить поезда. Полностью компьютеризированные банки, магазины, бензоколонки закрылись. Невозможно стало получить наличные деньги и пользоваться кредитными карточками, купить бензина или каких-либо продуктов. В огромных аптеках у входов стояли продавцы и продавали за наличные... Батарейки для фонариков, никаких лекарств или чего-либо другого купить было невозможно. Дома, лишенные центрального отопления, отапливаемые индивидуальными печами, хотя и газовыми, но зажигаемыми электричеством, стояли холодными, стали лопаться водопроводные трубы. Все сидели в темноте и холоде, без продуктов и лекарств, и не могли никуда двинуться, если не имели достаточного количества бензина, чтобы уехать куда-нибудь от города за сотню километров и снять номер в гостинице. Это продолжалось, по счастью, всего три дня, после которых электричество было восстановлено. Но поразительно, как самая высокоразвитая технологически цивилизация превратилась в западню для человека, попавшего в полную от

нее зависимость. Имея электрифицированное отопление и водоснабжение, человек оказался и без воды, и без огня. Ведь в городах и пригородных местностях нет колодцев. Конечно, место семейного очага во многих домах занимал камин, но в большинстве случаев он был газовым, приводимым в действие электрозажигалками дистанционного управления. Растопить такой камин дровами невозможно было при всем желании, даже и при наличии дров. Потерявший сноровку к охоте, рыболовству и даже печению хлеба, человек, в нашем случае – американец, столичный житель начала 3-го тысячелетия – окруженный со всех сторон изобилием, к которому он не мог подступиться подобно легендарному царю Миносу, от прикосновения которого все превращалось в золото, – мерз и чуть ли не умирал от голода. После этого случая разговоры, воспоминания, жалобы на все это продолжались несколько месяцев. А ведь потеря электричества в результате маленького потопчика продолжалась всего лишь три дня.

Итак, возвратимся к истории Ноя. Бог спасает тех, кто верит Ему и Ему верен. Так ковчег стал для Церкви универсальным образом спасения. Возникает вопрос: было ли у этого библейского рассказа какое-либо историческое основание, или же он – нравоучительный вымысел? Раскопки показали, что в Месопотамии около 4 000 лет до н.э. случилось наводнение огромных масштабов. В древнем вавилонском эпосе о Гильгамеше содержится фрагмент с историей потопа. Библейские рассказы о потопе косвенно и прямо указывают на существование месопотамского оригинала, который до нас не дошел. Но сохранились другие внебиблейские параллели, вроде эпоса о Гильгамеше. В шумерской версии собрание богов собирается уничтожить человечество, но один из них уведомляет об этом праведного царя Зиусудру, который спасается от наводнения, продолжавшегося семь дней и ночей, и приносит богам жертву. В другой вавилонской версии царь заполняет корабль живностью всякого рода, чтобы жизнь продолжилась после потопа. Какое именно из многочисленных наводнений Месопотамской долины легло в основу этих историй, неизвестно, но ясно одно – реальному событию Библия дает свою собственную богословскую интерпретацию: Бог – господин истории. Он вмешивается в неё, Он наказывает за зло, но Он же и спасает праведника, обеспечивая его всем необходимым.

В православном чине крещения постоянно слышатся отсылки к истории спасения Ноя от потопа. Здесь проводится параллель: то, что было причиной смерти для греха, становится источником спасения для праведности. Так в крещаемом тонет, умирает в воде ветхий человек, чтобы воскрес, выходя из крещальной купели, человек новый, облекшийся во Христа.

Освещающая елей (масло) перед самым актом крещения, чтобы помазать им крещаемого и освященную воду, священник молится:

Господи Боже, Владыка,
Некогда прадедам нашим в Ноев ковчег
Голубку с ветвью маслины в клюве
Послал Ты как весть о спасеньи
И от вод потопа и в знак примиренья
Это и был образ таинства благодати,
И плод маслины Ты даровал нам
Для совершения священных таинств.
Соком его и подзаконных
Ты исполнял Святым Твоим Духом,
И тех, кто под благодатью,
Венчал совершенством.

Благослови же и это масло
Силою, действием и нисхождением
Твоего Святаго Духа,
Да станет оно помазанием нетления,
Обновлением души и тела,
Доспехом праведности для отражения дьявола
И избавленья от зла
Тому, кто с верою им помазан
Или приемлет его во славу
Твою и едиnorodного Твоего Сына
И святого, благого и животворящего Твоего Духа
ныне и присно и во веки веков.

(Перевод Анри Волохонского)

Преображение водной губительной стихии в спасительную в библейском рассказе символизируется радугой, которую Господь Бог полагает как знамение Своего обновленного завета со спасенным человечеством в лице Ноя и его потомства. Радуга представляет собой свет, преломленный в воде, в каплях напитавшейся от дождя атмосферы. И ее форма светового соединения неба и земли единым полукругом, аркой, как знаком завета, символизирует способность Бога преобразжать смертоносную стихию в спасительную, в подательницу жизни. Так ковчег становится вечным образом христианского спасения, что прекрасно выразили два современных русских поэта Анри Волохонский и Алексей Хвостенко в своей песне про потоп в следующих словах:

«Только того, кого спасает Сын от гнева Его,
Кому открыта дверь ковчега Его,
Тому и смерть не страшна,
Тому ковчегом будет вся его душа».

Обновленный с Ноем завет с Богом становится прообразом Нового Завета во Христе. Семьдесят потомков Ноя заселяют всю землю, и в Евангелии от Луки Господь, в дополнение к двенадцати апостолам посылает еще семьдесят во все концы земли.

Заселение земли. Вавилонская башня

За историей потопа следует описание дальнейшего заселения земли. Согласно Библии, землю заселяют потомки Ноя, с которым Господь Бог восстановил вечный завет. Восстановление союза с Богом означает также примирение с матерью-землей. Ной возвращается к обрабатыванию земли, которое для библейского автора означает основу жизни человека. Земля приносит плоды, в том числе и виноград, из которого производится вино. В Библии действие вина двойственно: оно «веселит сердце человека», как говорится в псалмах, но оно же при излишествах ведет к растворению личности в стихии,

а там уже и к моральной распущенности. Известны своей моральной распущенностью были хананеи, природные обитатели земли Хананской. Библейский рассказ объясняет это проклятием, полученным их предком Хамом, одним из потомков которого, по библейской схеме, был Ханаан.

Отец Алексей Князев объяснял, что таблица народов, потомков Ноевых сыновей под видом генеалогической картины рисует нам историческую таблицу народов, с которыми древний Израиль имел дело в ходе своей истории. Генеалогия носит эпонимический характер: то есть народы в этой таблице персонифицированы в предке или герое. Однако эта таблица отвечает данным археологической и исторической наук и потому имеет также исторический интерес. На основании этой таблицы этнология разделяет человечество на хамитскую, семитскую и арийскую расы. Какой же богословский смысл этой родословной? Она, как подчеркивал о. Алексей, свидетельствует о единстве человеческого рода, она также свидетельствует об исполнении благословения Божия, данного Адаму и повторенного Ноем и его сыновьям: плодитесь и размножайтесь и населяйте землю.

Для библейских авторов этими племенами, жившими, главным образом, вокруг средиземноморского бассейна, исчерпывалось население земли. Итак, согласно библейской схеме, основные группы народов – это семиты, яфетиды и хамиты. В состав семитов на ранней стадии входили арабы, ассирийцы, аккадцы и амориты. Из аморитов вышли вавилоняне, финикийцы и арамеи. Из арамеев вышли сирийцы и потомки Авраама – евреи в широком смысле, то есть измаильтяне, моавитяне, аммонитяне и собственно израильтяне – потомки Иакова-Израиля, внука Авраама. Потомки Яфета это эллины (греки), персы, индо-арьи, скифы, кельтские, германские и славянские племена; из древних народов – хетты и хуриты. К числу хамитов относились египтяне, ливийцы, кушиты, то есть эфиопы. Почему же эти последние оказываются под проклятием, данным нечестивому сыну за то, что он подглядел, а не прикрыл наготу (позор) отца?

Таблица расселения народов, как подчеркивал о. Алексей Князев, выражала собою политическую философию древнего Израиля. Согласно этой философии, которая проходит через всю Библию, хана-

неи, исконные обитатели Ханаана, представляли постоянное искушение монотеизму израильской веры. Хананейские оргиастические культы с их половой распущенностью и извращенностью, и жертвоприношением детей, были тем постоянным языческим фоном, на котором евреи старались сохранить верность строгой и морально-ригористической религии завета с Единым Богом.

Для объяснения этого религиозного и морального антагонизма библейские авторы использовали древнее сказание об опьянении Ноя и разном поведении его сыновей. Те двое, которые поступили почтительно, получили его благословение, тот, который проявил непочтительность к своему отцу – Божьему избраннику Ною – а именно Хам, был осужден на безбожие. В представлении библейских авторов народы, ведущие от него свое происхождение, отличались особой богопротивностью: таковы были хананеи и Египет.

Египет, входивший в этой схеме в число хамитских народов, представлял для Израиля политическую угрозу на протяжении более чем тысячелетней истории. Не случайно, что вслед за таблицей народов идет рассказ о Вавилонской башне, который является обличением всех древних богопротивных империй, включая и египетскую. Так повествует книга Бытия: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сennaар равнину, и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высоту до небес; и сделаем себе имя, *прежде, нежели*⁵ рассеемся

⁵ «Наасе лану шем» (שָׁנָא לָנוּ שֵׁם) – выражение удивительно современное. Гораздо важнее то, что предлог «прежде, нежели рассеемся» (пен-нафуц: לִפְנֵי -עֲדָ) может означать и «чтобы нам не рассеяться». То есть, тут отмечено, что вавилонское столпотворение—отчаянная попытка преодолеть земными средствами и гордыней земной славы страх смерти и бесследного рассеяния, «распыления» людей. «Лафуц» может значить не только рассеяние людей как социума, но и физическое распыление, расточение. То же слово употребляется в 67-8 Псалме, который поется на Пасху и на изгнание бесов: «и расточатся врази Его». В результате строители Вавилонской башни достигли ровно того, чего хотели избежать: Господь их расточил. (Примечание Ольги Меерсон.)

по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот, что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт 11:1-9).

Как указывает о. Алексей Князев, это не историческое описание, а народно-бытовой рассказ, который был наблюдением над исторической действительностью. Быть «людьми одного языка» по древневосточной терминологии означало входить в одну империю. Но древние империи были тюрьмой народов, были бесчеловечны и носили богоборческий характер. Вся история древнего Востока – была историей возникновения и крушения великих империй: древнейшей Египетской империи, образовавшейся около 3000 лет до н.э., Аккадской империи в Месопотамии в середине третьего тысячелетия, и империи Ура, простиравшейся до Средиземного моря в конце третьего тысячелетия до н.э. На смену им пришла Ассирийская империя начала I тыс. до Р.Х, которая завоевала Северное царство – Израиль и переселила его 10 колен, то есть племен, неизвестно куда; так они исчезли. На смену Ассирийской империи пришла Неоавилонская империя, под ударами которой пало Южное еврейское царство – Иудея, был завоеван Иерусалим и разрушен первый храм, а все обитатели города и окрестностей уведены в Вавилонское, опять же, пленение. После этого древнему Израилю уже не удалось воссоздать своей независимой государственности. Всего этого было достаточно, чтобы израильтяне видели в империях постоянную угрозу и богопротивный характер.

По словам о. Александра Меня («Как читать Библию»), рассказ о Вавилонской башне – это четвертый акт драмы, в которой человек восстает против Бога. Эта башня символизирует богопротивную цивилизацию, построенную на насилии. Задуманная как вызов Небу, она обречена на крушение. Рассказ связан с Вавилоном потому, что именно здесь оказалась та империя, которая завоевала Иерусалим –

град Божий, разрушила Божий храм и увела в плен народ Завета. Так Вавилон становится символом богопротивности и имперского насилия, проходящий, уже самым своим именем, через Ветхий и Новый Заветы.

Но это не значит, что народы, унаследовавшие проклятие, обречены. Нет, Библия не знает предопределения, она утверждает свободу, и о том, как она обретается и как уходить от детерминизма проклятия, нам рассказывает история завета с Авраамом.

Призвание Авраама

В книге Бытия две неравные части. Первая часть состоит из рассказов о сотворении мира и человека и о смысле истории. В ней схематически дана история человечества и двух его путей: пути греха, насилия и богоборчества, который избирается большинством, и пути праведности, – верности завету с Богом, – которым идут немногие. Первый путь начинается грехопадением Адама, соблазнившегося обещанием получить власть над миром помимо Бога, и заканчивается Вавилонской башней, попыткой построить всемирную богопротивную империю на насилии. Этот путь неизбежно влечет наказание Божие, распад и гибель.

Другой путь незаметно проходит параллельно истории греха. Это линия праведников, сохранявших верность Богу. Благодаря их верности Господь сохраняет Свой договор с творением. Этот путь приводит к Аврааму, с которым Бог вступает в личный завет и с которого начинается история евреев, народа, согласившегося коллективно вступить в завет с Богом.

Как объяснял о. Алексей Князев, основная часть книги Бытия, с 12-й по 50-ю главу, рассказывает историю одной семьи. События связаны исторической последовательностью и изложены более обстоятельно. Хотя эти события нигде, кроме книги Бытия, не рассказаны, современное состояние библейской науки дает основание доверять подлинности событий, поскольку их исторический фон отвечает тому, что мы знаем о жизни Ближнего Востока этого времени.

Патриархи – предки еврейского народа. Но сами они еще не принадлежат народу. Согласно древним документам (18 века до н.э.), евреи (хабиру) не были народом в смысле этнической принадлежности. Так называли определенную социальную группу, ведущую кочевой образ жизни между пустынными и плодородными землями. Время от времени они нанимались в города или к монарху для военной или государственной службы. Но они не смешивались с коренным населением, сами не пускали корней. Как только кончался контракт, они уходили в другое место. Само слово «еврей», עִבְרִי «иври», по Библии, впервые примененное к Аврааму, когда он перешел через Иордан, означает «пришедший с другой стороны», то есть либо чужак, либо, скорее, человек перепутья, перехода.

Похожую картину рисует книга Бытия в отношении еврейских патриархов. Богооткровенная религия начинается с Авраама. Он слышит голос Божий и откликается на Его зов. Его религия – не наследственная. Предки Авраама поклонялись чужим богам. Завет с Богом – дело его личного избрания, его совести, его воли, его веры. Библия и здесь персоналистична. Бог ищет человека, того, кто готов откликнуться на Его призыв и последовать Его зову, полностью положить на Бога, довериться Ему. Слова «вера» «доверие» в русском языке одного корня, вера есть отношение доверия. Именно это отношение Бог испытывает в Аврааме и, испытав его, закрепляет с ним вечный завет. Так Авраам, по словам апостола Павла, дает прототип христианской веры, становится прообразом для каждого христианина. Каждый христианин, вступая в личный завет с Богом через крещение в Иисуса Христа, уподобляется Аврааму. Вспомним слова апостола Павла из посланий к Галатам и к Римлянам: «Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: «в тебе благословятся все народы». Итак, верующие благословляются с верным Авраамом» (Гал 3:6-9).

Авраам «не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное. Потому и вменилось ему в пра-

ведность. А впрочем, не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим 4:20-25).

История Авраама, описанная в четырнадцати главах, с конца одиннадцатой до начала двадцать пятой, состоит из следующих частей. Она начинается с родословия Авраама, идущего от Сима, сына Ноева. Затем говорится о призвании Авраама и его уходе с Лотом, племянником, с родины в землю, обещанную Богом. Затем идет история расставания Авраама и Лота и война, которую Авраам ведет за освобождение своего пленного племянника. Далее говорится о завете, который Бог заключает с Авраамом, обещая ему наследника. В следующей части рассказывается о рождении у Авраама Измаила от служанки Агари, затем следует подтверждение завета с Авраамом и обрезание Авраама и всех мужчин его клана в знак завета. Далее говорится о явлении Аврааму трех божественных странников – что послужило сюжетом для многих картин Троицы, в том числе самой совершенной из них – рублёвской иконы Троицы, и о наказании Содома и Гоморры. Последующие рассказы повествуют о рождении Исаака и испытании авраамовой веры призывом принести Исаака в жертву. Православная Церковь, ставя повествование о жертвоприношении Исаака в контекст Великой Субботы, показывает, что это не столько испытание веры Авраама, сколько откровение ему, другу Божию, о жертве Сына Самого Бога. Наконец, рассказывается о повторном и окончательном благословении Божиим, о смерти и погребении Сарры, женитьбе Исаака, родословной авраамова потомства и о кончине Авраама.

Так рассказывает Библия о призвании Авраама: «И сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, и иди в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные.

И пошел Аврам как сказал ему Господь; и с ним пошел Лот. Аврам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана. И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую» (Быт 12:1-5).

Замечательный знаток истории русской и западной средневековой святости, Георгий Федотов писал в одной из своих статей, что эти слова Господни Аврааму «Пойди из земли твоей в землю, которую Я укажу тебе», повторяли себе множество христианских подвижников, когда оставляли свою родину, вместе с отчим домом, уходили спасаться в далекие страны: Палестину, Египет. Разлука с родиной рассматривалась как аскетический подвиг. В египетских монастырях внимательно обсуждался вопрос, возможна ли иноческая жизнь в родной стране, где все знакомо, где «даже стены помогают», среди соблазнов плотской любви. В этом смысле Авраам не только отец нашей веры, но и прообраз христианского странничества. В ожидании нового вечного града он дал всем образ полного и безоговорочного вручения своей судьбы в руки Божии, образ истинного совершенного союза с Богом.

Итак, Авраам назван отцом всех верующих. Но его отцовство совершается не только в символическом, но и в реальном историческом плане, как об этом убедительно пишет Бернанд Андерсен в книге «Понимание Ветхого Завета»: «Призвав Авраама, Господь обещал ему дать в наследие землю, произвести от него великий народ и сделать его благословением для всех народов земли. Это тройственное обещание золотой нитью проходит сквозь вышивку ягвистского эпоса, от Авраама до завоевания Ханаана. С точки зрения Ягвиста история призвания Авраама начинается новый этап, а именно историю действия Господа Бога посредством Израиля, чтобы принести благословение всему человеческому роду. Начиная с рассказа о рае перспектива библейского автора постоянно сужается и, наконец, концентрируется на фигуре Авраама, которого Бог избрал для осуществления Своего плана в истории. Следуя непосредственно за рассказом о Вавилонской башне, который рисует мрачную картину

божественного суда над человечеством, история призвания Авраама подобна световой вспышке, озаряющей готовый погрузиться во мрак ландшафт. На контрасте с амбициозными строителями вавилонской башни, претендовавшими на то, чтобы «сделать себе имя», в истории Авраама Сам Господь обещает *сделать его имя великим*.

Таким образом, фигура праведного Авраама противопоставляется Вавилонскому смещению языков, как образу краха империи. С одной стороны – великая богопротивная империя, отпрыском которой была империя Ура, из которого вышел Авраам, с другой – сам Авраам, идущий по зову Бога в землю обетования. Здесь повторяется та же схема, что и в рассказе о Ное. Ной слушается Бога на фоне гибнущей, истлевающей в похотях цивилизации и, вопреки всем и очевидности, начинает строить ковчег. Спасшись от потопа вместе с семьей, он заключает завет с Богом и становится новым Адамом, отцом рода человеческого. Авраам уходит из осужденной империи вавилонской, чтобы заключить с Богом завет на новой земле: «И пошел Аврам по земле сей до места Сихема, до дубравы Море. В этой земле тогда жили Хананеи. И явился Господь Авраму и сказал ему: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал там Аврам жертвенник Господу, Который явился ему» (Быт 12:6-7).

Аврамова история также показывает, как периоды сомнения перемежаются с делами веры. И Господу приходится исправлять дела человека, которые он творит в минуты маловерия и малодушия. Об этом, в частности, рассказывает следующий эпизод с эмиграцией Авраама в Египет. В Ханаане начался голод, и Авраам, колебавшийся в доверии к Богу, Который обещал не оставлять его в беде, отправился в Египет и там продал свою жену в гарем фараона. Не вмешайся Господь, история спасения кончилась бы здесь, так и не начавшись. Останься Сара в гареме фараона, она, естественно, не могла бы дать Аврааму благословенного потомства. Но Господь вмешивается, поражая фараона особым наказанием, что вынуждает того сразу вернуть Аврааму его жену и, наградив отступными, выслать из страны.

Следующий эпизод говорит о том, как разошлись в разные стороны Авраам и его племянник Лот, предок извечных соседей и врагов

Израиля: моавитян и аммонитян. Лот избирает плодородную долину Иордана и город Содом, о котором говорится, что его жители «были злы и весьма грешны пред Господом» (Быт 13:13).

Авраам же остался в обетованной земле, несмотря на ее скудность, и здесь получил вторичное обещание от Бога: «И сказал Господь Аврааму после того, как Лот отделился от него: возведи очи твои, и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. И сделаю потомство твое, как песок земной; если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в длину и в широту ее: ибо Я тебе дам ее и потомству твоему навсегда. И двинул Аврам шатер, и пошел, и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне: и создал там жертвенник Господу» (Быт 13:14-18).

Три мировых религии: христианство, иудаизм и ислам считают Авраама своим праотцем. Так буквально исполнилось это древнейшее обетование-пророчество. Дальнейший эпизод вызволения Лота, попавшего в плен, иллюстрирует одну из главных тем Библии: Бог и слабому, если тот доверяется Ему, дает одержать победу над могущественным и многочисленным врагом. Эпизод рассказывает, как четыре северных царя отправились подавлять восстание коалиции своих восставших вассалов из Иорданской долины. Разбив восставших и их города, в том числе Содом и Гоморру, они взяли в плен и поселившегося возле Содома Лота. Узнав об этом, Авраам, взяв с собою 318 своих людей, спешит на выручку своему племяннику, разбивает войско царей и освобождает Лота. Смысл рассказа прост: малочисленная община верных Богу людей способна победить «великую империалистическую державу», каковой в их глазах была коалиция северных царей, взимавшая дань с покоренных городов и племен.

Церковь сделала этот библейский эпизод прообразом своей победы над неверующим миром. На вечерне праздника памяти свв. Отцов Первого Вселенского Собора читается в качестве паремии именно этот рассказ о победе Авраама над царями. По преданию, на Первом Вселенском Соборе собрались 318 епископов. Собор осудил арианскую ересь и принял Никейский Символ веры, утвердив свою веру

во Христа как Сына Божьего, Единого от Святыя Троицы, Бога Израилева. Впервые, после трех веков кровавых гонений, Церковь созвала собор, как знак своей победы. Император Константин, глава римской империи, которая еще вчера преследовала Церковь, обратившись в христианство, созывает вселенский церковный собор. Из гонимой и презираемой Церковь превращается в победительницу. У ее ног всемирная империя, и в качестве ветхозаветного прообраза своей победы она избирает именно эпизод победы Авраама на земле, дарованной ему Богом, как образ верности Бога Своему обещанию и вознаграждения за веру в Него и верность Ему. Этот отрывок из книги Бытия Церковь читает на всех поминовениях вселенских соборов.

По мере развития Авраамова эпоса все сильнее прорезаются контуры христианской символики. Не случайно Церковь, вслед за апостолом Павлом, видит в Аврааме отца верующих, прототип для христианина. Святые Отцы вообще считали богоявления Ветхого Завета богоявлениями Сына Божьего до Его воплощения. Так, в истории Авраама Церковь находит христологическую и тринитологическую тему: намек на Христа и на св. Троицу в самых древних пластах Ветхого Завета. Не случайно ведь сюжет для самого потрясающего образа Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублева взят из Авраамова эпоса. Церковь считает, что именно на Свою встречу с Авраамом еще до Своего воплощения намекает Иисус в Своей беседе с Иудеями, описанной в 8-й главе Евангелия от Иоанна: «Иудеи сказали Ему: [...] Авраам умер и пророки; а Ты говоришь: «“кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек”». Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты Себя делаешь? Иисус отвечал: [...] Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин 8:52-53; 56-58).

В одном из самых вероучительных документов Нового Завета, Послании апостола Павла к Евреям, особую роль играет образ Мельхиседека, который встречает Авраама, возвращающегося после

освобождения Лота. Отец Сергей Булгаков в ряде своих богословских трудов отмечает, что все в этом образе Мельхиседека загадочно. Мельхиседек является «священником Бога всевышнего» задолго до возникновения ветхозаветного священства Ааронова, даже до Авраама и установления завета Бога с Авраамом, что подразумевает некое таинственное священство у Бога, извечно существующее в мире и не ограничивающееся Израилем, точнее, существующее помимо него, независимо от него.

Так описывает этот эпизод книга Бытия: «Когда он возвращался после поражения... царей, ... царь Содомский вышел ему навстречу... И Мельхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его и сказал: Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои.

(Авраам) дал ему десятую часть из всего. И сказал царь Содомский Авраму: отдай мне людей (дословно, «[всю] душу живую» (ха-нефеш, נַפְשׁוֹ – М. А.-М.), а имение возьми себе. Но Аврам сказал царю Содомскому: поднимая руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама» (Быт 14:17-23).

Благословение Мельхиседека происходит перед ключевым событием в жизни Авраама, а также и в священной истории, перед заключением его завета с Богом. Христианский символизм этой встречи проглядывает в нескольких чертах. Во-первых, многозначительно само имя «Мельхиседек». В Библии все имена имеют значение, хотя этот смысл, их «нарицательность», теряется при переводах. Слово «Мельхиседек» (מֶלְכִּי־עֶדֶק) означает «царь праведности» или «праведный царь». «Мелех» – это царь, «цедек» – праведность. Далее указывается, что он есть «царь Салима», (שָׁלֵם) это название древнего Иерусалима, точнее, древнего города на его месте, задолго до Иерусалима. Но слово שָׁלֵם «салим», «шалем» означает «полноту», отсюда еврейское приветствие «шалом», означающее «мир и благоденствие», «полноту». Следовательно, и «царь Салима» может значить «царь совершенный».

Итак, с одной стороны, Авраама соблазняет царь Содомский, а Содом становится образом преисподней. И именно Содомский царь, соблазняя Авраама имением, требует, чтобы Авраам дал ему людей, в чем тот ему отказывает. С другой стороны, Авраама встречает «праведный царь», царь «полноты» и «мира», совершенный царь, который выносит ему «хлеб и вино». Выражение «Хлеб и вино» относительно редко встречается в Ветхом Завете, но в Новом означает Евхаристию, поскольку «Хлеб и вино» – основные элементы в литургическом приношении Церкви.

Существенно, что фигура Мельхиседека в Ветхом Завете упоминается еще только один раз, в мессианском контексте, то есть пророчествующем о пришествии Христа, в псалме: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня... [...] из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое⁶. Клялся Господь и не раскается: Ты священник во век по чину Мельхиседека» (Пс 109:1, 3-4). Господь приводит слова этого псалма в своем вопросе к фарисеям, что они думают о Христе, сын ли он только Давидов, и если только Давидов, как же сам царь Давид называет Его Господом. На этот вопрос Господа фарисеи не смогли ответить и после него перестали искушать самого Иисуса своими вопросами (см. Мф 22:41-46).

Образ Мелхиседека используется широко в послании апостола Павла к Евреям. Послание приписывает Мелхиседеку такие черты, которые не могут быть присущи историческому лицу. Он не имеет родословия, «без отца и матери», не имеет «ни начала дней, ни конца жизни». Священство его есть священство вечное. (Ср. Евр 7:3). Он царь, но «царство его не от мира сего», так как он царь «правды и мира». Отмечая все это, о. Сергей Булгаков также пишет, что «самая важная и таинственная черта в нем – это соединение царского и священнического достоинств, не только не свойственное, но прямо противоречащее установлению Ветхого Завета. Это соединение может быть истолковано только как прообраз вочеловечения Христа в качестве первосвященника и царя из колена Иудова. Образ Мелхиседека, носящий в повествовании кн. Бытия характер историче-

⁶ По переводу 70-ти: *из чрева прежде денницы Я родил Тебя.*

ского лица, хотя и наделенного некоторыми непонятными в своем значении чертами, в толковании послания к Евреям как бы тает и опрозрачивается и принимает черты Богоявления (подобно другим ветхозаветным Богоявлениям)».

Таким образом, в некотором смысле встречаясь с Сыном Божиим еще до Его воплощения, Авраам принимает Его благословение перед вступлением в Завет с Богом. Одновременно Авраам отказывается от искушения зла в лице царя Содомского, в чем Церковь видит прообраз оглашения, в котором кандидат перед самым крещением исповедует свою веру, отрекается от дьявола, плюя на него, и объявляет о своей решимости сочетаться Христу, облакаясь в Которого в крещении, он вступает в личный завет с Богом.

Заключение завета с Авраамом

Как говорилось выше, тема завета-союза стоит в исходной точке всего религиозного мышления древних евреев. Как указывается в «Словаре библейского богословия» под редакцией Ксавье Леон-Дюфура⁷, это понятие завета, договора с Богом развивается вслед за существовавшими на Ближнем Востоке договорами о вассальности, в которых одна сторона обещала другой послушание, а та первой – протекцию. Прежде чем обозначать отношение людей с Богом, понятие «союз» (ב[ע]רית בְּרִית) принадлежало к области социального и юридического опыта. Люди связываются между собою посредством договоров и контрактов, которые дают договаривающимся права и возлагают на них обязанности – чаще всего взаимные. Заключение договора происходит по обряду, освященному обычаем. Стороны связывают себя клятвой. Рассекают надвое животных и проходят между рассеченными частями, произнося проклятия на возможных нарушителей. Наконец, в память об этом договоре сажают дерево или ставят камень в качестве свидетеля совершенного обряда заключения договора. Таков был опыт и контекст политической жизни, ис-

⁷ Издательство «Жизнь с Богом», Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974.

ходя из понятий которого древний Израиль представлял себе свои отношения с Богом.

В книге Бытия завет с Авраамом – это третья ступень в истории спасения, после заветов с Адамом и Ноем. Каждый завет оставляет новый ритуал. Так, завет с Адамом (человеком), ради которого Бог творит мир, венчается субботой, выходным днем, днем отдыха и молитвы (ср. Быт 2:1-3). Второй завет – это утверждение жизни, дарованной Богом. В нем Господь заповедует не проливать кровь себе подобных и обещает хранить человечество от истребления, ставя в знак завета радуго – знамение союза между небом и землей. Заключая завет с Ноем, Бог впервые (имеется в виду, конечно, библейская философия, а не то, что реально современники Ноя ели в других местах планеты) дает в пищу человеку мясо животных, но запрещает употреблять кровь, потому что в крови, которая считалась жизненной силой живых существ, по поверью древних, пребывала душа животных (см. Быт 9:1-7).

Но вот Бог заключает третий завет, с Авраамом, и здесь книга Бытия рассказывает о нескольких подготовительных стадиях заключения завета. К этому завету Авраама готовит предыдущая история: призвание покинуть родину и идти в обещанную землю, разлука с племянником Лотом, наконец, кампания по его освобождению из плена и встреча с Мелхиседеком, священником Бога Всевышнего, который благословляет Авраама непосредственно в преддверии заключения завета с Богом, так описываемого в книге Бытия:

«После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении, и сказано: не бойся Аврам; Я твой щит; награда твоя весьма велика.

...Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение. Он сказал: Владыка Господи! по чему мне знать, что я буду владеть ею. Господь сказал ему: возьми Мне трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу, трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя. Он взял всех их, рассек их пополам, и положил одну часть против другой...

Когда зашло солнце, и наступила тьма: вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными. В этот день

заключил Господь завет с Авраамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию...» (Быт 15:1; 7-10; 17-18).

Часто спрашивают, почему Бог потребовал жертвоприношений для заключения завета? Истоки жертвоприношений теряются во мраке истории. Но они универсальны и встречаются во всех языческих религиях. Древний иудаизм не изобрел их, он использовал уже существовавшие формы религиозного поклонения в отношениях со своим Богом. Этот Бог медленно воспитывал свой народ, ведя его по пути духовной зрелости. В VIII веке до н.э. устами пророка Осии Бог скажет Израилу: «Милости хочу, а не жертвы». В Новом Завете, в Послании к Евреям апостол Павел укажет, что Иисус Христос, войдя со Своею собственною кровью в небесное святилище, навсегда упразднил жертвоприношения. Отныне Христианская Церковь совершает воспоминание Тайной Вечери как бескровную жертву хлеба и вина, Евхаристии. Так писал об этой подготовке Израиля Владимир Соловьев в своем труде «История и будущность теократии»: «Как для совершеннейшего изваяния сначала необходимо требуется камень (или иное соответствующее вещество), из которого сперва выделяются общие и грубые очертания, а затем уже постепенным очищением вырабатывается стройность и красота идеального образа, составляющего цель всего дела, подобно этому из Авраама, как из первобытного камня, должна быть извлечена сначала грубая и неотесанная масса плотского Израиля, чтобы из нее путем медленного и сложного очищения выработать святую плоть и кровь нашего Спасителя».

Собственно само заключение завета происходит уже после рождения Измаила – сына Авраамова маловерия. Бог снова обращается к Авраму, дает ему новое имя, обещает дать сына по благодати и требует обрезания как знака завета.

«...Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен... Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов. И не будешь ты больше называться Авраамом; но будет тебе имя: Авраам, ибо **Я** (выделено мною. – М. А.-М.) сделаю тебя отцом множества народов ... ты же соблюди завет Мой,

ты и потомки твои после тебя в роды их. Сей есть завет Мой: [...] да будет у вас обрезан весь мужеский пол. Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамение завета между Мною и вами» (Быт 17:1, 4-5, 9-11).

Прежде всего, что значит изменение самого имени. «Аврам» и так значил «отец множества» אַבְרָם, но включение в него буквы «гхе» / ה (אַבְרָהָם), как сокращения от имени самого Бога (Ягве), служит символом реального «буквенного» присутствия в этом имени и отцовстве многим – самого Бога. Может быть, поэтому в 4-м стихе личное местоимение от имени Бога «Я» – стоит два раза. В этом предложении подчеркнуто «Я», то есть новое в новом имени то, что отцом множества Авраама делает **Сам Бог**⁸.

Может возникнуть также вопрос, почему Бог избрал такую странную форму завета. Прежде всего, обряд обрезания представляет собою жертву: завет вырезается на самой плоти. Не случайно Фрейд, в своем несколько воспаленном воображении, писал, что у евреев обрезание было ритуальной заменой кастрации, которая в некоем роде означает принесение в жертву себя в лице потомства. Однако в завете жертва от плоти, наоборот, превращается в средство охранения рода. Медицински доказанный факт, что в условиях жаркого климата и при отсутствии развитой медицины обрезание предохраняет от целого ряда губительных половых заболеваний. Так Господь жертву превращает в способ сохранения жизни. Ведь и крещение, которое для христиан заменило обрезание, есть духовная смерть, принесение себя в жертву, чтобы воскреснуть уже во Христе: «Неужели не знаете, – напишет апостол Павел в Послании Римлянам – что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» (Рим 6:3-11). Этот отрывок читается в богослужении таинства Крещения. Как обрезание было знаком принесения себя в жертву Богу для сохранения жизни, так и в крещении мы умираем для себя, чтобы воскреснуть для жизни вечной во Христе Иисусе.

⁸ Примечание Ольги Меерсон.

Жертвоприношение Исаака

В заключение обзора Авраамова эпоса разберем историю жертвоприношения Исаака, которая вызывает наибольшее недоумение у современного человека и в прошлом породила богатство толкований в христианских традициях. Обещание Бога исполнилось. Сарра, жена Авраама, в старости своей родила ему сына, наследника Божиих обетований. Но вот Аврааму выпадает новое, кажется, непосильное, испытание, о котором так говорит книга Бытия в 22-й главе:

«И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама, и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мория, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом; а я и сын пойдем туда и поклонимся и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока, и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. И возвел Авраам очи свои, и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна, и принес его во всесожжение вместо Исаака, сына

своего. И нарек Авраам имя месту тому: Господь усмотрит. Посему и ныне говорится: на горе Ягве усмотрится.

И вторично воззвал к Аврааму ангел Господень с неба и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня: то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря [...] и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего. И возвратился Авраам к отрокам своим, и встали, и пошли вместе в Вирсавию, и жил Авраам в Вирсавии (*Бершеве. – М. А.-М.*)» (Быт 22:1-19).

С точки зрения современных научных комментариев, происхождение этой истории может объяснять мотив замены человеческих жертвоприношений, который беспокоил Израиль в ходе его истории, как свидетельствует 4-я книга Царств, а также ссылки на это у пророков Иеремии и Иезекииля. Однако религиозные мыслители находили в этой истории и великий духовный смысл. Так, например, религиозный мыслитель 19-го века, датчанин Сёрен Киркегор, считающийся родоначальником экзистенциализма, посвятил этому эпизоду философскую медитацию, книгу под названием «Страх и трепет». В ней он так размышляет над верой Авраама:

«С верою вышел Авраам из земли отцов своих и стал пришельцем в Земле обетованной. Позади себя он оставил свой земной разум, а взял с собой веру – иначе он, верно, и не двинулся бы в путь, счел бы это неразумным. С верою принял Авраам обетование, что в его чресле будут благословенны все народы земные. Не сохрани Авраам своей веры, Сарра, верно, умерла бы с горя, и Авраам, сам оступев от отчаяния, не понял бы, что пришло время, но смеялся бы над возможностью этого, как над мечтой юности. Но Авраам верил, поэтому он оставался молодым. Ибо и тот, кто всегда надеется на лучшее, стареет, обманываемый жизнью, и тот, кто всегда готов к худшему, стареет рано, но тот, кто верит, сохраняет вечную юность. И была радость в доме Авраама, когда Сарра стала новобрачной в день золотой свадьбы своей».

Но на этом испытания не кончились, ибо когда уже был дан Аврааму сын обещанный, Исаак, Господь потребовал от него непосиль-

ной, непомерной жертвы, – того самого сына, который стал не только утешением его старости, но и оправданием всей его долгой скитальческой жизни, носителем всех божественных обещаний. Господь потребовал того, кто составлял смысл всей жизни Авраама. При этом вера Авраама, как подчеркивает Киркегор, относилась не к существованию загробному, но к этой земной жизни; он верил, что состарится на этой земле, будет чтим народом, благословен в своем потомстве, забываем в Исааке, который был ему дороже всего в жизни.

«Если бы Авраам усомнился, – продолжает датский философ, – если бы растерянно стал озираться вокруг, и случайно увидев овна, раньше, чем обнажив нож, принес его в жертву, его возвращение домой было бы бегством, его спасение – случайностью, и наградой ему был бы позор. Он не засвидетельствовал бы тогда ни своей веры, ни благодати Божией, он засвидетельствовал бы только, как ужасно восхождение на гору Мориа».

Но Авраам не усомнился в благодати Божией, в том, что Бог может и из мертвых вернуть ему сына, и потому стал победителем, отцом веры для всех, вторым отцом рода человеческого. Для Киркегора не было на свете человека, подобного по величию Аврааму. Но он видит в нем прежде всего подвиг веры, выходящей на битву с очевидностями разума. Толкование Киркегора – это великий гимн вере. Но если для протестантского толкования вся эта история есть приглашение вступить в единоличную область веры, где человек один на один встречается с иррациональной волей непостижимого Бога, то для православия эта история есть последняя, третья по счету, встреча Авраама с христианским Богом, готовящимся послать *Своего* Сына для спасения мира. В лице Мельхиседека Аврааму было дано провидеть Сына Божьего, Царя мира и вечного Священника. В Трех Божественных Странниках была явлена ему тайна Бога-Троицы. В жертвоприношении же Исаака дано было ему предчувствовать тайну Голгофы.

Православие понимает это жертвоприношение как печать равенства в верности человека и Бога. Авраам доказал, что ради Бога он готов пожертвовать жизнью своего сына, которая ему была бесконечно дороже своей собственной. Бог не принял жизни Исаака, но

покаялся Самим Собою. Не приняв сына Авраама, Бог отдал *Своего* Сына, и на эту историю в книге Бытия отвечают слова Евангелия от Иоанна: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16).

Книга Бытия как бы пророчески прозревает Четвертое Евангелие, и клятва Бога Аврааму из Авраамова эпоса переходит в благовествование Иоанна: «Мною клянусь, говорит Господь, что как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня, так и Я не пожалею Сына Своего, Единородного, для тебя и для спасения мира». Исаак в послушании своем, неся на плечах дрова к собственному жертвоприношению, стал для Церкви прообразом Христа, Который Сам нёс крест Свой на Голгофу. Поэтому Православная Церковь читает паремию о жертвоприношении Исаака на вечерне Великой Субботы, в преддверии Воскресения.

У Марка Шагала есть картина «Жертвоприношение Авраама», на которой изображен Авраам, заносающий нож над мальчиком, лежащим на вязанке дров. От этого жертвенника течет, как кажется, поток крови прямо к Распятию в глубине картины. Однако присмотревшись, мы видим, что поток течет именно от Распятия, на котором распят Христос, доходя, расширяясь при этом, до жертвенника, на котором возложен Исаак. Ведь кровь самого Исаака, как мы знаем, не пролилась на том его жертвеннике. Великий еврейский художник двадцатого века правильно донес до зрителя именно православную символику жертвоприношения Авраама.

Смысл этой символики тот, что, заключая завет вечный с человеком, Бог ищет равного Себе и находит такового в Аврааме. Это равенство в дружбе и готовности отдать другому самое свое родное. Эпизодом с жертвоприношением Исаака Господь, как Бог-Отец, говорит Аврааму, как можно сказать только близкому другу: «Теперь-то ты понимаешь, каково *Мне?!*» В этом эпизоде сам человек ставит печать своей верности на завете, который заключил с ним Господь.

Благословение, данное Иакову

Жертвоприношение Исаака – это апогей биографии Авраама, после которого Авраамов эпос идет к концу. Умирает Сарра и Авраам покупает для ее погребения пещеру Махпелу с полем у местного жителя Ефрона Хеттеянина. Библия описывает любопытную сцену торговли. Ефрон предлагает Аврааму взять пещеру бесплатно, но Авраам настаивает на покупке и платит за нее и за кусок земли баснословную сумму. История и археология объясняют подоплеку сделки. Согласно хеттским законам, получивший собственность в дар должен нести феодальные услуги подарившему. Однако хетты называют Авраама «князем Божиим» (Быт 23:6), признавая тем самым его особый духовный аристократизм. Авраам не может быть ничьим вассалом, он уже заключил договор-завет с Богом, он – вассал Божий. Потому он предпочитает расплатиться наличными, получив землю в независимую собственность. Так обетование Божие исполняется: Авраам получает удел в земле ханаанской, пусть хотя бы для того, чтобы похоронить на этой земле подругу всей своей жизни и вскоре лечь в нее самому. Далее книга Бытия рассказывает о женитьбе Исаака, смерти Авраама и его погребении и рождении у Исаака двух близнецов: Исава и Иакова. Само повествование об Исааке, втором патриархе, коротко. Вера и экзистенция Исаака страдательны: он весь в послушании отцу, и за то, силою отцовской веры и его собственного полного послушания, все в жизни дается ему само собой. Так говорит 25-я глава книги Бытия о рождении детей Исаака, которые также были плодом его веры:

«И молился Исаак Господу о (Ревекке) жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его. Сыновья в утробе ее стали биться, и она сказала: если так будет, то для чего мне это? И пошла спросить Господа. Господь сказал ей:

Два племени во чреве твоём,
И два различных народа произойдут из утробы твоей;
один народ сделается сильнее другого,
и больший будет служить меньшему.

И настало время родить ей: и вот близнецы в утробе ее. Первый вышел красный, весь как кожа, косматый; и нарекли ему имя: Исав. Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя: Иаков...» (Быт 25:21-26).

В Библии этимологии несут исторический и богословский смысл. Так, «Иаков» означает «запинатель», от корня «акев», что значит «пятка», «запинать». Но в корне есть и второй, архаичный смысл: в верхнемесопотамском языке этот корень мог означать «Да сохранит Господь». Обе характеристики, заложенные в корне, применимы к Иакову. Иаков – человек выбора, осуществляющий все своими человеческими силами, но с помощью Божией. Само собой ему ничего не дается: он все должен получать хитростью и упорством в борьбе с сильнейшими родственниками: братом Исавом и дядюшкой Лаваном.

Расскажем о его наполненной событиями бурной жизни. Однажды Исав, любивший подолгу пропадать на охоте, вернулся домой усталый и голодный и нашел своего младшего брата, Иакова, варящим чечевичную похлебку. Исав просит брата дать ему поесть, но тот требует, чтобы Исав заплатил ему за похлебку, уступив ему право первородства. Исаву это право ни к чему, он охотно отдает его Иакову и вволю наедается похлебкой. Все забывают об этом эпизоде, но вот Исаак, отец их, приближается к смерти, и его жена, Ревекка, любившая больше своего младшего сына, придумывает хитрость, чтобы передать Иакову отцовское благословение, принадлежащее по праву старшему сыну. Исав отсылается на охоту, чтобы достать дичи для старика-отца. Тем временем Ревекка готовит кушанье из козленка, переодевает Иакова в одежду Исава, и тот от его имени потчует слепого старика-отца, а затем просит его благословения. Надо сказать, что отцовское благословение в Библии обладает своей собственной непреложной силой. Раз данное, оно не может быть взято обратно. Через некоторое время возвращается Исав с дичью, приносит ее Исааку, тот удивлен, понимает, что младший сын его обманул, но благословение уже дано и взять обратно его невозможно. Исав, забывший, что когда-то он сам продал брату первородство, в ярости собирается мстить. Спасая младшего сына от гнева старшего, Ревекка отсылает его в Харран, к своему брату Лавану. Туда, обратно в

Месопотамию, из которой прибыли его дед и мать, и бежит Иаков. По дороге туда ему является Господь в видении, которое так описывается в 28-й главе книги Бытия. Этот отрывок читается на вечернем богослужении Богородичных праздников: «Иаков [...] пошел в Харран, и пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое как песок земной; и распространишься к морю, и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем, а я не знал! И убоился, и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные» (Быт 28:10-17).

Таким образом, благословение отца Исаака оказывается как бы рукоположением, делающим Иакова наследником Божиих обетования. Это не дает ему, впрочем, никаких материальных преимуществ. Наоборот, Иаков, как бы в силу самого этого благословения, полученного обманом, становится странником и пришельцем на той земле обетованной, где он родился. Вначале он убегает от гнева Исава, оставшегося на этой земле и умножившегося, затем, уже в старости, Иаков уходит со всеми своими детьми из этой земли в Египет, спасаясь от голода. В Египте, на чужбине он и умирает, прося лишь тело его похоронить на обетованной земле, все в той же купленной Авраамом пещере, как рассказывает о его смерти предпоследняя глава книги Бытия:

«И заповедал он им (*Иаков сыновьям. – М. А.-М.*) и сказал им: я прилагаюсь к народу моему; похороните меня с отцами моими в пещере, которая на поле Ефрона Хетттеянина, в пещере, которая на поле Махпела, что пред Мамре, в земле Ханаанской, которую купил

Авраам с полем у Ефрона Хеттеянина в собственность для погребения. Там похоронили Авраама и Сарру, жену его; там похоронили Исаака и Ревекку, жену его; и там похоронил я Лию» (Быт 49:29-31).

Хотя Иаков представляется хитрецом, его хитрость обращена не к земному могуществу, а к Божьему обетованию будущего. Убегая от врагов, хитря с людьми, борясь с Богом, сам Иаков ничего не приобретает в земле, ему обещанной. Его уделом в этой земле остается все та же гробница, которую купил его дед Авраам. Обетования Божии по-прежнему обращены в будущее, для которого сама жизнь Иакова превращается в символ.

Иаковлев эпос

В жизнеописании Иакова, отца двенадцати патриархов, родоначальников двенадцати племен Израиля, прообразовательно рисуется судьба всего народа.

После видения в Вефиле, когда Господь, назвавший себя Богом его деда и отца, Авраама и Исаака, распространил свое обещание и на Иакова, события его жизни шли следующим образом. Благополучно добравшись до Харрана к своему дяде Лавану, Иаков полюбил его младшую дочь – Рахиль и согласился быть в услужении у Лавана семь лет с условием, что тот по окончании срока выдаст её за него замуж. Однако по прошествии семи лет Лаван обманывает Иакова – во время свадебного пира подменяет невесту и выдает за Иакова старшую дочь, некрасивую и подслеповатую Лию. Иаков негодует, и Лаван, снова пообещав выдать за него младшую Рахиль, требует еще семь лет служения. Иаков женится на обеих дочерях Лавана и остается работать на него. Последующая история рассказывает о рождении сыновей Иакова, о его намерении вернуться домой, в Ханаан, о его побеге с женами и детьми от Лавана, погоне за ним Лавана и спасении Иакова от руки тестя через вмешательство Божие. Здесь Лаван предстает как предтеча Египетского фараона, как властелин и эксплуататор, который не желает отпускать Иакова, но и отпустив, пускается за ним в погоню. Но Бог вступает за Иакова. Несмотря

на свое избранничество, Иаков – пришелец, бесправный и беззащитный. Только что вырвавшись из лаванова плена, он с трепетом готовится к встрече с братом Исавом, которого он некогда обманул и который ныне является господином на ханаанской земле. Узнав о возвращении Иакова, Исав направляется к нему навстречу с отрядом из четырехсот человек. Иаков, один в окружении своих жен и малолетних детей, посылает навстречу Исаву гонцов с подарками в надежде умиловить брата. Трепеща от страха, он обращается к Богу с молитвой, прося заступничества. Ответ на эту молитву, на первый взгляд, странен. Это ночная встреча с Богом и *борьба* с Ним, о которой так рассказывает книга Бытия:

«И встал в ту ночь, и, взяв двух жен своих, [...] перешел через Иавок вброд. И, взяв их, перевел через поток, и перевел все, что у него было. И остался Иаков один. И боролся Некто (*человек*, אָדָם – М. А.-М.) с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал (ему): отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? (оно чудно.) И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя. [...] Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что *Боровшийся* коснулся жилы на составе бедра Иакова» (Быт 32:22-32).

Мы уже знаем, что в Библии перемена имени означает божественное избрание и посвящение на миссию. Имя «Иаков» (יַעֲקֹב), идущее от корня, означавшего «пяту» и «запинать», то есть «ставить подножку», значило «хитрец, шельмец». Так и брат его Исав, узнав, что Иаков взял обманом отеческое благословение, которое предназначалось ему, Исаву, возмущенно говорит: «Не потому ли дано ему имя Иаков, что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот теперь благословение мое» (Быт 27:36). Но вот Иаков борется с Богом и получает имя «Израиль», буквально означающее «борющийся»

ся с Богом», «богоборец», включающее в себя оба значения: «Тот, кто борется против Бога», и «тот, кто борется, имея Бога на своей стороне». «Хитрец и обманщик» превращается в «богоборца».

Основа этой истории – древний фольклор, объясняющий перемену имени и выражающий в образной форме глубину народного самосознания. Библейские критики считают, что этот отрывок весьма древнего происхождения. Для языческих религий борьба человека с богом – частый сюжет. Но у автора библейского рассказа этот древний фольклорный отрывок приобретает новое богословское значение. Имя становится символическим, ибо по всей Библии, и особенно через все писания пророков, проходит самосознание Израиля, как народа, имеющего Бога на своей стороне, но и одновременно Ему сопротивляющегося, изменяющего Богу, отрекающегося от Завета с Ним.

Борьба Иакова происходит ночью. Мистическая встреча не может иметь свидетелей. В христианской традиции ночная встреча Иакова с Богом стала прообразом апофатического богословия, приближающегося к познанию Бога в ночи мистической невыразимости.

Вслед за этой встречей и благословением Божиим Иаков встречает Исава: теперь между ними восстанавливается мир. Иаков вступает в Ханаанскую землю, которую Бог обещал дать ему и его потомству в наследие, и покупает часть поля возле Сихема. В этом залог свершения обетования. Таков в нескольких словах жизненный путь Иакова, отца двенадцати колен Израилевых. Можно спросить, насколько этот литературный портрет отвечает исторической действительности. Как указывает выдающийся библеист и археолог 20-го века Вильям Олбрайт в книге «Библейский период», еврейская национальная традиция отличалась от всех остальных четкостью картины племенных и семейных истоков. Тщетно искать чего-либо подобного в Египте и в Вавилоне, в Ассирии и Финикии, в Греции и в Риме. Не произвели ничего похожего ни Китай, ни Индия. Их древнейшие исторические воспоминания являются литературными отложениями династической традиции, в которой не найти следов крестьянина или пастуха за фигурой полубога или царя, с которого начинается история. Ни в древнейших индийских исторических писаниях (пуранах), ни у древнейших греческих историков нет и намек на то, что индо-арьи

и эллины были когда-то кочевниками, пришедшими на свои земли с севера. По контрасту с другими древними народами израильтяне сохранили необычно четкую картину своего весьма непритязательного происхождения, своих скитаний, чрезмерных превратностей судьбы. Правда, и сегодня ряд библеистов считает саги о патриархах в книге Бытия позднейшими искусственными сочинениями книжников эпохи разделенной монархии. Однако археологические раскопки нашего времени дают достаточное количество свидетельств, подтверждающих историчность патриаршей традиции. Согласно Библии, Фарра, отец Авраама, эмигрировал из Ура в Харран. Британские раскопки в Уре, проводившиеся с 1924-го по 1939 годы, показали, что расцвет Ура приходился на 20-й и 19-й века до Р.Х. Затем город был разрушен набегом эламитов. В 18-м столетии Ур был частично восстановлен, но уже в 17-м веке он был окончательно разгромлен и надолго исчез из истории. Кроме того, в 20-м и 19-м столетиях до нашей эры, – веках, когда на сцену вышли еврейские патриархи, – аморитские вожди замещают урожденных аккадских князей по всей Месопотамии, от Ирана до Средиземного моря. А среди аморитских имен в эти века мы находим имена, характерные для библейской традиции, такие как Аврам, Иаков, Лаван, Зевулон, Вениамин.

Таким образом, рассказы о патриархах действительно восходят к этой древней эпохе, а не являются позднейшими литературными сочинениями, для которых такие точные описания исчезнувших в Лету времен в эпоху, не знавшую ни археологии, ни источниковедения, были бы невозможны.

Итак, Библия снова поражает нас своей глубиной и исторически-ми прозрениями. В портретах патриархов книга Бытия пророчески дает истоки религиозного самосознания древнего Израиля.

Иосиф в Египте

Цикл историй, посвященных Иакову, естественно переходит в повествование об Иосифе, его любимом сыне, проданном в рабство собственными братьями, в историю, объясняющую, как евреи попа-

ли в Египет. Исследователи отмечают, что рассказы об Иосифе отличаются по стилю и содержанию от рассказов о других патриархах. По жанру Иосифов эпос похож на книги премудрости. Сам Иосиф ведет себя как мудрец этих книг: он праведен, честен, смиренно вручает свою судьбу в руки Божии. Господь, ведя его путем унижений и страданий, возносит его на вершину власти и делает его спасителем его собственных обидчиков. Правда Бог не обращается к Иосифу непосредственно, как Он обращался к его праотцам. Но Он дает Иосифу премудрость, помогающую ему толковать как сновидения, так и события своей и чужой жизни как знаки Божии. При том, что рассказы об Иосифе в некоторых чертах представляются фантастическими и очень схожи с египетской литературой той эпохи, многие исследователи не сомневаются в их подлинности. Наоборот, сама перемена жанра подтверждает историчность повествования. Как говорит Бернанд Андерсен в своей книге «Понимание Ветхого Завета», история Иосифа столь верно отражает обычаи, законы и язык египетского общества II тысячелетия до н.э., что знакомство автора с условиями жизни в Дельте этого периода не вызывает сомнений. В своей окончательной редакции история Иосифа включила в себя разные народные мотивы. Вероятно, рассказ о том, как жена Потифара пыталась соблазнить Иосифа, возник под влиянием египетской новеллы той эпохи, «Истории двух братьев», в которой появляется тот же мотив. Однако библейский автор в искусно построенном повествовании проводит свою тему: потаенного осуществления Божьего замысла через превратности человеческой судьбы. Вера в это великолепно выражена самим Иосифом в словах, сказанных братьям: «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей» (Быт 50:20). Эти слова могут служить эпиграфом к церковному толкованию жизни Иосифа. Отцы Церкви называли Иосифа прообразом Христа, так как он явил образ невинного страдания, оказавшегося, в конце концов, спасительным и для тех, кто это страдание причинил. Это понимание нашло поэтическое выражение во многих православных литургических текстах.

История Иосифа вкратце такова. Последние главы жизни Иакова после переселения его в Сихем рисуют жестокость и мстительность его сыновей. Таков эпизод мести сынов Израиля местным жителям за обесчещенную сестру Дину (Быт 34), эпизод, который служит как бы введением к повествованию об Иосифе. Иаков отмечает Иосифа, сына своей любимой жены Рахили, особой любовью, дарит ему подарки. Иосиф, сознавая свою привилегированность, ведет себя вызывающе по отношению к братьям. Он рассказывает им свои сны, в которых он предстает господином, а они – слугами. Братья начинают его ненавидеть и, выбрав момент, хотят убить, но в последнюю минуту продают его купцам, идущим в Египет. В Египте его покупает важный чиновник – Потифар, который, обнаружив ум и честность Иосифа, делает его своим управляющим. Увлеченная красотой Иосифа жена Потифара пытается его соблазнить, но сталкивается с его праведностью. Верный тому доверию, которое ему оказывает Потифар, Иосиф пристыжает госпожу. Та в ярости клеветает на него, и Иосиф попадает в тюрьму, где он оказывается заключенным с двумя приближенными фараона, попавшими в немилость. Обоим снятся странные сны, которые Иосиф им истолковывает. Оба сна сбываются. Через какое-то время фараон, которого мучат непонятные сновидения, узнает от своего придворного, которого он простил и вернул из тюрьмы, о чудесных способностях заключенного чужеземца. Иосифа освобождают и доставляют ко двору, и он истолковывает фараону его сновидение. Кроме того, Иосиф указывает, что сновидение служит Божиим знамением, чтобы фараон назначил себе мудрого министра. Пораженный фараон делает таковым министром самого Иосифа, который становится фактическим правителем Египта.

Насколько такую историю можно считать правдоподобной для Египта той эпохи, когда в нем господствовали гиксы, то есть сирийские завоеватели из Азии, сами семиты по происхождению, говорит в своей книге «Магизм и Единобожие» о. Александр Мень:

«Мы плохо осведомлены о том, что происходило в те десятилетия, когда гиксы были хозяевами Дельты. Известно, что завоеватели переняли египетские обычаи, письменность, искусство. Гиксский двор был обставлен согласно всем правилам египетского этикета.

По численности гиксы уступали египтянам; основную их массу составляли военная аристократия и боевые дружины. Их вторжение не означало заселения Египта семитическими племенами. Однако, вполне вероятно, что в эти годы усилился приток азиатов в Египет из Сирии и Синайской пустыни. В стране фараонов издавна существовало обыкновение селить на границах «мирных варваров», терпевших бедствие на своей родине. Для гиксских царей такие переселения были особенно желательны, так как они предпочитали опираться на своих соплеменников из Азии. То, что одного из гиксских правителей звали Иаковом – есть лишнее доказательство близости между ними и израильянами. Израильянам была предоставлена для жительства область Гошен или Гесем на востоке Дельты, которая славилась своими обширными лугами: там обычно пасли стада, принадлежавшие дворцовому хозяйству. Такая милость по отношению к чужеземцам имела, согласно Библии, и некоторые причины. В эти годы первым министром фараона был израильянин по имени Иосиф. Эта головокружительная карьера чужеземца была характерна для эпохи господства азиатской династии. Семитические фараоны доверяли только таким лицам, как Иосиф. Когда засуха и голод привели израильян к границам Египта, Иосиф примирился с собратьями и сделал все, чтобы они могли поселиться на пастбищах фараона. Переход границы в Египте был обставлен многочисленными формальностями, напоминающими современные, т.к. власти боялись лазутчиков. Пограничные крепости были полны чиновниками, которые вели строгий учет прибывших, проверяли разрешения на вселение, регистрировали подарки эмигрантов, вносимые как плата за гостеприимство».

Итак, по мнению о. Александра, при всей головокружительности, карьера Иосифа была возможна в Египте при семитской династии гиксов. В Египте большое значение придавали снам и существовала целая наука: толкование снов. Заключение царедворцы опечалены, что не имеют доступа к специалисту по толкованию снов. То, что Иосиф делает на этом карьере, не удивительно. Наконец, Египет знал длительные периоды неурожая-голода и был известен среди соседних народов своей продовольственной помощью в эти периоды, которую он мог оказывать в силу государственной централизации.

Именно такую картину рисует дальнейший рассказ о братьях Иосифа. Его предсказание сбывается. В Египте и Палестине наступает голод. Сыновья Иакова оправляются в Египет, где Иосиф организовал распродажу хлеба из государственных запасов. Он узнает своих братьев, тогда как они, естественно, не могут узнать в могущественном министре своего брата, много лет назад проданного юным в рабство. После ряда драматических событий Иосиф открывается ошеломленным братьям и приглашает их всех вместе с отцом Иаковом и всем их уже многочисленным кланом переселиться в Египет. Престарелый Иаков не помнит себя от счастья, узнав, что его пропавший сын жив. Израильтяне переселяются в Египет и остаются в нем жить на несколько веков. Таким образом, история Иосифа служит прологом к собственно истории народа Израилева, которая начинается с Исхода из Египта.

Наследие патриархов

В заключение еще раз бросим взгляд на богословское содержание историй о патриархах. Кроме того, что они рисуют образцы предстования человека перед Богом, они дают прообразы позднейшего христианского откровения Бога-Троицы.

Первый патриарх Авраам, праотец, сам являет образ совершенного отцовства, которым он отражает отцовство Бога-Отца. Авраам — человек спокойной, полной веры, исключительной цельности. Он следует воле Божией неуклонно, и ему все дается само собой. И Бог открывается ему. В лице Мельхиседека как бы Сам Сын Божий до Своего воплощения встречает его и благословляет. В явлении трех ангелов Бог приоткрывает перед ним Свою триединую природу. Эта полнота явления в ту меру, которую позволяло ветхозаветное откровение, выражается в словах Божиих так: «И сказал Господь: утаю ли от Авраама (раба Моего), что хочу делать! От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли. Ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним, творя

правду и суд; и исполнит Господь над Авраамом все, что сказал о нем» (Быт 18:17-19).

Если Авраам являет человеческое отражение божественного отцовства, то его сын Исаак становится прообразом Христа и являет образ божественного, жертвенного сыновства. Вера и жизнь Исаака страдательны: он сам следует к месту принесения его в жертву в послушании отцу. Он не ропщет. И возвращенный к жизни Богом, он остается в послушании у отца, который выбирает ему жену и устраивает его жизнь. Содержание жизни Исаака сокрыто в послушании отцовской воле и прообразом жизни Христа. Ведь она в том, чтобы исполнять волю Его небесного Отца, о чем Он прямо и говорит апостолам в Евангелии от Иоанна: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин 4:34).

Потому Отцы Церкви видели в Исааке совершенный прообраз Христа и человеческий образ совершенного сыновства, подобно тому, как Логос, Вторая Ипостась, есть совершенный Сын, предвечно рождающийся от Отца.

Совсем иной характер у третьего патриарха – Иакова. Он – человек выбора, осуществляющий всё своими силами, хотя и с помощью Божией. Все то, что Авраам получил своей спокойной верой в Бога, а Исаак получил в наследие от Авраама, Иаков должен добыть собственными руками. Сын обетования, избранник Божий, он оказывается как бы лишенным наследства и завоевывает его сам, слишком человеческими, подчас бесчестными методами. Будучи младшим из близнецов, он борется за старшинство от утробы матери, потому и получает имя «Иаков», что значит «Запинатель», «Хитрец». Хитростью он получает благословение от отца, предназначенное для старшего брата. Хитростью приобретает себе состояние, хитростью же он освобождается из рук своего тестя и дяди Лавана, не желающего его отпускать на свободу и в своей эксплуатации служащего прообразом египетского фараона, который будет эксплуатировать рабский труд Израиля. Но и после побега от Лавана Иакову для возвращения домой, в землю Ханаанскую, в которой он родился и которая ему обещана Богом, приходится употреблять дипломатию. Перед самым возвращением и встречей с братом Исавом, у Иакова происходит

таинственная, мистическая встреча с Богом и борьба с Ним, в результате которой он получает имя «Израиль», «богоборец», борющийся с Богом, но с целью удержать Его при себе, вырвать у Него для себя благословение. Эта встреча и борьба служит искуплением за обман брата, перед примирением с ним. Иаков – боговидец. Уже в первую ночь, после побега из дома, ему является Бог в Вефиле и обещает Свое заступничество. После примирения с братом, много лет спустя, Иаков-Израиль снова в Вефиле, и Бог снова является ему здесь в третий раз и повторяет данное ранее благословение с тем уточнением, что от Израиля произойдет народ и Церковь народов. «Церковь народов» – более точный перевод еврейского «кехал гоим» («гойский кагал»: מִיַּיִם לְהֶקֶל), чем синодальный перевод «множество народов».

Здесь же укажем, что в книге Бытия постепенно выкристаллизовывается пророчество о Мессии-Христе. Так говорит комментарий в издании Брюссельской Библии: «На протяжении книги Бытия мессианское обетование постепенно уточняется: Мессия произойдет из рода Сифа, из Ветви Сима, из потомства Авраама, Исаака и Иакова из колена Иуды».

После третьего благословения в Вефиле миссия Иакова подходит к концу. Давая жизнь его последнему, двенадцатому сыну Вениамину, умирает Рахиль, возлюбленная жена. Иаков погребает ее на дороге в Вифлеем, на половине пути в город, где родится Спаситель. Погребением Исаака в Хевроне завершается миссия Иакова. Но хотя ему и дано обещание получить в наследие землю Ханаанскую, в которой он и родился, ему не суждено на ней жить и умереть. Голод гонит его и всех его сыновей в Египет. Иаков умирает на чужбине, заповедуя Иосифу и другим сыновьям похоронить его в земле обетованной на том же участке, который купил еще его дед Авраам и который представляет собою их семейное кладбище. Все владение Авраама, Исаака и Иакова на земле обетованной и сводится к этому полю с пещерой для погребения, то есть к кладбищу. Не символично ли это? То, что все три патриарха получают Землю обетованную лишь как залог в виду дарования ее потомству, а сами обретают в ней лишь место для погребения, открывает христианский смысл их

жизни в уповании всеобщего воскресения во Христе, о чем и говорит апостол Павел в 11-й главе послания к Евреям:

«Верую Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие; и пошел, не зная, куда идет. Верую обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель – Бог.

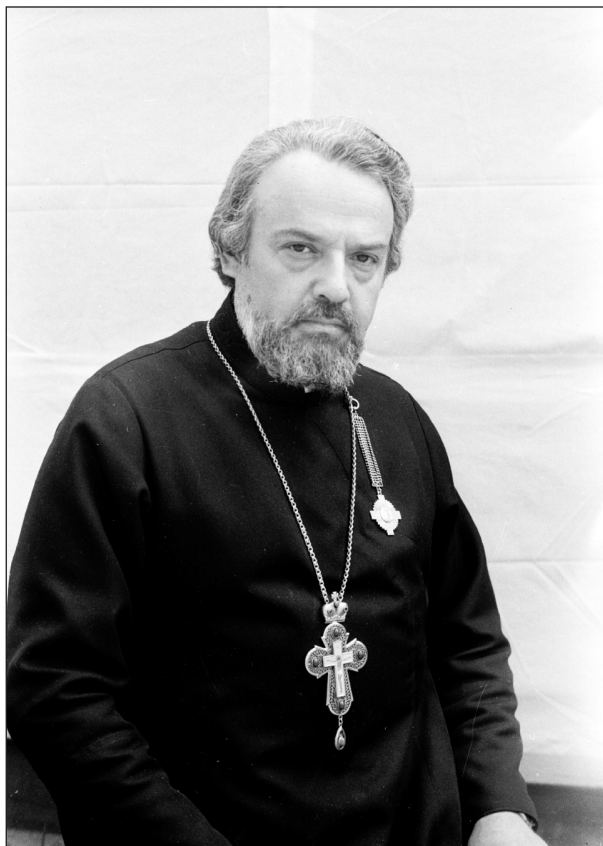
Верую в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верую Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верую Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов израилевых и завещал о костях своих.

И все сии умерли в вере, не получив обетований; а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться. Но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом; ибо Он приготовил им город» (Евр 11:8-10, 20-22, 13-16).

Книга Бытия, которую мы разобрали на этих страницах, предлагает богословскую картину происхождения жизни, мира и человека и рисует начало истории спасения, связанное с именами патриархов, установивших завет с Богом и сохранивших Ему верность. Поскольку каждый христианин, заключая завет с Богом через Иисуса Христа, становится наследником патриархов, а Церковь становится Новым Израилем, то и истории о патриархах приобретают основополагающее значение для христианского сознания.

© Прот. Михаил Аксенов-Меерсон

СЛОВО ПАСТЫРЯ

После допроса. 1986 г.

Священник Владимир Лапшин

ПОДЛИННОЕ РОЖДЕНИЕ В НОВУЮ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 22 января 2006 г.

Мф 4:12–17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня неделя по Богоявлению, первое воскресенье после праздника Богоявления или, как его называют у нас, – Крещения. С Крещения Господня начинается Его проповедь, Его общественное служение. Каждый год в этот день, как и сегодня, читается именно этот Евангельский отрывок, рассказывающий о том, как начинается проповедь Иисуса Христа, в чем суть этой проповеди. И вот в связи с этим отрывком мне хочется обратить ваше внимание буквально на два-три момента, которые тесно между собой связаны, которые, в принципе, говорят об одном и том же.

Первый момент. Евангелист подчеркивает, что Иисус ушел из Назарета и поселился в городе Капернауме. Почему? Что это может значить?

Дело в том, что это некий символический жест. Это знак, если хотите, того покаяния, с которого начинается христианство. И, хотя мы с вами говорили, в связи с праздником Крещения, что Христу не в чем было каяться – Он безгрешен, но ведь покаяние означает не только отказ от греха, в том виде, как мы его понимаем. Покаяние – это изменение сознания, изменение образа жизни. И, уходя из Назарета в Капернаум, Иисус начинает как бы новый этап своей жизни. Это то же самое, помните, как Бог говорит Авраму: «Выйди из земли твоей, выйди из дома отца твоего, от родства твоего, оставь все и иди в землю, которую Я тебе укажу». То есть, если мы хотим стать христианами, мы должны отказаться, отбросить все то, что привязывает нас к земле. Все то, что привязывает нас к этому царству. Это не значит, что мы должны сейчас разрушить наши семьи, бросить наших детей. Многие это, наверное, с удовольствием бы сделали. Но

к христианству это не приведет. Нет. Здесь речь идет о другом. Речь идет о том, что вот есть нечто, что должно быть «единым на потребу», главным в нашей жизни, что должно определять все остальное: и наше отношение с родственниками; и наши отношения в семьях; наше отношение к работе, к миру. Это то, о чем в Евангелии говорится другими словами: «Кто любит отца или мать больше, чем Меня, тот недостоин Меня, кто любит своих детей, братьев и сестер больше, чем Меня, тот недостоин Меня». Это то же самое о чем говорится в Евангелии другими словами: «Кто хочет стать христианином, кто хочет пойти за Мной, кто хочет следовать за Мной – отвергнись себя, откажись от своего». Потому что мама, семья, родственники – это мое, это часть меня. И, если мы хотим стать христианами, если мы действительно хотим родиться в Царство Божие, мы должны оставить вот это – свое. Отречься, отвергнуться от него. И все это ради Царства Божьего, о котором говорится в сегодняшнем Евангельском отрывке. Господь вышел на проповедь именно Царства Божия.

Вот здесь тоже очень важный момент. Господь говорит: «Приблизилось Царство Божие». Но очень часто мы понимаем это приближение Царства Божия, как некое приближение в пространстве и во времени. Что оно стало ближе к нам на тысячу километров или, может быть, на тысячу лет. Нет, родные мои! Когда Господь говорит: «Приблизилось к вам Царство Божие», – Он имеет в виду – пришло! Вот оно здесь. Оно пришло. И очень важно понять, что Царство Божие – это не что-то такое, что будет в потустороннем мире. Это не что-то такое, что ожидает нас в жизни будущего века. Да. Во всей полноте и силе это Царство раскроется там, но оно уже здесь и сейчас реально. Оно уже здесь и сейчас присутствует. Но для того, чтобы увидеть его, для того чтобы войти в это Царство, для того чтобы это Царство впустить в себя, в свою жизнь, необходимо покаяться. Вот это слово «покаяние». «Покайтесь, ибо приблизилось к вам Царство Божие». И очень важно понять смысл этого. Потому что именно с покаяния начинается христианство.

И мы сегодня уже сказали, что это не только осознание греха, это не только отказ от греха – это рождение в новую жизнь. Это рождение в новые отношения с Богом, это рождение в новые отношения с

людьми, это создание новой семьи. Почему Иисус должен выйти из семьи? Почему Он должен выйти из родства Своего? Почему Христос нам с вами говорит: – кто любит отца или мать, – или, в другом месте, Он даже жестче говорит – кто не возненавидит отца или мать своих, – тот недостоин Меня. Почему? Потому что Царство Божие – это новая семья, это семья Божия. Это новые отношения. Это все новое. Да, в эти новые отношения, в эту новую семью могут войти и наши родственники по крови. И их мы можем любить, но уже в новой семье, в новых отношениях, в новом мире. Это все новое. То есть покаяние – это перерождение. Это абсолютно все новое, и определяется оно центром, Богом, Царством Божиим. В нем царит Бог. А Бог есть любовь. То есть Царство Божие – это Царство любви, Царство мира, Царство радости. И вот для того, чтобы войти в это Царство, для того, чтобы обрести это Царство – необходимо захотеть отречься от царства земного. От царства князя мира сего.

Вот что такое покаяние. И мы много раз с вами говорили, что проблема нашего христианства, его совершенно очевидная неуспешность, по большому счету, в том, что этого подлинного отречения от прежней жизни не произошло. Да, с одной стороны, очень хочется в Царство Божие, очень хочется этого Царства, но, с другой стороны, и тут хочется успеть. И тут, кажется, что-то не доделано. И тут важно, и тут интересно. И вот это все цепляет, это все держит.

Сегодня Церковь совершает память Святителя Филлипа, Митрополита московского. Ярчайший пример человека, действительно отрекшегося от царства князя мира сего. Человека, действительно подлинно родившегося в эту новую жизнь. Вся его жизнь, все его отношения с этим миром – они свидетельствуют о глубине тех перемен, которые в нем произошли. Блистательный боярин, человек образованный, богатый. Господи, да он даже в правление такого тирана, как Иван Грозный, мог бы прекрасно прожить свою жизнь! Нарожать кучу детей, продлить свое потомство, – после падения Рюриковичей его род мог бы претендовать на то, чтобы основать новую династию, как это сделали Романовы, например. Но он всю жизнь свою отдал Богу, Царству Божьему и умер за это Царство. Умер именно потому, что подлинно отрекся от земного царства. Он совершенно правильно понял слова Христа, что «не можете служить двум господам, нельзя

служить Богу и мамоне». Нельзя желать Царства Божьего, провозглашать Царство Божие, молиться о Царстве Божьем – «да придет Царствие Твое» и цепляться за царство земное. Попытаться здесь сделать карьеру, попытаться здесь все уладить, устроить свои дела. Так не бывает.

И сегодня день рождения отца Александра Меня, судьба которого, жизнь которого духовно на веки веков связана с судьбой и жизнью Митрополита Филиппа. И о. Александр являет нам пример вот такого подлинного обращения, подлинного покаяния, подлинного рождения в эту новую жизнь. Господи, с его талантом, с его знаниями, с его образованием, с его обаянием можно же было такую карьеру сделать! Можно было стать таким блистательным архиереем или, в крайнем случае, одним из первых лиц Церкви и т.д. Он всю жизнь прослужил в глуши. Всю жизнь был гоним. Его ругали, обвиняли, преследовали, вызывали на допросы. И, казалось бы, ради чего это терпеть? В то время казалось, что в этой стране уже не может быть ничего светлого, что в этой стране уже все бессмысленно. Ради чего страдать? И многие так считали, так и делали. Шли на уступки, на компромисс с совестью. Говорили – ну как же, надо сохранить свою семью, надо сохранить свою жизнь. Как сейчас иногда говорят – надо приход сохранить. Или, как в свое время, – Церковь сохраняли. Господи, да что же это за Церковь, которую надо так сохранять?! О Церкви Христовой сказано, что «врата адовы ее не одолеют». Ее человеческими усилиями хранить не надо. Она превыше всего. А если эту Церковь или приход надо сохранять нашими человеческими усилиями, значит, это не Церковь. И это очень важно понять. И вот давайте сегодня, в этот день, когда нам Церковь говорит о начале проповеди Христовой, когда нам Церковь вновь и вновь говорит о покаянии и о Царстве Божием, в этот день, когда мы совершаем память святители и исповедника Филиппа, в этот день, когда мы совершаем память отца Александра Меня, день рождения которого сегодня, – давайте задумаемся о нашем христианстве, о нашем покаянии и о призыве к нам, к каждому обращенному – «покайтесь!», ибо пришло к вам Царство Божие, ибо оно готово войти в вашу жизнь – «покайтесь! Отрекийтесь от этого царства». Давайте задумаемся...

Да хранит вас Господь!

УЧИТЬСЯ У ОТЦА АЛЕКСАНДРА

Суббота, 9 сентября 2006 г.

Слово во время Литургии

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Искушающим Его фарисеям Господь говорит: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу», Божье отдавайте Богу. Вот эти ключевые слова этого отрывка, мне кажется, очень важны для понимания христианства, для понимания баланса отношений между Церковью и миром, баланса отношений христианина и мира. И надо сказать, что на протяжении двух тысяч лет существования христианства внутри христианства всегда была тенденция к искажению, к нарушению этого баланса либо в ту, либо в другую сторону. Христианство либо понималось как отдавание кесарю кесарева, как некая идеология, христианская идеология, призванная служить миру сему, удовлетворять его религиозные потребности, обслуживать государство, обслуживать земные нужды, религиозные нужды граждан, либо как реакция на это искажение, на это нарушение баланса, откат в другую сторону: полное отвержение мира вместе с ответственностью за этот мир, с отказом от ответственности за все то, что происходит в этом мире, с отказом от служения спасению, преображению этого мира.

Как правило, либо то, либо это направление занимали главенствующее положение в Церкви, очень часто им удавалось договориться между собой, но все равно они оставались каждый собой: здесь – Церковь, обслуживающая кесаря, здесь – полное отвержение мира. И они друг друга как бы не касались. Но вот подлинное христианство, то, что мы можем назвать православием, то, что проповедовал Иисус Христос, – именно посередине.

Да, мы живем в этом мире, да, Господь поручил нам этот мир, и мы не можем его бросить, мы не можем его отвергнуть, мы не можем отказаться от ответственности за него. И Господь создал Свою Церковь не на небесах, а Он создал ее здесь, в этом мире – именно для того, чтоб она была закваской в этом мире, закваской, преобра-

жающей этот мир. Господь поселил нас в мире. Но не для того, чтобы мы обслуживали потребности этого мира, не для того, чтобы мы удовлетворяли его религиозные потребности. А для того, чтобы мы были судом этому миру, для того, чтобы мы возвестили этому миру, что его время прошло, что пришло Царство Божие, чтобы мы были явлением этого Царства Божьего здесь и сейчас, чтобы мы были присутствием Самого Бога в этом мире.

Те, кто именно так понимал христианство, чаще всего были в меньшинстве, чаще всего они были плохо понимаемы и теми, и другими. Чаще всего их преследовали и те, и другие, и очень часто они становились мучениками. И сегодня мы совершаем память именно такого мученика – о. Александра Меня. И если мы считаем себя его последователями, если мы считаем себя в какой-то степени его учениками, а его – нашим наставником и небесным покровителем, то именно этому мы и должны учиться у него. Да, кесарю надо отдавать кесарево. А Богу мы должны отдавать Божье. Это очень трудно, очень трудно всегда бывает определить, где же кесарево, а где Божие, что значит отдавать Богу Божье, и что значит отдавать кесарю кесарево. Об этом все Евангелие, об этом все христианство. И очень важно, сегодня для нас очень важно понять, что отказ либо от той, либо от той части этого афоризма, вот этой крылатой фразы Спасителя будет ересью, будет изменой подлинным словам Спасителя. Отцу Александру на протяжении многих, долгих лет его служения удавалось находить этот баланс. Это все равно как идти по лезвию бритвы, это действительно трудно, это как идти по канату над пропастью. Но в этом и есть вся суть христианства. Это великая совершенная премудрость Божия, о которой говорит апостол Павел в послании к коринфянам. Ее не могут понять те, кто хочет служить кесарю, или кто забывает о боговоплощении. Это могут понять только совершенные, но этими совершенными должны быть мы. Давайте задумаемся.

И да хранит вас Господь!

Слово по окончании Литургии

Я поздравляю вас с днем памяти о. Александра, всех причастников поздравляю с причастием Святых Христовых Таин, желаю вам духовного укрепления, всех благ, здоровья и радости в жизни. Сегодня в проповеди мы говорили о нарушении того баланса, о котором говорит Господь: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу», и я назвал эти отклонения, нарушения баланса ересью. Кого-то из вас могло смутить это слово, мол, как же так, но ведь вроде догматически определенное учение Церкви не нарушается. Видимым образом да, родные мои. Но и при том, и другом уклонении нарушается самое главное – истина.

В одном случае нарушается истина боговоплощения, то есть, когда мы отказываемся отдавать кесарю кесарево, когда мы полностью отвергаем этот мир с ответственностью за него, это ведет к развоплощению жизни. То есть мы отрицаем, по сути, самой своей жизнью – мы признаем догматы Церкви, но самой своей жизнью мы отрицаем правду этих догматов: мы отрицаем боговоплощение, мы отрицаем то, что Бог стал человеком, что Он пришел в этот мир, чтобы спасти этот мир, а не для того, чтобы его отвергнуть. Это очень важный момент, это, по сути, может быть, самая страшная ересь – вот это отвержение мира.

Когда другая крайность, когда мы думаем только о том, как бы отдать кесарю кесарево, нарушается истина о Церкви: Церковь перестает быть собой, она перестает быть Церковью Христовой, она перестает быть Телом Христовым, она перестает быть явлением Царства Божьего здесь и сейчас. Она перестает быть судом для этого мира, она становится *частью* этого мира, духовным ведомством этого мира, обслуживающим его религиозные потребности. Она становится некой идеологической такой организацией вроде партии, одной из партий в этом мире. И это самая страшная подмена в Церкви, какая может быть в нашей жизни. Поэтому и то, и другое ересь.

И вот о. Александр, живя в то время, когда многие его со-служители, скажем так, очень легко принимали вот эту позицию «кесарю – кесарево», и говорили: «А что делать? Господь сказал: отда-

вайте кесарю кесарево». Но они все время забывали о том, что Богу нужно отдавать Божие, что наша жизнь, что наше сердце, что наши души принадлежат Богу. И вот о. Александр – он всегда как-то умел пройти по этой середине, он умел сохранить подлинное православие. Потому что в те же времена очень легко было впасть и в другую крайность, сказать: «Да, эта власть – она безбожна, это власть дьявола. Вообще, всё, наступил конец света, будь проклят этот мир!» Уйти в леса, зарыться в пещеру, сказать: «Я не имею к миру никакого отношения, гори он синим пламенем». И это было возможно.

Но вот о. Александр всегда нас учил, что ни то, ни другое – неправильно. Мы не имеем права отказываться, отвергать этот мир, отречься от этого мира, потому что Господь *поставил* нас в этом мире, Господь любит этот мир, Он *так* возлюбил мир, что Сына Своего Единородного отдал. Но мы не можем быть и частью этого мира, мы не можем раствориться в этом мире, мы должны быть, по слову Христа, солью земли, мы должны быть светом этому миру. И вот об этом очень важно всегда помнить. Более того, мы должны быть Самим Богом для этого мира, присутствием Бога в этом мире, Царством Божиим, явлением Христа, как мы сегодня читали. Мы должны свидетельствовать. Господь говорит Своим ученикам: «Вы будете свидетельствовать». Вот мы должны свидетельствовать. А для этого мы должны быть в этом мире, но мы не должны быть похожими на этот мир. Вот что очень важно! Давайте задумаемся об этом.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОГУ И ЛЮДЯМ

Воскресенье, 9 сентября 2007 г.

Мф 22:35–46

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В этом храме почти перед каждой воскресной или праздничной литургией мы вспоминаем слова Спасителя из сегодняшнего евангельского отрывка о том, какая наибольшая заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всем разумением твоим».

Но что значит – «возлюби Господа всем сердцем, всею душою, всем разумением»? Сердце, душа, разумение – это то, что делает человека человеком. Все остальное в нашей жизни, в принципе, животное. Человеческое у нас сердце. Сердце, не в смысле насоса, качающего кровь, а сердце как вместилище духа. Душа. Душевность. Разумение. То есть возлюбить Господа всем сердцем, всею душою, всем разумением – это значит возлюбить Бога всей своей человечностью. Всей своей человеческой полнотой. Всей глубиной человеческой, если хотите.

Но что значит – возлюбить? Что значит любить? Как проявить эту любовь, как сделать ее явной, как сделать ее реализованной, осуществленной? Очень часто под любовью мы понимаем какие-то томления души, какие-то внутренние переживания, но чаще всего к любви это имеет очень мало отношения. Может быть, в крайнем случае, это влюбленность. А любовь проявляется в служении. Любовь проявляется в жертве. Когда мы любим кого-то, когда мы действительно любим кого-то, нам хочется этому человеку услужить, сделать ему что-то радостное, сделать для него все, что он захочет. Нам хочется принести себя ему в жертву. Отдать себя. Чтобы ему было хорошо. Так вот возлюбить Господа Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением – это значит отдать себя Богу на служение. Это значит принести Ему себя в жертву, посвятить Ему свою жизнь.

Но как мы можем послужить Богу? Что мы можем сделать для Него? В чем Он нуждается? Он сам сказал: «Все, что вы сделали одному из меньшим Моих братьев – вы сделали Мне».

Отсюда и вторая заповедь, равная первой – «и возлюби ближнего, как самого себя». То есть послужить Богу мы можем, только служа людям. И мы много раз с вами говорили, что быть христианином – это значит быть человеком для других. Это значит жить так, чтобы другим было хорошо рядом с тобой. Чтобы другие рядом с тобой были счастливы. Чтобы другим рядом с тобой было тепло и светло. Вот что значит возлюбить Господа всем сердцем, всею душой, всем разумением. Нет этого в нашей жизни – значит, нет и христианства. Есть это в нашей жизни – значит, есть христианство, есть то, что называется святостью. Потому что «святой» и означает тот, кто посвятил себя Богу. Тот, кто принес себя в жертву Богу.

И вот сегодня мы совершаем память отца Александра Меня. Сегодня 17-я годовщина со дня его гибели. Вот действительно человек, в жизни которого не было ничего для себя. Вся его жизнь была служением Богу. Вся его жизнь была отдана людям. Двенадцать лет я был с ним знаком при его жизни здесь, вот в этой жизни, в этом мире. Очень много читал потом. Читаю сейчас удивительную книгу, написанную им или наговоренную, рассказанную им. Она так и называется – «О себе». И вот я вижу, я вновь и вновь убеждаюсь, что в его жизни ничего не было «для себя». Я пытаюсь вспомнить: ну, вот хоть что-то в его жизни было, ну, хоть какой-то момент, чтобы он что-то сделал для себя – ничего. Всё для людей. Всё для Бога.

Вот именно этому мы должны учиться у святых. Именно к этому мы должны стремиться в нашей жизни. Это очень трудно, но это и есть самое главное в христианстве. Это и есть то, без чего христианства и быть-то не может. Так что давайте будем вспоминать сегодня отца Александра Меня, давайте будем восхищаться его жизнью, его служением, его подвигом, но будем и учиться у него этому и будем молиться о том, чтобы Господь и нам дал видение этого, понимание этого и хотя бы малую толику той любви, которой обладал отец Александр. Той любви, которой так не хватает нам по отношению к Богу, по отношению к людям. В нас так много слабостей, в нас так много себялюбия. Главное, что это и самим нам не нравится, это отравляет нашу жизнь. Мы всё понимаем, а справляться с этим не хотим, и менять в жизни что-то не хотим. Так что давайте будем молиться, просить, чтобы Господь помог нам в этом.

Да хранит вас Господь!

ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА

Новая Деревня, 1975 г.

Фото Виктора Андреева

Римма Запесоцкая

Римма Запесоцкая родилась в городе, который вновь называется Санкт-Петербургом, окончила там университет (факультет психологии), работала социологом, зоопсихологом, в археологических экспедициях, дворником, кочегаром, машинисткой, более четверти века – редактором и корректором. Пишет стихи и прозу, первые ее стихотворные публикации были за рубежом – в журналах «Континент» (1986) и «Вестник РХД» (1987). Автор изданной в Петербурге книги «Постижение» (1994) и нескольких публикаций в сборниках поэзии, в журнале «Крещатик» и ряде других изданий. В настоящее время живет в Лейпциге.

ПРИЗВАНИЕ СЛУЖИТЬ ДЕЛУ ГОСПОДНЮ

Анастасия Александровна Сухопарова
Отец Александр Мень

Дорогая Римма Григорьевна! Я очень хорошо понимаю Ваши проблемы. Многие так и останутся непреодолимыми. И по той причине, что наша внешняя церковность слишком плотно закутана в устоявшиеся формы. Они служат препятствием для многих людей независимо от их происхождения. Но главное – это жить во Христе, постоянно искать Его и помнить, что это Его Церковь, в каком бы облике она перед нами ни являлась.

Кроме того, постепенное вхождение в ее традиции поможет многое воспринять ближе. Вот Вы говорите, что литература Вам близка. А многим из писателей наши церковные формы были чужды и даже вызывали протест. Здесь произошел роковой раскол. Преодолеть его можно только любовью. Что касается истоков Церкви, то они тесно связаны с библейской традицией, и за это нужно держаться любому человеку. Нам понять ее помогает причастность к народу Божию. На нем лежит тяжелая ответственность призвания служить делу Господню, а на христианине – двойная. Значит, нам остается только вращаться в это ядро, терпеливо входя и в остальное.

Господь да поможет Вам. Надеюсь на встречу в будущем.

Ваш [прот. А.Мень] (подпись)

Поклон Ан. А.

Вот такое короткое письмо, точнее записку, напечатанную на половине машинописного листа на пишущей машинке с *прыгающими* буквами, я получила однажды от отца Александра Меня. От руки он написал только адрес на конверте, а в конце письма поставил подпись. На конверте с видом Троице-Сергиевой Лавры и с надписью «Загорск» стоит исходящий штампель: 13.10.1982.

Прежде чем изложить историю моего знакомства и эпизодического, к сожалению, общения с отцом Александром, я хочу рассказать об **Ан. А.**, которой он через меня передавал поклон. Это **Анастасия Александровна Сухопарова**. Она была подругой Елены Семёновны, матери отца Александра, и помнила его еще совсем молодым.

Имя Анастасии Александровны Сухопаровой знает узкий круг в Петербурге и почти никто не знает за его пределами. Со времени ее кончины (22 мая 2004 г.) прошло уже несколько лет – но она как будто и сейчас рядом. И я надеюсь на силу ее молитвы за тех, кому посчастливилось встретиться с ней на жизненном пути, прикоснуться к ее душе.

В моей жизни знакомство и многолетнее общение с Анастасией Александровной (Ан. А.) было одним из самых драгоценных подарков. Я впервые увидела ее в 1976 году, на коммунальной кухне в квартире на улице Восстания, куда пришла в гости к своим иногородним университетским подругам, вместе снимавшим одну большую комнату. Ан. А. была их соседкой, и она вышла на кухню поставить чайник (я оказалась там с этой же целью). Почти невозможно передать словами то, что я почувствовала, когда впервые увидела эту сильно хромавшую, уже немолодую голубоглазую женщину невысокого роста. Я посмотрела на ее лицо, поймала взгляд – и увидела нечто необыкновенное: сочетание младенческой чистоты и мудрости. Лишь позже я осознала, что это уникальное выражение на ее лице, во взгляде имело духовную природу. С годами это выражение стало у нее еще более отчетливым, и сразу было видно, что она, в евангельском смысле, *не от мира сего*. А тогда у нас просто завязался разговор. Ан. А. без улыбки, но доброжелательно расспрашивала меня о моей профессии, работе, интересах, я отвечала. Помню, мне очень не

хотелось, чтобы она уходила, у меня внезапно возникла потребность слышать ее голос, говорить с ней как можно чаще. Мне показалось, что она сразу всё про меня поняла, проникла в самую душу, но от этого ощущения не возникало дискомфорта, наоборот, на меня, вроде бы беспричинно, снизошли покой и радость. После этого случая мы еще несколько раз беседовали на кухне, и я, наконец-то, дождалась ее удивительной сердечной улыбки.

И вскоре я стала приходить в гости уже к самой Ан. А., в ее маленькую комнатку. Мои подруги недолго жили в той коммунальной квартире, но и потом поддерживали отношения со своей бывшей соседкой. Вообще люди, как правило, чувствовали ее необычность, исходящий от нее свет – и тянулись к ней.

Ан. А. была на редкость здравомыслящей, умной собеседницей, без всякой восторженности, в том числе религиозной. Ей в полной мере было присуще то, что в православии называется *трезвением*. Сама Ан. А. считала себя обыкновенным грешным человеком, однако для меня было очевидно, что к ней, к ее жизни подходят понятия «праведность» и даже «святость». Она почти непрестанно находилась в состоянии внутренней молитвы, и основной чертой ее натуры было смирение. Я понимала каким-то шестым чувством, что в ней гораздо больше небесной, ангелической природы, чем земной, когда в разных сочетаниях в людях смешаны добро и зло, свет и мрак. В натуре Ан. А. это ангельское начало сочеталось с жизненным опытом и какой-то *до-опытной* мудростью. Поразительное сочетание! Она олицетворяла собой подлинную христианскую любовь к ближнему, словно явилась в этот мир, чтобы быть для всех нас живым примером воплощенного христианства.

Я делилась с Ан. А. своими переживаниями и сомнениями и получала в ответ на редкость точные замечания, советы и информацию к размышлению. Как-то разговор зашел о любви к врагам, к недоброжелателям, оскорбляющим и унижающим ближнего своего. Я сказала, что мне это сложно себе представить, а тем более испытать. На это Ан. А. ответила, что мало кому удастся до конца исполнить эту евангельскую заповедь, и достаточно будет просто молиться за врагов и не оттолкнуть того из них, кто обратится к тебе за помощью,

протянуть ему руку, дать хлеб и воду – и не испытывать при этом мстительности, озлобления и злорадства. И она напоминала мне неоднократно – словами и своим примером, что ближний – это прежде всего тот, кто рядом и нуждается в нашей помощи. И всегда, когда я приходила к ней, просто думала о ней, – я очищалась от всего наносного, суетного. Мне и сейчас помогает одно воспоминание о ней и тем более прикосновение в молитве.

А вот свидетельство моей подруги Ирины Блохиной, жившей когда-то с ней в одной квартире: «У меня Анастасия Александровна связывается с радостным, очень светлым восприятием жизни, на которую смотрела она с добрым и христианским юмором. Какое умение не осуждать! А какое у нее всегда было детское любопытство ко всему и интерес к молодости! Когда мы ночи напролет на Восстания спорили о чем-то, не заботясь о том, не мешают ли наши возбужденные голоса, а потом я извинялась перед ней, она в ответ с улыбкой говорила, что мы внесли жизнь и молодость в ее одинокое существование...»

Анастасия Александровна Сухопарова была дворянкой по происхождению, она родилась в Санкт-Петербурге (тогдашнем Петрограде) между двумя революциями – февральской и октябрьской, 6 августа 1917 года. Ее отец, Александр Александрович Сухопаров, – военный инженер, полковник, участник войны с Японией, к моменту рождения дочери был уже немолод и очень болен (сказывалась старая контузия). Отец был значительно старше матери, Анастасии Павловны Рауэр, дочери генерала медицинской службы. Наточка (так звали Ан. А. родные и близкие) была долгожданным ребенком, родившимся в то бурное, сумасшедшее и жестокое время, когда на пороге стояла эпоха, разрушившая старый мир до основания, чтобы построить новый мир, где *кто был никем, тот станет всем*. Эта декларация звучала в гимне новой власти. Отца Ан. А. помнила смутно – он сильно простудился и умер зимой 1921-го, когда ей было всего три с половиной года. За несколько недель до этого его забрали в ЧК, допрашивали, несколько дней держали в холодной камере, потом все-таки выпустили, вероятно, из-за тяжелой болезни. Мать

рассказывала Ан. А., что вскоре после похорон отца за ним снова приходили сотрудники ЧК. Тогда Сухопаровы жили на Тверской улице, недалеко от Смольного собора, но уже не имели, конечно, своей большой отдельной квартиры, а занимали в этой же квартире две смежные комнаты – их как *бывших господ* «уплотнили», так что соседи по коммунальной квартире стали свидетелями и подтвердили чекистам факт смерти полковника Сухопарова. После смерти отца их еще раз «уплотнили» – отобрали лучшую, большую комнату, и они остались вдвоем в маленькой комнатке, где прожили долгие годы. Мать Ан. А., получившая хорошее образование, своим примером, рассказами о традициях своей семьи, глубокой верой во многом сформировала натуру дочери, ее духовный мир, привила ей способность внешне незаметного, но твердого душевного сопротивления реалиям окружавшей их жизни. Мать много рассказывала дочери об отце, о достойно прожитой им жизни, и в своем поведении с юных лет Наточка старалась подражать его принципам.

В детстве Наточка заболела костным туберкулезом и перенесла ряд мучительных операций. Все ее подростковые годы прошли в больницах и реабилитационных центрах. Она на всю жизнь осталась инвалидом – хромала, носила корсет и специальную ортопедическую обувь.

До болезни Наточка была подвижным ребенком с мальчишеским складом характера, мечтала стать путешественницей, изучать дальние страны. О своей болезни Ан. А. говорила со смирением и даже находила в ней положительные моменты: как она полагала, эта тяжелая болезнь, из-за которой она стала инвалидом, уберегла ее от многих искушений и помогла сохранить веру. Мать Ан. А. была по-настоящему верующим человеком и с малолетства прививала дочери христианское мировоззрение.

У матери был младший брат, Георгий Рауэр, который совсем юным отправился на фронт в Первую мировую войну и поэтому не присутствовал при крещении Наточки, но его заочно записали ее крестным. Крестный и крестница так никогда и не встретились в этой жизни: после октября 1917 года Георгий оказался в Белой армии, потом вынужден был эмигрировать. Уже где-то на рубеже 20–30-х годов к ним

приходил незнакомый человек (жили они по тому же адресу) – принес открытку от Георгия: брат передавал сестре привет и пожелание здоровья, без каких-либо сведений о себе, по понятной причине. Но эту информацию на словах сообщил посредник: Наточкин крёстный, он же ее дядя, жил тогда в Париже и очень переживал за судьбу своих близких, спрашивал о своей крестнице Наточке. На этом связь с ним окончательно оборвалась, больше Ан. А. и ее мать ничего о нем не знали, но Ан. А. очень его любила и всегда за него молилась. Ан. А. полагала, что он, по сути, вернулся на свою историческую родину, потому что когда-то предки Рауэров попали в Россию из Франции. И с французским языком у него не было проблем – он знал его с детства, как это было принято в дворянских семьях.

Ан. А. пару раз показывала мне старинный альбом с фотографиями «из прошлой жизни» – несколько поколений ее предков и родственников, родители, прекрасный юноша – ее крёстный Георгий. Когда мы как-то вместе рассматривали фотографии, Ан. А. объяснила, что *Анастасия* – их фамильное женское имя по материнской линии: Анастасиями кроме нее и ее матери были сестра бабушки и несколько родственниц, у всех при этом были разные «домашние» имена: Ася, Стаси, Тата, Аня, Настя (ее мать), Ната (она сама). Ан. А. неоднократно говорила, что хочет уничтожить все фотографии. Из всего многочисленного семейства и с отцовской, и с материнской стороны у нее не было ни одного родственника – все или умерли, или для нее «без вести пропали». Ее мать Анастасия Павловна скончалась в 1966 году – и после ее смерти у Ан. А. осталась только духовная семья.

Из-за своего «непролетарского» происхождения Ан. А. имела «поражение в правах» и была лишена возможности поступить в институт и стать врачом, о чем она так мечтала. Ей лишь удалось окончить медицинское училище и получить максимально возможные на этом уровне знания. Всю свою трудовую жизнь она была самоотверженной медсестрой, многие годы проработала в больнице для недоношенных детей, выхаживала их. Работа была сменной, с бессонными ночами, зарплата очень маленькой – едва хватало на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но Ан. А. помогала спасать

жизнь детям, чувствовала свою нужность – и это было самым главным, помогало держаться. И она помнила разные интересные медицинские случаи, со знанием дела говорила о болезнях и лекарствах. Уже после выхода на пенсию Ан. А. много лет, пока была в состоянии, помогала своим заболевшим знакомым, лечила их, делала уколы – всё это, конечно, бесплатно, часто она даже тратила на приобретение лекарств, на продукты для опекаемых ею людей часть своей маленькой пенсии. При этом она была неутомима, ездила в разные концы города, очень быстро ходила, несмотря на хромоту и негнушующую ногу, – ее поддерживало понимание своей нужности. Возможность хоть в чем-то облегчить жизнь тем, кто нуждался в ее помощи, – это всегда было для нее главным стимулом.

*Анастасия Александровна
Сухопарова, 2002 г.*

Ан. А. и ее мать всю ленинградскую блокаду находились в осажденном городе. Ан. А. работала медсестрой и получала немного больше хлеба на свою карточку, чем ее мать-«иждивенка», которая к тому времени уже не могла работать. Выжили они только благодаря своим спартанским, даже аскетическим привычкам и глубокой вере, которую ничто не смогло поколебать. Во время блокады с Ан. А. произошел чудесный случай, который она именно так и воспринимала – как чудо. Однажды в суровую блокадную зиму, в трескучий мороз, Ан. А., еле передвигая ноги, шла мимо разбомбленного дома, обломки и битые стекла валялись на тротуаре – и вдруг она увидела на снегу что-то блестящее, как будто драгоценные камни сверкали,

и вокруг было свечение. Ан. А. с трудом наклонилась (что было особенно тяжело с ее больной негнушейся ногой) и в том месте, где было свечение, раскопала под снегом маленькую иконку, которая некоторое время еще светилась в ее руках и придала ей такие силы, что она тут же перестала замерзать и чувствовать голод. В ее руках была Неопалимая Купина, и Ан. А. сразу поняла, что этот дар послан ей в самый тяжелый момент для утешения и укрепления веры. Эта чудесным образом обретенная иконка стала самой большой драгоценностью в ее домашнем иконостасе.

Из-за гонений на Церковь и репрессий против священников и верующих мирян, яростной государственной антирелигиозной пропаганды им приходилось в довоенные годы фактически находиться в условиях, близких к первохристианским катакомбам, и только после 1945 года, когда Церковь вышла из подполья, Ан. А. и ее мать стали открыто ходить в храм.

Ан. А. часто вспоминала своего многолетнего духовника отца Михаила Гундяева и говорила, что когда она слушала его проповеди, ей хотелось плакать. До отца Михаила у нее с матерью был духовником отец Филофей Поляков (он скончался в 1956 г., служил в церкви Иоанна Богослова на Лесном проспекте, ее снесли в 60-е годы). Отца Михаила неоднократно переводили на служение в разные храмы, так что Ан. А. посещала и Спасо-Преображенский собор, и церковь в Красном Селе, и храмы на Серафимовском и Охтинском кладбищах. После кончины отца Михаила (в 1974 г.) Ан. А. снова стала ходить в Спасо-Преображенский собор (но у нее, насколько я знаю, долгое время не было постоянного духовника). Я неоднократно видела ее в этом храме молящейся перед иконами одного из боковых приделов, иногда даже распростертой на каменном полу, с откинутой в сторону негнушейся левой ногой.

Ан. А. много лет не употребляла мясной пищи, причем, по ее словам, просто из-за своей впечатлительности. Однажды еще в молодые годы она увидела, как женщина, у которой она гостила, резала на дворе курицу, которая вырывалась, и кругом были кровь и перья. Этого она не могла забыть никогда, и хотя не отказалась тогда от куриного бульона, чтобы не обижать хозяйку, с тех пор никогда не ела

мяса теплокровных животных. Но что бы ни послужило поводом для ее отказа от мяса, это решение, несомненно, имело и духовную причину, и духовное следствие – облегчало молитву и устремляло ум и душу в горний мир. Насколько я знаю, она не принимала монашеского пострига, но, по сути, вела монашеский образ жизни.

Более четверти века продолжалось мое общение с Ан. А. За это время она несколько раз переезжала: с ул. Восстания, 15 – на ул. Некрасова, 45, затем, в последний период, – на Тверскую ул., 13. Переезд на улицу Некрасова был связан с возможностью совместного проживания Ан. А. и ее с тех пор бессменной компаньонки Нонны Васильевны Орловой, лет на десять моложе ее, которую Ан. А. знала очень давно и могла на нее положиться. Нонна Васильевна долгие годы работала в военной организации, но после выхода на пенсию, живя рядом с Ан. А., стала ходить в храм и воцерковилась. Второй их, уже совместный, переезд был вызван чрезвычайным обстоятельством: в их огромной коммунальной квартире на улице Некрасова, 45 однажды ночью случился пожар, обошлось без жертв, но квартира сильно выгорела и стала непригодной для жилья. Так что благодаря этому обстоятельству Ан. А. и Нонна Васильевна получили двухкомнатную квартиру на Тверской улице. Они по обоим адресам занимали две смежные комнаты, причем у Ан. А. была лишь крошечная комнатка (гораздо меньше, чем на улице Восстания). В комнатке Ан. А. стояли два сундука (на одном из них она спала), небольшой стол, стул, узкий шкаф и столик с иконостасом.

Я стремилась регулярно навещать Ан. А., всегда приходила к ней в день ее рождения и в день именин (11 ноября). В эти дни в большой комнате, которую занимала Нонна Васильевна, был накрыт праздничный стол с красивой посудой, старинными приборами, и, конечно, с угощением для гостей. В течение всего года, не только в пасхальные дни, на отдельном столике стояла корзиночка с разноцветными яйцами – чтобы получились причудливые узоры, их варили, предварительно обмотав яркими нитками. И все невольно улыбалось, когда смотрели на эту красоту.

В последние годы их жизни, когда Ан. А. и Нонна Васильевна не могли уже по состоянию здоровья ходить в храм, к ним домой время

от времени приезжал близкий им батюшка, отец Алексей Чухин, и причащал их. Но молитвенное правило Ан. А., насколько я знаю, не сокращалось с ростом ее недугов, скорее наоборот. Ан. А. было тяжело справляться с бытом, особенно в последние годы жизни, и она занималась им только в силу необходимости. Я неоднократно предлагала свою помощь, но она очень редко на это соглашалась. Общение с ней давало мне так много – и я так хотела, чтобы ей когда-нибудь понадобилась моя помощь! Мне тяжело сознавать, что во время ее предсмертной болезни, когда эта помощь наверняка понадобилась, – меня не было рядом. С лета 2002 года я не жила постоянно в Петербурге, но когда приезжала, сразу же, конечно, навещала Ан. А. Последний раз я видела ее летом 2003-го, а в мае 2004 года она попала в больницу и через несколько дней там скончалась, – и рядом не было никого из близких. Я узнала о ее кончине лишь спустя несколько недель. Через два месяца я вместе с Нонной Васильевной попала наконец на могилу Ан. А. на Охтинском кладбище. Там стоит крест и на нем три таблички – имена ее отца, матери и самой Ан. А. – ее имя и годы жизни. (Теперь на Охтинском похоронена и Нонна Васильевна, она умерла в 2006 году.)

Как-то в одну из последних наших встреч Ан. А. с улыбкой сказала, что в ее жизни странную роль играет топография Петербурга. Как будто замкнулся круг – она вернулась на Тверскую улицу, рядом со Смольным собором, где жила в детстве и юности. А когда я впервые пришла на ее могилу на Охтинском кладбище, то поразились еще одному совпадению: ее прах покоится на пересечении Смоленской и Тверской аллей.

Ан. А. удивительно доброжелательно относилась ко мне с самого начала нашего общения, хотя я была тогда еще во многом агностиком. Но как же она обрадовалась, прямо засветилась вся, излучая любовь, когда в мае 1980 года я решила принять крещение. Этому способствовали и мое глубокое духовное переживание в ноябре 1979 года, и ее ненавязчивое влияние (хотя никогда раньше у нас не было прямого разговора на эту тему). Отношение ее ко мне после этого судьбоносного события как-то неумовимо изменилось, хотя внешне

оставалось таким же сердечным. Я почувствовала, что отныне она полностью во всем мне доверяет и приняла меня в свою духовную семью. Помню, как она сразу же сказала, что представители богоизбранного ветхозаветного народа, принявшие Христа, потенциально наделены большой благодатью, и в пример привела отца Александра Меня, его мать Елену Семёновну и тётю – Веру Яковлевну Василевскую.

Как раз тогда она впервые и рассказала мне историю своего знакомства и дружбы с Еленой Семёновной Мень (потом говорила об этом неоднократно и прямо светилась от этих воспоминаний). От общих церковных знакомых она давно знала об удивительной женщине, крестившейся в катакомбной Церкви вместе со своим первенцем, младенцем Александром. Елена Семёновна тоже знала об Ан. А. и ее матери. И в конце 50-х годов Ан. А. удалось поехать в Москву и наконец-то лично познакомиться с Еленой Семёновной. Она говорила об их поразительном первом впечатлении друг от друга: как будто они уже давно, всю свою жизнь хорошо знакомы, более того – родные люди. И они действительно подружились с первой же встречи, нет, с первой же минуты знакомства. Обе тут же уселись на широкую кровать, потом даже прилегли, облокотившись на подушки, и начали рассказывать друг другу всё-всё на свете, всю свою жизнь, и, конечно, сразу же стали называть друг друга на «ты» – *Леночка* и *Наточка*. (Я словно вижу эту картину – как они расположились рядышком, беседуют как задушевные подруги и улыбаются друг другу, и у обеих удивительная *небесная* улыбка.) Потом Ан. А. еще несколько раз ездила в Москву, в гости к Елене Семёновне. Когда Ан. А. в первый раз увидела ее сына Александра (Алика), он только что был рукоположен в дьяконы. Потом она еще несколько раз видела его, когда отец Александр уже принял священнический сан. Ан. А. вспоминала, что на нее большое впечатление произвели его библейская внешность, особенная красота, писательский талант (она тогда уже прочитала одну из первых рукописных редакций «Сына человеческого»), его способность ясно и просто излагать суть сложных духовных понятий. И она неоднократно говорила мне, что в нем, через него увидела Образ Христа и поняла, что ему даны особые духовные дары и что

он призван на высокое служение делу Господню. Елена Семёновна умерла в 1979 году (она была старше Ан. А. на девять лет), и Ан. А. потеряла земную подругу, но получила, как она надеялась, небесную заступницу, вторую после матери. Убийство отца Александра Ан. А. восприняла как личную трагедию – и одновременно как Божий промысел. Церковь приобрела, по ее убеждению, еще одного, пока не канонизированного, святого мученика и молитвенника за всё человечество.

* * *

Я познакомилась с отцом Александром в январе 1981 года, по благословению и при участии Елены Владимировны Вержбловской (о том, что она же инокиня Досифея, я узнала позже).

Елену Владимировну я увидела впервые осенью 80-го, в Питере, в гостях у Анастасии Александровны Сухопаровой. Это была ее последняя поездка в Питер, тогда она еще видела, но со зрением у нее уже были серьезные проблемы. Помню рассказ Елены Владимировны о ее детском самокрещении, который произвел на меня сильное впечатление (позднее я прочла об этом в ее воспоминаниях). Зашла речь и о книгах отца Александра, которые печатались тогда в «там-издате» не под его фамилией, а под разными псевдонимами. Я уже к тому времени прочитала некоторые его книги, и первой из них (полученной от Анастасии Александровны) был «Сын Человеческий». В книгах отца Александра содержание и форма удивительно гармонизировали, и потому прочитанное особенно глубоко проникало в душу.

Потом Елена Владимировна и Анастасия Александровна говорили о тогдашнем положении Церкви, о проблемах, которые возникали у отца Александра и его паствы. Несмотря на свои больные глаза, Е. В. Вержбловская в то время печатала на пишущей машинке тексты его будущих книг, всё это делалось конспиративно; по телефону духовные дети отца Александра называли его между собой по имени-отчеству: Александр Владимирович – или просто «отец».

То, что я пользуюсь доверием Анастасии Александровны, было, очевидно, для Елены Владимировны достаточным основанием, что-

А. А. Сухопарова и Е. В. Вержбловская. Осень 1980 г.

бы и она могла мне доверять, поэтому они при мне открыто обсуждали все эти темы, а я в основном слушала, иногда что-то спрашивала. Говорили они и об общих знакомых, Анастасия Александровна передавала поклон Марии Витальевне Тепниной. Потом Елена Владимировна попросила меня рассказать о себе, о том, как я пришла к вере. Я, помню, ответила, что еще в самом начале пути и что у меня есть серьезные вопросы и сомнения, разрешить которые мне самой не под силу. Когда Елена Владимировна узнала, что именно меня волнует и беспокоит (а это была, прежде всего, кровоточащая уже двадцать веков, всегда болезненная тема еврейско-христианских отношений, а кроме того, положение евреев-христиан), она сразу уверенно сказала, что мне необходимо познакомиться и поговорить с отцом Александром, что он лучше, чем кто-либо другой, ответит на мои вопросы. И еще она сказала, что поможет мне в этом, когда я приеду в Москву.

И вот в январе 1981 года я уже из Москвы позвонила Елене Владимировне, и она объяснила, как добраться до Новой Деревни, где служил в Сретенском храме отец Александр.

В тот день было очень холодно, настоящий мороз, и я, доехав на электричке до станции Пушкино, с трудом потом добралась до

Новой Деревни и нашла тот домик, где мы договорились встретиться. Это был один из нескольких домов, где проходили встречи отца Александра с его паствой и приезжавшими к нему из разных городов людьми, жаждущими получить духовный совет. В храме в тот период была такая обстановка, что после службы у отца Александра не было возможности встречаться с прихожанами, тем более с новыми людьми.

И вот помню, как я вошла в этот домик, где меня встретила Елена Владимировна. Она привела меня в одну из комнат, усадила в старенькое кресло и сказала, что отец Александр уже здесь и подойдет ко мне, как только освободится. И я, сидя с закрытыми глазами, отогревалась, впав в полудрёму... Не знаю, сколько прошло времени, но я вдруг почувствовала прикосновение к своей руке. Никогда не забуду этот момент, когда я открыла глаза и увидела отца Александра, который взял мои ледяные пальцы в свою теплую, как мне показалось, даже горячую руку и потянул с кресла со словами: «Ну, теперь пойдете!»

О чем был наш первый разговор? Отец Александр расспрашивал о моей только начинавшейся осознанной духовной жизни, потом отвечал на мои вопросы, в тот момент казавшиеся чрезвычайно важными. И видно было, что это и его личные размышления. Он говорил о ветхозаветных пророках, предрекавших воплощение Христа, и об особой ответственности, особом призвании христиан из еврейского народа. В приведенном выше письме (написанном почти через 3 года после этой первой встречи) он снова размышляет об этих проблемах поразительно искренне и заинтересованно. А тогда, завершая наш разговор, он сказал, что я могу приезжать к нему – на службу в храм или просто для беседы, когда у меня будет в этом необходимость. На прощание отец Александр подарил мне отредактированный им машинописный Катехизис и выразил сожаление, что не было у него в тот момент под рукой ни одной из его книг, изданных за границей.

Потом я еще несколько раз приезжала к отцу Александру, была и в Сретенском храме, на службе, и в домике – не помню только, в том же самом или в другом. Особенно я запомнила один свой приезд. Было это в 82-м или в 83-м году, в жаркий летний день. В до-

мике собралась целая группа, мы пили чай и говорили о насущном духовном хлебе, потом все вместе, с отцом Александром, вышли на улицу и пошли вдоль забора по узкой тропинке, идти при этом приходилось друг за другом. И отец Александр, который шел впереди, вдруг обернулся к нам, рассмеялся и сказал: «Мне это напоминает иллюстрацию из учебника о происхождении человека, где в ряд идут приматы – от обезьяны до прямоходящего *Homo sapiens*’а. Я всегда называл эту картинку – “шел отряд по берегу”». После всех наших серьезных разговоров эта его реплика была такой неожиданной и такой остроумной, что почти дословно запечатлелась в памяти.

Дойдя до остановки, мы попрощались друг с другом и с отцом Александром. Я на автобусе доехала до Пушкино, взяла в кассе билет, собираясь на электричке ехать в сторону Загорска (так назывался тогда Сергиев Посад), до Абрамцево, где тогда гостила у своих друзей-художников. И вдруг на платформе я снова увидела отца Александра. Он ехал домой, в Семхоз. И оказалось, что нам по пути. Мы вместе вошли в вагон, сели и продолжили разговор, начатый еще на платформе. Потом речь зашла об Анастасии Александровне. И отец Александр сказал, что прекрасно знает, какой человек Анастасия Александровна, и что он хотел бы написать ей записочку; и тут же, положив на колени свой портфель, вынул почтовую карточку и набросал на ней несколько слов. И, как я запомнила, начиналось его послание словами: «Дорогая Наточка!»

Потом мы говорили о свободе воли и Божьем Промысле, о духовной литературе, которую отец Александр рекомендовал мне прочесть – это были тексты об Иисусовой молитве и сочинения отцов Церкви; я уже кое-что читала и начала рассказывать ему о своих впечатлениях. Незаметно, за разговором, мы подъехали к станции Абрамцево, и я с сожалением сказала, что мне нужно выходить... Отец Александр ответил: «Жаль, мы могли бы еще кое-что обсудить». И я подумала, что мой билет позволяет проехать еще одну станцию – до Хотьково, где заканчивается тарифная зона. Так что мы продолжили разговор, и я не заметила, как и станция Хотьково осталась позади. И тут в вагон вошла женщина-контролер и стала проверять билеты. Я смутилась и растерялась, вынула свой уже недействительный билет и

начала что-то бормотать, достала кошелек, чтобы доплатить или же заплатить штраф. Но меня поразила реакция отца Александра. Он, казалось, тоже смутился, начал шарить по карманам в поисках мелочи, чтобы вместо меня заплатить за билет. Обращаясь к контролерше, он сказал: «Извините, это я виноват, разговорами задержал девушку, и поэтому она проехала свою станцию». Контролерша внимательно посмотрела на отца Александра и, кивнув, ответила: «Это ничего, я понимаю», – и, не взяв денег, пошла дальше по вагону проверять билеты. Видно, контролеры на этом направлении знали отца Александра, ведь он несколько раз в неделю ездил по одному и тому же маршруту – до станции Пушкино и назад – до Семхоза. Хотя он был без рясы, в обычном костюме, но на лацкане его пиджака был прикреплен значок-крест, как это принято у священников.

После этого конфуза, который мы вместе пережили, отец Александр улыбнулся и сказал: «Ну, раз так вышло, проводите меня до дому, еще поговорим». И я с радостью согласилась. Мы вышли на станции Семхоз, поднялись по ступенькам и пошли по тропинке. По дороге отец Александр начал рассказывать, что некоторые его прихожане ничего не могут решить самостоятельно и просят благословения по всяким мелким бытовым вопросам, и это неправильно – ни в чем не брать на себя ответственность. Я ответила, что прекрасно понимаю его позицию и абсолютно с ним согласна. И отец Александр опять улыбнулся и сказал, что его радует мое понимание. Потом он остановился и, показав рукой на стоящий впереди дом, произнес: «Вот здесь я живу. Спасибо, что проводили. И приезжайте в Новую Деревню, когда будет возможность».

Последний раз я видела отца Александра в 1984-м или в 85-м году, это было накануне «перестройки». Мы встретились в одном из домиков (в каком именно, не запомнила – возможно потому, что плохо ориентируюсь в пространстве), я приехала из Абрамцево со своей подругой, по предварительной договоренности – прежде всего для ее разговора с отцом Александром. Моя подруга хотела принять крещение и была, по моему мнению, к этому готова. Был прекрасный летний день, и, пока они довольно долго беседовали, я во дворе помогала пилить и колоть дрова. Потом отец Александр позвал меня

в комнату, мы сели напротив друг друга, и я вдруг заметила, что он выглядит очень утомленным и что волосы его начали сесть. Он стал меня расспрашивать о моем духовном настроении, о том, что я читаю. У меня тогда были знакомые антропософы, и я спросила об его отношении к антропософским текстам. Он взглянул на меня так внимательно (этот его взгляд, проникающий в самую душу, невозможно забыть), дотронулся до моей руки и глубоко вздохнул, а потом сказал (и я запомнила это дословно): «Как говорил еще апостол Павел, человеку всё можно, но не всё полезно». Потом мы говорили о проблемах земной Церкви, которые можно *преодолеть только любовью*. В заключение он сказал, что посоветовал моей подруге, как ей пройти оглашение перед крещением. И мы распрощались – до следующей встречи...

Но этой новой встречи так и не произошло. Вскоре после моей последней поездки к отцу Александру я узнала, что у него как раз в это время начались серьезные неприятности с «органами». Его вызывали «на беседы» к уполномоченному по делам религий, и не только из-за миссионерской деятельности и зарубежных изданий его книг, но и из-за его духовных детей, среди которых были и диссиденты. И я подумала, что без крайней необходимости не должна отнимать время у отца Александра в такой напряженный момент. Тем более что я тоже, в основном через дружеские связи, входила в тот круг лиц, которые находились под пристальным вниманием карательных органов уже агонизирующей советской власти. А когда через несколько лет началась «перестройка», а с ней наступила и «гласность» – и отец Александр наконец-то смог широко проводить миссионерскую работу, выступать по телевидению, читать публичные лекции, я тем более не хотела его беспокоить и отнимать у него драгоценное время без крайней необходимости. Я решила, что нужно быть благодарной за тот недолгий период общения с ним, который был мне отпущен, и что я должна учиться самостоятельно справляться со своими духовными проблемами или обращаться к другим духовным наставникам, искать ответы в книгах, что мне рекомендовал сам отец Александр. Я в тот период редко ездила в Москву и поэтому не была ни на одной лекции отца Александра, о чем, конечно, сожалею. Потом, когда я

увидела записи этих лекций, мне бросилось в глаза, как изменился отец Александр за эти несколько лет, – он выглядел так, словно нес на себе огромную тяжесть, под глазами были темные круги – от постоянного переутомления и нервного напряжения.

Уже после его гибели я поняла, что с «перестройкой» для него вовсе не закончился период «неприятностей», что ненависть к нему определенных структур из-за его публичной деятельности стала еще сильнее. Как оказалось, он долгое время ждал этого удара, внутренне готовился к нему – и при этом не переставал делать то, что считал самым важным. Символично, что его деятельность решили пресечь ударом топора – и нанесли удар именно по голове (ибо в ней, по мнению «охранителей» и черносотенцев, и была скрыта вся «крамола» – тот истинный дух Христов, де-факто столь им ненавистный). Но они не достигли цели: он победил своих врагов морально, победил духовно.

Я попала на могилу отца Александра ровно через неделю после его гибели и через несколько дней после похорон, 16 сентября. Было теплое воскресное утро, в Сретенском храме шла литургия – уже без его видимого присутствия. Рядом с храмом появился холмик с деревянным крестом и фотографией отца Александра, весь усыпанный цветами. Я постояла в одиночестве перед его могилой, потом подошла молодая женщина и встала на колени, и я ушла, чтобы не мешать ей молиться. Когда я ехала из Новой Деревни назад, до станции Пушкино, какой-то мужчина в автобусе, по виду простой работяга, вдруг воскликнул, ни к кому конкретно не обращаясь: «Что же это творится, уже и попов убивают!», а старушка рядом со мной закивала, соглашаясь: «Да такого, как наш был, еще поискать!» – и перекрестилась. И в этих словах деревенских жителей явственно звучало и отношение к отцу Александру, и народное неодобрение этого жестокого, фактически ритуального убийства.

Несколько раз я присутствовала на проходивших в Москве, в Библиотеке иностранной литературы, конференциях памяти отца Александра в годовщину его гибели, несколько раз была и в Новой Деревне, и в Семхозе. В десятую годовщину, в 2000 году, на Ново-деревенском кладбище смогла посетить еще две могилы: Елены Се-

мёновны Мень и новую – скончавшейся несколько месяцев назад инокини Досифеи (Е. В. Вержбловской). И увидела, наконец, превращенный в своеобразный музей кабинет отца Александра – в тот день все желающие могли зайти в его дом в Семхозе. Я побывала тогда в его доме вместе со своей подругой Ириной Блохиной (она тоже была для Анастасии Александровны близким человеком) – и у нас обеих возникло ощущение, что через нас еще один невидимый луч любви протянулся между Ан. А. и отцом Александром. На том месте, где его подстерегли с топором, тогда уже поставили часовню. Цветы лежали и у забора его дома, там, где он долго лежал, истекая кровью. И я каждый раз, поднимаясь по ступенькам с платформы, подходя к дому отца Александра, вспоминаю, как шла с ним по этому же маршруту – ступеньки, по которым мы поднимались, тропинка, по которой шли в сторону его дома. Свои последние шаги в этой жизни, уже с проломленной головой, он тоже сделал по этой тропинке – в сторону дома.

И поскольку нет в мире ничего случайного, особый духовный смысл был и в том, когда именно и каким образом пресекалась земная жизнь отца Александра – рядом с тропой Сергия Радонежского, по дороге в храм, в воскресенье накануне дня Усекновения главы Иоанна Предтечи. Это такие очевидные знаки восхождения в горний мир после мученической кончины (которой проверяется истинность всей жизни и служения), что уместно в заключение сказать: «Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, имеющий дух Христов да возрадуется!»

Лейпциг, май 2010 г.

* Фотографии из личного архива автора. Публикуются впервые.

Ирина Блохина

Ирина Блохина родилась и живет в Тамбове (в предместье теперь). Закончила Ленинградский университет и аспирантуру там же, при кафедре Истории древней Греции и Рима. Канд. ист. наук, доцент кафедры Всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Читает курсы древней истории, истории религий, спецкурсы и спецсеминары по античной культуре, античному христианству и др., преподает древнегреческий язык.

ПОСОХ В ДОРОГЕ

Главная дорога, которая всегда ведет в гору, дорога, называемая жизнью духа, у нашего поколения оказалась густо заросшей чертополохом... И выпалывать его было очень сложно. Нас не учили чтению Евангелия и молитве, не прививали счастливое чувство веры: эпоха вытравила понимание истинных ценностей, предложив суррогатные идеалы. В моей детской жизни еще были какие-то ниточки, связывающие меня с Богом. Мама крестила нас с сестрой полуспящих, на ночь, иногда приносила «булочку из Светлого дома», которую надо было съесть, «не уронив ни крошки». От няни я восприняла сладкую уверенность, что всегда со мной рядом Ангел-хранитель и что ушедшие рано бабушка и старшая сестренка «молятся за нас на небе». Чувство защищенности, неоставленности – одно из самых важных в душе, греющее и по сей день, – тоже из детства. У других и этого не было. И как нужны были нам, сбитым с толку, помощь и мостик к вере, добрый собеседник и провожатый! Самостоятельные попытки прийти в Церковь пугали: лишённые традиции, наследия веры, мы мало понимали происходящее там. Доступных книг не было. Родители, если и верили, боялись поселить раздвоенность в детских душах. И можно было только неумело молиться: «Помоги, Господи, обрести веру!». Этой живой помощью стало для меня слово отца Александра Меня.

Колоссальную роль в моем духовном взрослении сыграла моя тетья – Вера Николаевна Фаддеева, общение с которой в 60-е–70-е годы

питерского студенчества (а потом и аспирантуры) было бесценным. Известный математик, автор учебников, профессор, она была не только глубоко верующим, но и церковным человеком, что требовало мужества и решительности в ту глухую пору. Не навязывая своих убеждений, не поучая, она заражала и заряжала меня дивной незнакомой радостью своей любви к Христу. С ней я впервые вошла в храм еще робко, но уже не как в *чужой*, а как в *свой* желанный дом. И узнала, что любовь к Богородице может быть так же сильна, как... к маме. От нее и от ее любимейшей подружки (с тамбовского детства и – на всю жизнь) – Марии Витальевны Тепниной, редко, но приезжавшей в Ленинград, я впервые услышала о необыкновенном батюшке, отце Александре.

Они были очень разными, на первый взгляд, эти две необыкновенные женщины – и судьба, и служение их были разными. Энергичная, быстрая, радостно-оптимистичная тетя Вера, все понимавшая и все успевавшая, вырастившая троих детей, была активным преобразователем мира вокруг себя. Миниатюрная, тишайшая, с глуховатым голосом, мягкой деликатностью во всем, но вместе с тем, ироничная, с удивительной ясностью и твердостью в суждениях – Мария Витальевна таила в себе не бросающуюся в глаза внутреннюю силу. И они были очень близкими. Их роднили не только общие воспоминания, но и не до конца понятная мне тогда великая Любовь. *Маруся Тепнина* (именно так это имя звучало часто в семье тети Веры) меня завораживала. И были ли мы вместе на выставке Дионисия в Русском музее или встречались в доме Фаддеевых (а встреч-то таких было всего несколько), я наполнялась в ее присутствии каким-то теплым светом и испытывала желание, как в детстве, уткнуться в ее колени и поплакать. Позже, после смерти и моей тети Веры, и отца Александра, я приеду к Марии Витальевне, заботливой спутнице и другу батюшки, в Новую Деревню и «уткнусь», а она станет утешать меня и, отвечая на мои жадные вопросы, рассказывать – о детском их с Верочкой Тамбове, своей «вечной» ссылке, об отце Александре и его прихожанах. Потом приеду еще и еще раз на службу в «тот единственный дом» и к ней. И в один из приездов буду есть приготовленные Марией Витальевной постные картофельные котлеты,

«которые так любил отец Александр», и не ведать, что встреча будет последней...

Другой дорожкой к встрече со словом отца Александра был сам-издат. Среди отпечатанных на машинке рукописей («Реквием» Ахматовой, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и многое другое) были потрясавшие меня проповеди неизвестного священника. А затем попали в мои руки, изданные брюссельским издательством «Жизнь с Богом», книги Эммануила Светлова. Помню, не зная ничего об авторе, не сопоставляя его с именем подмосковного батюшки, читала вместе с подростком-сыном взахлеб «Магизм и единобожие». Удивлялась, радовалась этим книгам, как открытию, которым они и были на самом деле.

Наконец, в самом конце 80-х по радио зазвучали лекции отца Александра для старшеклассников. И я мчалась домой, подменяя занятия в институте, чтобы ни одной из них не пропустить. И всё выстраивалось в душе, она ликовала и насыщалась силой и правдой простых слов! А произносивший их священник воспринимался чудесным образом (незабываемый голос? особая искренность? доброта? понимание моего непонимания?) как человек очень близкий, протянувший мне руку, говоривший лично со мной. Я тогда, потрясенная, писала:

*Как долго, плутая, шла
я, колокола не слыша.
Но вот, прозревая, душа
на свет из потемок вышла.
Меня повел за собой
Ты, Господи, властно и строго.
Какой оказалась простой
и ясной Твоя дорога...*

Весть о совершившемся злодействе и о гибели отца Александра была непереносима. Думаю, что тысячи тех людей, кто когда-то слышал или читал написанное и сказанное им, переживали, как и я, горькую боль утраты близкого человека, друга, так необходимого

всем нам в смутное, несправедливое, разбойничье время. Не хватало смирения, и трудно приходило понимание, что, возможно, его молитвенное заступничество «там» будет действеннее. Мир казался беспросветным. Но оставалось драгоценное наследство – его Слово. Тогда же, в сентябре, боль вылилась в стихи:

Памяти отца Александра

*Топор взнесён. Который раз...
И горького сиротства крик
на перепутье душист нас.
Злодейства лик
мы видим, в зеркало смотрясь,
и с вечностью живая связь
оборвалась...
Но победить и смерть и зло
дано – Любовью!
Его к нам обращённый зов
оплачен кровью.
И слово, будто знак Креста,
– звезда идущим.
А кровь его, как кровь Христа,
омоет души...*

Божья помощь пришла с его книгами, которые, благодаря усилиям друзей, прихожан, родных стали издаваться одна за другой. А позже подспорьем стали кассеты и диски с записью его проповедей и лекций.

И, конечно, совершенно особыми событиями были поездки в Новую Деревню, где остро ощущалось все, о чем знала уже: электричка, переполненный автобус, дорога к церкви – путь отца Александра. И служба (слева, у стенок, на коленях Мария Витальевна), исповедь, причастие казались особенно благодатными. Затем можно было постоять у могилы батюшки, а через три года и у могилы Маруси Тепиной... Можно было пройти по дороге к кладбищу, где обрела по-

кой Елена Семеновна Мень (сколько раз этой дорогой ходил отец Александр!)... Можно было робко, со щемящим чувством – имею ли право? – войти в калитку его дома в Семхозе...

Спасибо всем, кто оставил живые и искренние воспоминания о своем духовном отце – жаждущей душе важна была каждая мелочь, деталь, эпизод. Спасибо тем, кто устраивал конференции памяти о. Александра в Библиотеке иностранной литературы, принимал сотни людей в Новой Деревне и Семхозе в сентябрьские дни памяти батюшки. Эти поездки наполняли душу. А когда, приезжая в Москву, не могла попасть в Новую Деревню, шла в храм Космы и Дамиана, и там проповедь отца Александра Борисова или, кажется, совсем недавняя исповедь у отца Георгия Чистякова убеждали: вот семена, посеянные отцом Александром Менем, и как чудесно они взошли! И отступал страх, и приходил мир. Общение – на книжном листе или в личной беседе – с людьми, знавшими близко отца Александра, давали ощущение многолетнего знакомства и даже родства. Не только по себе знаю: он и после своей кончины сумел стать для очень многих духовным наставником.

Много потом было открытий и других чудесных христианских книг, журналов, альманахов. Но любимые мною книги о. Александра вот уже двадцать лет для меня – неиссякаемый источник моральной силы и знания, питающий душу надеждой, дающий ответы на трудные вопросы. Они становятся откровением также для моих детей и студентов.

Хочется добавить, что Александр Мень – не только представитель истинного священства, богослов и просветитель, но и потрясающий профессиональный историк, хотя его книги имеют цель иную, куда более широкую. Что бы делала я, преподавая в вузе историю религий и специальные курсы по истории раннего христианства, религиозному искусству и т.д., без шеститомника «В поисках Пути, Истины и Жизни» Александра Меня с бесценными приложениями, комментариями, списками литературы, без его очень точных исторических наблюдений, выживаемых из разных книг, без Библиологического словаря? И, конечно, без той силы убеждения и веры, которая заражает и заряжает, и отсутствие которой делает любую, самую «науч-

ную», книгу малоинтересной. Не только широчайшая эрудиция, понимание глубинных процессов, знание исторических явлений, умение изложить точно, эмоционально и понятно определяют его как неординарного историка. Безупречная этика его исторических пассажей построена на любви к человеку как творению Божьему, на уважении к человеческим усилиям в поисках Бога, на терпеливом размежевании истинного и ложного, на понимании сложности и трагизма пути, пройденного человечеством, и того пути, что еще предстоит пройти («Мы еще в самом начале пути»), на твердом знании истины. Этого не найдешь ни в одном из учебников или исследований по истории религии, да и всякой другой истории. И это, между прочим, тоже еще предстоит оценить и сделать методом настоящей исторической науки!

Влияние личности отца Александра Меня не только на его современников, но и на потомков, думаю, еще не вполне понято и реализовано, несмотря на издание его книг, лекций, проповедей, бесед и переписки, несмотря на публикацию воспоминаний и исследований, ему посвященных. Феномен этой личности, возможно, в том, что весь огромный талант и подвижнический, освященный искренней верой и истинным знанием труд были направлены отцом Александром на преображение, просветление человеческой души, освобождение ее от мусора и нечистот. Он, как библейский Давид, вышел против безбожного Века-великана, положив на весы живое слово и Любовь. Сотни людей услышали его и получили новую душу. Тысячи жадно впитывают мысль, чувство, веру из его книг. Но востребованным его слово будет и дальше, потому что для миллионов людей, ищущих веру и нуждающихся в ней, оно и впредь останется путеводной звездой на дороге к храму, истине, самому себе. Слово отца Александра будет прокладывать все новые и новые русла к человеческим сердцам. Вот и я одна из тех, к кому слово священника пришло, как благодатная помощь, как посох в дороге.

Тамбов, апрель 2010 г.

Мария Водинская

Мария Водинская живет и работает в Москве. В 1977 году стала прихожанкой Сретенского храма в Новой Деревне.

Окончила в 1980 году Московский полиграфический институт по специальности художник-график. Восемь лет работала в издательстве «Русский язык» художественным редактором и оформителем книг. Три года вела детскую художественную студию.

С 1993 года арт-терапевт Центра лечебной педагогики, художник. Оформляла книги о Даниэля Анжа: «Твой Царь, юный, как ты!», «Твой Царь, умерший за тебя!», «Евангелие, написанное Лукой». Создала серию календарей Центра лечебной педагогики, выполненных с участием детей, воспитанников Центра. В настоящее время работает как арт-терапевт с детьми и взрослыми.

МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ?

...В детстве меня никто не учил молиться, но я чувствовала, что могущественная Сила охраняет и любит меня, что Она ведет меня по жизни. Я часто радовалась, благодарила и сочувствовала. Помню себя шестилетнюю, как я называю вслух имена любимых людей, передоверяю их этой Силе. Помню, как мне совестно, и я прошу меня простить.

В отрочестве все изменилось очень резко. Я утратила собственную цельность, тьма поселилась внутри меня в виде проблем, с которыми я не могла справиться. И я стала снова искать эту Силу, теперь уже прося Ее помочь мне. Я не знала, как примирить свое сердце со страданиями и злом, как мне жить дальше.

И вдруг совершенно разные люди стали рассказывать мне, что есть священник, который служит в Подмосковье. Он пишет книги и энциклопедически образован. Он необычайно одарен и открыт людям. Он многим помог.

Удивительно, но из других источников пришли одновременно книги о. Александра: «Сын Человеческий», «Истоки религии», «Дионис,

логос, судьба», «Вестники Царства Божьего»... Я читала, и мне казалось, что о. Александр знает Того, в Ком я теперь так нуждаюсь! Это значит, что он сможет мне помочь. Я поверила в это, и решила, что поеду в Новую Деревню. Хотя и робела.

Меня взяли с собой знакомые. Стоял октябрь месяц. Чтобы вовремя попасть на раннюю службу, мы поехали в Деревню с вечера. В Пушкино сели в автобус, а потом шли в темноте по незнакомой серой дороге. Заночевали в домике, который располагался сзади церкви, за оградой. Кроме нас в домике остановилось еще несколько человек. Было темно и сыро. За стеной скреблись мыши. Я так и не заснула до утра. Начало светать. Мы тихонько поднялись и, выскользнув на улицу, увидели, что всю землю покрыл снег... По сухой листве, покрытой ослепительно белым снегом, мы шли к церкви, которая стояла совсем близко, выглядывая из-за деревьев. В этот миг ударил колокол. Это был Покров 1977 года.

С того дня я начала каждую неделю ездить в Новую Деревню в церковь на службы. Но мое личное знакомство с о. Александром произошло не сразу. Я долго не могла решиться подойти к нему, поговорить о своих проблемах. К тому моменту, когда я решилась, прошел не один месяц.

Помню, что, когда я впервые вошла к нему в кабинет, у него уже не было времени, он должен был уходить. Я так долго ждала этого момента, что расплакалась. Тогда отец спросил, готова ли я его подождать, но только он вернется нескоро. Я ответила, что буду ждать его сколько угодно.

Отец Александр оставил меня дожидаться внутри своего кабинета. Я провела два часа среди книг и икон. А когда он вернулся, мы познакомились. Отец Александр сидел в кресле за столом. Я – напротив. Исповедуясь, я встала в какой-то момент на колени. А потом я уже рассказывала о себе и плакала, уткнувшись в подол его рясы. А он слушал и гладил меня по голове, как маленькую. Дело в том, что в тот год, в силу разных причин, он не брал новых духовных детей. Помню, как я сказала, что никуда больше, ни к какому другому священнику ни за что не поеду! Отец Александр улыбнулся и назначил мне следующую встречу.

В тот год оказалось, что я выучила многие молитвы наизусть. Не только те, которые полагалось знать при крещении. Это получилось само собой, без всяких усилий. И я никогда не задумывалась, как это вышло, потому что я их не учила. Только когда мой младший трехлетний сын в день гибели отца Александра, когда мы плакали и молились, прочитал вдруг при всех молитву «Отче наш» и «Богородице, Дево, радуйся», я вспомнила, как вошли церковные молитвы в мою жизнь. Мой старший сын в возрасте шести лет молился так: «Благословен Господь, Господь отца Александра, да придет Царствие Твое».

Однажды я спросила отца о грехах, что с ними делать. И он мне рассказал про корову, которая пасется на лугу. Она делает «свое дело», «знай себе, жует», а грехи, как оводы, липнут. Она их хвостом отгоняет, и продолжает «свое». Про это же, но позже, он говорил и другими словами. Он говорил, что в каждом из нас есть «ветхий человек» и «новый человек». И полагать себя нужно в «новом человеке».

Обычно я писала о. Александру. Я приспособилась носить с собой тетрадку, и писать о. Александру в нее, как в дневник. Потом я отдавала ему тетрадку, а он ее через некоторое время возвращал, чтобы можно было писать в ней дальше. Иногда он с кем-нибудь присылал письменный ответ, если мой вопрос был важным и было ясно, что доехать до Новой Деревни я смогу не скоро.

«Дорогая Маша. Напишу Вам два слова. Страх Божий – это страх потерять с Ним контакт, страх провалиться в бездну бездуховности. Но в вашем случае одного страха недостаточно. Нужна сопротивляемость, о которой Вы как раз и пишете. Эта сила сопротивляемости крепнет по мере того, как мы упражняемся в ней. Главное – полагать вялость, зло, тьму вне себя, сознавать их не как часть моего «я», а как чужеродное тело. Основа нашей души прочно связана с Ним, а все остальное – накипь. Оставаться ВЕРНОЙ Основе – вот компас».

Как-то, в первые годы нашего знакомства, я отдала ему две толстые тетради. Он их не возвращал долго. А потом вернул. В одной

из них, на первой странице, он наклеил картинку, изображающую Христа, раздающего хлеб и рыбу. «Вам будет интересно прочитать это потом, спустя много лет», – сказал он.

Часто я просыпалась ранним утром с чувством полноты жизни, и с удивлением обнаруживала, что вопрос, мучивший меня, исчез и не существует более. Это случалось в те ранние часы, когда отец вставал и ехал на службу, в часы его утренних молитв о своих духовных чадах.

Позже, в это же утреннее время, мне снились сны. Мне снилась литургия в нашем новодеревенском храме, и отец предстоит перед алтарем. И я просыпалась от счастья. Я понимала, что мне пора приехать, что отец попросил за меня. И мне удавалось вскоре беспрепятственно добраться до службы, хотя обычно это требовало от меня усилий и преодоления различных трудностей.

Так сложилось, что я не посещала катехизацию, но я много читала, и группа у нас была евангельская, где мы читали Библию и молились.

В те годы я читала Соловьева и Бердяева, Кьеркегора «Страх и трепет» и Льюиса «Страдание», 4-й том Добротолубия, письма Феофана Затворника, Ельчанинова, иеромонаха Софрония о старце Силуане, Иоанна Кронштадтского, беседу Серафима Саровского с Мотовиловым, все книжки самого о. Александра. И, конечно, Библию. Особенно мне нравились Псалтирь, Песня Песней, книга Иова, Евангелие от Иоанна и послания апостола Павла.

Но почему-то о книгах я отца никогда не расспрашивала. Спрашивала только о своих проблемах.

«Дорогая Маша. Вас заботит и угнетает многое. Но половину из этого можно отбросить. Однажды папа Иоанн XXIII в начале своего понтификата проснулся в холодном поту от забот, и не мог уснуть. А потом сказал себе: «Джованни, что ты мешаешь Богу? Это Его забота!» – и спокойно уснул. Так и Вы должны побольше Ему оставлять. Не думать, что Вы должны близких переделать.

Переделывайте себя. Близкие за Вами потянутся. И не надо «оценивать». Живите проще, органичней, гармоничней. Задачи: быть представительницей Евангелия, любить свое дело, радоваться от того, что можешь и приносишь радость другим. Радость в отдаче (молитва, любовь, творчество). Все остальное пыль. С любовью Ваши о. Александр».

Как-то я написала отцу Александру о том, что чувствую от его молитв, как меняются мои мысли, о его избранности. Он же мне ответил: *«Маша, мы все на одном пути. Разницы нет. Просто мы с Вами находимся на разных отрезках этого пути, и начинали с разного».*

Разница, конечно, была! Она была в силе и «качестве» его любви к Богу! Но я согласилась с тем, что он сказал. Именно эти слова отца являют для меня позицию, из которой «возможна любовь», делают для меня «других» близкими. Именно эти слова определили и определяют на протяжении многих лет мое отношение к людям.

Он говорил, чтобы мы причащались не реже одного раза в месяц, что если мы пропадем на большее время, то «он за нас не в ответе». Он и вправду отвечал за нас перед Богом. Вступаясь за нас молитвенно, он брал на себя наши грехи, известно множество историй, как по его молитвам отступали проблемы, и большие, и малые, как отступали болезни.

Правила, по которым он сам жил и нам советовал, он шуточно называл МОТ и НОТ (Молитва-Отдых-Труд и Научная Организация Труда). Сам он жил чрезвычайно насыщенной жизнью. Вставая в пять утра, отправлялся на службу затемно. (Хотя сам он был когда-то «совой», всю жизнь ему приходилось работать «жаворонком»!) После службы, молебнов и треб, к нему выстраивалась очередь из его духовных чад и других приехавших к нему людей.

У меня зачастую не хватало сил дождаться своей очереди, и я уезжала. Но если удавалось все-таки досидеть, то, войдя в его кабинет усталой и измученной, я выпархивала оттуда как на крыльях и добиралась до Москвы «на одном дыхании», полная силы и радости.

Часто он ходил на требы по вызову, посещая местных жителей. По пути он также брал кого-нибудь с собой и разговаривал. А после всего еще отправлялся по делам в Москву. Он никогда не мог позволить себе засидеться дольше положенного срока в гостях, соблюдая железную дисциплину. И нас никогда не поощрял к беспорядочному образу жизни, к ночным «посиделкам», пустым телефонным разговорам.

Мы с О. хотели помочь батюшке, сэкономить его время: ведь ему в Москве надо было не только посещать людей, но еще успеть купить продукты домой. Мы предложили их закупать, а наши мужья должны были привозить их вечером на вокзал. Отец согласился. Но я знаю, что это было сделано не просто так. На самом деле это было актом заботы о нас, ведь наши мужья получили драгоценную возможность регулярно сопровождать отца в электричке до самого Семхоза.

При таком распорядке жизни он умудрялся писать. У него все время было что-то в работе. Зачастую он делал это в электричке, просматривая материалы или читая.

Последние десять лет он занимался словарем. Помню, как отрезок дороги мы ехали вместе. Отец, достав материалы словаря, с горящими глазами живо и увлеченно рассказывал мне о каком-то деятеле Церкви, показывая его фотографии. Сцена была очень привлекательная, особенно если вспомнить, в какие это было времена! Сидевшие рядом пассажиры, затаив дыхание, наблюдали за нами. Интересно, что они думали!? Батюшка вел себя совершенно непринужденно и был таким обаятельным.

И еще, говорил он, христианина должны поддерживать четыре опоры, как четыре ножки у стола: совместное чтение Евангелия в группе, совместная молитва, совместное участие в церковной службе и причастие, дела милосердия. Если одна ножка сломана, то стол не устойчив, если две – накренится, если больше – упадет. То же происходит и с человеком. Все звучало так просто. Но выполнять было непросто. Ведь это требовало ответственности, усилий, внутреннего желания так жить, организованности.

«Христианин должен ногами твердо стоять на земле, а головою – быть в небе», – говорил отец. Он не одобрял ситуаций, когда люди

«удараясь» в веру, оставляли работу, близких, становились бомжами, сторожами и пр. Он не одобрял веры, отдельной от жизни, так же как и жизни, отдельной от веры.

Когда я родила первого сына, то получила от отца записку: *«Дорогая Маша! Поздравляю и очень радуюсь за Вас. Не волнуйтесь: все детали уладятся. Вот моя внучка тоже была запутана в пуп, но потом стала живой и непоседливой. В эти дни был очень близко от Вас и Вас чувствовал. Как хорошо, что все это произошло. Я люблю молодых родителей. И силы другие, и отношение легче. А ребенка нужно любить легко, не давя его своей любовью, как камнем (бывает и так). Будьте спокойны и помните, что рождение ребенка многое меняет в человеке к лучшему. Всегда с Вами Ваш о. А.»*

Мы хотели назвать сына в честь батюшки Александром. (В нашем приходе было множество Александров!) Но отец воспротивился, когда мы его спросили об имени. У нас в запасе оставалось еще два имени на выбор: Кирилл и Илья. «Тогда выберите имя Вы», – сказал муж. Отец посмотрел на него и сказал: «Он будет Кириллом». Зато второго сына муж называл все-таки Александром!

Когда я была беременна во второй раз, отец Александр совершенно неожиданно посетил меня. Это было на следующий день после его дня рождения, и мы были вдвоем, и молились вместе. Мне очень хотелось «встретить» ребенка в момент его рождения. Я просила Бога дать мне такую возможность: молитвы, осознанного состояния, душевного мира. Я спросила отца, как ему кажется, долго ли мне еще осталось ждать. Он сказал, что, наверное, неделю. Через неделю, в воскресенье, я родила мальчика. Мне удалось во время родов то, о чем я просила.

Я помню, как пришла на его лекцию в Дом художника. Я не могла выбраться в Новую Деревню, так как дети без конца болели, младшему тогда было два года. И сама я мучилась невралгией, были бессонные ночи, а еще начались странные приступы. Муж хотел уехать из страны, а я отказывалась, будучи не в силах оставить родных и друзей. Было очень тревожно, силы были на исходе. А мне надо было

быть в форме, ведь дети были на мне! После лекции я зашла за кулисы. Отца Александра все время дергали, толпились люди. Отец подошел молча, смотрел пристально. Я больше не могу, – сказала я и разрыдалась. Мы молчали. «Это сердце, Машенька», – сказал он после паузы, осеняя меня крестным знамением. И я ушла.

Это была первая ночь, когда я спала. Невралгия прошла надолго, как будто ее и не было. А приступы оказались, действительно, «сердцем». Это стало мне ясно позже.

Однажды я написала ему в письме о трудностях наших друзей, его прихожан, которые давно у него не появлялись. Много позже я случайно узнала, что отец посетил их почти сразу после моей записки.

Многие прихожане старались помогать о. Александру. Отец сам помогал людям реализоваться рядом с ним в общем деле, проявиться творчески. Эти «общие дела» многим помогали держаться на плаву. Отцу было важно регулярно видеть своих духовных детей. Для тех, кто был в «тяжелом» состоянии, кто имел тенденцию «выпадать», он часто находил «задания». А сам отмаливал их, «держал» какое-то время (или все время) на «коротком поводке».

У меня тоже был такой «поводок», на котором отец меня «держал» и «вел». Это были мои письма. Как-то я сказала ему, что мне стыдно его «грузить» своей писаниной, что Бог и так все видит, а я «трачу его время». «Да, это Вы умеете...», – весело сказал он, «взвешивая» на руке мою тетрадку, и ласково улыбнулся. А потом сказал уже серьезно: «Обязательно пишите, это нужно Вам!»

Еще в самом начале наших отношений я как-то сказала ему о долге, который понимала чересчур серьезно. Это было про то, что я «должна» что-то своим близким, которые «вкладывали» в меня свои силы, время и т.д. Отец смеялся искренно и так долго, что я в какой-то момент, наконец, почувствовала всю нелепость своих утверждений. «Вы ничего не «должны», Машенька! Вы свободны!».

Сама я не очень умела устанавливать простые и паритетные отношения. Отец же умел прекрасно! То шуткой, то доброй улыбкой, то самыми простыми словами или неожиданным вопросом он снимал

мои зажимы и комплексы. Он умел в какой-то момент перейти на «ты» и дать мне почувствовать себя близким ему человеком. А потом снова переходил на «вы», говоря о чем-то очень серьезном. Я помню, как мы с ним шли пешком из Новой Деревни в Пушкино на вокзал. По пути заходили по его делам. Одним делом было отдать его брюки в ателье, чтобы их сузили. Помню, как я замялась и предложила отцу подождать его снаружи. Он же, не прерывая разговора, завел меня внутрь и дальше продолжал со мной общаться во время примерки, стоя за занавеской, как ни в чем не бывало, улыбаясь мне оттуда, временами прерываясь, отвечая что-то закройщице. Это был урок простоты и естественности. И это не отменяло взаимного уважения. И моего понимания его святости тоже не отменяло!

Однажды отец навестил нас, возвращаясь с очередного допроса. Это были чрезвычайно тяжелые для отца годы, годы постоянных преследований. Он был очень усталым, на вопросы о себе не отвечал. Сказал только, что разговор длился два с лишним часа. И тут же перешел на наши проблемы и дела. В тот раз я еще переживала, так как у него разошелся шов на брючине, а на улице стоял нешуточный мороз. Как же он будет добираться до Семхоза?! Но отец отказался, чтобы я зашила брюки, очень деликатно и вместе с тем так твердо, что настаивать было невозможно.

Один раз я встретила о. Александра в Москве случайно. Он шел к прихожанам, которые жили недалеко от меня. Сколько было радости!

Вообще, о. Александр навещал своих духовных детей несколько раз за год. Приходил к ним домой. Такая у него была традиция. Обычно мы молились все вместе. А потом он исповедовал каждого по очереди, в том числе и детей. Случалось, что он приводил с собой в гости кого-нибудь еще, с кем ехал и общался в дороге. Группы молитвенные он тоже посещал хотя бы раз в течение года, а иногда и чаще, если были проблемы.

Как-то я вышла его проводить в Москве. Хотела провести его короткой, более удобной дорогой, и спросила его об этом. Отец помолчал минуту и сказал: «Не надо». Помню еще случаи, когда он

отказывался после короткой паузы-молитвы от предложенной помощи. Однажды, в Деревне, в его кабинете после службы, я наливала ему чай и случайно налила его в чашку, из которой он раньше пил кофе. Отец выпил чай, ничего не сказав. Чай был полон кофейной гущи. Я обнаружила это потом, когда стала мыть чашки.

У меня не было никакого «дела» рядом с батюшкой. Но одно оставалось для меня неизменным. Мне всегда хотелось быть преданной, верной – «не отвалиться», не отпасть. Многие ведь уходили от него – в другие приходы и вообще из Церкви. Я знала, что ему это было больно. Мне хотелось стать достойной его, проявить постоянство, выполнять то, что он просит, в смысле правил духовной жизни. Я носила это в сердце.

В последние годы отец предупреждал меня о том, что мне будет трудно. Он говорил про пустыню: «Прежде, чем выйти в Землю обетованную, израильский народ странствовал сорок лет! У каждого – своя пустыня». Моя «пустыня» началась перед его гибелью и длилась почти двадцать лет.

В то последнее лето я приехала на исповедь в конце августа. Я жаловалась на трудную личную ситуацию, из которой не было выхода. На душе было очень тяжело. Хотелось повидаться с отцом, чтобы поговорить. Я сказала, что мы в Зеленоградской будем до 30 числа, а потом переберемся в Москву, хотя уже и не надеялась на встречу, слишком он был занят этот последний год.

И вдруг, в день Успения, сердце как-то сжалось, защемило, я выскочила на дорожку перед домом, а там о. Александр. Идет к нам! Это было чудо. Это было наше прощание.

Вот он сидит на террасе на стуле, и мы все вместе разговариваем. Я выношу ему показать свою работу, (я тогда начала расписывать деревянные яйца). Он смотрит и говорит, что можно было бы нас связать с Лялей, которая в Италии занимается тем же... Пауза. Он замялся, махнул рукой – и замолчал.

Я стала возвращать ему две книжки, которые брала читать. Он сначала взял, подержал в руках, а потом отдал: «Оставьте их себе». Так хотелось поговорить, про все спросить. Но не получалось.

Отец сам начал говорить про нашу ситуацию. Муж хотел уехать из страны, а я не хотела. Отец не благословлял нас, всячески отговаривал. Но это не приносило облегчения. Напротив, только становилось тяжелее.

Я тогда почему-то спросила о. Александра о своем родном отце, которого почти не знала, важно ли мне с ним встретиться. А он ответил: «Да, это может быть интересно!»

Потом отец по очереди исповедовал нас.

После исповеди я провожала его до платформы. Дорожка, по которой мы шли, была узкая, под ногами шуршали сухие тополиные листья...

Много лет отца Александра уже нет рядом с нами. Невозможно «доехать» до него на электричке, невозможно вместе ходить вокруг храма, разговаривая, вместе прогуляться до кладбища, посидеть «в очереди» в его кабинет, передать письмо с okazjiей...

За эти годы, которые прошли с момента его гибели, очень сильно изменилась жизнь. Мои собственные дети выросли и стали взрослыми людьми. Но, по-прежнему, все, что встречаю в жизни, я провожаю «отцом Александром», его «духом». Отчетливо звучит его голос: «Главное, быть представительницей Евангелия. Все остальное пыль».

Можно ли человеку научиться любить Бога?..

«Люблю Тебя, Господи, люблю более всего на свете! Ибо Ты есть истинная радость, душа моя! Ради Тебя люблю ближнего, как самого себя». Так молился отец, но тогда мы этой молитвы не знали. Нам он иногда говорил шутливо: «У меня соглашение с Богом. Я Ему – себя, а Он мне – все остальное!»

Москва, апрель 2010 г.

Наталия Большакова

ОДИН ИЗ ДУХОВНЫХ УРОКОВ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

В духовничестве, т.е. в руководстве под действием Св. Духа, отцов-пустынников и старцев, есть много таинственного и та́инственного (от слова «та́инство»). Как и в Евангелии, многое для нас недостижимо в словах Христа.

Так же в пастырском водительстве отца Александра Меня есть много «уроков», которые нам даны на годы, на десятилетия, может быть, до конца земного бытия мы будем постигать их, а может быть, и дальше унесем их с собой, и только *там* будет открыто нам...

Я представляю вам хронику одного такого та́инственного «эпизода» из духовного руководства отца Александра.

Дело было Рождественским постом, в конце 80-х годов XX столетия. Тогда, как и сейчас, я жила в Риге.

Покидая Новую Деревню¹, после воскресной литургии, общения, прощаюсь с отцом Александром, — прошу благословения на отъезд, а он мне говорит: «Вы должны еще раз приехать к нам». Я отвечаю, что служба теперь только в среду, а во вторник вечером я должна уехать домой в Ригу, на что отец Александр говорит мне: «Вам надо приехать к нам во вторник днем, я буду исповедовать». «Батюшка, — говорю я, — на вторник у меня назначены еще дела, я могу не успеть, и ведь я сегодня исповедалась...» — «Да, но вы должны еще раз исповедаться до отъезда», — настаивает отец Александр, ничего не объясняя. Я, растерянно бормоча, что вряд ли успею приехать в Деревню во вторник, ухожу. По дороге думаю, что во время исповеди отец Александр ничего не говорил о необходимости повторно исповедоваться, на душе у меня было легко, светло и ясно, как обычно после литургии у отца Александра, и я недоумевала, зачем это я должна

¹ В селе Новая Деревня, которое находится на окраине города Пушкино в 1,5 часах езды от Москвы, есть православный храм Сретения Господня, в котором с 1970-го по 1990 год служил прот. А. Мень.

послезавтра опять идти на исповедь, и с чем... А желающих исповедаться и без меня у него хватает, особенно во время Поста!

Следующий день, понедельник, я провела в Москве, в делах, встречах, не все успела, и многое было перенесено на вторник. Ну, никак не успеть до поезда и дела закончить, и в Новую Деревню поехать. «Не поеду! – окончательно решила я, – а отцу Александру позвоню из Риги, объясню, что так сложились обстоятельства...»

Во вторник рано утром, часов в 5–6 я проснулась от очень сильной боли, буквально пронзившей левую ногу от бедра до щиколотки. Прележав какое-то время в напрасном ожидании, что внезапная боль оставит меня, я стала пытаться вставать. Это было мучительно, боль не проходила, я не понимала, что это и откуда, – никогда ничего подобного со мной не было. Время шло, ничего не менялось в моем состоянии, я могла с большим трудом перемещаться по комнате, и со страхом думала о том, как я смогу добраться до Рижского вокзала и взгромоздиться на верхнюю полку (такой у меня был билет)... Все дела, встречи, назначенные на сегодня, отпали сами собой. Я даже думать ни о чем не могла, так боль меня захватила, я была в отчаянии и панике.

И вдруг я вспоминаю о настойчивом требовании отца Александра, чтобы я сегодня приехала на исповедь. Не думая ни о какой исповеди, я, как за соломинку, хватаюсь за мысль, что батюшка своей молитвой освободит меня от этой жуткой боли. Да, конечно, в силе его молитвы у меня не было сомнений, но как я доберусь до Ярославского вокзала, до Пушкино, до Сретенской церкви?.. Нереально!

И все-таки ничего другого мне не остается, надо пытаться. Невозможно рассказать, как я проделала весь этот путь, с какими невероятными усилиями мне давался каждый шаг, особенно ступеньки, слезы текли по моему лицу, кто-то из прохожих предлагал мне помощь, боль не ослабевала... несколько часов добиралась я до Новой Деревни.

Войдя в церковь и увидев отца Александра, исповедующего у аналоя, стоящего не на клиросе, а прямо в храме, я обрадовалась, как никогда: «Вот сейчас я скажу отцу Александру о своей невыносимой боли, он помолится, и боль исчезнет, вот сейчас...» Подхожу к аналою. Отец Александр сдержанно, не выражая радостного удивления,

что я все-таки приехала, здороваюсь. Не помогает мне, как бывало, улыбкой, каким-то вопросом, жестом, не обнимает за плечи, – отрешенно-сосредоточенно стоит, прикрыв глаза. Ждет.

А я ведь не только не готовилась к исповеди, но даже не думала об этом, все силы употребив на то, чтобы дотащить себя до Новой Деревни – ради того, чтобы получить облегчение. (Удивительно, но мысль о враче, вообще о медицинском способе исцеления в этот день мне даже не пришла в голову.)

И я начинаю исповедоваться. Как это могло происходить без всякой подготовки, я по сей день не понимаю! Отец Александр, не задавая никаких вопросов, не давая никаких поучений и советов, – выслушав исповедь, накрыл мою голову епитрахилью, произнес разрешительную молитву, затем было молчание, он держал мою голову обеими руками, как бы укутав ее епитрахилью, – это длилось какие-то мгновения, потом, благословляя меня, сказал: «А теперь сразу поезжайте, чтобы вам вовремя приехать в Москву, собраться и не опоздать на рижский поезд. Времени хватит, Вы все успеете».

Дойдя до дверей храма, я вспомнила, что не попросила отца Александра о самом главном – помолиться о моей мучительной боли, – и тут же осознала, что я уже какое-то время живу без боли. Спокойно иду, абсолютно безболезненно могу делать любые движения! Боль исчезла так же внезапно, как и возникла. Кто, как освободил меня от нее, ведь я даже ничего не сказала отцу Александру?..

Дальше – все просто. Дойдя до шоссе, поймала машину до Пушкино, от Пушкино доехала на электричке до Москвы, от Ярославского вокзала – на метро до далекого нового района, где я остановилась, собрала вещи и – на Рижский вокзал. Ночью, лежа на верхней полке, я всматривалась в происшедшее и как бы еще раз переживала весь этот необыкновенный день. Лицом к лицу я встретила с тайной и стояла перед ней. Но мои вопросы: откуда... почему... как... что... кто... я не задавала отцу Александру и никому другому не рассказывала об этом. Не знаю, почему. Что-то меня удерживало, заставляя жить в ожидании и надежде, что все откроется в свое время.

Но я до сих пор не все понимаю про те события.

«САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТО ОН БЫЛ...»

Беседа с Анатолием Ракузиным

Наталья Большакова: Расскажи, пожалуйста, о себе.

Анатолий Ракузин: Я родился 30 октября 1948 года в Москве в совершенно ассимилированной еврейской семье, родители были членами партии. Мой отец был художником, графиком-иллюстратором, мама работала редактором в издательствах. Семья была абсолютно неверующая. Мой дедушка – со стороны отца – тоже был из семьи неверующей, и он сам, своим ходом, стал антропософом. Потом он крестился в советские годы. В семье у нас все были евреи.

Я с детства занимался живописью, рисованием лет с десяти, ходил в художественную школу, потом поступил в полиграфический институт на факультет графики и закончил его в 1970 году. Я по образованию художник-график. Дипломная моя работа была «Вита Нова» Данте. Иллюстрации. Отец Александр меня благословил. Сами иллюстрации остались в институте, я их так и не получил, а эскизы к ним я подарил отцу Александру. Два года тому назад я встретился в Москве с его дочерью, которая живет в Италии, и вдруг она говорит: «А у меня висят ваши рисунки к Данте». Я уже забыл, как они выглядят. Я попросил ее привезти их мне, когда она будет в Париже. Здесь я сделал с них фотографии. Вот таким образом они ко мне вернулись.

После института три года я работал графиком, а в январе 1974 года уехал в Израиль.

Я женился в Иерусалиме, у меня родились две дочери, и прожили мы там до 1983 года. В 1983 году мы переехали в Париж и с тех пор тут живем. Я художник, живописец, еще гравюры делаю, рисую. Всегда занимался только этим, работал только как художник.

Н.Б.: Когда ты начал сотрудничать с издательством «УМСА-Press»?

А.Р.: С Никитой Струве меня познакомил Михаил Аксенов-Мерсон. У них тогда не было художника-оформителя. И я, еще живя

в Израиле, делал обложки для книг, издаваемых YMCA-Press, и посылал их в Париж. Началось это в 1974 году, а потом, приехав сюда, уже продолжал работать на месте до 1992 года, пока они не перевели издательство в Москву в 1993 году, основав там «Русский путь». До 1983 г. я просил мою фамилию на книгах не печатать, потому что в Москве жил мой отец.

Н.Б.: Понятная ситуация... А когда ты впервые смог приехать в Москву?

А.Р.: Я приехал в Россию в 1995 году, т.е. через 21 год после отъезда в эмиграцию, и с тех пор регулярно езжу туда. Последнее время там устраивают выставки моих работ.

Н.Б.: Когда, при каких обстоятельствах ты познакомился с отцом Александром?

А.Р.: Меня познакомил с отцом Александром мой дедушка Исаак Моисеевич Ракузин. Был он антропософ. Он действительно всю жизнь занимался антропософией. Отец Александр утверждал, что он был обычный настоящий христианин, а что антропософия была игрой ума. Я согласен с отцом Александром процентов на 95, потому что все-таки для моего деда антропософия была очень важна. Я под его влиянием в юности – мне было лет 16–17 – тоже увлекался антропософией. Читал доктора Штейнера. С дедом беседовал.

У меня даже книжки его стоят. Но довольно скоро мне это стало скучно, и, в общем, не удовлетворяло меня. Мне интересно было, что дальше, и тут мне дед рассказал, что он знаком с одним молодым священником – Александром Менем.

Потом я узнал, что они познакомились в Алабино в 1960 году. Отцу Александру было 25 лет. Дед был одним из первых интеллигентов, который прибил к отцу Александру, вернее, не прибил, но который его как бы открыл.

Дед ничего никому не рассказывал. Я тогда был маленьким. Дед продолжал общаться с ним в течение нескольких лет. Я об этом ничего не знал.

Н.Б.: А как они познакомились, не знаешь?

А.Р.: Знаю. Дед летом жил на даче со своей внучкой, моей двоюродной сестрой, и была там церковка. Дед зашел случайно

посмотреть, увидел священника, не типичного, так сказать, вида. Они познакомились, начали разговаривать. Я не знаю подробностей, я не спрашивал, но я думаю, что и отцу Александру тоже было интересно. Дед сообщил про Штейнера. Отец Александр попросил почитать, завязалось общение.

Мы знаем отца Александра – он любого человека мог заинтересовать, очаровать, хотя у них разница в возрасте была солидная – деду было под 70. Так они общались. Это продолжалось несколько лет.

Их общение не было таким уж регулярным, но он врезался в память деда, конечно, очень резко, и когда я уже пробудился и начал деда допрашивать, он сказал, что знает одного священника, очень интересного человека и т.д., очень не типичного и даже, между прочим, еврея, но дед был старый конспиратор, он знал, что бывает с антропософами... все они это прошли. Дед был одним из немногих, кто уцелел. Они очень соблюдали конспирацию, потому что никому ничего нельзя было говорить.

Поэтому дед особенно не любил рассказывать и про отца Александра, чтобы у него тоже не было неприятностей. Но когда я заинтересовался и попросил меня познакомить, дед повез меня к отцу Александру, но это тоже было не так просто.

Я с ним познакомился в 1967 году. Он служил в Тарасовской, но познакомился я с ним в Семхозе. Дед повез меня к нему домой. Я точно помню, что мы были вместе с дедом в Семхозе и там был Краснов-Левитин. Дед очень интересовался судьбой Якунина и Эшлимана – после их «Открытого письма» 1965 г. Он об этом письме слышал по иностранному радио. Я помню этот разговор-обсуждение. Дед очень восхищался этой героиней, а отец Александр и Краснов более сдержанно к этому относились: конечно, герои, конечно... В общем я тогда понял, что все не так просто... Их отлучили от священства, – разговор шел об этой истории, Краснов об этом много говорил, хотя отец Александр не очень был расположен об этом говорить. Видно было, что эта тема тяжела для него.

Вот так мы познакомились.

Н.Б.: Крестил тебя о. Александр в этом же году?

А.Р.: Да, отец Александр меня крестил в 1967 году, мне было 19 лет. Крестил он меня у себя дома в Семхозе, и дед был моим крестным отцом. Сам он крестился лет в 50.

Помню, что мы вместе с дедом были в Семхозе два раза: когда он привез меня познакомить и когда было крещение.

Н.Б.: Краснов-Левитин, видимо, был в первый раз?

А.Р.: Да, потому что когда крестили – никого не было.

Н.Б.: Где это происходило: на первом этаже или на втором?

А.Р.: На втором. Это старый дом, до ремонта. Какходишь, поднимаешься по лесенке, и там был закуток, отгороженный занавеской, который он сделал своим кабинетом. Там стоял огромный стол, весь заваленный книгами и рукописями. На стене висели фотографии, а в углу был иконостас. Я был сейчас несколько раз в его новом кабинете на первом этаже, но в мое время этого кабинета не было. Я помню, надо было подняться по лестнице и сразу налево. Чтобы с ним поговорить – заходили туда. Он сидел за столом, еще был стул, больше там места не было.

Потом уже, в Тарасовке, в церкви я стал встречаться с людьми, с его молодыми прихожанами. Одни из первых, с кем я там познакомился, были Миша Аксенов-Меерсон (теперь – отец Михаил), Женя Барабанов, Саша Юликов. Потом, немножко позже, я познакомился с Наташей Трауберг.

Н.Б.: А готовил он тебя к крещению?

А.Р.: Уроков катехизиса, так сказать, не давал. Но я приезжал с ним беседовать, он давал мне книги – так шло мое развитие.

Н.Б.: А какие книги он давал?

А.Р.: Многие работы Бердяева; Св. Франциска (хотя «Цветочки» я читал и до него – у моего деда была эта книга); «Магизм и единобожие», «Истоки религии», постепенно все 6 томов, что-то в рукописях, что-то уже изданное. Да, и «Небо на земле», и «Сын Человеческий».

А когда я приехал в какой-то раз в Тарасовку, и мы с ним вышли погулять за ограду, я сказал, что хотел бы покреститься, он мне сказал после некоторой паузы: «Значит, вы созрели». И больше не было вопросов.

Потом я стал еще чаще приезжать к нему, исповедовался, причащался, вошел в круг его общины, – это стало для меня как одно целое.

Он хотел, чтобы я общался с этими людьми, создавал ситуацию, при которой это становилось возможным. И дальше были встречи раз в неделю, были группы, где я участвовал.

Н.Б.: А в какую группу ты входил?

А.Р.: С какого-то периода мы постоянно собирались у Шуры Борисова (теперь – отца Александра). Там были еще Миша Горелик, Миша Меерсон, Женья Барабанов, Лёва Покровский. Павел Мень иногда приходил. Юликов туда не приезжал, с ним я общался в церкви и подружился, потому что Юликов был художник. С Наташей Трауберг я дружил, но она не входила в эту группу. Потом я познакомился со множеством других людей. Я много общался с Зоей Афанасьевной Маслениковой. Но самым близким в тот период был для меня Миша Меерсон. И он вообще был душой всего этого. Миша был самый активный, как бы мотор всего этого дела – обсуждений, семинаров.

Н.Б.: Как проходили ваши встречи?

А.Р.: Мы молились, читали и Ветхий Завет, и Новый – Апостола, Евангелие, обсуждали. Не только Библию обсуждали, но и другие книги, и церковные проблемы.

Нужно было готовиться – читать, конспектировать. Хочу сказать, что я ленился, готовился плохо, но, к тому же, это не моя стихия. Что я мог рядом с такими учеными людьми, как Меерсон, Барабанов?.. Один – историк, другой – искусствовед. Они знали, как работать с текстом, как его проанализировать. Они этим занимались профессионально.

Н.Б.: Сколько лет продолжалось твое непосредственное общение с отцом Александром?

А.Р.: С 1968 года по 1973-й включительно я общался с отцом Александром постоянно. Он был моим духовным отцом. Какой-то период времени – 69–70 годы я особенно много с ним общался. И ездил в Церковь каждое воскресенье, и иногда в Москве еще с ним встречался, и в течение недели ездил к нему домой. Мы много беседовали, и часто он просил меня что-то нарисовать для его книг.

До сих пор я вижу в некоторых изданиях карты, нарисованные моей рукой; обложки я делал, но потом нашлись лучше. Он часто просил меня что-то сделать, и я делал.

Он огромную роль сыграл в моей жизни. И этих пяти лет с ним мне на всю жизнь хватило.

Н.Б.: Думаешь ли ты о нем?

А.Р.: Думаю постоянно... В общем, это, конечно, был человек невероятный! Многое меня поражает в нем. И чем больше проходит времени, тем больше я поражаюсь.

Когда я с ним общался, он был молодым человеком – когда я уезжал, ему еще не было сорока лет, а когда я познакомился с ним, ему было 32 года, т.е. я помню его совсем молодым и, в то же время, – мудрецом.

Было такое впечатление, что он с детства был законченным совершенством. Это невозможно, ни один человек не бывает совершенным (хотя мы призваны к этому), но в нем было какое-то совершенство! В нем была какая-то наполненность, полнота, абсолютно необъяснимая в молодом человеке. А дед мой с ним познакомился, когда отцу Александру было всего 25, и он такой тогда уже был... Как может 25-летний быть таким мудрым, чтобы дать совет и молодому человеку, и старику, войти в положение каждого из них?.. Это непостижимо, это чудо какое-то...

К нему можно было приехать с любым вопросом на любую тему, с любой проблемой. И так просто с ним можно было поговорить, казалось, как с любым другим человеком, но – это был духовный Эверест. Это был гигант во всех отношениях. Вот что совершенно невероятно!

Здесь у меня возникает сравнение с евангельским эпизодом неприятия Иисуса в Назарете, когда соседи изумляются мудрости и силе Христа, говоря, что знают и родителей Его, и братьев, и сестер, и вообще – Он ведь один из нас. В этом есть и восхищение, и, в то же время, недоумение: откуда у Него все это?..

Такое чувство было у меня от этого молодого человека – отца Александра Меня (ведь я знал его семью, его родного брата!). Теперь, когда я сам значительно старше, чем он был, когда умер, я понимаю

его, непропорциональную возрасту, если можно так сказать, мудрость и святость... Конечно, совершенства на земле не бывает, и, конечно, я не все про него знаю, наверно, он имел какие-то недостатки, но я их не видел, я ни разу не видел их проявления.

Н.Б.: Это поразительно, но я тоже ни разу не видела в нем, – при всей перегруженности его и усталости, особенно в последнее время, когда его буквально рвали на части, – и тени раздражения. Только бесконечное терпение и любовь.

А.Р.: Да, это поразительно: даже когда он был уставшим или находился в очень трудной ситуации, он всегда думал о других.

Я сейчас вспоминаю, что я очень часто был с ним бестактен. Я был молод, глуп, и характер у меня плохой. Вот представь: начинается Великий пост, я еду в Новую Деревню и хочу, чтобы он мне что-нибудь сказал, задание дал на Великий пост, а его после службы вызывают в КГБ, и я знаю это. Мне сказали об этом, и все ходят как потерянные, потому что отец Александр едет сейчас в КГБ, а я все равно к нему подхожу по дороге на станцию. Я чувствую, что ему сейчас не до меня. Я не один, как всегда, рядом толпа, но я все равно что-то спрашиваю. А он идет и думает, ему надо готовиться к этой встрече, но он не говорит мне: «Толя, я сейчас занят». Он говорит: «Ну, вы знаете, что в Великий пост надо прочесть все четыре Евангелия». И сказал он это без раздражения. Только некоторая отстраненность давала понять, что сейчас ему не до моих вопросов. И я дурак – не надо было лезть, когда человек идет на такое... Я понимал, что мыслями он был где-то далеко. Но он никогда не мог бы сказать: «Знаете, Толя, сейчас я не могу с вами разговаривать».

Иногда я совершал поступки, которые отцу Александру очень не нравились, но он органически не был способен поучать человека, никогда не говорил: «Вы знаете, так не надо делать!» Однажды я привез к отцу Станиславу Добровольскису одного человека без разрешения. Отец Александр был возмущен и попросил Зою Афанасьевну, чтобы она передала мне, что я поступил плохо. Зоя Афанасьевна считала, что отец Александр сам должен был сказать мне, чтобы я не смел делать такие вещи, а он ей ответил: «Я не способен учить морали».

Н.Б.: А если вспомнить, насколько опасное для него, для отца Станислава и других, было время, и что он буквально ходил по лезвию ножа, а люди, ради которых он постоянно подвергал себя риску, – особенно молодежь, – часто довольно беспечно вели себя, купаясь в этой атмосфере радости, свободы, творческого подъема, всего того, что за пределами общины отсутствовало...

А.Р.: Да. Мы были, конечно, глупые, эгоистичные, наглые и много говорили, пьянели от этой свободы общения. А отец Александр только давал понять, что тут не надо разговаривать, лучше отойти подальше от церкви. Я только потом понял, что мы много проблем ему создавали.

Н.Б.: Была ли у тебя после отъезда встреча с другим священником, которую можно было бы считать «продолжением» встречи с отцом Александром?

А.Р.: В какой-то степени, да. Но только в какой-то степени... Мне посчастливилось встретить нескольких священников исключительных, но такого, кого можно было бы сопоставить с отцом Александром, я не встретил. Не значит, что я все время сравнивал, нет. Но, даже общаясь с такими выдающимися замечательными священниками, как литовец отец Станислав Добровольскис, монах с юности, такой хорошей католической выучки францисканец, живший тем, что Бог подаст, прошедший лагерь и не боявшийся принимать людей, или отец Даниэль Руфайзен, с которым я встретился в Израиле, – тоже святой жизни человек, или удивительный отец Всеволод Рошко, служивший в Иерусалиме, все они были уникальны по-своему, и, кстати, были в дружбе, в переписке с отцом Александром, – я понимал, что никого из них не могу сравнить с отцом Александром.

Н.Б.: А почему? Кто он, по-твоему?

А.Р.: У меня нет ни малейшего сомнения: он – святой. Он большой святой. Очевидно, что он мученик. Но было ясно, что он святой, и до того, как его убили. Даже если бы его и не убили, для меня он остается святым. Он в любом случае святой.

Вот уже 35 лет прошло, как мы с ним расстались. Но, если бы то, что он в меня заложил, не было бы так значительно, если б его влияние тогда не было бы таким сильным, ничего бы не осталось

за столько лет. Притом, что я был молод, глуп и вообще мало что понимал, все это осталось во мне.

И вспоминая снова и снова, осмысливая его слова, поведение, даже бытовые какие-то ситуации – уже в свете своего нового жизненного опыта, – я вижу, как его личность для меня все растет и растет. Нисколько не умаляется с годами, а наоборот...

Но ведь мы знаем, что те люди в I веке, которые ходили с Христом, ученики Его, – они с Ним ходили максимум три года, а потом они вспоминали, и это прорастало и прорастало... Я, конечно, не сравниваю, но отец Александр – человек святой, евангельский, и, хочешь не хочешь, получается сравнение...

Это не значит, что, вспоминая все, что он говорил, я абсолютно со всем согласен. Конечно, в духовной сфере – да, полностью. Но в разговорах на другие темы, например, об изобразительном искусстве, о литературе – я не во всем с ним согласен, какие-то его оценки я не разделял, но это ничего не меняло и не меняет в моем отношении к нему, настолько это второстепенно.

Н.Б.: ... и чем дистанция больше, тем видно лучше...

А.Р.: Да, чем дальше отходишь, тем выше становится эта фигура.

Н.Б.: Когда ты решил эмигрировать, как отец Александр отнесся к этому?

А.Р.: Он пытался меня остановить, приводил всякие доводы, не говорил категорически «нет», но просил подумать о том, о другом, немного пугал меня жизнью «там»... Домом он считал Россию. Но я хотел уехать, и он это понимал, и, несмотря на то, что родители мои были очень против, дед приезжал к нему, просил повлиять на меня, – отец Александр благословил меня ехать в Израиль, и я поехал. Он мне сказал такую фразу: «Потом вы, может быть, и уедете во Францию, в Англию, или в Америку, но очень важно, чтоб у вас был Израиль». Ему это было важно, и я уехал именно в Израиль, как он меня и благословил. Он понимал, что мне не нужно вообще быть эмигрантом. Я знаю от других людей, что он был рад, что я не пропал, что для меня это было положительно.

Конечно, мы с ним переписывались. Но короткими письмами. Ты знаешь, какой у него почерк, постепенно я научился его разбирать.

Он писал: живу, работаю, написал такой-то том; дочь родила – вот такого рода были письма – короткие. И я писал ему кратко о событиях своей жизни: о работе, женитьбе, рождении дочерей. Я не обращался к нему с «трудными» вопросами. Но я всегда понимал, что связь наша продолжается, что он молится, «держит меня в уме».

Н.Б.: Как ты узнал об убийстве отца Александра?

А.Р.: Мы с Инной жили в Париже, Инна работала в «Русской мысли», дружила с Ариной Гинзбург. Арине позвонили из Москвы, и она позвонила и сказала нам. Я был просто оглоушен, буквально потерял дар речи, открыл рот и долго так и оставался с открытым ртом. Это был шок, я совершенно не ожидал такого... Я знал, что отец Александр должен приехать в Париж и в Лондон, и ждал его приезда, думал, получится ли у нас хоть полчаса поговорить вдвоем, и вдруг это известие...

Со временем эмоции больше проявились, а поначалу был такой шок, который даже все чувства, все эмоции заглушил. Конечно, это было горе, страшная потеря, но, по-моему, даже сильнее было ощущение конца эпохи. Что-то определенно кончилось. Это был рубеж: вот время «до» убийства отца Александра, и – время «после»...

Н.Б.: У меня было и остается такое же ощущение: 9 сентября 1990 года и время, и пространство стали другими. Мир изменился. Все пошло по-иному.

А.Р.: То, что это злодейство, задуманное и организованное, удалось, и до сих пор концы не нашли, – говорит о том, что все профессионально было продумано на очень высоком уровне.

Н.Б.: И это не уголовники, конечно...

А.Р.: Нет, уголовники не убивают таких священников. Кроме того, «убрать» человека, не оставив следов, очень трудно. Здесь требуются профессионалы высокого класса. А они могли быть только в одном месте. Наверняка, нет уже и исполнителей. Дело закрыто. Если бы очень хотели, нашли бы убийц...

Это силы... они поняли, что его можно только убить, что с ним ничего нельзя сделать, с ним абсолютно невозможно бороться.

Н.Б.: Эти силы... о ком ты говоришь?

А.Р.: Темные силы... я думаю, их там слилось несколько вместе, –

кому отец Александр «идейно» мешал, кому он был как кость в горле с его миссией, с его способностью обращать людей, – он был опасен для их планов, и он вызвал на себя огонь каких-то мощных сил, а на компромиссы – они знали это – он не пойдет. Он мог мешать каким-то кругам и в Церкви, которые хотели вести людей совсем не туда, куда вел их отец Александр.

Н.Б.: Ты говоришь о темном двойнике Церкви, о котором писал Фудель... Да, отец Александр и сегодня бы стоял поперек дороги у тех, кто хочет сделать из христианства, из православия идеологию. А там, где идеология, там, как известно, всегда есть враги, которых надо ненавидеть, уничтожить.

А.Р.: И тем, кто хочет, чтобы православие в России стало национальной религией, кто хочет создать родовую, обрядовую национальную Церковь, тоже очень мешает и наследие отца Александра Меня, и он сам, – стопроцентно укорененный в православной Церковной традиции, и в то же время полностью открытый ко всему.

Н.Б.: Как ты думаешь, кто близок отцу Александру – по образу мысли, по устремленности?

А.Р.: Не знаю... Он ни на кого не похож. Вспоминаю, что мы все приходили к нему плакаться. Все время жаловались. Теперь мне это кажется так дико! Так вот, одно из его любимых выражений было, – и мне он часто говорил это: «Бог не выдаст, свинья не съест, Толя, все будет хорошо!» Это ведь Соловьев говорил: «Бог не выдаст, свинья не съест», – это его была любимая фраза.

Я знаю, что он не только высоко ценил Владимира Соловьева и Тейяра де Шардена, но что они были внутренне близки ему. Он мне как-то сказал: «Я Соловьевец, Толя и тейяровец».

Н.Б.: Да, конечно, Соловьев и Тейяр – отец Александр словно принял от них эстафету... А вот среди его современников – по степени влияния на мир, по масштабу апостольского служения, мне кажется, ему близки брат Роже Шютц и кардинал Жан-Мари Люстиже – тоже вестники Царства Небесного... С братом Роже отцу Александру на земле не довелось встретиться. А первая и единственная встреча с кардиналом Люстиже была встречей родных людей, братьев, на-

шедших друг друга после долгой разлуки. Их родство было в том глубинном, для отца Александра центральном, в чем он вряд ли мог найти единение с кем-то еще – в осознании принадлежности народу Израиля и особого призвания.

Кадинал Люстиже назвал отца А. Меня «человеком Мира» – значимый и символический эпитет для еврея в XX веке, после черт оседлости, гетто, Шоа...

А.Р.: Рос я в ассимилированной еврейской семье, и только когда крестился, я вдруг почувствовал себя евреем. Сказал об этом отцу Александру, а он мне ответил: «Меня это нисколько не удивляет. Это естественно. Так мы вообще никто, мы просто болтаемся, а христианство приводит еврея к его истокам».

Н.Б.: Парадоксально и трагично, что многие евреи, ставшие православными христианами, превращаются в антисемитов, или, как минимум, стараются скрыть то, что их родители евреи, а если это не удастся, стараются всячески отмежеваться, стыдятся своего еврейства, словно дурной болезни или судимости. Они убеждены, что этого требует от них христианская вера, и так они выражают свою «лояльность» по отношению к Церкви. Это, конечно, искаженность веры, невежественность, но и проблема христиан, столетиями создававших почву, на которой рождается такое мировоззрение. И даже священники, воспитанные в этой традиции антииудаизма, как-то так ухитряются подверстать под свое представление и догмат о Воплощении, исказить его, чтоб только не признать, что по человеческой природе, по плоти Иисус – еврей, рожденный еврейкой, дочерью народа Израиля.

А.Р.: Еврею без своих духовных корней очень трудно, поэтому многие тянулись к отцу Александру интуитивно, может быть, не отдавая себе отчета в том, что через него они смогут обрести почву под ногами.

Н.Б.: Что для тебя самое главное в отце Александре?

А.Р.: Все, связанное с ним, очень важно. Вообще, про него можно говорить бесконечно, но самое главное для меня, это сам факт, что он был. Например, бывают сомнения в вопросах веры, и для меня

самый убедительный аргумент, это отец Александр – если человек, благодаря вере, мог стать таким, как он, – это для меня самое убедительное.

Когда я читаю Евангелие, всегда возникает вопрос, – как бы я ни верил, Евангелие вызывает много вопросов, и мы знаем, сколько есть противоположных точек зрения на одну и ту же тему.

Конечно, есть жизнеописания святых, но мы их не видели. Читаю, что был такой-то человек, но ведь я его лично не знал, не видел... А отца Александра я знал лично, и у меня нет никакого сомнения, что он святой. И этого святого я хорошо знал.

Я прекрасно понимаю, – чтобы стать верующим, совсем не обязательно лично знать святого человека, но для меня, в моих сомнениях, его образ, пример его жизни – самое убедительное доказательство истинности христианства. Не доказательство существования Бога – в Бога я верил и до знакомства с отцом Александром. А в истинности христианства и в том, все ли так верно в христианской Церкви – очень часто возникает вопрос. И когда я думаю об отце Александре – его личность, его жизнь для меня самое лучшее доказательство истинности этого пути.

Н.Б.: ...и того, что можно быть христианином в жизни?..

А.Р.: Именно!

У него была невероятная жизненная сила и радость. И он этим делился, передавал это. Достаточно было услышать от него два-три слова, и ты уезжал, как батарейка заряженная.

Н.Б.: А вещь, которую он нам принес, его книги – что больше всего повлияло на тебя?

А.Р.: Конечно, его книги повлияли на меня. В них масса идей. Наверно, если не всё, то 90 процентов того, что я знаю о Боге, религии, о Церкви – это из его книг. Но для меня самое главное не это. В конце концов, если б не его книги, я прочел бы другие. Конечно, для всей моей жизни очень важно, что я прочел именно эти книги, я их нисколько не умаляю. Но и самое сильное влияние его книг – это влияние его личности. Самая главная вещь, которую он принес, – это он сам. Он как личность.

Конечно, он был необыкновенно одарен от рождения. Но здесь и колоссальная его работа, и дар Божий, и окружение. Видимо, его избрал Господь, и так у него все складывалось, но это все не случайно... и его влияние на людей, и то, что он в нас заложил основы на всю жизнь...

Отец Александр до сих пор очень часто мне помогает в моих сомнениях, снимает массу вопросов просто самим собой, тем, что он был, тем, что такой человек возможен на земле.

Париж, февраль 2010 г.

Ольга Полянская

Ольга Полянская окончила филфак МГУ, пела на клиросе. В настоящее время пишет и вышивает иконы. Живет в Москве.

«Я ВАС НИКОГДА НЕ ОСТАВЛЮ...»

Отец Александр Мень навсегда вошел в мою жизнь после горячей молитвы, обращенной к Господу: «Боже, может быть, живет на свете человек, который поможет мне спастись? И очень прошу, чтобы он представил Тебе моего сына!»

В ответ Бог послал мне образ Доброго Пастыря. Перед моими глазами возник священник в митре. Я видела его в полный рост и чувствовала, что он молится в Духе. Когда вскоре после знакомства с о. Александром я рассказывала ему об этом, то простодушно добавила: «Знаете, я Вас не сразу узнала, потому что в видении у Вас были черные волосы». Он как-то смутился и спросил: «А что же Вы не приехали сразу, когда они были у меня еще черными?»

Первое впечатление: из алтаря на солею быстро вышел священник и очень внимательно обвел взглядом всю свою паству. Его взгляд был полон дружелюбия, участия, понимания. Заметил новое лицо – меня, и сразу передал ощущение ясного покоя. Да, передо мной стоял человек, через которого Сам Господь давал защиту и силы жить ищущим Его Лица. Мы не произносили: «Христос посреди нас – и есть и будет», но всю службу Христос был с ним, в нем и со всеми нами. Он был донором творческой чистой энергии жизни, аккумулировал Свет Божий и передавал нам. Это был просто поток живой Любви и радости. Он умел сразу менять внутреннее состояние людей и постепенно менять их убеждения.

Как-то я приехала к нему в страшном гневе и раздражении, а он сказал: «Ну, этому горю мы поможем». И правда, как будто изменился химический состав крови – я увидела красоту мира и почувствовала гармонию. От обиды и следа не осталось. Бог дал ему дар низводить мир на тех, кто был рядом.

Однажды он попросил закрыть глаза и какое-то время не открывать их. Я зажмурилась, но очень уж хотелось подсмотреть. Приоткрыла, но ничего не увидела, кроме света, и снова ощутила тепло и защиту.

Почти о каждом избраннике Божиим говорят, что он примирял людей с Богом. У отца Александра, без всякого сомнения, был и этот дар. Помню, примчалась к нему с ропотом: не хочу жить в мире лжи, клеветы, несправедливости, войн, предательств. («Повсюду ходят нечестивые, когда ничтожные из сынов человеческих возвысились». Пс 11:9.) И я возмущенно делала упор на «не хочу». И в ответ обескураживающе спокойная, ласковая интонация: «Правильно, ты меня радуешь, ты так и говори: Господь, я хочу жить (с упором на «хочу жить») в Твоем мире, по Твоим законам Любви и Божественного Милосердия». И в один миг эти слова снова примирили меня с Богом. Ведь сам он, наш пастырь, всегда жил по законам Любви и Божественного Милосердия, они были написаны в его сердце.

Он часто служил один, без дьякона и даже без алтарника. Запомнилось, как он произносил ектеньи: радостно, быстро, энергично. Иногда даже подпевал хору. Между возгласами и ектеньёй принимал исповеди. Во время службы ему очень помогала София Рукова, и он во многом полагался на нее.

Зная, как тяжело приходится добираться в Новую Деревню из города, никому не отказывал в исповеди. То есть, он всё успевал, и на нем держалось всё.

Как-то раз он вышел с Евангелием и серьезно кивнул моему четырехлетнему сыну, призывая его к вниманию. Мой сын часто во время чтений и евхаристического канона устраивался перед солеёй и следил за каждым движением священника. Однажды о. Александр торжественно нёс перед собой Евангелие, и вдруг одна из прихожанок лет шестидесяти всполошилась, накинулась как ястреб на ребенка и принялась оттащить его от солеи. К сожалению, мой сын не отличался кротостью, и в тот же миг раздался его крик, подобный аварийной сирене. Я, было, кинулась к нему, но Соня Рукова, наш регент (я пела тогда на клиросе), меня остановила: «Нет, сами разберутся, ты на службе, это самое главное». Отец Александр, сразу

оценив обстановку, кивнул Соне и изменил траекторию движения. С поднятым Евангелием в одной руке он подошел к борющейся в храме паре, молча перехватил детскую руку и прижал к себе. В тот же миг сирену будто выключили. Так же молча и твердо о. Александр вернул ребенка на прежнее место. Мой сын от неожиданности прошел этот путь на коленях. Он был ловкий и передвигался как угодно быстро в любом положении. Отец Александр, перед тем как отпустить его, еще положил ему свою руку на плечо и взглядом попросил слушать. Потом, словно не было этого эпизода, о. Александр встал перед алтарём и начал Евангельское чтение уже в абсолютной тишине.

Я верю, что когда-нибудь о. Александр с Неба возьмет моего уже взрослого сына за руку и приведет в храм, в общину, где звучит Слово. А тогда меня поразило его полное владение собой – ни тени гнева, возмущения, только доброта, защищающая душу ребенка, и исходящая от него сила безусловного служения Богу.

Как-то я подошла к о. Александру с просьбой благословить меня на работу, а сына помочь устроить в детский сад. Он подумал и отказался, объяснив свой отказ тем, что моим мальчиком нужно заниматься. «Тебе будет трудно, но вырастет очень хороший человек. Но ты должна быть рядом, а иначе – будет Пугачёв». – И сам рассмеялся от этого сравнения, а потом еще раз сказал: «Из ребенка может получиться толк, но только в том случае, если твое материнство станет для тебя самым важным делом. А что же ты хочешь? Это и есть настоящее материнство». На это я ему все-таки возразила: «Но тогда нам не на что будет жить и ребенку нечего будет есть». Отец Александр удивленно поднял брови и сказал: «Ну, этот вопрос мы решим». Он запустил руку в глубокий карман своей рясы и достал сложенные 50 рублей (на эти деньги мы могли прожить месяц). Я тогда еще не очень освоилась в храме и, вместо благодарности, возмутилась и начала категорически отказываться: «Что Вы, я совсем не для этого Вам сказала!» Он еще больше удивился и – как было для него характерно – поднял глаза вверх, к Небу. Небо будто преклонилось, повеяло тихим ветром, усилилось чувство Божественного Присутствия, и когда он повторно протянул мне эти же 50 рублей, мне

стало легко принять их от него как от близкого друга. «Я тебе всегда во всем помогу», – сказал он медленно и чётко.

Мне кажется сейчас, что он почти не тратил на нас своего драгоценного времени, но внезапно появлялся рядом, давал прочитать книжку, что-то спрашивал или отвечал, брал блокнотик моего сына и рисовал в нем зверюшек. Один раз нарисовал под елкой зайца с огромными ушами и вытянутой мордочкой. Всё это даже не на ходу, а на лету, но каждое мгновение было насыщено Благодатью. И я часто мысленно повторяю: «Спасибо Вам, батюшка, Вы заменили мне родных в непростой период моей жизни!»

Незадолго до 9 сентября 1990 года он повторил: «Я вас обоих никогда не оставлю и всегда во всем помогу. Проси мужества». Последнее слова он сказал с нажимом, чтобы дошло и запомнилось. Запомнилось, но не сразу стало понятно, о чем он говорил.

В конце августа 1990 года я уехала как паломница в монастырь. К тому времени я уже научилась общаться с о. Александром как по невидимому мобильному телефону. Вдруг получаю от него вопрос: «Ты где?» – «Я в монастыре». – «Срочно возвращайся, иначе не успеешь».

Я срочно вернулась, пришла 8 сентября на службу. Успела.

Вечером, накануне 9 сентября, перед тем как уснуть, я увидела длинный страшный темный коридор и в конце него, как в конце тоннеля, Свет, выход в ясное пространство Царства Небесного – и туда уходил о. Александр. Я попыталась усилием воли дотянуться до этого Света, но у меня ничего не вышло.

Утром я еще не встала с постели, когда о. Александр предупредил: «Сегодня не приезжай. Иди в Елоховский». Я так и сделала. Но когда писала в храме записки, «нечаянно» написала его имя – «об упокоении». Спыхватилась и исправила «ошибку». Вечером отправилась с сыном в Клязьму, где мы жили тогда. Мы еще были в пути, когда о. Александр попросил прямо сейчас поехать в один дом, к своим близким духовным чадам. Я мысленно возразила: «Что Вы, уже поздно, они могут спать ложиться». – «Сегодня там спать не будут». Мы все-таки сошли на нашей остановке и пошли к дому. За поворотом уже должно было появиться наше крыльцо, и вдруг я почувство-

вала сильное волнение, исходящее от о. Александра. Я недоумевала: в чем дело? И тут он мне сказал с беспокойством, но тихо и ясно: «Сейчас ты увидишь что-то страшное. НЕ БОЙСЯ! ЭТО СОВСЕМ НЕ СТРАШНО!» У меня заколотилось сердце: что там может быть такого страшного? К ручке двери была прикреплена записка. Разворачиваю и читаю: «О. Александр убит». – Он очень испугался моей реакции. И я снова услышала: «Уложи ребенка. Не уходи. Будь дома. Молись. Я рядом». Но куда там! Я помчалась выяснять обстоятельства, все еще надеясь на ошибку...

Когда я стояла перед гробом о. Александра, услышала вдруг его голос: «Возьми кусочек моего гроба». Мне представилась сцена, как я у всех на глазах отламываю кусок дерева от гроба, и я подумала, что это уж слишком, и всё это происходит только в моем воображении. Но я снова услышала: «Опустись на колени». Ну, это уже легче – я опустилась на колени. – «Протяни руку» – и в этот момент рядом со мной от гипсового украшения гроба отломился кусочек и повис как на ниточке. Я протянула руку и легко взяла этот кусочек, потом зашила его в ладанку, но, к сожалению, через несколько лет потеряла.

У меня в этот момент был шок и ясное осознание: смерти нет. То есть я знала, что жизнь продолжается, но что будет продолжаться обожение, – это трудно было себе представить.

Первое время после 9 сентября мне особенно часто казалось, что о. Александр предвосхищает все события, по мере сил облегчая наш Путь.

Надо сказать, что каждый раз, когда мне удавалось послушаться его, происходило что-то промыслительное, а если нет – шли напасти. Но оказалось, что иногда это бывает очень трудно, – послушаться.

Через некоторое время после гибели о. Александра мы с сыном отправились в Семхоз. Меня всё время тянуло туда после ухода нашего пастыря. Там всегда восстанавливалась с ним духовная связь, умолкала разногласица дьявольского хора искушений, он подсказывал молитвы, и я часто видела там вместе с ним архимандрита Серафима (который крестил в младенчестве о. Александра). Как бы ни было тяжело, там появлялись силы для преодоления зла, и состояние менялось к лучшему. Как будто там находится ключик, рычаг, фор-

мирующий положительные жизненные ситуации. Молитва уносится прямо к нему и возвращается мгновенно.

Мой сын там притихал, мы молились вместе. Однажды усталый ребенок вдруг сказал: «Тело страдает, зато душа в раю». Тогда ему было лет пять или шесть. В тот раз он вдруг сказал: «Мам, я хочу прокатиться в кабине машиниста». А надо сказать, что мой дедушка был железнодорожником и, бывало, во время войны один вёл под огнем поезда с ценным грузом. Наверное, в моем сыне внезапно заговорили гены, и я подумала: а вдруг получится, как бы это укрепило его веру! Говорю сыну: «Ну, я-то тебе не могу в этом помочь, сам понимаешь, а ты попробуй попросить отца Александра, он святой, вдруг когда-нибудь и прокатишься». Помечтали об этом. Ребенок искренне попросил, я присоединилась («где двое или трое...», а тут с нами сам о. Александр, на месте его памяти, его Подвига!). Вдруг что-то будто кольнуло: пора, нужно идти! Мы поспешили на электричку, и на всякий случай пошли по соседней платформе в сторону первого, головного вагона в сторону Москвы. (Надо же дать шанс свершиться чуду, хоть и слабо верилось.) А тут как раз и электричка подошла. Мы побежали изо всех сил, чтобы на нее успеть, нужно было еще перебраться через пути, а она уже затормозила. Я оступилась, но побежала дальше. И тут мы услышали: «Двери закрываются». Эх, все-таки не успели! Вдруг из кабины выходит молодой человек (подумалось: ну, сейчас будет ругаться, что перед поездом перебежали пути) – он улыбается, прикладывает руку к сердцу и так вежливо и сердечно говорит: «Извините, пожалуйста, но мы двери уже закрыли. А вы, если хотите, можете проехать у нас в кабине», – и приглашает войти, рыцарски пропуская нас вперед. Я иду, затаив дыхание, мой малыш радостно запрыгивает, а молодой человек, оказавшийся помощником машиниста, обращается к моему сыну: «Мальчик, а ты можешь сесть на мое место». Ему не пришлось повторять приглашение. Это было чудесно! Небо за окном быстро темнело, в полностью застекленной кабине под огромными яркими звездами, на скорости, которая казалась космической, мы со свистом неслись в пространстве, как в межпланетном корабле. Мелькали огни, купы деревьев – это был миг счастья.

Всё это произошло так естественно и легко, как будто только так и могло быть. А перед моим внутренним взором стоял улыбающийся отец Александр.

В другой раз мы попросили у о. Александра радости, праздника, и в тот же день вечером нас пригласили на репетицию евангельских сценок. Моему сынишке дали роль отрока Иисуса, отвечающего в Храме на вопросы мудрецов, а мне – роль Марии. Я три дня зубрила текст на иврите: «Чадо, что ты сделало с нами?..» Так мы познакомились с людьми, с которыми дружим до сих пор.

Стоя перед гробом о. Александра, все плакали – и я тоже. И вскоре мне приснился наш пастырь в солнечной комнате, улыбающийся. Я не находилась рядом, смотрела на него со стороны, а он стоял у дальней стены и вдруг обратился ко мне: «Ну что все вы всё время плачете? Смотри, для меня, в сущности, мало что изменилось!» Он обвел рукой комнату: «Вот это мой кабинет. Я здесь работаю. Вот книги. – Вся комната была в книжных полках. – Тут есть книга, над которой я больше всего работаю. Это книга судеб людей моего прихода. Хочешь, покажу? Там и о тебе кое-что есть». Он подошел к центральной полке и указал двумя пальцами на огромный фолиант в бархатном переплете. Потом достал книгу, раскрыл ее, и я увидела две с половиной строчки, посвященные мне. Я стала всматриваться. Видела буквы, но прочесть их не могла. Он сделал шаг мне навстречу с открытой на этой странице книгой – и в этот момент зазвучала дивная мелодия, очень добрая. Она ласкала сердце. Я подумала: надо запомнить – звучит как ручей в своем истоке и омывает чистой радостью. Он сделал второй шаг, и к этой мелодии присоединилось несколько голосов – кажется, четыре, и музыка взметнулась вверх – в ней была дивная гармония. Голоса были очень разные, но вместе создавали полифонию – будто прозрачный купол над пространством Любви. Отец Александр сделал еще шаг – и зазвучало больше ста голосов. Это была музыка духовного космоса, стремящаяся к Единому и заполняющая собой всё внутри и снаружи. Я подумала: «Ах, вот откуда Бах брал свою музыку, – он это слышал!». Отец Александр

хотел сделать еще шаг, и я поняла, что мое тело этого не выдержит, – усиливающееся полифоническое звучание стало таким мощным, плотным, пропитало весь воздух, а оболочка моего тела уже и так напряглась и истончилась до предела. Вот и хорошо, подумала я, вот это *dolce morte*¹ – ну и пусть. Умереть от такой красоты и вырваться в этот дивный мир! Я уже внутренне приготовилась к этому, но о. Александр внимательно на меня посмотрел и сказал: «Э, нет, тебе еще рано». И вместо того чтобы шагнуть вперед, сделал шаг назад. Музыка смолкла – и я проснулась.

Я вспомнила так много, связанного с о. Александром, что поняла – всего не опишешь. Поэтому заканчиваю, но хочу еще только сказать, что наш пастырь у тех, кто ищет его помощи, пробуждает творческую энергию и направляет ее к Источнику Любви, открывает Небо и призывает послужить Богу всей душой, всеми помышлениями. И душа при этом переживает такой подъем, такое вдохновение!

Москва, апрель 2010 г.

¹ Сладкая смерть (итал.).

ГОЛОСА ПОЭЗИИ

1948 թթ

1951 թթ

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХИ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

*Публикуемые нами три стихотворения
написаны Аликом Менем в период 1948–1950 гг.*

НЕ ВЕРЮ

Ты говоришь, что волей рока
Слепым был случаем рожден,
И во вселенной одиноко
Бездушный царствует закон,

Что будут стерты беспощадно
Без смысла небо и земля,
Что негде ждать душе отрады,
Не верю, друг, не верю я!

Будь этот старый мир таков,
То не искал бы я свободы,
Не тяготился бы оков
Средь мертвой и слепой природы.

Не верю я! Тому зарок
Души и трепет и волнение,
Когда алеющий восток
Зажжет святое вдохновение.

Тому залогом красота,
Которой не было бы ныне,
Будь вся вселенная пуста,
И сердце было бы пустыней.

Не верю я! В моей душе
Таятся силы вечной жизни.
И я рожден не для земли,
И не земля моя отчизна!

ИНОК

Ночь настала, лес окутав
Благовонием своим,
Месяц вышел, заливая
Ели светом золотым.

Тишина в лесу немая,
Бор таинственно молчит,
Только ветер осторожно
Лапы елей шевелит.

Изумрудными огнями
Загораясь на земле,
Светляки за светляками
Тихо вспыхнули во мгле.

Величавой колоннадой
Строй задумчивых стволов
Сон глубокий охраняет
Древних девственных лесов.

Инок Сергей на молитве
В темной келии стоит,
Только кроткая лампада
Перед образом горит.

Смотрит скорбный лик с иконы,
Свет мигает и дрожит.
Шорох сзади... мнится кто-то
За спиной его стоит.

Обернулся: тихо, пусто,
В келье жутко и темно.
Вдруг почудилось, что кто-то
Постучал ему в окно.

Встав с колен, перекрестившись,
Слышит Сергей как во сне
Чей-то дивно властный голос
Прозвучавший в тишине:

«Сергий, Сергей, скоро будешь
Утешителем сердец.
Горьки будут испытанья.
Дивен будет твой венец».

Вышел он, и свет великий
Засиял в его очах,
Птицы стаями порхали
В ослепительных лучах...

«Сергий, видишь – это дети
Собрались к тебе твои,
Сергий, ждут благословенья,
Ждут они твоей любви».

И растаяла как дымка
Перед ним столетий мгла
И за белою стеною
Заблестели купола.

Толпы видит он народа,
Слышит звон колоколов,
Во дворе перед собором
Океан людских голов.

В этот миг, когда на паству
Он далекую взирал,
Может, нас, к нему пришедших,
Он в толпе той увидал...

Все сокрылось. В келье тихо.
И поникнув головой,
Сергий в трепете склонился
Пред иконою святой.

* * *

Я добрый пастырь. Овцы разбрелись.
Кругом овраги, скалы и болота.
Не доглядишь — они сорвутся вниз,
Иль их затянет тинная дремота.

Пасу моих овец. И день и ночь
Мой глаз быть зорким должен, слух мой тонок
И быстры ноги: вынести невмочь,
Коль плачет заблудившийся ягненок.

Мой ветхий плащ покрыла густо пыль,
Мне колет ноги высохший ковыль,
Покоя просит сердце, — но сегодня,

Как и всегда, мне видится одно:
Моих овечек снежное руно,
Как облако, заполнит Сад Господний.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРИНОШЕНИЕ ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ: СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Это приношение подразделяется на два условных венка.

Венок первый – четыре оригинальные стихотворения. Смысл каждого из них, равно как и смысл их подбора, самоочевиден: любовь Батюшки к молитве, к истории, к музыке и поэзии известна всем. И тем, кто помнит о. Александра по живому общению, и тем, кому его мир открывается благодаря печатным текстам и аудиовизуальным записям. А подчас – и благодаря явлениям.

А вот подборка трех переводов для Венка второго требует разъяснения.

Перевод Псалма 23/22 – в память о глубокой молитвенной и нравственной связи Батюшки с библейскими текстами. Ведь он, воистину, был Рыцарем Библии, Рыцарем Слова Божия¹.

Перевод французского стихотворения Тютчева – чтобы напомнить об органической связи Батюшки с российской дворянской и интеллигентской культурой XIX – первой половины XX века, – великой культурой в Отечестве и в Зарубежье.

Перевод пронзительного стихотворения Аврома Зака, – на мой взгляд, одного из лучших в мировой поэзии стихотворений о ГУЛАГе

¹ За пару лет до смерти Батюшка буквально упрашивал меня приняться за переводы ветхозаветных текстов, обещая свою собственную редактуру. По его убеждению, Библию должны переводить поэты, знакомые с языком, а ученые-библиисты должны брать на себя консультационный и редакторский труд...

Но в тот период, – возможно, по эрудитскому малодушию (да как я, да откуда мне?) – я не чувствовал себя готовым к работе над библейскими переводами, полагая, что еще есть время. И занялся – в порядке дальней подготовки – переводами из *Мишны*. Но, как оказалось, времени уже не было... Дальнейшие мои библейские работы шли уже без видимого присутствия Батюшки...

– чтобы напомнить, сколь сроден был внутренний опыт о. Александра – опыт жизни, любви и мученической смерти – со всем трагическим опытом России и ее народов на протяжении прошлого века.

Венок первый – просто стихи

Литания

Если даже Тебя забываю, –
Твой омофор надо мной всегда, –
Дева Мария, звезда морская,
Дева Мария, утренняя звезда!

Сёрдца темные катакомбы,
что ни шаг – паденье в пути...
Дева Мария, зла не попомни,
все ошибки мои – прости!

Средоточье небесного Света, –
что ни мгновение, что ни час, –
добрая Дева из Назарета,
вечно помнишь о каждом из нас...

Если даже Тебя забываю, –
Твой омофор надо мной всегда, –
Дева Мария, звезда морская,
Дева Мария, утренняя звезда!..

13.12.06

La vita nuova

Изгладится вражда «формаций» и племен,
изгладимся и мы, и наше время злое,
и тени наших тел под тяжкою землею...
А что произрастет? Цветущий сад времен?..

Но, может, строй времен воистину таков,
что хрипы и тоску – преодолагает Слово,
что флорентийский дух и строки “Vita nuova”
преодолают кровь и мелочность веков?

Обушково, 13.11.06

Музыка

Памяти о. Александра Меня

Как счастливо звенят ритурнели,
словно отблески потерянного Рая,
как взлетают легкие ноги
в менуэте, веселом и чинном...

И когда душа пролетает
по провалам улицы темной,
и когда из ночной подворотни
рвутся хрипы сатанинския злобы, –
все равно:
звенят ритурнели
и взлетают легкие ноги,
распрямяется согбенное тело...

Словно гость осьмнадцатого века,
пролетаешь смрадные провалы
в менуэте,
веселом и чинном...

21.10.91

Поэтика

Когда безмолвие и тьма, –
то ищет голоса и крова,
чтоб не сойти вконец с ума, –
в себя глядящееся слово.

И воздвигаются вокруг
таких четверостиший стены,
что есть очаг, вино и друг
и горстка мыслей неразменных.

05.12.05

Венок второй – из переводов

Псалом 23/22

- /1/ Господь – Пастырь мой,
и не будет мне никакой нужды.
/2/ Среди свежих лугов пасет Он меня,
к ласковым водам провожает меня,
/3/ подкрепляет душу мою,
на тропы верные выводит меня
ради Имени Своего.
/4/ И если даже пройду долиною смерти и тьмы –
не устрашусь беды,
ибо Ты со мною,
и крепкий Твой посох –
оберегает меня.
/5/ Ты накрыл стол трапезы моей
ненавистникам вопреки,
маслом омыл
голову мою,
и кубок мой – через край.

/6/ Добро и милость –
да пребудут со мною во все дни жизни моей,
и за днями дни –
да будет пристанище мое –
в Господнем Дому!

Переведено с древнееврейского – 03.01.06

Федор Иванович Тютчев (1803–1873)

Ламартин²

Его пророческая лира так легка,
И переборы струн звучат светло и ново,
И, окрыленное мелодией стиха,
Всплывает из глубин проснувшееся слово.

1849 / 27.11.05 (перевод с французского)

Авром Зак (1891 – ?)

Могилы в тайге

Об одном лишь прошу, – я прошу только, чтобы
не забыть про могилы таежных рабов
в тех краях, где буран намечает сугробы,
где над мерзлой землею – покровы снегов.

После долгих скитаний и лесоповала,
от привольного мира, от дома вдали –
после смрадных бараков – осталось так мало:
по клочку этой глинистой, мерзлой земли...

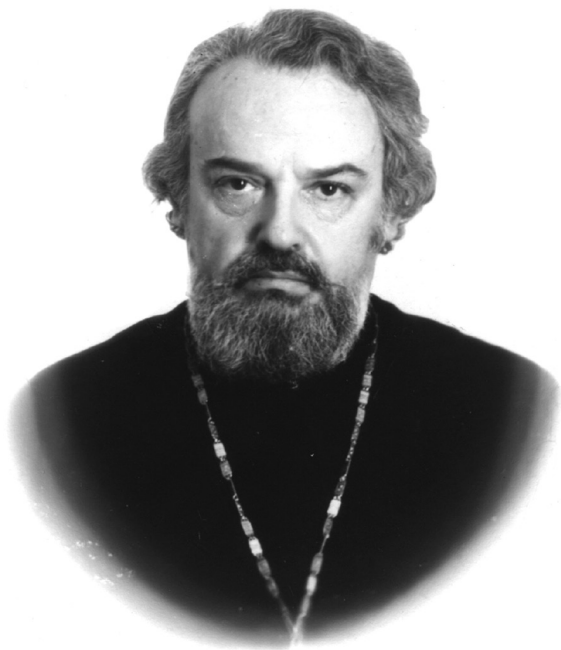
² Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790–1869) – французский поэт-романтик, историк и политический деятель. Кроме переведенного стихотворения Тютчев посвятил Ламартину и стихотворение на русском языке («Как он любил родные ели // Своей Савойи дорогой...», 1849).

Нынче всё позади – эта пайка гнилая,
этот лающий матом на всех бригадир,
ружья на изготовку и эта конвойная стая,
что глазами свинцовыми смотрит на мир,

этот серп, этот молот на ихних шинелях...
Но – навеки свободен, во мгле снеговой –
ты в могиле. Бураны давно отшумели.
Над твоею жилплощадью – вечный покой.

194? / 28.12.04 (перевод с идиша)

ПИСЬМА ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ

1989 г.

Ольга Бухина

ДОРОГОЙ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР!

Нам нечего бояться, кроме страха.

Франклин Делано Рузвельт

Неправда, что время лечит.

Оказалось, что время, увы, не лечит. Прошло уже двадцать лет, а это больше, чем стаж моего знакомства с отцом Александром Менем, но боль разлуки не проходит.

Пусть эта статья станет тем письмом Вам, которое я всегда мечтала написать, но так и не решилась. Батюшка, я так часто не решалась спрашивать, да и времени никогда не было. А теперь хочется поговорить с Вами, очень много вопросов накопилось и отмахнуться от них уже нельзя.

Недавно меня спросили: «А что бы отец Александр сказал о том, что происходит сейчас, в России и в мире?» Как на такой вопрос ответишь? Можно только попытаться рассказать то, что знаю, вдруг ответ сложится сам собой.

Для того чтобы понять, что с нами сейчас происходит, придется начать с разговора о тех страхах, которые (если мы даем им эту власть) управляют нами, ибо мне кажется, что в наше время именно страх в первую очередь движет людьми и очень часто определяет принимаемые ими решения – я имею в виду и так называемых «простых людей», и больших начальников, политиков, властителей.

Чтобы понять, почему происходят те или иные события, надо отыскать их причины, а причины нередко оказываются психологического свойства и скрываются подчас на довольно большой глубине.

Вот знакомое всем нам с подростковых времен чувство – страх показаться не таким, как все остальные, чем-то выделяться, не походить на сверстников. Каждый, наверно, помнит, как в подростковые годы хотелось слиться с толпой одноклассников. Только немногие (Вы в том числе) позволяли себе быть не такими, как все.

Все носят модную одежду, а ты нет. Все поют популярные песенки, а ты нет. Все не верят в Бога, а ты веришь (или все верят в Бога, а ты нет). И в крупном, и в мелочах нужна решимость быть тем, кем ты хочешь быть, не впадая в зависимость от того, что по этому поводу думают другие. *«К свободе призваны вы, братья»*. К свободе быть самими собой, не сливаясь с толпой. Противоположность этому – страх выделиться из толпы, который крепко связан с идеей о том, что можно (и нужно) быть чем-то одним, что в каждом из нас есть какая-то главная, определяющая черта – какая-то наиважнейшая идентичность, определяющая внутреннюю сущность и объединяющая нас с множеством других людей, обладающих именно этой, исключительно важной и самой лучшей идентичностью.

Однако совсем не обязательно быть чем-то одним, люди – весьма сложно устроенные существа. В каждом из нас сочетается множество различных идентичностей – *кто я такой*, определяется сложной их комбинацией. Еврейский мальчик, православный священник, увлеченный биолог, религиозный писатель, сын, муж, отец, проповедник, друг, брат, учитель, дедушка – это весьма неполный перечень возможных самоидентификаций (самоопределений), породивших сложную и многоплановую личность. И ни одна из них не исключает другую. Вы не говорили – я то-то и то-то, и этим все сказано.

Тем не менее, гораздо проще живется, когда цепляешься за маленькое, единственное, свое, всеопределяющее – и ненавидишь чужое. Нетерпимость и вражда рождаются от страха чужого, чуждого, иного.

Индийский экономист, лауреат Нобелевской премии Амартия Сен полагает, что большинство конфликтов происходит от того, что люди выбирают одну, представляющуюся им наиважнейшей, идентичность – расовую, религиозную, этническую. Индус не может ужиться рядом с мусульманином, они ведь такие разные. Да – в главном, в этой самой главной идентичности. Но если поглядеть на все остальное – не так уж сильно они друг от друга отличаются, эти соседи. Обрабатывают сходные участки земли, едят сходную пищу, пьют воду из одной и той же реки (ряд можно продолжить до бесконечности). Может, и воевать незачем, может быть, совокупность всех остальных отличительных черт сумеет перевесить религиозную идентичность и избавить соседей от конфликта?

Как в одном человеке совместить вещи, на первый взгляд кажущиеся несовместимыми, противоречивыми? Можно ли быть одновременно верующим и ученым, христианином и евреем? Вам это удавалось. А разные другие варианты, возможны ли они? Как добиться той многокультурности и открытости, которая позволяет видеть себя членом в первую очередь всего рода человеческого, а других – сестрами и братьями, кем бы они ни были, что бы ни исповедовали (и я уже не говорю о цвете кожи или разрезе глаз)?

Посмотрим на сочетание еврейства и христианства. Веками, прошедшими с первоапостольских времен, они казались абсолютно несовместимыми. Приняв одно, приходилось полностью отказываться от другого – одна религиозно-культурная идентичность не позволяла существования другой. А что, если они, соединившись, превратившись во что-то новое, могут сосуществовать, и сосуществовать мирно? Когда-то об этом даже говорить было немыслимо, сейчас стало уже возможно писать ученые сочинения. Американская исследовательница Джудит Корнблат написала целую книгу о тех, кто в семидесятые пытался понять, как совместить в себе то, что, по тогдашним представлениям, не могло ужиться вместе – еврейство и христианство. Не иудаизм, а именно еврейство. Оказалось, можно. Только чрезвычайно трудно.

В моем решении о принятии крещения главным для меня было – не стать выкрестом, предателем своего народа, совершающим такой, по меньшей мере, странный поступок для облегчения участи (впрочем, оказалось, что быть еврейкой и христианкой – двойная ноша, легче не становится, этого опасаться не стоило). И на все многочисленные на эту тему вопросы Вы нам объясняли – это не мы к ним пришли, а они к нам пришли, не евреи входят в христианскую Церковь, а они, язычники, вбираются первоапостольской, еврейской Церковью. Оттого, что в ней есть место всем – и эллину, и иудею. И для Вас не было ни эллина, ни иудея, ни старушки, ни доктора наук – только прихожане, чада Божии.

Прежде чем прийти в Церковь, как и многие мои ровесники со сходной ситуацией сложного выбора, я отправилась в синагогу, принялась учить иврит, читать Библию и Талмуд (правда, по-русски),

разбираться в собственном еврействе и его исторических корнях, благо прадед – раввин (мне почему-то всегда казалось, что я поверила в Бога его молитвами). Уже знакомая с Седером, последованием домашнего празднования Песаха, еврейской Пасхи, я сразу почувствовала удивительно своей службу Великого Четверга – Тайной Вечери, Седера Христова.

А потом пришла самая первая моя Пасха в Новой Деревне и поразила меня чтением Евангелия на разных языках, я понятия не имела об этом древнем обычае. Настоятель и Вы попеременно читали начальные стихи Евангелия от Иоанна на славянском, русском, греческом, латыни, английском, немецком, украинском и на иврите. На том самом иврите, который я старательно учила.

Я думаю, что именно этот призыв к духовной открытости, вселенскости, обращенности ко всем и соединил для меня Православие с моими еврейскими корнями. А в этом году, тридцать три года спустя, в маленькой православной церквушке в центре Манхэттена священник и миряне снова и снова читали Евангелие на всех доступных им языках – русском, английском, китайском, греческом, испанском, арабском и иврите. И в алтаре стояла Ваша фотография.

Снова и снова звучала весть о том, что христианство – не национальная религия, что в христианстве есть место каждому – варвару, скифу, рабу или свободному. Стоящие рядом на амвоне еврейская женщина, родившаяся в Москве, и арабская женщина, родившаяся в Бейруте – от которого так близко до Библоса, города, положившего начало современной (ближневосточной и европейской) письменности – на два голоса нараспев читали на иврите и арабском, и мне было ужасно жалко, что весь Нью-Йорк не слышит гортанных звуков Благой Вести.

Так излечивается страх стать белой вороной. Христианство – религия белых ворон. Недаром Христос сказал: *«Не бойся, малое стадо»*. Нам обычно хочется, чтобы все вокруг были такие же, как мы. Так легче. Так понятнее. А те, кто не такие, пусть куда-нибудь подеваются и не мозолят глаза своей инаковостью – увы, эта трусливая мысль легко перерастает в драку стенка на стенку, удар ножом в сердце эмигранта, погром, этническую чистку, религиозную войну, геноцид.

Нам хочется не только одинаковости, с ней прекрасно сочетается и желание, чтобы вокруг нас ничего никогда не менялось. Привычное – опять-таки легче. Нас душит страх неожиданного, внезапного, страх перемен (они же никогда не бывают к лучшему). Стабильность, вот чего жаждут наши души. Поэтому, когда мне становится особенно страшно, когда теряются привычные ориентиры и грядут большие перемены, я вспоминаю, как Вы во время литургии выходили на амвон и читали «Отче наш», всегда-всегда осеняя себя широким крестом на словах: «Да будет воля Твоя».

А самый страшный страх, страх смерти? Я целый год пела в маленьком хоре на каждом отпевании новодеревенских старушек, и Вы непременно, над каждым гробом, говорили краткое слово, обращенное к родным покойницы, обычно людям неверующим, первый раз переступившим порог церкви. И ко мне. Я в детстве ужасно боялась смерти, и эти маленькие проповеди (которые, увы, никто не удосуживался записывать) полностью излечили меня от страха.

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, и безславну, не имущу вида».

Пропев эти слова двадцать раз подряд, воскресенье за воскресеньем (в Новой Деревне отпевали часто, на весь район были только две церкви), прослушав двадцать раз, как Вы, каждый раз по-новому, объясняете плачущей дочке и переминающемуся с ноги на ногу зятю покойницы, что смерти нет, что она побеждена Христом, я поняла, почувствовала всем сердцем – это правда. А потом настал день, когда отпевали Вашу маму, Елену Семеновну, и Вы шли по заснеженному полю в черной рясе, самый храбрый, впереди всех.

На проповедях перед исповедью Вы тоже всегда говорили о смерти, о готовности к ней, о том, что каждый день может оказаться последним днем, и от возраста это не зависит, будь ты хоть старушка, хоть молоденькая девчонка. Важно только, каким ты придешь к смерти, каким предстанешь перед ней. А на Вашем отпевании (о, Господи!) звучали песнопения Великой Субботы – как же меня тогда поразило, что священника отпевают, как самого Христа. Они напоминали нам – завтра Пасха, а значит, смерти нет и быть не может. Только в тот день это было ужасно трудно понять.

Оглядываясь назад, я вижу, что в Новой Деревне было весело и радостно куда чаще, чем грустно, – потому что там были Вы, и глаза Ваши – про которые одна из сестер Матери Терезы сказала, что «они совсем как у нашей матушки» – лучились радостью Христовой. И поскольку обычно я пишу не о таких серьезных материях, а о детских книгах, позвольте мне и сейчас закончить соответствующей цитатой. Крошка Енот, маленькое создание, испугавшееся своего собственного отражения в пруду, – герой книжки американской писательницы Лилиан Муур – хорошо знаком множеству детей и родителей (если кто не знает книжки, непременно смотрел мультфильм). Вот что ему говорит мама:

– Вернись назад, но на этот раз...

Не строй рож,

Не бери с собой камня,

Не бери с собой палки!

– Что же я должен делать? – спросил Крошка Енот.

– Только улыбнуться! – сказала Мама Енотиха. – Пойди и улыбнись Тому, кто сидит в пруду.

Мне кажется, именно этому Вы нас все время и учили. Спасибо Вам.

Ваша Ольга Бухина

Нью-Йорк, май 2010 г.

Наталья Большакова

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГОЙ БАТЮШКА!

Быть с Вами в диалоге, в постоянном контакте – естественно для меня. От мысли о Вас – один шаг до молитвы, от молитвы – опять к Вам, и так получается, что в нашем общении – Христос посреди нас.

Провал был зияющий, когда 9 сентября, в воскресенье меня пытались убедить, что Вы умерли, что Вас больше нет, Вас убили. Я сопротивлялась, не верила, говорила, что это не правда. Но на время я потеряла Вас.

Проснувшись утром в счастливом пасхальном настроении, вспомнив вчерашний день, проведенный с Вами, с раннего утра – в Новой Деревне, до вечернего прощания после лекции «Христианство» на Волхонке, я была наполнена радостью и благодарностью. Удивительно, что никакой тревоги, никаких предчувствий – покой и радость, какие нечасто бывают.

Ведь в апреле 1990 г. я изнывала от чувства страха за Вас, потому что наяву видела, как Вас убивают. Откуда-то вдруг возникла картинка перед глазами, словно кадр из фильма: мы с Вами в Пушкино идем к электричке, солнечный день, толпа народа идет к перрону, и Вы от меня немножко отрываетесь, толпа нас разъединяет, и Вы – чуть впереди меня, а я иду за Вами, и вдруг кто-то в Вас стреляет, Вы падаете... И эта картинка возникала у меня в течение нескольких дней. Я никому не говорила об этом. Пыталась ее прогнать внутренним монологом: «Что за чушь! Наконец, пришла свобода, никто не мешает отцу Александру делать то, за что КГБ его терзало. Столько людей переполняют залы, где он выступает. И уже по радио выступает, и по ТВ. И на публичное служение его благословляет епископ. И публикации есть, и за границу выезжал. И столько людей молятся о нем, любят его!..» Ничего не помогало, я измучилась от этого кинокадра. И решила написать Вам письмо. Помолилась и написала о другом, но точно помню, что самая последняя фраза была такая: «Не дай мне Бог Вас хоронить». Больше в этом письме ничто не гово-

рило о моих страхах. Через несколько дней картинка пропала так же внезапно, как возникла. По Вашим молитвам, наверно. Мы потом не говорили с Вами об этом.

В ноябре 1990 г., – когда к нам приехали с обыском, вызывали и меня, и Василия на допросы, – следователь спросил меня, знала ли я о готовящемся покушении на Вас, и сказал, что в апреле 1990 г. был выброшен из электрички на отрезке пути от Пушкино до Семхоза мужчина с бородой, в шляпе, плаще, с портфелем, Вашего роста. Произошло это вечером, в то время, когда Вы вполне могли бы возвращаться после всенощной домой.

Я следователю сказала, что ни о чем не знаю. Да и что я могла бы рассказать: что интуиция или, не знаю, что еще, выдала мне такое предупреждение, такой сигнал?.. И что в те дни, когда я мучилась, «видя», как Вас убивают среди толпы народа, днем, но ничего не предпринимала, – на Вас уже шла охота, и погиб человек, которого приняли за Вас... Не знаю, каким образом и для чего дано мне было это знание... Вы не спросили меня, почему я вдруг написала эту фразу в письме, что за этим стоит.

А в то утро, когда Вы уже истекли кровью у калитки дома в Семхозе, я проснулась в безмятежном состоянии. Мы расстались с Вами на Волхонке в 18-30, а через 12 часов Вас убили. Я не могла в это поверить, пока отец Глеб не сказал мне: «Да, это правда, я видел тело. Читайте Евангелие от Иоанна». И в Евангелии было написано про Вас. «... ищите Меня убить, потому что слово Мое не вмещается в вас» (Ин 8:37). «Я – пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагает за овец» (Ин 10:11). «... верующий в Меня будет творить дела, которые Я творю, и большие этих будет творить...» (Ин 14:12). «Больше той любви никто не имеет, как кто душу свою положит за друзей своих» (Ин 15:13).

Когда я приехала в Новую Деревню и бросилась к Марии Витальевне, она, утешая меня, говорила: «Успокойтесь, ведь ему уже хорошо». Может быть, поэтому ужас и тревога за Вас мучили меня, когда над Вами висела угроза насильственной расправы, когда Вы, проповедуя истину Христову, все более становились мишенью, притягивающей к себе сатанинские силы тьмы.

Помните, как Вы написали мне в ответ на мои слова о том, что муж, слушая кассеты с Вашими лекциями и ответами на вопросы, сказал, что в определенные времена отец Александр вызывал бы у многих желание сжечь его на костре?

«А Василий-то Ваш прав. Конечно, сожгли бы, да и сейчас кое-кто жалеет, что нельзя. Однако все, что я говорю – не мое изобретение, а самая суть Евангелия, только выраженная на языке, понятном современному человеку.

Храни Вас Бог. Ваш [прот. А. Мень] (подпись)»¹.

А когда, вместо совершения таинства Евхаристии, к которому Вы готовились в этот ранний час воскресного утра, – с крестной Жертвой Спасителя соединилась Ваша собственная жертва, пролилась Ваша кровь, – власть тьмы кончилась, Вы освободились, приобщились к Жизни бессмертной. «Ему уже хорошо...» Потому я и пребывала в безмятежном состоянии в то утро, до первого звонка...

Когда Вы вышли на финишную прямую?.. Когда дали согласие Ему?.. По рассказу одной из новодеревенских прихожанок, 27-го августа 1990-го на всенощной под Успение, к концу службы, когда народа было немного, она заметила в храме двух незнакомых молодых мужчин, от появления которых ей и ее подруге почему-то стало не по себе. Они обе заметили и Вашу реакцию, Вы были явно встревожены появлением этих двоих. Вы ушли в алтарь, и женщины слышали горячую Вашу молитву, многократно произнесенное «Да будет воля Твоя!», они приблизились к клиросу, было страшно, они молились о Вас Божьей Матери. Когда кончилась служба, этих мужчин в храме уже не было. Женщины были испуганы, ничего никому не сказали.

Было ли это Ваше моление о Чаше? Ваше Гефсиманское боре-ние?..

Но Вы вернулись на эту Голгофу. Когда летом 1990 г. Вас уговаривали остаться в Италии, хотя бы, на год, и Вы отказались, Вы ведь уже знали, что конец пути близок, Вы знали, что ждет Вас по возвращении в Россию.

¹ Из письма прот. А. Меня Н. Большаковой. Август 1989 г.

Мне могут возразить, – ну, как же, у о. Александра были такие планы, открывались такие возможности – возглавить христианский канал на всесоюзном ТВ и т.д. Все это я знаю.

И со мной после литургии, в последний день Вашей земной жизни, 8 сентября Вы тоже говорили о нашем журнале, об издании книг «Сын Человеческий» и «Таинство, Слово и Образ» у нас в Риге. Почти последними Вашими словами, когда мы прощались на Волхонке, были будничные слова о том, что, видимо, в следующий мой приезд я привезу Вам гранки «Таинство, Слово и Образ».

Но когда мы дошли до машины, которая должна была отвезти Вас на Ярославский вокзал, и в последнее мгновение я стояла перед Вами, ожидая пастырского благословения, Вы так пронзительно глянули мне в глаза (эту трагичность взгляда я всегда помню, а тогда – увидела и все) и обняли за плечи, как отец. «А теперь идите в метро» – сказали Вы, уже садясь в машину.

И в храме в тот день у меня была не обычная исповедь, а – духовное завешание. И встретили Вы меня так, как будто мы вчера расстались, и Вы точно знали, что я сегодня буду на службе. А ведь я не успела написать Вам, что приеду на «Наталью и Адриана». Получив Ваше письмо в конце августа, я поняла, что поеду в Москву, хоть на два-три дня, приехала 7 сентября утром, узнала, что 8-го будете служить Вы, очень обрадовалась, но Вам не звонила.

Только потом я поняла, что Ваше последнее письмо – и прощание, и благословение, и поддержка, если больше не увидимся, и призыв спешно приехать, и обычный деловой разговор, рассказ о ближайших планах.

«Дорогая Наташа!

Призываю Божие благословение на Вашу семью, на Ваши замыслы, на братство и все доброе.

Действительно Господь богат чудесами и милосердием...

Всегда буду рад Вам помочь, как смогу. Пишите обо всем, включая самое сокровенное.

Надеюсь также, что Вы сможете приехать в обозримое время. [...]

Для обложки «С[ына] Ч[еловеческого]» у меня есть хорошие цветные материалы. Попрошу С.Б. сделать слайды для Вас. Но не знаю, какого нужно размера. [...]

Большой привет Вашим. Храни Вас Господь. [прот А. Мень] (подпись)»².

Как я Вам благодарна, что Вы, зная, что «неотвратим конец пути», позвали меня! За это последнее лето Вы так неизмеримо много сделали для меня. Вы знаете, что спасли меня. Именно об этом говорит Ваша фраза: «*Действительно Господь богат чудесами и милосердием...*»

Но, уезжая из Италии, Вы уже попрощались навсегда с одним священником. И через некоторое время Вы сказали Вашему близкому другу, отцу Антонию Эленсу: «Прощай, Антоний, больше мы с тобой на земле не увидимся!» Отец Антоний, рассказывая мне это осенью 1991 года, говорил, что тогда, он словно онемел, и не смог ни о чем спросить Вас.

Вы говорили, что «жизнь есть песня», и вы часто подводили нас к мысли, что «мы всегда живем на грани смерти», и что это – «повод ценить и любить каждое мгновение жизни, жить сегодня, переживая жизнь полноценно и полнокровно...»

Прошло 20 лет. Сколько раз за эти годы я радовалась, что больше Вас уже не убьют! Хотя мученичество Ваше продолжается.

После трагической смерти Галича вы сказали: «Я не верю ни во что случайное и слепое, потому что в таких событиях всегда есть высший смысл, который открывается только с расстояния»³. 20 лет я все думаю о тайне и высшем смысле Вашего ухода.

Когда вы сказали мне: «Теперь Вы пойдете за мной», я приняла это со всем доверием и спокойствием, не зная еще, что это будет. Помните, это было в конце сентября 1990 г. в поезде? Мы с одним священником ехали в Ригу, говорили о Вас, и тут прозвучал Ваш голос. Я замолчала, ехала молча, ожидая еще услышать Вас. Но больше ничего Вы не сказали.

С надеждой на любовь, молитву и встречу,

Ваша Наташа.
Рига, июль 2010 г.

² Из письма прот. А. Меня Н. Большаковой. Август 1989 г.

³ Из письма прот. А. Меня Н. Большаковой. Август 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Большакова

«Приближается утро, но еще ночь...» (Ис 21:12) 5

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ. ТВОРЧЕСТВО

Евгений Рашковский

Отец Александр Мень и отец Георгий Чистяков:
священнические труды в российском интерьере..... 7

Священник Георгий Чистяков

Если хочешь встретить Христа.....21

Священник Владимир Зелинский

Заметки о лекции «Христианство»27

Священник Владимир Лапшин

Светлые люди.....35

Священник Георгий Чистяков

Первый христианский мученик постсоветской России 46

Владимир Френкель

Несколько размышлений об отце Александре.....59

Священник Филипп Парфёнов

Двадцать лет спустя: трудное возвращение доброго имени 75

Владимир Илюшенко

Вступительное слово на вечере памяти

о. А. Меня. 22.01.2001 г. 94

Вступительное слово на вечере памяти

о. А. Меня. 11.09.2002 г.96

Вступительное слово на вечере памяти

о. А. Меня. 24.01.2006 г.97

Вера и культура в творчестве прот. А. Меня..... 99

Наталья Большакова

Отец Александр Мень и возрождение христианской культуры
в постсоветском пространстве 108

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР И ХРИСТИАНЕ ЗАПАДА

Ив Аман

Словно камни мозаики... (Перевод с французского) 118

Кардинал Андрэ Вен-Труа, архиепископ Парижский

Слово у могилы о. А. Меня (Новая Деревня, 27.10.2008 г.)

(Перевод с французского)..... 130

Протоиерей Генрих Папроцки

К 20-летию кончины отца Александра Меня

(Перевод с польского) 132

Малая сестра Клер Иисуса

Радость и надежда друзей Христа

(Перевод с французского)..... 139

Слово прот. А. Меня у гроба малой сестры Магдалины

(9 ноября 1989 г., Рим, Тре Фонтане)..... 143

Малая сестра Бернадетт Иисуса

Спасибо, отец Александр! (Перевод с немецкого)..... 145

Протоиерей Михаил Евдокимов

Апостол Христов наших дней (Перевод с французского) 147

Епископ Тадеуш Пикус

Отец Александр Мень – пророк обновленного православия

(Перевод с польского) 156

Иеромонах Рене Маришаль

Отец Александр Мень: взгляд из Франции

(Перевод с французского)..... 173

Протоиерей Михаил Евдокимов

Отец Александр Мень – пастырь для нашего времени

(Выступление 21.02.2010 в Париже)

(Перевод с французского)..... 182

БИБЛИЯ И НАСЛЕДИЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон

Отец Александр Мень и возрождение русской

библеистики 194

Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон

Шаг за шагом по Библии. Книга Бытия..... 225

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник Владимир Лапшин

Подлинное рождение в новую жизнь. (Проповедь)..... 303

Учиться у отца Александра. (Проповедь)..... 307

Жизнь, отданная Богу и людям (Проповедь) 311

ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА

Римма Запесоцкая

Призвание служить делу Господню

(А. А. Сухопарова и отец А. Мень)..... 313

Ирина Блохина

Посох в дороге..... 334

Мария Водинская

Можно ли научиться любить?..... 340

Наталья Большакова

Один из духовных уроков протоиерея Александра Меня 351

Беседа с Анатолием Ракузиным

«Самое главное, что он был...»..... 354

Ольга Полянская

«Я вас никогда не оставляю...» 368

ГОЛОСА ПОЭЗИИ

Отроческие стихи Александра Меня	376
Евгений Рашковский	
Поэтическое приношение о. Александру:	
Семь стихотворений	383

ПИСЬМА ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ

Ольга Бухина	
Дорогой отец Александр!	389
Наталья Большакова	
Здравствуйте, дорогой Батюшка!	397

**Ce numéro de la revue est consacré a son fondateur
l'archiprêtre Alexandre Men
a l'occasion des vingt ans de sa mort en martyr**

SOMMAIRE

Natalia Bolchakova

« L'aube pointe, mais il fait encore nuit » (Is 21:12) 5

LE SERVICE PASTORAL LA CRÉATION

Evguéni Rachkovsky

Le père Alexandre Men et le père Georges Tchistiakov.

Des prêtres à l'œuvre dans un contexte russe..... 7

Père Georges Tchistiakov

Si tu veux rencontrer le Christ.....21

Père Vladimir Zélinisky

Remarques sur la conférence «Le Christianisme».....27

Père Vladimir Lapchine

Des êtres lumineux35

Père Georges Tchistiakov

Le premier martyr chrétien de la Russie post-soviétique..... 46

Vladimir Frenkel

Quelques réflexions au sujet du père Alexandre.....59

Père Philippe Parfenov

Le difficile retour d'un nom honorable75

Vladimir Iliouchenko

Introduction à la soirée en mémoire du père Alexandre Men

22.1.2001 94

11.9.200496

24.1.200697

La foi et la culture dans l'œuvre du père Alexandre Men 99

Natalia Bolchakova

Le père Alexandre Men et la renaissance de la culture chrétienne
dans l'espace post-soviétique..... 108

**LE PÈRE ALEXANDRE
ET LES CHRÉTIENS D'OCCIDENT**

Yves Hamant

Comme les pierres d'une mosaïque (*traduit du français*) 118

Cardinal André Vingt-Trois, archevêque de Paris

Quelques paroles au pied de la tombe du père Alexandre Men
(Novaya Dérévnia, 27.10. 2008) (*traduit du français*)..... 130

Archiprêtre Henryk Paprocki

Le père Alexandre Men. Pour le vingtième anniversaire de sa mort
(*traduit du polonais*) 132

Petite sœur Claire de Jésus

La joie et l'espérance des amis du Christ (*traduit du français*)..... 139

Paroles du père Alexandre Men auprès de la tombe de

Petite sœur Madeleine (9 novembre 1989, Roma, Tre Fontane) 143

Petite sœur Bernadette de Jésus

Merci, père Alexandre! (*traduit de l'allemand*) 145

Archiprêtre Michel Evdokimov

Le père Alexandre Men. Un prêtre pour notre temps
(Conférence du 21.02.2010 à Paris) (*traduit du français*) 147

Évêque Tadeusz Pikus

Le père Alexandre Men, prophète d'une orthodoxie renouvelée
(*traduit du polonais*) 156

Père René Marichal. s.j.

Le P. Alexandre Men vu de France (*traduit du français*)..... 173

Archiprêtre Michel Evdokimov

Un apôtre du Christ pour notre temps..... 182

LA BIBLE ET L'HÉRITAGE DU PÈRE ALEXANDRE

Archiprêtre Mikhail Axionov-Meerson

Le père Alexandre Men et la renaissance de la science biblique russe	194
---	-----

Archiprêtre Mikhail Axionov-Meerson

Pas à pas dans la Bible. Le Livre de la Genèse	225
--	-----

PAROLES D'UN PASTEUR

Père Vladimir Lapchine

Une naissance authentique à la vie nouvelle (homélie)	303
Se mettre à l'école du père Alexandre (homélie)	307
Une vie donnée à Dieu et aux hommes (homélie)	311

SOUVENIRS. TÉMOIGNAGES

Rimma Zapésotskaya

L'appel à servir l'œuvre du Seigneur (A. A. Soukhoparova et le père Alexandre Men)	313
---	-----

Irina Blokhina

Le bâton du pèlerin	334
---------------------------	-----

Maria Vodinskaya

Peut-on apprendre à aimer?	340
----------------------------------	-----

Natalia Bolchakova

Une des leçons spirituelles de l'archiprêtre Alexandre Men	351
Entretien avec Anatoly Rakouzine « Et surtout, il était... »	354

Olga Polianskaya

« Je ne vous abandonnerai jamais... »	368
---	-----

LES VOIX DE LA POÉSIE

Vers d' Alexandre Men adolescent	376
Evguéni Rachkovsky	
Sept poèmes offerts au père Alexandre	383

LETTRES AU PÈRE ALEXANDRE

Olga Boukhina	
Cher père Alexandre	389
Natalia Bolchakova	
Bonjour, cher père Alexandre	397

**In memoriam of Archpriest Alexander Men' –
the Founder of Almanac "Christianos" –
on the Occasion of the 20-year Anniversary
of His Martyrdom We Dedicate This Issue of the Almanac**

CONTENT

Natalia Bolshakova

"The morning cometh, and also the night..." (Is. 21:12) 5

PASTORAL MINISTRY. CREATIVE WORK

Eugene Rashkovsky

Father Alexander Men' and father Georges Chistyakov:
ministration in the Russian interior 7

Priest Georges Chistyakov

If you want to meet Christ21

Priest Vladimir Zelinsky

Notes on the lecture "Christianity"27

Priest Vladimir Lapshin

People of light35

Priest Georges Chistyakov

The first Christian martyr of post-Soviet Russia..... 46

Vladimir Frenkel'

Some reflections about father Alexander.....59

Priest Philipp Parfenov

Twenty years later: difficult return of the good name75

Vladimir Ilyushenko

Opening remarks at the memorial evening of father Alexander Men'.

22.01.2001. 94

11.09.2002.96

24.01.2006.97

"Faith and culture in creative work of archpriest Alexander Men' " 99

Natalia Bolshakova

Father Alexander Men' and revival of Christian culture in the post-Soviet space	108
--	-----

FATHER ALEXANDER AND CHRISTIANS OF THE WEST

Yves Hamant

Like stones of a mosaic... (Transl. from French)	118
--	-----

Cardinal André Vingt-Trois, archbishop of Paris

The word at the grave of father Alexander Men' (Novaya Derevnnya, 27.10.2008). (Transl. from French)	130
---	-----

Ks. Henryk Paprocki

Father Alexander Men': To the 20-year anniversary of his death (Transl. from Polish)	132
---	-----

Little Sister Claire of Jesus

Joy and hope of Christ's friends (Transl. from French)	139
--	-----

<i>The word of archpriest Alexander Men' at the grave of little sister Magdalene (November 9, 1989, Rome, Tre Fontane)</i>	143
--	-----

Little Sister Bernadette of Jesus

Thank you, father Alexander! (Transl. from German)	145
--	-----

Archpriest Michael Evdokimov

Father Alexander Men'. A priest for our time (Speech on February 21, 2010, in Paris). (Transl. from French)	147
--	-----

Bishop Tadeusz Pikuś

Father Alexander Men' – the prophet of renewed Orthodoxy. (Transl. from Polish)	156
--	-----

Hieromonk René Marichal, s.j.

Father Alexander Men': view from France. (Transl. from French)	173
---	-----

Archpriest Michael Evdokimov

An apostle of Christ for our days. (Transl. from French)	182
--	-----

THE BIBLE AND THE HERITAGE OF FATHER ALEXANDER

Archpriest Michael Aksionov-Meerson

Father Alexander Men and the renewal of Russian Bible Studies194

Archpriest Michael Aksionov-Meerson

Step by step through the Bible. The Book of Genesis.....225

PASTOR'S WORD

Priest Vladimir Lapshin

True birth into new life (Sermon).....303

To learn from father Alexander (Sermon)307

Life, given to God and people (Sermon)..... 311

MEMOIRS. TESTIMONIES

Rimma Zapesotzkaya

Mission to serve the work of the Lord

(A. A. Sukhoparova and father Alexander Men')..... 313

Irina Blokhina

Staff on the way334

Mariya Vodinskaya

Is it possible to learn to love?..... 340

Natalia Bolshakova

One of spiritual lessons of archpriest Alexander Men' 351

Talk with **Anatoly Rakuzin**

“The main thing is that he was...”354

Olga Polyanskaya

“I’ll never leave you alone...”368

POETIC VOICES

Adolescent poetry of Alexander Men'	376
Eugene Rashkovsky	
Poetic offering to father Alexander: Seven poems	383

LETTERS TO FATHER ALEXANDER

Olga Bukhina	
Dear father Alexander!	389
Natalia Bolshakova	
How do you do, dear father!	397

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991–2010)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XIX

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы

Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –

практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»

(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы

преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталья Большакова

«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция))

Священник Владимир Лапшин

Беседы: «Послания к Коринфянам»
«Послание к Галатам»

Священник Владимир Лапшин

Беседы: «Послания к Фессалоникийцам»
«Послание к Римлянам»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение епископа
Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Society

121 Kr. Valdemara Str., apt. 1

Riga LV 1013

LATVIA

Phone: +371 29147350

E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv